

Гаджиев Камалудин Серажудинович

Введение в геополитику

Учебник

Москва “Логос” 2000

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. ГЕОПОЛИТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

2. Формирование и эволюция геополитических идей в России

3. ФОРМИРОВАНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРА

4. «ЗАКРЫТИЕ» ОЙКУМЕНИ

5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

6. МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ

7. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

8. XX СТОЛЕТИЕ — «ВЕК ИДЕОЛОГИИ»

9. КРИЗИС ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРА

10. СИНТЕЗ ДВУХ НАЧАЛ

11. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

12. ЗАПАД В НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

13. БУДЕТ ЛИ XXI ВЕК ВЕКОМ АЗИИ?

14. РОССИЯ И ЗАПАД

15. РОССИЯ И АЗИЯ

16. ОТ БИПОЛЯРНОГО К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОПОРЯДКУ

17. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

18. МЕСТО КОНФЛИКТОВ И ВОЙН В ЖИЗНИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

19. КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Список рекомендуемой литературы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Геополитический порядок, сложившийся в результате второй мировой войны и узаконенный международными договорами, распался. Однако важнейшие вопросы мироустройства продолжают обсуждаться в терминах традиционных парадигм. Международно-политическая мысль все еще остается пленником двухполюсного миропорядка, хотя дальнейшее усложнение взаимосвязей между странами и народами, переплетение национальных и наднациональных начал, неуклонная глобализация мировых процессов ставят множество неотложных вопросов, которые зачастую остаются без ответов.

Вопросы эти затрагивают фундаментальные аспекты политического бытия стран, союзов, человечества в целом. Становится ли анахронизмом понятие национального самоопределения и национально-государственного суверенитета в мире взаимопереплетающихся политических образований и центров власти? Каковы ныне главные действующие лица на мировой арене? Становится ли анахронизмом само понятие национального государства? Каковы основные параметры формирующейся многополярной международно-политической системы? Какое содержание вкладывается в понятия "права человека", "права и свободы гражданина"? Как должна регулироваться деятельность организаций и ассоциаций, пересекающих национальные границы?

На эти и множество подобного рода вопросов призвана ответить геополитика. Заметим, что в последние годы термин "геополитика" стал одним из самых популярных в нашем политическом лексиконе. Но это нисколько не облегчает задачу выяснения того, какое именно содержание в него вкладывается. Тем более что в рамках восходящих к марксизму научно-теоретических и идеологических воззрений, определявших развитие общественных наук в России большую часть XX столетия, существование геополитики как полноценной научной дисциплины полностью отрицалось. Это актуализирует потребность в восполнении недостатка геополитических знаний, столь необходимых для понимания реальностей современного мира.

Уместно вспомнить, что основные параметры старой геополитики были сформулированы в рамках популярного в конце XIX в. географического детерминизма и префикс гео- в самом понятии означал именно изучение географического, пространственно-территориального фактора в международной политике и детерминации поведения государств на международной арене. Наблюдающийся ныне всплеск интереса к адептам старой геополитики - это во многом плод недоразумения, поскольку большинство выдвигавшихся ими идей устарели или не соответствовали мировым реальностям уже в момент их появления. Многие из выдвигавшихся идей не блещут особой оригинальностью и, в сущности, вкладываются в рамки схемы, сформулированной основателем географического детерминизма германским географом Ратцелем. Сами геополитики являлись исследователями или аналитиками в лучшем случае средней руки.

Важно учесть и то, что старая геополитика была разработана в период господства евроцентристского мира и в его интересах. Еще одна ее особенность состоит в том, что она базировалась на инфраструктуре Вестфальской системы международных отношений, которая, впрочем, тоже сформировалась и действовала в рамках евроцентристского мира.

В истории человечества XX век представляет собой одно из самых насыщенных широкомасштабными сдвигами, войнами, революционными, судьбоносными событиями и процессами столетие. Можно сказать, что по богатству происшедших за это столетие событий и процессов, по широте и глубине трансформаций в нем поместилось несколько эпох человеческой истории. Многие страны и народы, в начале века жившие в условиях аграрного или аграрно-промышленного общества, пройдя этап индустриализации, к концу века перешагнули в постиндустриальное и информационное общество и неузнаваемо изменились.

Этот век, прошедший под девизом идеи прогресса, стал временем стремительного взлета человеческого разума, выразившегося в таких величайших открытиях и технологических прорывах, как теория относительности, расщепление атома, выход в космос, беспрецедентный прогресс в области сельскохозяйственного производства и т.д. Все это проявилось в том факте, что если начало века ознаменовалось завершением в ведущих странах развитого мира индустриальной революции, то на его середину пришлось научно-техническая, а на последнюю четверть - информационно-телекоммуникационная революция. В XX столетии шел неуклонный процесс дальнейшего распространения на новые страны и регионы рыночной экономики и либеральной демократии, признания все более растущим числом стран и народов принципов защиты прав человека и прав народов на самоопределение.

XX век стал также временем торжества идеологии и практики национализма, под лозунгами которого распались сначала многонациональные, а затем и великие колониальные империи, а на их развалинах образовалось множество новых независимых государств. Он уже вошел в историю как век двух самых опустошительных в истории человечества войн, унесших жизни многих десятков миллионов людей. Именно XX век дал миру самые жестокие тиранические режимы - фашистский, нацистский и большевистский - с их Бухенвальдом, Освенцимом и ГУЛАГом. Беспрецедентные успехи научно-технического прогресса XX века сделали возможным создание ядерного оружия и средств его доставки, вызвавших угрозу самому существованию человечества.

Еще одна важная особенность XX века состоит в том, что к его началу завершился начавшийся еще в эпоху Великих географических открытий процесс объединения и освоения мирового пространства, заселенного человеком, т.е. ойкумены. В результате евроцентристский мир, достигнув в начале века своего апогея, к исходу века пришел к естественному завершению, уступив место многополярному миру, охватывающему всю планету.

Вся ойкумена превратилась как бы в закрытую, завершенную и взаимосвязанную целостность, в единое силовое поле, отдельные части которого могут быть поняты лишь в их связи друг с другом. Любое государство независимо от своего реального веса и влияния оказывается вовлеченным в дела всего мирового сообщества. Если согласиться с этим тезисом, то само собой напрашивается вывод, что основные положения традиционной геополитики перестали соответствовать реальностям современного мира.

В настоящее время мировые реальности изменились настолько кардинально, что их просто невозможно анализировать методами, разработанными в реальностях другой эпохи. Следует отметить, что геополитика как дисциплина, в центре внимания которой находятся основополагающие проблемы современного мирового сообщества, не может абстрагироваться от проблем территории, месторасположения и географии конкретной страны или народа. Но этот аспект необходимо анализировать в контексте происшедших на мировой арене качественных трансформаций.

Эти трансформации требуют смены как приоритетов, так и методов, средств, понятий и категорий исследования этих реальностей. Они обуславливают необходимость переосмысления и нового анализа закономерностей развития мирового сообщества в условиях закрытия ойкумены и разворачивания информационной или телекоммуникационной революции. Именно эта задача ставится в предлагаемом вниманию читателя учебнике. В нем предпринята попытка сформулировать важнейшие параметры, концептуальные установки и методологические принципы геополитики как самостоятельной научной дисциплины, составляющей важнейший раздел политической науки.

Разумеется, эти вопросы дискуссионные, и значительное место в книге уделено их раскрытию. В целом проблемы мирового сообщества и международных отношений составляют предмет исследования нескольких социальных и гуманитарных дисциплин, таких как политическая история, история дипломатии, социология, философия. Начиная с Платона и Аристотеля представители различных философских и научных школ и направлений предпринимали попытки разработать систему понятий, категорий, принципов и норм, призванных обобщать, систематизировать и анализировать огромный эмпирический материал, относящийся к данной сфере. Например, значительный вклад в изучение системы международных отношений вносит историческая наука. Объектами ее исследования являются история внешней политики национальных государств, история дипломатии с древнейших времен до наших дней, история международных отношений как единой системы и т.д. Вклад социологии в данном аспекте выразился в формировании самостоятельной области исследований, получившей название социологии международных отношений.

Большое внимание данной проблеме уделяет правоведение. Оно включает в себя самостоятельный раздел "Международное право", занимающийся изучением норм и принципов, регулирующих деятельность государств в системе международных отношений. Международное право концентрирует внимание на правовых нормах, зафиксированных в межгосударственных и международных соглашениях, уставах региональных и всемирных организаций, а также других международно-правовых документах.

Геополитика занимает положение как бы в точке пересечения этих дисциплин. Ее можно рассматривать как самостоятельный раздел политической науки или как особую поддисциплину, занимающуюся изучением теоретических и практических проблем международных отношений, разработкой основных категорий и понятий, закономерностей и основных тенденций международной жизни. В этом плане геополитика имеет собственный предмет изучения, собственные методологические принципы, методы и приемы исследования.

Особо следует отметить, что в основополагающих критериях, которые будут подробно проанализированы в соответствующих главах, "гео" в понятии "геополитика" означает не просто географический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства или группы государств, но и масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте.

В этом смысле геополитика призвана исследовать процессы и принципы развития государств, регионов и мира в целом, изучать, как и с помощью каких механизмов и на основе каких принципов они живут и функционируют. Ее можно рассматривать как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества. С учетом реальностей современного мира перед геополитикой стоит весьма актуальная задача разработки новых парадигм, форм и методов исследования тех широкомасштабных изменений, которые за последние два-три десятилетия в буквальном смысле слова преобразили облик мирового сообщества.

Геополитика охватывает проблемы мирового сообщества в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными действующими лицами, так называемыми акторами международной системы на глобальном, региональном и локальном уровнях. Международные отношения представляют собой сферу общения и взаимодействия людей на межгосударственном уровне. Среди важнейших вопросов, составляющих основное содержание международных отношений, можно назвать следующие: социально-экономические, национально-исторические, культурные факторы и закономерности, определяющие характер и формы международной жизни; место и роль национально-государственных интересов в формировании мировой политики; проблемы государственного суверенитета и национальной безопасности; источники и формы международных конфликтов и войн, пути и формы их разрешения и предотвращения и т.д.

В современных условиях, когда беспрецедентно возросли масштабы и влияние международных отношений как на жизнь отдельных стран, так и на развитие человечества в целом, геополитика широко использует различные методы и приемы междисциплинарного и системного анализа. Правильное понимание реальностей современного мира предполагает учет и соответствующий анализ направления и ускорения их динамики. Такой подход позволяет исследовать международные отношения комплексно, во всей их сложности и многообразии, полнее выявлять характер и формы взаимодействия всех элементов, участвующих в системе международных отношений, взаимопереплетение их интересов и целей, характер и значение возникающих между ними конфликтов, их реальное содержание и значение с точки зрения мировой политики, пути и методы решения.

Изложенное свидетельствует о необходимости развития геополитики не только как одной из важнейших научных дисциплин, без которой невозможно понимание реальностей современного мира, но и как теоретического источника практических геополитических знаний, требующихся представителям различных профессиональных и общественных кругов. Очевидно, что эти знания нужны прежде всего политикам, дипломатам, правоведам – как ученым и специалистам, так и представителям государственно-политических и деловых кругов и, конечно, социологам, историкам, исследователям культуры. Но они во все большей мере требуются и всем остальным участникам политического процесса, т.е. каждому живущему в демократическом гражданском обществе. Этим и определяется широкое изучение геополитики в вузах, а также проникновение геополитических знаний в предметы гуманитарного и социально-экономического циклов общеобразовательной школы.

Что касается настоящего учебника, то он призван способствовать повышению уровня преподавания геополитики в системе высшего образования. Учебник разработан на основе требований государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и предназначен для студентов университетов и других высших учебных заведений. По мнению автора, он будет полезен также преподавателям геополитики и политологии, особенно впервые приступающим к проведению занятий по этим дисциплинам, а также всем, кто самостоятельно овладевает знаниями в области политических наук.

1. ГЕОПОЛИТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Географический детерминизм как основополагающий принцип традиционной геополитики

Идеи, которые в наше время принято причислять к геополитическим, в тех или иных формах, по-видимому, возникли одновременно с феноменом государственной экспансии и имперского государства. В современном понимании они сформировались и получили популярность на рубеже XIX и XX вв. Возникновение именно в тот период геополитических идей и самой геополитики как самостоятельной области исследования международных отношений и мирового сообщества было вызвано целым комплексом факторов. Предвосхищая некоторые выводы, которые будут более подробно разработаны ниже, здесь отметим лишь некоторые из них.

Это, во-первых, наметившиеся к тому времени тенденции к постепенному формированию глобального рынка, уплотнению ойкумены и «закрытию» мирового пространства. Во-вторых, замедление (не в малой степени в силу этого закрытия) европейской, чисто пространственно-территориальной экспансии вследствие завершения фактического передела мира и ужесточение борьбы за передел уже поделенного мира. В-третьих, перенесение в результате этих процессов неустойчивого баланса между европейскими державами на другие континенты «закрывшегося» мира. В-четвертых, образно говоря, история начинала переставать быть историей одной только Европы или Запада, она превращалась уже в действительно всемирную историю. В-пятых, в силу только что названных факторов именно тогда начали разрабатываться теоретические основы силовой политики на международной арене, послужившие в дальнейшем краеугольным камнем политического реализма.

Необходимо учесть и то, что геополитические идеи и сама геополитика возникли и развивались в общем русле эволюции научной мысли того периода. В целом она представляла собой не что иное, как перенесение на сферу международных отношений господствовавших в тот период как в естественных, так и социальных и гуманитарных науках идей и концепций, а именно детерминизма (в его географическом варианте), строгих естественно-исторических законов, социал-дарвинизма, органицизма и т.д.

Традиционные представления о международных отношениях основывались на трех главных китах — территории, суверенитете, безопасности государств — акторов международной политики. В трактовке же отцов-основателей геополитики центральное место в детерминации международной политики того или иного государства отводилось его географическому положению. В их глазах мощь государства прочно коренится в природе самой земли. Смысл геополитики виделся в выдвигании на передний план пространственного, территориального начала. Поэтому главная задача геополитики усматривалась в изучении государств как пространственно-географических феноменов и постижении природы их взаимодействия друг с другом.

Иначе говоря, традиционная геополитика рассматривала каждое государство как своего рода географический или пространственно-территориальный организм, обладающий особыми физико-географическими, природными, ресурсными, людскими и иными параметрами, собственным неповторимым обликом и руководствующийся исключительно собственными волей и интересами.

Поэтому естественно, что первоначально геополитика понималась всецело в терминах завоевания прямого (военного или политического) контроля над соответствующими территориями. Во многих своих аспектах традиционная геополитика возникла в русле географического направления или географического детерминизма в социальных и гуманитарных науках XIX–XX вв. Географический детерминизм основывается на признании того, что именно географический фактор, т.е. месторасположение страны, ее природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие параметры определяют основные направления общественно-исторического развития того или иного народа, его характер, поведение на международно-политической арене и т.д. Другими словами, географическая среда рассматривается в качестве решающего фактора социально-экономического, политического и культурного развития народов.

Мысль о том, что общественно-исторические явления определяются условиями среды, составляет стержневой элемент материалистического понимания истории. В данном контексте географический детерминизм является частью этого философского направления. Идеи об обусловленности жизни людей и обществ географической средой высказывали еще древние мыслители, такие как Демокрит, Геродот, Страбон, Полибий и др. Подобные идеи выдвигались средневековым арабским мыслителем Ибн Хальдуном.

Одним из основателей современной географической школы можно считать французского философа и политического ученого XVIII в. Ш.-Л.Монтескье. Монтескье пытался вывести из географических условий характер, нравы и обычаи народов, их хозяйственный и политический строй. Эту проблематику в тех или иных аспектах затрагивали многие ученые и исследователи XIX в. Немало в этом направлении сделали известный английский историк Г.Т.Бокль, французский географ Р.Элизе, американский географ Э.Хантингтон, известный русский ученый Л.И.Мечников и др.

Но все же признанным патриархом направления географического детерминизма в социальных и гуманитарных науках считается германский этнограф и географ, зачинатель политической географии конца XIX — начала XX в. Ф.Ратцель. Главная заслуга Ратцеля состояла в том, что он предпринял попытку связать между собой политику и географию, изучить политику того или иного государства исходя из географического положения занимаемого им пространства.

Идеи самого Ратцеля в свою очередь восходили своими корнями к воззрениям И.Канта, В. фон Гумбольдта, К. Риттера и других немецких мыслителей, которые значительное внимание уделяли физическому окружению и его влиянию на общественно-историческое развитие. Например, по мнению Гумбольдта, элементы ландшафта, повторяясь в бесконечных вариациях, оказывают немаловажное влияние на характер народов, живущих в тех или иных регионах земного шара. В соответствии с этим Ратцель рассматривал земной шар как единое целое, неразрывной частью которого является человек. Он считал, что человек должен приспосабливаться к своей среде точно так же, как это делают флора и фауна.

В своей «Политической географии», опубликованной в 1897 г., он обосновывал тезис о том, что государство представляет собой биологический организм, действующий в соответствии с биологическими законами. Более того, Ратцель видел в государстве продукт органической эволюции, укорененный в земле подобно дереву. Сущностные характеристики государства поэтому определяются его территорией и месторасположением, а его процветание зависит от того, насколько успешно оно приспосабливается к условиям среды.

Одним из основных путей наращивания мощи этого организма, считал Ратцель, является территориальная экспансия или расширение жизненного пространства — *Lebensraum*. С помощью этого понятия он пытался обосновать мысль о том, что основные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми, слишком тесными границами, стесняющими ее динамическое развитие.

1.2. Формирование и эволюция традиционной геополитики

Как правило, введение в научный оборот самого термина «геополитика» связывают с именем шведского исследователя и политического деятеля Р.Челлена (1846–1922), который изучил системы управления для выявления путей создания сильного государства. В своей главной работе «*Staten som Lifvsform*» он предпринял попытку проанализировать анатомию силы и ее географические основы. Челлен говорил о необходимости органического сочетания пяти связанных между собой элементов политики, понимаемой в самом широком смысле этого слова: экономополитики, демополитики, социополитики, кратополитики и геополитики. При этом он характеризовал геополитику как «*науку, которая рассматривает государство как географический организм или феномен в пространстве*». Будучи германофилом и сознавая слабость скандинавских стран перед лицом потенциальной внешней угрозы, он предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей.

Наряду с Челленом отцами-основателями и главными адептами геополитики в ее традиционном понимании считаются американский историк морской стратегии Великобритании и певец морской мощи А.Т.Мэхен, британский географ и политик сэр Г.Макиндер, британский географ сэр Дж.Фейргрив, который дополнил схему Макиндера, американский исследователь международных отношений Н.Спайкмен, германский исследователь К.Хаусхофер и др. Свои геополитические видения современного мира в первые десятилетия XX в. предлагали Л.С.Эмери, лорд Керзон, Й.Парч и др. Но в целом их работы носили эпигонский характер и не внесли ничего качественно нового по сравнению с «классиками» геополитики.

Одной из важных вех в формировании геополитических идей считается появление в конце XIX в. работ американского адмирала А.Мэхена, среди которых центральное место занимает книга «Влияние морской силы на историю (1660–1783)», опубликованная в 1890 г. В тот период эта книга имела огромный успех. Только в США и Англии она выдержала 32 издания и была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский (в 1895 г.). Английские рецензенты называли работы Мэхена «евангелием британского величия», «философией морской истории». Кайзер Германии Вильгельм II утверждал, что он старается наизусть выучить его работы и распорядился разослать их во все судовые библиотеки Германии. Необычайный успех выпал на долю этих работ в Японии. Симптоматично, что у нас также предпринимались попытки применить идеи Мэхена к истории России. В этом контексте интерес представляют, например, статьи С.А.Скрегина и В.Ф.Головачева, появившиеся в 1889 г. в журнале «Морской сборник».

Суть главной идеи Мэхена, настойчиво проводимой во всех его работах, состояла в том, что морская мощь в значительной мере определяет исторические судьбы стран и народов. Объясняя превосходство Великобритании в конце XIX в. над другими государствами ее морской мощью, Мэхен писал: «*Должное использование морей и контроль над ними составляет лишь одно звено в цепи обмена, с помощью которого (страны) аккумулируют богатства, ... но это центральное звено*». Мэхен выделял следующие условия, определяющие, по его мнению, основные параметры морской мощи: географическое положение страны, ее природные ресурсы и климат, протяженность территории, численность населения, национальный характер и государственный строй. При благоприятном сочетании этих факторов, считал Мэхен, в действие вступает формула: $N + MM + NB = SP$, т.е. военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество.

Свою мысль он резюмировал следующим образом: «*Не захват отдельных кораблей и конвоев неприятеля, хотя бы и в большом числе, расширяет финансовое могущество нации, а подавляющее превосходство на море, изгоняющее с его поверхности неприятельский флаг и позволяющее появление последнего лишь как беглеца; такое превосходство позволяет установить контроль над океаном и закрыть пути, по которым торговые суда движутся от неприятельских берегов к ним; подобное превосходство может быть достигнуто только при посредстве больших флотов*». Исходя из подобных постулатов, Мэхен обосновывал мысль о необходимости превращения США в могущественную военно-морскую державу, способную соперничать с самыми крупными и сильными государствами того периода.

Существенный вклад в разработку геополитической трактовки внешней политики государств внес английский исследователь сэр Макиндер. 25 января 1904 г. Макиндер выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории». Определенные коррективы в концепцию, сформулированную в этой статье, были внесены им в 1919 и 1943 гг. Как считал Макиндер, вначале в качестве осевой области истории — срединной земли или хартленда — выделилась Центральная Азия, откуда татаро-монголы, благодаря подвижности их конницы, распространили свое влияние на Азию и значительную часть Европы. Со времени Великих географических открытий баланс сил изменился в пользу приокеанических стран, в первую очередь Великобритании. Однако, считал Макиндер в 1904 г., новые средства транспортных коммуникаций, прежде всего железные дороги, снова изменят баланс сил в пользу сухопутных держав.

Исходя из этой постановки он сформулировал свою концепцию хартленда, каковым считал евразийское пространство или Евразию. Макиндер оценивал последнюю как гигантскую естественную крепость, непроницаемую для морских империй и богатую природными ресурсами, и в силу этого считал ее «осью мировой политики». В 1919 г., выступив против вильсоновского идеализма, на основе которого США вступили в первую мировую войну, чтобы «положить конец всем войнам» и «спасти демократию для мира», Макиндер отмечал: *«идеалисты являются солью земли», но «демократия несовместима с организацией, необходимой для войны против авторитарных режимов»*. При этом Макиндер сетовал на то, что политические моралисты вроде Вильсона *«отказываются считаться с реальностями географии и экономики»*.

Он сформулировал свою позицию в ставшем известным тезисе: тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует хартленд; кто контролирует хартленд, тот контролирует мировой остров; кто контролирует мировой остров, тот контролирует весь мир. Поэтому, утверждал Макиндер, для предотвращения следующей мировой войны необходимо создать блок независимых стран, расположенных между Германией и Россией, для сохранения баланса сил на евразийском континенте.

В 1943 г., в разгар второй мировой войны редактор журнала «Форин аферс» пригласил престарелого Макиндера (тогда ему было уже 82 года) порассуждать относительно его идей в контексте тогдашнего положения в мире. В статье «Круглый мир и завоевание мира (peace)», написанной по этому поводу, Макиндер утверждал, что если Советский Союз выйдет из войны победителем над Германией, то он превратится в величайшую сухопутную державу на планете. Вместе с тем он подверг значительной ревизии свою первоначальную концепцию.

Теперь, по его схеме, хартленд включал помимо громоздкого массива суши северного полушария Сахару, пустыни Центральной Азии, Арктику и субарктические земли Сибири и Северной Америки. В этой схеме Северная Атлантика стала «средиземным океаном». Это пространство он рассматривал как опорную точку Земли, как регион, отделенный от другого главного региона — муссонных территорий Индии и Китая. По мере наращивания мощи этот регион, говорил Макиндер, может стать противвесом северному полушарию. Предложенную в статье версию Макиндер назвал «второй географической концепцией».

Несомненно, здесь автор отказался от прежнего жесткого дихотомического противопоставления сухопутных и морских держав. Это и не удивительно, если учесть, что в обеих мировых войнах континентальные и морские державы находились во взаимных союзах. Собственно говоря, англо-русская Антанта 1907 г. никак не укладывалась в рамки первоначальной концепции Макиндера. Тем более противоречила ей тройственная ось Берлин — Рим — Токио. А пребывание океанических держав США и Великобритании в антигитлеровской коалиции с континентальным Советским Союзом вовсе подрывало его конструкции.

Очевидно, что несмотря на различия между Мэхеном и Макиндером, которые делали упор соответственно на морскую и сухопутную мощь, они были едины в своих основополагающих позициях. Оба презрительно оценивали демократию и враждебно относились к свободной торговле и самому коммерческому классу. Мэхен мог одобрительно говорить об использовании морской торговли в качестве источника английской экономической мощи, но в его схеме именно контроль над морями играл решающую роль в восхождении и могуществе Британской империи. А Макиндер был убежден в том, что экономическая мощь государства никак не зависит от свободной торговли. По его мнению, классические теории разделения труда не только вредны, но и попросту опасны, поскольку свободная конкуренция на мировых рынках чревата войной.

Таким образом, с точки зрения как приверженности основополагающим принципам географического детерминизма, так и враждебности демократии и свободной торговле, т.е. тем принципам, которые составляют несущие конструкции современного миропорядка, оба исследователя принадлежали уходящей эпохе. В качестве основы своих экономических выкладок они брали меркантилизм, в то время как магистральным направлением развития мировой экономики XX в. стали свободная торговля и принятие все более растущим числом стран и народов рыночной экономики.

1.3. Германская геополитика

Существенный вклад в разработку данной проблематики внесла германская геополитика (Geopolitik). Она выросла из интеллектуальной традиции Пруссии и Второго рейха, которая рассматривала использование физической силы в качестве *prima ratio* (первого аргумента) в отношениях между государствами. Как отмечал Г.Трейчке, *«триумф сильного над слабым составляет неискоренимый закон жизни»*. Следует заметить, что несмотря на блистательную дипломатию О.Бисмарка Второй рейх был обязан своим возникновением мощи Пруссии. Синтез идеологических германских мифов с современной индустриальной и военной мощью дал начало государству, в котором на первое место ставились героизм, агрессия, сила и господство. Пруссия рассматривалась как нечто вроде вооруженного лагеря в центре враждебного окружения.

Не случайно О.Бисмарк говорил, что единственными эффективными границами Германии является ее армия. Постепенно сформировалась территориальная концепция обширной и могущественной Центральной Европы (Mitteleuropa), руководимой Германией. Другим народам региона также предлагалась защита от внешней опасности, особенно от Франции на Западе и России на Востоке. Эти идеи получили наиболее законченное выражение в книге Й.Парча «Mitteleuropa» (Срединная Европа), опубликованной в 1906 г., и работе Ф. Наумана под тем же названием, появившейся в разгар первой мировой войны в 1915 г.

В книге Наумана красной нитью проходит мысль о том, что Срединная (Центральная) Европа является продуктом войны. *«Мы сидели вместе в военной экономической тюрьме, мы боролись вместе, мы обречены на то, чтобы жить вместе».* Под «военной экономической тюрьмой» подразумевалась экономическая блокада, установленная странами Антанты, прежде всего Великобританией, против стран Центральной Европы. Науман видел такое устройство в послевоенной Европе, при котором будут две «великие китайские стены» военного и экономического характера, простирающиеся с севера на юг через весь континент: одна между Германией и Францией, а другая между Германией и Россией. Науман был озабочен тем, чтобы не допустить появления третьей стены между Австро-Венгрией и Германией, которая могла ослабить обе страны.

Что касается малых стран, то Науман полагал, что потребности обороны и экономическая централизация сделают для них невозможным выживание без союзов с великими державами. Поэтому он настойчиво обосновывал идею о необходимости присоединения к Срединной Европе балканских государств и Италии. Он предлагал создать нечто вроде сверхгосударства (Oberstaat) в форме довольно рыхлой конфедерации, занимающейся прежде всего экономическими и оборонными вопросами. Речь шла, в сущности, о широком центральноевропейском общем рынке. В качестве важного условия реализации своего проекта Науман выдвигал формирование наднациональной центральноевропейской идентичности. Центральноевропейцы, говорил он, должны испытывать лояльность как к своей нации, так и к более широкому отечеству.

Причем, проводя аналогию между Священной Римской империей и Германией, Науман отводил господствующие позиции в этом центральноевропейском сообществе Германии. *«Срединная Европа,— писал он,— будет иметь германское ядро, будет добровольно использовать немецкий язык, который знают во всем мире и который уже является языком межнационального общения в Центральной Европе. Но он должен с самого начала выказать терпимость и гибкость по отношению ко всем соседним языкам, которые связаны с ним».*

Такое развитие в направлении образования крупных конкурирующих между собой надгосударственных образований вплоть до формирования неких «Соединенных Штатов Планеты» Науман считал неизбежным естественным результатом развития событий.

Среди германских геополитиков необходимо упомянуть также К. Хаусхофера, Э.Банзе, В.Зиверта, К.Росса, Й.Кюна, Р.Хеннига и К.Фовинкела. Центральное место среди них занимает профессор К.Хаусхофер (1869–1946) — сын генерал-майора германской армии. Вслед за отцами-основателями геополитики Г.Макиндером и Р.Челленом Хаусхофер был убежден, что месторасположение и территориальные характеристики государства составляют главные детерминанты его политической и исторической судьбы. Он сыграл ключевую роль в основании Института геополитики в Мюнхене и «Журнала геополитики» там же в 1924 г.

Возможно не случайно, что германские геополитики сконцентрировались именно в Мюнхене — одном из главных плацдармов восхождения германского национал-социализма. Сын Хаусхофера Альбрехт, находившийся в дружеских отношениях с небезызвестным Р.Гессом, способствовал внедрению геополитических идей в среду нацистской иерархии. После прихода к власти нацистов в 1933 г. Институт геополитики получил признание в высших эшелонах власти Германии. Но парадокс состоит в том, что Хаусхофер в 1944 г. был заключен в концентрационный лагерь Дахау, а его сын казнен по обвинению в предполагаемой связи с армейскими офицерами, ответственными за июльский заговор 1944 г.

В центре внимания Хаусхофера и его коллег стоял вопрос о «германской ситуации» (conditio Germaniae), т.е. о положении Германии в системе европейских и мировых держав. Это объяснялось тем, что для Германии вопрос о границах и соответственно жизненном пространстве всегда сохранял актуальность. Особенно сильное влияние на формирование их идей сыграли работы Г.Макиндера, А.Мэхена, Р.Челлена. Показательно, что жена Хаусхофера Марта перевела на немецкий язык книгу английского геополитика Дж.Фейргрива «География и мировая мощь». Следует отметить, что сам Хаусхофер был разносторонним исследователем и интересовался широким спектром проблем. Особый интерес он проявлял к Дальнему Востоку, а в этом регионе — прежде всего к Японии. Среди его работ необходимо упомянуть «Японскую империю в ее географическом развитии», «Геополитику Тихого океана», «Геополитику панидей», «Мировую политику сегодня».

Ключевыми в построениях Хаусхофера были выражения «кровь и почва» (Blut und Boden), «пространство и положение» (Raum und Lage), «сила и пространство» (Macht und Raum), «жизненное пространство» (Lebensraum). Главной движущей силой государства он считал обеспечение и расширение жизненного пространства. Расширяя свое жизненное пространство, утверждал он, динамическое государство обеспечивает себе большую экономическую автаркию или независимость от своих соседей. Завоевание такой свободы рассматривалось как показатель истинной великой державы. Важным способом территориального расширения такой державы, по его мнению, является поглощение более мелких государств. В этом отношении Хаусхофер был солидарен с отцами-основателями геополитики в их приверженности установкам социал-дарвинизма.

Считая, что периоду господства морских держав приходит конец и что будущее принадлежит сухопутным державам, он вместе с тем придавал важное значение и морской мощи государства как средству защиты и расширения его границ. Считая Центральную Европу оплотом Германии, Хаусхофер указывал на Восток как на главное направление германской территориальной экспансии. Предлагая свою версию Drang nach Osten, Хаусхофер рассматривал Восток как жизненное пространство, дарованное Германии самой судьбой (Schicksalsraum).

По схеме Хаусхофера, упадок Великобритании и более мелких морских держав создал благоприятные условия для формирования нового европейского порядка, в котором доминирующее положение занимает Германия. Такой порядок в свою очередь должен был стать основой новой мировой системы, базирующейся на так называемых панидеях. Среди последних он называл панамериканскую, паназиатскую, панрусскую, пантихоокеанскую, панисламскую и панъевропейскую.

К 1941 г. Хаусхофер подверг эту схему пересмотру, в результате чего было оставлено лишь три региона, каждый со своей особой панидеей: пан-Америка во главе с США, Великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией. В целом же главный пафос построений Хаусхофера и его коллег из Института геополитики в Мюнхене и «Журнала геополитики» состоял в том, чтобы сформулировать доводы и аргументы, призванные обосновать притязания Германии на господствующее положение в мире. Очевидно, что Хаусхофер как бы подвел окончательную черту под традицией, заложенной Мэхеном и Макиндером, суть которой состояла в попытках органического соединения географического детерминизма и силовой политики. С этой точки зрения традиционная геополитика стала предтечей современной теории политического реализма.

1.4. Основные направления геополитических разработок после второй мировой войны

Во время второй мировой войны в США развернулись усилия по разработке новых теорий внешней политики и мирового порядка. Эти усилия связаны прежде всего с именами Г.Уайджерта, Н.Спайкмена, Р.Страуса-Хюпе, В.Стефансона, О.Латимора и др. Некоторые из них претендовали на формулирование «гуманизированной версии геополитики». В качестве отправной точки для них служил тезис о том, что Америке суждено сыграть особую роль в мире.

Для реализации этой роли обосновывалась мысль о необходимости разработки особой американской геополитики. В целом сохраняя приверженность основополагающим принципам, сформулированным Мэхеном, Макиндером и другими отцами-основателями традиционной геополитики, американские исследователи выдвинули на передний план силовой фактор.

Как считал, например, Р.Страус-Хюпе, *«геополитика представляет собой тщательно разработанный (master) план, предусматривающий что и как завоевать, указывая военному стратегу самый легкий путь завоевания»*. Таким образом, утверждал Страус-Хюпе, *«ключом к глобальному мышлению Гитлера является германская геополитика»*. При разработке американской геополитики этими авторами наряду с проблемами взаимоотношений США со странами западного полушария все более настойчиво на передний план выдвигался вопрос об отношениях со всей Евразией.

С этой точки зрения наиболее показательны позиции Н.Спайкмена. *«В мире международной анархии, — писал он, — внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или по крайней мере сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государств, потому что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются непоколебимыми».*

Спайкмен выделял три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток Евразии. Он допускал также возможность четвертого центра в лице Индии. Из всех трех евразийских регионов Спайкмен считал особо значимым для США европейское побережье, поскольку Америка возникла в качестве трансатлантической проекции европейской цивилизации. К тому же наиболее важные регионы США были, естественно, ориентированы в направлении Атлантики.

Следует отметить, что при всех различиях в позициях большинство американских исследователей придерживались того мнения, что после второй мировой войны США не остается ничего иного, кроме как вступить в тесный союз с Великобританией. Как считал тот же Спайкмен, победа Германии и Японии привела бы к установлению их совместного контроля над тремя главными центрами силы в Евразии. В таком случае Америка оказалась бы в весьма уязвимом положении, поскольку при всей своей мощи она не была бы в состоянии сопротивляться объединенной мощи остальных держав. Именно поэтому, утверждал Спайкмен, США следует вступить в союз с Великобританией. При этом, подвергнув некоторому пересмотру концепцию Макиндера, Спайкмен переформулировал приведенный выше тезис последнего по-своему: *«кто контролирует Римленд, тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира».*

Очевидно, что позиция Спайкмена явно или неявно имела своим предназначением обоснование лидирующей роли США в послевоенном мире. Об этом недвусмысленно говорил Г.Уайджерт. Призывая учиться у германской геополитики, он делал упор на то, что в послевоенный период Америка должна способствовать освобождению Евразии от всех форм империализма и утверждению там свободы и демократии, естественно, американского образца. Предполагалось, что США, будучи океанической державой с мощными военно-морским флотом и авиацией, будут в состоянии установить свой контроль над прибрежными зонами евразийского континента и, заблокировав евразийский хартленд, контролировать весь мир.

Необходимо отметить, что еще во время второй мировой войны большинство специалистов-геополитиков осудили нацистский режим. Но тем не менее геополитика, по сути дела, оказалась в некотором роде дискредитированной и была оттеснена на периферию международно-политических исследований и дискуссий. Как будет показано в соответствующих главах учебника, внешнеполитическая мысль, и в частности геополитическая мысль, после второй мировой войны оказалась в некотором роде заложницей холодной войны и биполярной трактовки мирового порядка.

Сильнейшее влияние на разработки почти всех без исключения направлений, будь то крайний реализм или крайний идеализм, оказали системный конфликт эпохи, состояние конфронтации между двумя противоборствующими блоками во главе с двумя сверхдержавами и тот факт, что этот конфликт и конфронтация были в свою очередь пронизаны идеологическим измерением. В результате территориальный аспект геополитики оказался искаженным и в определенной степени подчиненным идеологическим императивам борьбы двух систем и блоков.

Немаловажную роль с рассматриваемой точки зрения сыграли также впечатляющие успехи военных, транспортных и телекоммуникационных технологий. Так, при всем сохранившемся влиянии традиционных идей и концепций возникли новые разработки и конструкции, построенные на понимании того, что с появлением авиации и особенно ядерного оружия и средств его доставки традиционные модели, в основе которых лежал географическо-пространственный детерминизм, устарели и нуждаются в серьезной корректировке.

Наиболее обоснованные аргументы в пользу этой точки зрения выдвинул А.П.Северски. В его геополитическом построении мир разделен на два огромных круга воздушной мощи, сконцентрированных соответственно на индустриальных центрах США и Советского Союза. Американский круг покрывает большую часть западного полушария, а советский — большую часть мирового острова. Оба они обладают приблизительно равной силой и, по мнению Северски, в совокупности составляют ключ к мировому господству.

Следует отметить, что большинство исследователей как западного, так и советского блока независимо от своих симпатий и антипатий трактовали мировые реальности в контексте подобной биполярной геополитики, и поэтому здесь нет надобности сколько-нибудь подробно анализировать их идеи и концепции. Отметим лишь то, что по мере ослабления жесткой структурированности биполярного мира и выдвижения на политическую авансцену других акторов в лице новых стран и регионов идеи зачинателей геополитики начали подвергаться существенной корректировке.

Это отчасти было связано с осознанием все более растущим числом исследователей конца евроцентристского мира и наращиванием тенденций к региональному сотрудничеству в различных частях земного шара. Уже в 60-х годах среди исследователей наметился сдвиг от двухполусной (океанически-континентальной) к полицентристской трактовке современного мирового сообщества. Среди авторов, осознавших геополитическую значимость этих факторов, следует назвать в первую очередь Дж.Кроуна, Х.де Блиджа, Б.Рассела, Л.Кантори, С.Шпигеля и др.

Для этой группы исследователей типичны позиции С.Б.Коэна, который выделил два типа регионов мирового масштаба: геостратегический и геополитический. К первому типу он относил ориентированные на торговлю мир морских держав и евразийско-континентальный мир. Коэн говорил также о возможности выделения самостоятельного региона стран Индийского океана, который возникнет на месте Британского содружества наций. Мир морских держав включает в себя Англию, США, Южную Америку, Карибский бассейн, прибрежные страны Европы, Магриб, Африку южнее Сахары, островную Азию и Океанию.

Что касается континентального мира, то он состоит из двух геополитических регионов — хартленда вместе с Восточной Европой и Восточной Азии. Каждый геополитический регион состоит из одной большой страны или нескольких малых стран и имеет собственные политические, экономические, социальные и культурные характеристики, которые придавали ему специфику и единство. При этом процесс объединения Европы Коэн рассматривал как процесс возникновения нового сверхгосударства, по своему весу и значимости равновеликого двум супердержавам.

В его схеме два геостратегических региона отделяются друг от друга шаткими поясами стран Ближнего Востока и Юго-Западной Азии, которые только недавно вышли из-под колониального господства и не сумели добиться широкого регионального единства. Коэн объяснял это наличием в данных регионах внутренних физических преград, отсутствием объединительных геополитических стержней и постоянным внешним давлением, исходящим от морского и континентального геостратегических регионов. В другой своей работе Коэн характеризовал сформировавшуюся к 70-м годам «глобальную политическую систему» в терминах полицентризма, выделив в ней четыре крупных силовых узла: США, прибрежную Европу, Советский Союз и Китай. В этих глобальных рамках, по схеме Коэна, существует множество мировых силовых осей, которые служат лучшей гарантией глобального равновесия.

Однако в тот период в условиях подавляющего господства биполярного мышления в области международных отношений идея полицентризма и регионализма не получила достаточно широкой популярности.

Следует отметить также тот факт, что после второй мировой войны, особенно в 70–90-е годы, предпринимались попытки переосмысления методологических основ геополитических трактовок международных отношений. Так, американский исследователь Л.Кристоф утверждал: *«Современные геополитики смотрят на карту, чтобы найти здесь не то, что природа навязывает человеку, а то, на что она его ориентирует».*

Другой американский политолог К.Грей, посвятивший этой проблеме несколько работ (правда, выдержанных в идеолого-пропагандистском ключе обоснования гегемонистских притязаний США на мировой арене) в середине 70-х годов назвал геополитику наукой о *«взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми, и мировой политикой».* Как считал Грей, геополитика касается взаимосвязи международной политической мощи и географического фактора. Под ней подразумевается: «высокая политика» безопасности и международного порядка; влияние длительных пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров, а также то, как технологические, политико-организационные и демографические процессы сказываются на весе и влиянии соответствующих стран.

Наиболее далеко идущую попытку пересмотра традиционных геополитических идей в условиях ракетно-ядерного века предпринял французский генерал и исследователь П.Галлуа. Прежде всего обращает на себя внимание отказ Галлуа от географического и энвайроментального детерминизма. По его мнению, важными параметрами геополитического измерения современного мира наряду с пространственно-территориальными характеристиками государства являются появление и распространение ракетно-ядерного оружия, которое как бы уравнивает силу владеющих им государств независимо от их географического положения, размеров, удаленности друг от друга и т.д.

Галлуа обратил внимание на то, что усиление роли средств массовой информации и телекоммуникации, а также возрастающее непосредственное вмешательство масс населения в политический процесс чреваты далеко идущими последствиями для геополитического будущего человечества. Заслугой Галлуа является и то, что помимо суши, морей и воздушного пространства он рассматривал в качестве важного параметра геополитики освоение космического пространства.

Тем не менее большинство исследователей и поныне продолжают рассматривать геополитику в территориально-пространственных и силовых терминах.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные факторы формирования традиционной геополитики?
2. Назовите авторов, внесших наибольший вклад в разработку важнейших геополитических идей.
3. В чем главные достоинства и недостатки традиционной геополитики?
4. В чем заключаются достоинства американского, английского и германского вариантов геополитики?
5. Дайте характеристику основных направлений эволюций геополитических идей после второй мировой войны.

2. Формирование и эволюция геополитических идей в России

2.1. Геополитические построения второй половины XIX в.

Представители российской общественно-политической мысли внесли немаловажный вклад в разработку геополитических идей. Их формирование в России с самого начала стимулировалось поисками магистральных направлений развития страны, попытками определить ее идентичность и судьбу, содержание и сущность «русской идеи», место, роль и статус российского государства в мировой истории и мировом сообществе. В центре споров и дискуссий неизменно стоял вопрос об отношениях России с Западом и Востоком, Европой и Азией. Эта многоплановая и сложная проблема, отнюдь не сводящаяся к геополитике, довольно подробно освещена в отечественной литературе. В данной главе рассматриваются лишь некоторые наиболее важные ее аспекты, дающие возможность кратко осветить характерные особенности развития и эволюции российской геополитической мысли.

Первые попытки систематического изложения собственно геополитических идей можно обнаружить в позициях славянофилов второй половины XIX в., которые разделяли мир на «Святую Русь» и «гниющую Европу», по принципу противопоставления России и Европы. В контексте этих споров и дискуссий внимание концентрировалось на проблеме культурно-цивилизационной самобытности России и необходимости защиты и сохранения этой самобытности как важнейшего условия жизнеспособности и исторических перспектив самой российской государственности. Хотя славянофилы и не переставали говорить о своей любви к «великой старой Европе», они подвергали ее беспощадной критике за якобы поразивший ее духовный кризис. Всячески превознося Святую Русь, они сформулировали и последовательно защищали тезис о ее особом пути развития и высокой миссии.

С данной точки зрения одним из первых геополитиков можно считать Н.Я. Данилевского, которому принадлежит заслуга в разработке теории культурно-исторических типов. По его мысли, славянство — это особый культурно-исторический тип, который не развернул еще своих творческих потенций, но которому принадлежит великое будущее. Данилевский изображал дело таким образом, будто «больная» и «гниющая» Европа стала чуть ли не средоточием мирового зла, и видел спасение современного ему мира в панславизме. При этом всячески обыгрывая так называемый восточный вопрос, Данилевский утверждал, что борьба России с Европой неизбежна «из-за обладания Царьградом», поскольку «главнейшая цель русской государственной политики, от которой она никогда не должна отказываться, заключается... в разрушении оттоманского могущества и самого Турецкого государства». Вполне в духе более поздних геополитиков с их географическим детерминизмом Данилевский утверждал, что Константинополь — это некий пуп земли: «нет места на земном шаре, могущего сравниться центральностью своего местоположения с Константинополем. Нет на земле другого перекрестка всемирных путей».

Значительно дальше Данилевского в этом направлении шел К.Н. Леонтьев, считавший панславизм слишком либеральным и опасным для жизнеспособности и дальнейшего развития российской государственности, которая, по его словам, будучи более широким и независимым образованием, должна быть «не чем иным, как развитием своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации». По Леонтьеву, чисто славянское содержание русской идеи слишком бедно для всемирного духа России. «Всегдашняя опасность для России,— утверждал он,— на Западе: не естественно ли ей искать и готовить себе союзника на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство — тем лучше».

Обосновывая установки на имперскую экспансию, особенно настойчиво Леонтьев отстаивал идею слияния России с Тураном, при этом полагая, что самобытную цивилизацию составляет не славянский мир, а Россия со всеми азиатскими владениями. А «началом процесса утверждения этой цивилизации — великого восточного монархически-православного союза во главе с Россией» — должно стать завоевание Константинополя, что, в свою очередь, должно привести к окончательному разрешению восточного вопроса. Как считал Леонтьев, Западу будет противостоять не славянская федерация, а Восток греческим и азиатским элементом «под эгидой русского самодержавия».

Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и другие авторы попытались выявить и обозначить те аспекты социально-политической и духовной истории России, которые в конечном счете определяли ее исторический и национально-государственный облик и, соответственно, характер ее взаимоотношений с окружающим миром. Главный их просчет состоял в том, что они старались обосновать идею абсолютной самобытности и самоценности России, ее истории, культуры и особой миссии. Исходя из подобных установок, они по сути дела противопоставляли Россию остальному миру, во всяком случае европейскому человечеству. В этом вопросе ближе к истине были, пожалуй, Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев, которые придерживались тезиса о всечеловечности и универсальности русской культуры. Выражая эту позицию, Н.А. Бердяев совершенно справедливо подчеркивал, что «всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения».

2.2. Идеи евразийцев

Движение евразийцев родилось в Софии в 1921 г., когда четверо молодых российских эмигрантов — экономист П.Н.Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский, философ Г.Д. Флоровский, принявший сан священника, лингвист и этнограф Н.С.Трубецкой — выпустили в свет сборник статей «Исход к Востоку», который стал своего рода манифестом движения, претендовавшим на принципиально новый взгляд на русскую и мировую историю.

В 1922 г. вышла вторая книга «На путях. Утверждение евразийцев», а за ней последовали три ежегодных издания под общим названием «Евразийский временник». В 1926 г. евразийцы выпустили систематическое изложение своей концепции «Евразийство», основные положения которой в сжатой и декларативной форме были обнародованы в 1927 г. в книге «Евразийство. Формулировка 1927 г.» В 1931 г. в Париже вышел сборник «Тридцатые годы», в котором подводились итоги десятилетней деятельности движения. Необходимо отметить и то, что с 1925 по 1937 г. увидели свет 12 выпусков «Евразийской хроники».

Эти работы обратили на себя внимание нетрадиционным анализом традиционных для России проблем. В отличие от славянофилов, Данилевского, Леонтьева и других, возлагавших свои надежды на самодержавное государство, евразийцы исходили из признания того факта, что старая Россия потерпела крах и стала достоянием истории. По их мнению, Первая мировая война и русская революция открыли качественно новую эпоху в истории страны, характеризующуюся не только крушением России, но и всеобъемлющим кризисом полностью исчерпавшего свои потенции Запада, который стал началом его разложения. Нет ни прошлого в лице России, ни настоящего в лице Запада, и задача России — вести человечество к сияющим вершинам светлого будущего.

Своим эсхатологическим подходом евразийство в методологическом плане мало чем отличалось от ведущих идейно-политических течений того времени — фашизма и большевизма. Не случайно воззрения евразийцев в ряде аспектов были близки позициям получившего в тот период определенную популярность национал-большевизма, синтезировавшего в себе некоторые важнейшие постулаты как фашизма, так и большевизма.

Не случайно и то, что большинство евразийцев позитивно приняли действия большевиков по сохранению и укреплению территориального единства России. По их твердому убеждению русская революция есть символ не только конца старой, но и рождения новой России. Так, Н.С. Трубецкой в 1922 г. допускал, что советскому правительству и Коммунистическому интернационалу удастся развернуть европейскую революцию, которая будет лишь вариантом российской экспансии, и видел неизбежным следствием такой экспансии возвращение и поддержку «благополучия образцовых» коммунистических государств Европы «потом и кровью русского рабочего и крестьянина». Более того, успех советского руководства в этом деле оценивали как победу евразийской идеи, полагая, что коммунисты последовательно реализуют вековые имперские устремления России. Один из лидеров евразийцев Л. Карсавин настойчиво подчеркивал: «Коммунисты... бессознательные орудия и активные носители хитрого Духа Истории... и то, что они делают, нужно и важно».

Евразийцы отводили особое место именно духовным, в первую очередь религиозным аспектам. В их построениях отчетливо прослеживается стремление увязать русский национализм с пространством. Как подчеркивал Савицкий в книге «Географический обзор России–Евразии», «социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт». Поэтому не удивительно, что у них само понятие «Евразия» было призвано обозначать не просто континент или часть его в сугубо географическом понимании, а некую цивилизационно-культурную целостность, построенную на основе синтеза пространственного и социокультурного начал. Согласно этой конструкции, Россия рассматривалась в рамках координат, условно обозначаемых как Восток и Запад.

Суть евразийской идеи сводилась к тому, что Россия, занимающая срединное пространство Азии и Европы, лежащая на стыке двух миров — восточного и западного, представляет особый социокультурный мир, объединяющий оба начала. Обосновывая свою «срединную» позицию, евразийцы писали: «*Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других...* Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как *срединную евразийскую культуру*». Поэтому, утверждал Савицкий в своей статье «Географические и геополитические основы евразийства» (1933), «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться “Срединным государством”. Это, по его мнению, самостоятельная, самодостаточная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которой принадлежит своя самобытная культура, «равно отличная от европейских и азиатских».

В отличие от тех славянофилов, которые утверждали идеи и ценности панславизма, евразийцы вслед за Леонтьевым делали упор на азиатскую, особенно на туранскую составляющую этого мира, считая Россию преемницей империи Чингисхана. Как писал, например, Трубецкой, «*национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом*».

Еще четче эту позицию сформулировал Савицкий, по мнению которого субстрат евразийской культурно-цивилизационной целостности составляют арийско-славянская культура, тюркское кочевничество, православная традиция: именно благодаря татаро-монгольскому игу «Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира». Более того, «без татарщины не было бы России», утверждал он в статье «Степь и оседлость». А один из более поздних евразийцев Л. Гумилев, которого В. Ступишин не без оснований назвал блестящим путаником от науки, отождествлял Древнюю Русь с Золотой Ордой, а советскую государственность — с придуманным им самим славяно-тюркским суперэтнотомом.

Не отбрасывая ряд интересных наблюдений, высказанных евразийцами, вместе с тем нельзя не отметить, что их проекты содержали множество ошибочных положений, которые в современных условиях выглядят анахронизмами. В евразийской идеологии присутствовали отдельные элементы, реализация которых была бы чревата для России добровольной изоляцией. Так, в одном из манифестов евразийства говорилось: «русскую культуру надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру, мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго».

Нельзя принять также убеждение евразийцев в исключительности и особой миссии России в современном мире. Так, представляя Россию–Евразию как возглавляемый Россией особый культурный мир, авторы манифеста подчеркивали, что она, т.е. Россия–Евразия «притязает еще и на то и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур». Такая вера, говорилось далее в манифесте, может быть обоснована только религиозно, т.е. на фундаменте православия: исключительность русской культуры, ее особая миссия выводятся из православия, которое есть «высшее единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все — или язычество, или ересь, или раскол». Хотя ценность других христианских вероисповеданий полностью и не отрицались, выдвигалось условие: «существовая пока как русско-греческое и преимущественно греческое, Православие хочет, чтобы весь мир сам из себя стал православным». В противном случае приверженцам других вероисповеданий предрекались разложение и гибель.

Следует отметить, что в большинстве своем русская эмигрантская интеллигенция приняла евразийские идеи довольно прохладно, если не сказать отрицательно. Среди особенно активных критиков евразийства были Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, П.Н. Милуков, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов. Представляется вполне естественным, что в 1928 г. наметившийся ранее раскол внутри движения завершился полным размежеванием на парижскую и пражскую группы. Более того, к началу 30-х годов от евразийства отошли самые решительные его сторонники и даже основоположники Н. Трубецкой, Г. Флоровский, Г. Бицилли и др. Показательна в этом плане позиция Флоровского, который в статье с характерным названием «Соблазн евразийства» с горечью констатировал, что «судьба евразийства — история духовной неудачи». По его словам, на поставленные жизнью вопросы евразийцы «ответили призрачным кружевом соблазнительных грез. Грезы всегда соблазнительны и опасны, когда их выдают и принимают за явь. В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик. Он никуда не ведет».

Примечательным свидетельством раскола евразийского движения стало издание в Париже еженедельной газеты «Евразия» (выходила с ноября 1928 по сентябрь 1929 г.), ориентированной на идейно-политическое сближение с советской властью. Активное участие в издании газеты принимали Л.П. Карсавин, кн. Д.П. Святополк-Мирский, П.П. Сувчинский, С. Я. Эфрон. Ирония истории состоит в том, что заигрывание с большевиками отнюдь не избавило евразийцев от преследований со стороны советских властей. Так, Карсавин, Савицкий и другие были после войны осуждены и долгие годы провели в ГУЛАГе.

2.3. Развитие геополитических идей в новой России

В советский период само понятие «геополитика» использовалось для негативной оценки внешнеполитической стратегии ведущих стран Запада и большинства теорий международных отношений, выдвигаемых немарксистскими исследователями. Однако в период перестройки геополитика как самостоятельная сфера внешнеполитических исследований постепенно стала отвоевывать свои позиции. А с распадом СССР она была окончательно реабилитирована и заняла соответствующее место в сфере международно-политических исследований. Более того, можно говорить даже о ее настоящем ренессансе, или буме интереса к геополитической проблематике.

На формирование, содержание и характер геополитических идей в новой России определяющее влияние оказал тот факт, что распад СССР и образование новых постсоветских государств, в том числе и Российской Федерации, совпали с переломным моментом перестройки современного мироустройства. Сам факт стремительного разрушения, казалось бы, созданного на века громадного централизованного государства воочию продемонстрировал несостоятельность идеала государственности, в основе которого лежала идеология марксизма-ленинизма. При таком положении вещей российская политическая и в первую очередь внешнеполитическая мысль оказалась в очень трудном положении.

Единая территория многовековой империи оказалась как бы разорванной на множество фрагментов, причем не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой балканизации, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем, от решения которых зависят перспективы российской государственности. Поэтому неудивительно, что возрождавшаяся геополитика с самого начала стала объектом довольно острых идейно-политических дискуссий, споров и столкновений в российском обществе. Эти споры и дискуссии концентрируются вокруг таких проблем, как расстановка сил на глобальном уровне, место, роль и статус России в современном мире, сверхдержавность, великодержавность, центр и периферия в мировой политике и т.п.

Для значительной части российской интеллигенции, особенно публицистов, журналистов и представителей возрождавшейся в тот период политологии территориальный фактор приобрел особую значимость. В условиях двухполюсного миропорядка советская система обеспечивала как территориальное, так и экономическое, социокультурное и политическое единство необозримых пространств, различных регионов, народов и конфессий. В контексте распада СССР ощущение фрагментарности и разорванности исторической территории государства не могло не вызвать у исследователей и просто интересующихся судьбами России стремление выявить и объяснить факторы, лежащие в основе этих знаковых сдвигов, а также найти средства и пути сохранения территориального единства страны. Для тех, кто в силу тех или иных причин стали воспринимать эти изменения в трагическом, чуть ли не апокалиптическом свете, особую привлекательность приобрела геополитическая концепция контролируемого пространства как основы мирового порядка.

Этим объясняется преимущественный интерес российских авторов к воззрениям и установкам старой геополитики, представители которой, как уже указывалось, делали акцент на географическом детерминизме и территориально-пространственном факторе. Традиционная геополитика привлекательна тем, что предлагает простые ответы на сложные и трудноразрешимые вопросы. Не случайно отправной посылкой большинства геополитических разработок в России послужили идеи и установки Г. Макиндера, А. Мэхена, К. Хаусхофера и др.

Авторы подобных разработок характеризуют геополитику как дисциплину, имеющую своим предметом территориально-пространственное измерение не только того или иного государства, но и его политической стратегии на мировой арене. По их мнению, «геополитика — вид внешней политики, определяемый территориальными интересами народов и стран. Геополитическая теория исследует связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками тех или иных регионов мира».

Наиболее притягательным предметом обсуждения среди авторов, интересующихся геополитическими перспективами, стало положение России в сердце евроазиатского континента. Однако необходимо отметить, что среди самих авторов, уделяющих преимущественное внимание фактору месторасположения государства, отнюдь не наблюдается единства. Часть из них пытается строить геополитический анализ положения России в современном мире на путях органического сочетания территориально-географического аспекта с культурно-историческими, этнонациональными, конфессиональными и иными факторами. В этом направлении особенно интересными представляются изыскания Б.С. Ерасова, А.С. Панарина, Э.А. Позднякова, для которых характерна ориентация на дальнейшее развитие отдельных идей, выдвигавшихся в свое время Н.Я. Данилевским и евразийцами, разумеется, с учетом современных реальностей.

Охотно и не особенно разборчиво идеи традиционной геополитики применительно к статусу и роли России в современном мире используются представителями так называемого патриотического или националистического направления. Из их рассуждений можно сделать вывод, что сам факт обладания огромными территориями будто бы дает право тому или иному государству доминировать над соседними регионами и странами.

На основе своеобразного симбиоза территориально-географических построений традиционных геополитиков с не всегда адекватно понятыми воззрениями российских евразийцев предпринимаются попытки выдвижения разного рода псевдогеополитических построений. Здесь гипертрофированное внимание уделяется территориально-пространственному фактору, густо замешанному на географическом детерминизме. Один автор, например, утверждает, что контроль над Евразией, этим последним оплотом традиционализма — мистическое предназначение, геополитический императив России.

При этом склонность к сакрализации географии и территориальному мистицизму зачастую идет рука об руку с разного рода сверхполитизированными и идеологизированными выкладками великодержавного, конспирологического или иного характера. Как справедливо отмечал А.Н. Смирнов, «зачастую под маской классических геополитических построений скрываются вольные фантазии на тему пространства, политики и истории». Предлагается, в сущности, неоимперская перспектива России. В множестве работ, которые вряд ли можно отнести к числу научных и заслуживающих соответствующего внимания, эти идеологи от геополитики пытаются обосновать внешнеполитические позиции тех сил, которые выступают по сути дела за реванш, т.е. за восстановление либо СССР, либо границ Российской империи до 1917 г., либо за какой-либо иной не менее экзотический сценарий.

С помощью этих псевдогеополитических построений пытаются заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после краха коммунистического идеала государственного устройства, который служил обоснованием конфронтационной внешнеполитической стратегии периода холодной войны. Неудивительно, что у этих авторов геополитика приобрела явно выраженную форму идеологии. Как утверждал, например, А. Дугин, геополитика — это мировоззрение власти, наука о власти и для власти, это наука правления. Очевидно, что здесь геополитика подается в качестве разновидности идеократии. По-видимому, именно понимаемую так геополитику имел в виду писатель А. Дмитриев, когда писал: «Геополитика (не как философское занятие кабинетных ученых, а как целеполагающее действие политиков, военных, олигархов) будет когда-нибудь объявлена уголовно наказуемым делом. Поскольку она всегда была, есть и будет наукообразным прикрытием аморализма, осуществлением корпоративных интересов под сурдинку усыпляющих разговоров об интересах общенациональных».

Вслед за славянофилами и евразийцами эта группа авторов (которых условно можно назвать неоевразийцами) явно преувеличивает фактор самобытности и особого пути развития России, которая рассматривается как специфическая цивилизация, противопоставляемая прежде всего Западу. Но редко когда расшифровывается, что именно под этой цивилизацией понимается. Однако многие идеи, заимствованные у славянофилов и евразийцев, уже в период своего появления оказались эрзац-идеями, во многом изношенными. Это касается, например, идеи соборности, согласно которой каждый отдельно взятый индивид, каждая группа, слой, класс рассматривается как неразрывная часть целого. Самоотречение и служение, доходящие до самопожертвования во имя общего дела, возводятся в ранг высшей добродетели, якобы составляющей отличительную особенность России. «Россия,— писал один автор,— это Собор земли, державы и церкви, т.е. единство духа, царства и гражданского общества». Утверждается, что ей будто бы изначально присуще единство «верхов» и «низов», власти и народа, идеалов и интересов. Однако непредвзятый анализ истории России XX столетия не дает оснований, подтверждающих столь идиллическое ее видение. Тем более не соответствует оно нынешним реалиям.

В построениях неоевразийцев явно ощущается влияние известного тезиса С. Хантингтона, который, мягко говоря, нельзя назвать в должной мере обоснованным. Но его притягательность состоит в том, что в нем некоторые межэтнические и межклановые конфликты получают статус цивилизационных, а это позволяет использовать псевдоцивилизационную и вероисповедческую риторику для достижения местнических и сепаратистских целей. Установки, предполагающие однозначный выбор, сделанный Россией в пользу Востока за счет Запада, как будет показано ниже, несостоятельны по своей сути и ничего хорошего ни России, ни ее народам не сулят. Разумеется, в этом контексте ущербными представляются и позиции тех крайних западников, которые считают однозначной идентификацию России с Западом и обосновывают необходимость геополитической интеграции с Европой и США.

С позиций территориально-пространственного императива трактуют геополитику России и те авторы, которые сознают недостатки и даже ущербность евразийских идей. Речь идет прежде всего о сторонниках так называемой умеренно изоляционистской концепции, которую можно характеризовать как альтернативу традиционно имперским моделям развития России. Так, В.Л. Цымбурский пытался обосновать концепцию «остров-Россия», согласно которой Россия изображается в виде некоего континентального острова, занимающего огромное пространство, простирающееся от романо-германского этноцивилизационного ареала на западе до Китая на востоке.

При этом декларируется территориально-политическая самодостаточность России, поскольку несмотря на отделение стран Прибалтики, Центральной Азии, Закавказья, Украины, Белоруссии и Молдавии наша страна, по его мнению, не утратила своих сущностных характеристик. Эта позиция характеризуется признанием нынешних государственных границ как естественных и оптимальных для России. Нынешняя территория России примерно соответствует ее естественным географическим пределам, в которых она находилась в допетровский период в XVII в. Все беды России связаны со стремлением слиться с Европой или подчинить ее своему влиянию, а также с экспансией на юге и востоке по отношению к территориям, называемым автором проливами. Причем из числа последних исключаются Урал и Сибирь, которые к времени их завоевания представляли собой «ничейное пространство», а присоединившись к России, дополнили ее естественную геополитическую нишу.

По схеме Цымбурского, на Западе этот «остров-Россия» отделен от романо-германского мира проливами, каковыми являются Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, страны Прибалтики и другие страны и народы. На юге она также защищена от экспансии извне поясом проливов в лице новых независимых государств. Лишь на Востоке Россия непосредственно соприкасается с крупной державой — Китаем. Исходя из этих и подобных им доводов обосновывается необходимость радикального изменения внешнеполитических приоритетов в направлении дистанцирования как от Запада, так и от Востока, даже отказа от активной внешней политики по отношению к ним и сосредоточения внимания на развитие регионов «острова», особенно Сибири, Дальнего Востока и Севера.

Очевиден факт «сокращения» российского пространства. Но тем не менее Россия остается огромным геополитическим образованием, включенным в тесные связи с многими народами и культурами Евразии. Разумеется, с распадом СССР и появлением на политической карте России в качестве самостоятельного государства перед ней встали совершенно новые задачи, связанные с существенной переоценкой внешнеполитических приоритетов и политической стратегии в отношении остального мира как в западном, так и в восточном, как южном, так и северном направлениях. Но это отнюдь не предполагает какого бы то ни было жесткого выбора одного из них. Очевидно, что для выхода из затяжного кризиса и ускоренного социально-экономического и политического развития как отдельных регионов, так и страны в целом России следует всячески наращивать свои связи, особенно торгово-экономические, со всеми без исключения странами и регионами. В этом плане внешняя политика может быть эффективной лишь в том случае, если она является многовекторной и осуществляется по всем азимутам.

2.4. Проблема разработки новой геополитики

Все сказанное свидетельствует о том, что геополитическая мысль в России в настоящее время переживает своего рода инкубационный период и действительно геополитические, научно обоснованные концепции и идеи только начинают появляться. Несомненный интерес представляют, например, работы К.В. Плешакова, К. Э. Сорокина и других российских авторов, их попытки преодолеть географический детерминизм приверженцев традиционной геополитики. По мнению, например, К.В. Плешакова, геополитика может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством.

Заслуживает внимания попытка Плешакова выявить взаимосвязь между геополитикой и идеологией. Такая взаимосвязь, безусловно, была характерна как для традиционной геополитики Запада, так и для геополитических построений российских евразийцев. Плешаков предложил свое видение «геоидеологической парадигмы», основывающейся на взаимопроникновении идеологии и геополитики. Он выделил две модели такого взаимопроникновения: конфронтационную и интеграционную. Первая представлена взаимоотношениями между СССР и США, Востоком и Западом в период холодной войны, когда внешняя политика обеих сторон была насквозь пронизана идеологией. Здесь любые геополитические шаги обосновывались идеологической целесообразностью и, наоборот, идеология поддерживалась конкретными действиями на геополитическом фронте. Примером второй модели являются отношения между странами Запада и СССР в 1989–1991 гг., когда идеологические мотивации гасили возможные геополитические возмущения, что в конечном счете способствовало поддержанию геополитического и идеологического статус-кво.

Поставив своей задачей выяснить, «в чем данная научная дисциплина устарела и какие поправки на современность ей необходимы; как данная дисциплина могла бы быть использована для удовлетворения конкретных российских государственных потребностей», К.Э. Сорокин пришел к выводу, что в ней существует два раздела — геополитика фундаментальная, изучающая развитие геополитического пространства планеты со своей, разумеется, точки обзора, и прикладная, вырабатывающая принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государств или группы государств на мировой сцене. Причем, последнюю К.Э. Сорокин считает возможным именовать геостратегией.

Очевидно, что такие подходы позволяют выйти за традиционные чисто пространственные параметры, оторваться от пуповины географического детерминизма и сделать геополитику самостоятельной политологической дисциплиной, призванной всесторонне исследовать основополагающие реальности современного мирового сообщества.

В целом следует признать такую постановку вопроса правильной. Однако главная проблема состоит в том, чтобы решительно отмежеваться от традиционного понимания геополитики как дисциплины, призванной изучать исключительно или преимущественно пространственный аспект международных отношений, и лежащего в основе этого подхода географического детерминизма, а также от трактовки геополитики как внешнеполитической стратегии, направленной на экспансию и достижение гегемонии с помощью военно-силовой политики.

Естественно, география и месторасположение государства имеют немаловажное значение для исторических судеб и перспектив любого государства или народа. Более того, в древнейший период истории человечества, когда природа в буквальном смысле слова продолжала диктовать людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации, географический фактор играл определяющую роль в жизни людей и государств. Как писал Л.И. Мечников, «четыре древнейшие великие культуры все зародились и развились на берегах больших рек. Хуанхэ и Янцзы орошают местность, где возникла и выросла китайская цивилизация; индийская, или ведийская, культура не выходила за пределы бассейнов Инда и Ганга; ассиро-вавилонская цивилизация зародилась на берегах Тигра и Евфрата — двух жизненных артерий Месопотамской долины; наконец, Древний Египет был, как утверждал еще Геродот, “даром” или “созданием” Нила».

География и месторасположение имеют множество аспектов, таких как размеры и масштабы территории конкретного государства, место его расположения, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и т.д. Эти аспекты влияют на потенциальные и реальные возможности государства, определяющие его место в мировом сообществе стран.

Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы. Реальные размеры территориальных владений не могут в той или иной форме и мере не оказывать влияния как на характер, так и на основополагающие параметры интересов государства. Ландшафт, степень плодородия почвы, природные ресурсы непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства, так и на плотности населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития путей сообщения, размещения ресурсов и народнохозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов. Немаловажное значение для безопасности и национальных интересов имеет также близкое окружение государства. Очевидно, что географическое положение создает определенные параметры при решении государством не только многочисленных экономических и внутривнутриполитических, но также основополагающих внешнеполитических задач.

На протяжении всей истории вплоть до недавнего времени главная цель государств состояла в завоевании территорий для решения своих экономических задач, требований безопасности и т.д. Для этого использовались средства империалистического подчинения одного народа другому или аннексии прилегающей территории. Со времени Вестфальского мира (1648) территориальные границы государств считались священными и свидетельствовали о стабильности и жизнеспособности международной системы. Государства, особенно великие, во все времена руководствовались императивом расширения своего контроля над соседними странами и народами, а при возможности и над всей международной системой.

По этой причине теорию изменений в международной политике следовало бы назвать одновременно теорией империализма и территориальной экспансии. Вплоть до промышленной революции в условиях господства традиционной технологии и низкой производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности то или иное государство могло увеличить свои богатство, мощь и власть путем установления контроля над чужими территориями или завоевав другие страны и народы.

Фактически мощь и богатство государства во многом определялись размерами контролируемой им территории. По-видимому, основные постулаты традиционной геополитики, в первую очередь географический детерминизм, в той или иной форме применимы к реальностям евро-(западно-)центристского мира. И то с некоторыми существенными оговорками.

Что касается современного мира, особенно начиная с конца второй мировой войны, эти принципы безнадежно устарели. Помимо всех прочих аспектов, которые подробно проанализированы в учебнике, необходимо учесть, что условия среды, географическое расположение, которые несомненно оказывали существенное влияние на исторические судьбы и характер народов и стран, со временем изменялись, изменялась и их общественно-историческая роль. Как писал еще Р. Элизе в 1889 г., «океаны, которые являются в наше время орудием международного единения и путем торговых и идейных сношений, некогда вселяли в человечество только чувство ужаса и служили средством разъединения народов».

То же самое можно сказать о дальних расстояниях, преодоление которых стало просто рутинным делом с изобретением и широкомасштабным внедрением новейших средств транспорта, таких как сверхскоростная авиация, ракетная техника, способная доставить в любую точку земного шара оружие массового уничтожения. Очевидно, что влияние географического расположения на геополитику государства не может быть столь фатальным в современную эпоху информационных технологий и новейших средств транспорта и коммуникации, как это было в период преобладания аграрного хозяйства и гужевого транспорта.

В современном же мире, если даже теоретически допустить правомерность подхода старой геополитики, географические и пространственно-территориальные факторы мирового сообщества и соответственно отдельно взятых стран и народов в их отношениях друг с другом подверглись радикальной трансформации. Более того, научно-технический прогресс второй половины XX в. имеет своим результатом качественную модификацию самих географических факторов функционирования и развития обществ. При этом не совсем корректным представляется то, что нередко понятия «пространство» и «территория» используются как синонимы. Дело в том, что в современном мире реальное значение приобретают различные формы пространства. Наряду с территориальным (водным, воздушным) пространством, обладающим четко осязаемыми физико-географическими характеристиками, можно говорить о пространствах экономическом, культурно-цивилизационном, информационном и т.д., которые оказывают влияние как на характер и направленность мировых процессов, так и на политическую стратегию каждого отдельно взятого государства. Очевидно, что в определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение многополярности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов.

Все это свидетельствует о том, что назрела необходимость радикального пересмотра фундаментальных и методологических принципов изучения современного мирового сообщества. В качестве одного из способов решения данной проблемы предлагается по-новому интерпретировать префикс гео- в термине «геополитика»: не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как понимание мирового сообщества в виде единой «завершенной» системы в масштабах всей планеты. Раскрытие этой новизны и «завершенности» и составляет основное содержание последующих глав учебника.

Контрольные вопросы

1. Когда в России начали формироваться геополитические идеи?
2. В чем сходство и различие в позициях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева?
3. Каковы важнейшие установки евразийцев?
4. В чем состоят сильные и слабые стороны их концепций?
5. В чем они усматривали историческую миссию России?
6. Дайте характеристику основных положений неоевразийства.
7. Чем определяется необходимость разработки новой геополитики?

3. ФОРМИРОВАНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРА

3.1. Основные этапы формирования и эволюции евроцентристского мира

Большую часть XX столетия развитие современного мира шло под знаком господства евроцентристского (или в более широком смысле западоцентристского) мира, т.е. группы стран, объединяемых под общим названием «Запад». Это — Великобритания, Франция, Германия, Россия (Советский Союз), Италия, Испания, США, Канада и др. Более того, с точки зрения геополитического развития современного мира без преувеличения можно утверждать, что история Нового времени, особенно XIX в., — это история распространения влияния и утверждения господства в пределах всей планеты Pax Europaea, или евроцентристского мира. Остальные народы, регионы и страны брались в расчет постольку, поскольку они были связаны с историей Запада.

Новое время связано с появлением национального государства, с промышленной революцией, начавшейся модернизацией и т.д. Положивший начало Новому времени XV век стал этапным в судьбах и истории современного мира (Нового и Новейшего времени) в нескольких ключевых аспектах. Это — период окончательного упадка и фактического исчезновения с политической карты Восточной Римской империи на Балканах и в Передней Азии, а также империи татаро-монголов на обширных просторах Евразии. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и окончание монгольского ига после известного противостояния русских и татаро-монгольских войск на реке Угре в 1480 г. ознаменовали начало восхождения Оттоманской и Российской империй на востоке Европы и огромных просторах Азии.

XV век ознаменован также началом ухода в прошлое европейской средневековой цивилизации и восхождением современной западной рационалистической цивилизации. И чуть ли не сразу было положено начало военно-политическим столкновениям и одновременно экономическому, торговому, культурному и иным формам взаимодействия новых, динамично развивающихся акторов мировой политики в лице все более императивно заявлявших о себе национальных государств Европы. С учетом всего комплекса связанных с этим процессов, факторов и феноменов можно утверждать, что современный европейский мир, а в более широком смысле евроцентристский мир начал формироваться именно в XV в.

Данный процесс совпал с великой трансформацией, которая привела к зарождению и развитию капитализма, пришедшему на смену феодализму. Эта трансформация имела в своем основании грандиозные социальные, национально-государственные, политические и иные сдвиги и изменения, преобразившие европейский и североамериканский регионы. Она имела своим следствием возникновение и утверждение новой системы миропонимания, которая перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Эта система первоначально получила импульс и формировалась на территории бывшей Западной Римской империи и в дальнейшем охватила англосаксонский мир на североамериканском континенте. Ее основу составили западное христианство, ренессансная и реформационная культурная и интеллектуальная традиции, Просвещение и связанные с ними социально-философские и общественно-политические учения. Реализация комплекса установок, ориентаций, норм, ценностей и т.д. — всего того, что в совокупности составляет ее мировоззренческую систему, имела своим следствием формирование и утверждение основ современной западной рационалистической техногенной цивилизации.

Напомню в данной связи, что для самой Европы XV столетие было веком изобретения книгопечатания, или гутенберговской революции, положившей начало перестройке системы человеческих восприятий, распространения часов, основания университетов, расцвета искусств, выдвижения на передний план интересов европейского человека фаустовского вопроса о том, как подчинить природу своему контролю. XV век — это век рождения Эразма Роттердамского, Н.Макиавелли, Н.Коперника и других, подготовивших путь революционным идеям человека и гражданина, гражданского общества и правового государства, составившим стержень современного европейского миропонимания.

Любая цивилизация или мировая держава, продемонстрировавшая свою причастность к истории, самодостаточность и эффективность, неизменно обнаруживала тенденцию к пространственной экспансии. Пожалуй, этот принцип наиболее емко и лаконично сформулировал известный идеолог и практик Британской империи XIX в. С.Родс: *«расширение — это все»*. Этот тезис, как считал О.Шпенглер, воплощает *«подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам... Тенденция к расширению — это рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или не хочет, знает ли он об этом или нет»*.

Характерно, что любая цивилизация, ставшая мировой, или мировая держава, первоначально возникала в определенном центре, для которого вся остальная ойкумена, населенная «варварами» в самом широком понимании этого слова, служила в качестве объекта экспансии и арены расширения жизненного пространства. Чтобы убедиться в обоснованности этого тезиса, достаточно обратиться к опыту китайцев, персов, арабов, монголов, османцев, создавших великие империи путем территориальной экспансии.

Более того, такая пространственная экспансия, особенно в условиях экстенсивного роста экономики, представляла одну из главных форм самовоспроизводства, продления существования любой цивилизации, доказательства ее пригодности к истории. Поэтому естественно, что любая цивилизация или мировая держава неизбежно приобретала имперский характер. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что империализм никогда не был монополией Европы или западного мира в целом, история империй так же стара, как и история человеческих цивилизаций.

Но тем не менее в последние пять столетий инициатива в создании и экспансии наиболее эффективной и динамичной мировой цивилизации, отождествляемой с капитализмом, принадлежала европейцам, а затем Западу в целом. Капитализм с самого начала представлял собой феномен интернациональный, поскольку капитал никогда не признает национальные границы. Поэтому появление и развитие капитализма привели к фундаментальным изменениям в мировом развитии. Впервые в мировой истории он сделал возможным установление действительно глобальных взаимоотношений между различными государствами, регионами, народами. Он проник в самые отдаленные уголки земного шара и привнес далеко идущие изменения в динамику и характер мировой экономики и системы политического правления.

Симптоматично, что хронологически формирование евроцентристской капиталистической цивилизации совпало с началом эпопеи Великих географических открытий. XV столетие в сущности стало веком, в котором человечество, образно говоря, открыло сам земной шар.

В ходе эпохальных географических открытий европейские мореплаватели, неизмеримо расширив географический горизонт, несли свои ценности, традиции, обычаи, инструменты, орудия и образ жизни в Африку, Азию, Америку. По образному выражению Гегеля, мир для европейцев стал круглым. Тем самым был положен конец изолированности цивилизаций и культур и инициировано начало длительного периода европейского проникновения в неевропейский мир, начало евроцентристского мира, мира, доминируемого Европой (а затем и Северной Америкой).

Казалось бы, после открытий Колумба и Васко да Гама Запад должен был бы представляться как один из регионов обширной ойкумены. Но победу в силу известного комплекса факторов одержала евроцентристская точка отсчета истории и перспектив человечества. Именно эта точка отсчета лежала в основе рассуждений Гегеля, когда он говорил о завершении историей полного цикла на европейской авансцене. Как утверждал Гегель, всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа *«есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало»*. Под концом всемирной истории в Европе Гегель подразумевал высшую точку, апогей в развитии мирового духа, который, достигнув этой стадии, возвратился в некое состояние духа в-себе-и-для-себя. Однако очевидно, что Гегель рассуждал всецело в терминах евроцентристского мира.

Но тем не менее первоначально именно Европа, а затем Запад в целом разрабатывали, осуществляли и диктовали магистральные направления, пути и средства мирового развития, вовлекая в свою орбиту постепенно все новые регионы, страны и народы. Европа дала современному миру передовую научную мысль и идеи гуманизма, великие географические открытия, положившие начало объединению всей ойкумены в единое целое, рыночную экономику, институты представительной демократии, традиции права, светское государство, основанное на принципах отделения церкви от государства, и т.д. Англичане, французы, испанцы, голландцы, заселив гигантские просторы так называемых «свободных» земель Северной и Южной Америки, Австралии и Южной Африки, положили начало формированию новых наций и национальных государств европейского замеса.

При завоевании и освоении заморских территорий и стран Европа развивалась, говоря словами Ф.Броделя, используя «разницу напряжения энергий». Все ее усилия были направлены на создание великих колониальных империй. Первая волна колониальной экспансии была обусловлена ростом военной и морской мощи ведущих европейских стран и носила коммерческий характер. Она началась с морских открытий португальцев и испанцев во второй половине XV в. Крупные достижения в навигационном деле, географии, астрономии, судостроении и появление огнестрельного оружия коренным образом изменили технологический баланс сил между европейскими и неевропейскими народами и странами.

Европейские государства одно за другим начали захватывать заморские территории, что давало им возможность увеличить свою власть и богатства и постепенно образовать великие колониальные империи. Этот процесс обосновывался и руководствовался первоначально доктриной меркантилизма, стержневым элементом которой был принцип государственного регулирования экономики с целью наращивания богатств и мощи государства. Поскольку золото и серебро стали рассматривать в качестве главных статей и показателей национального богатства, государственное регулирование было распространено и на внешнеторговый сектор.

Пока страна не имела свои собственные золотые или серебряные копи, единственным путем пополнения денежных накоплений было преобладание экспорта над импортом, или благоприятный торговый баланс. В этом плане завоевание колоний оказалось весьма прибыльным, поскольку они обеспечивали монопольный рынок и единоличный доступ к неосвоенным источникам дешевых или просто дармовых сырьевых ресурсов. Каждое государство стремилось монополизировать такие возможности.

Поворотным пунктом в развитии этого старого европейского империализма явился 1776 г., когда была провозглашена Декларация независимости США и Великобритания неожиданно лишилась части своих колоний на североамериканском континенте. В последующие десятилетия Испания и Португалия быстро потеряли практически все свои владения в Латинской Америке, а Франция — Гаити в Карибском бассейне. Старые империи стали клониться к упадку. Одновременно начала терять авторитет и влияние меркантилистская доктрина.

В это же время (1776 г.) появилась работа Адама Смита «Богатство народов», в которой обосновывался тезис о том, что в основе национального богатства любого государства лежат не золото и серебро, а обилие товаров, способных удовлетворить потребности своего населения. Цель торговли, по Смицу, состоит не в накоплении товаров, а в получении выгод из международного разделения труда. Поэтому монополистическое регулирование внешней торговли по своей сути порочно. Более эффективна, утверждал он, политика *laissez-faire*, *laissez-passer*, или свободной конкуренции и свободной торговли. Эти идеи, способствовавшие беспрецедентному ускорению развития экономики Запада и мировой торговли, дали новый толчок заморской экспансии европейских держав.

Особенностью второй волны колониальной экспансии явилось то, что объектом притязаний европейских держав стали народы и страны, которые до сих пор не изъявляли желания подчиняться чужеземному господству. Показательно, что в конце XVIII в. попытка Англии открыть для себя китайский рынок и с этой целью учредить в Срединной империи свое посольство потерпела неудачу. Китайский император Цень Лун отказался принять посланца английского короля Маккартни, не желая признать равным себе какого-то чужеземного монарха.

Положение стало радикально меняться с середины XIX в. В результате так называемой опиумной войны 1834–1842 гг. Великобритании удалось захватить некоторые территории континентального Китая и обосноваться там. В 1853 г. американский коммодор М. Перри «открыл» Японию и навязал ей неравноправные договоры.

В итоге в течение четырех столетий, последовавших за открытиями Х. Колумба и Васко да Гама, Азия была покорена. Покорение ее велось с трех сторон. С запада первыми туда проложили путь европейские купцы, миссионеры и военные. Британия заняла территории нынешних Пакистана, Индии, Шри Ланки, Бангладеша, Мьянмы, Малайзии, Сингапура и Гонконга; Испания — Филиппин; Франция — стран Индокитая (Вьетнама, Лаоса и Камбоджи); Голландия — нынешней Индонезии; Португалия — Гао в Индии, Восточного Тимора в Индонезии и Макао в Китае. Американцы проникли в Азию с Востока. Вслед за «открытием» Японии в 1867 г. США купили у России Аляску, затем в 1898 г. были аннексированы Гавайи, часть Самоа и завоеванные у Испании Филиппины.

Россия открыла, освоила и заселила русскими казаками, переселенцами-крестьянами и торговцами Сибирь и Дальний Восток. Тем самым на восточной окраине Европы эпопею, аналогичную той, которую осуществили США на североамериканском континенте, предприняла и завершила Россия. Как отмечал С. Соловьев, история России есть история страны, которая постоянно колонизовалась. Этот процесс, начавшись в XV в., завершился к началу XX в. на берегах Тихого океана. В ходе создания великой многонациональной империи Россия несла свою культуру, формы миропонимания, образ жизни народам Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии, Кавказа.

Таким образом, США с запада и Россия с востока, проделав путь, образно говоря, равный одному полушарию, встретились на Аляске — как бы в точке пересечения западного и восточного полушарий, Евразии и Америки.

Оттоманская империя, начиная с английской оккупации Адена в 1839 г. и завоевания Алжира Францией в 1847 г., шаг за шагом отеснялась со своих позиций. Берлинская конференция 1885–1887 гг. закрепила окончательный раздел африканских территорий между европейскими державами.

Международные отношения в рассматриваемый период характеризовались огромными усилиями великих держав укрепить существующие и создать новые колониальные империи.

Позже других великих держав на путь завоеваний вступила Германия, которая только в 1871 г. завершила объединение множества мелких разрозненных германских государств в единое централизованное государство. В 80–90-х годах Германия захватила территории в юго-западной и юго-восточной Африке, а также Того и Камерун, в бассейне Тихого океана — Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, часть острова Новая Гвинея. Кайзер Вильгельм II, выступая на торжествах по случаю 20-летнего юбилея германской империи, заявил, что *«империя, созданная Пруссией, отныне является мировой империей»*.

О далеко идущих планах правящих кругов Германии свидетельствовал тот факт, что во время поездки Вильгельма II в 1898 г. на Ближний Восток была достигнута договоренность о предоставлении Германии концессии на строительство гигантской по своей протяженности железной дороги от Берлина через Балканы, Босфор и дальше через всю Малую Азию, Мосул и Багдад до Персидского залива. Поскольку реализация этого проекта создавала реальную угрозу колониальным владениям Великобритании в Азии, это привело к обострению англо-германских отношений.

Интенсифицировала усилия по укреплению своих колониальных позиций Франция. Она сосредоточила свое внимание главным образом на Африке и Юго-Восточной Азии. С установления протектората над Тунисом в 1881 г. началось ее утверждение на африканском континенте — к концу XIX в. ей удалось захватить территории нынешней Дагомеи, Кот д'Ивуар, Гвинеи, значительную часть бассейна реки Конго, остров Мадагаскар. В Юго-Восточной Азии была создана обширная колония — Французский Индокитай.

Продолжалось дальнейшее расширение и укрепление Британской колониальной империи. В рассматриваемый период взоры англичан устремились в сторону Африки, бассейна Тихого океана и территорий, лежащих на пути к самой крупной британской колонии — Индии. Их захват значительно был облегчен с введением в строй в 1869 г. Суэцкого канала, который существенно сократил путь из Европы в Индию и страны Юго-Восточной Азии. Правительство Великобритании, воспользовавшись трудностями, с которыми столкнулось египетское правительство, скупило его долю акций «Компании Суэцкого канала», а затем в 1882 г. установило на территории Египта режим военной оккупации. В 80-х годах, после захвата в Южной Африке бассейнов рек Лимпопо и Замбези, были созданы колонии Северная и Южная Родезия. В тот же период англичане захватили территории нынешних Уганды, Кении, Нигерии, часть Сомали. В 1898 г. завершилось завоевание Судана. В 1885 г. под власть Великобритании попала Бирма — нынешняя Мьянма. В последние десятилетия прошлого века англичане обосновались на островах Океании.

Очевидно, что во второй половине XIX в. ведущие державы Европы, к которым позже присоединились США и Япония, разделили между собой практически все восточное полушарие. Новый империализм создал величайшие империи в истории, самой крупной из которых стала Британская, раскинувшаяся на громадных пространствах от Гонконга на востоке до Канады на западе.

В результате к концу XIX–началу XX в. завершился территориальный раздел мира между великими промышленно развитыми державами. Что касается таких крупных стран, как Китай, Турция, Иран, которые не подверглись прямой аннексии, то они оказались поделенными на сферы влияния. На планете не осталось «ничейных» территорий. С этого времени начинается борьба великих держав за передел уже поделенного мира. Констатируя все эти изменения, Г. Макиндер в 1904 г. пришел к выводу, что великий период европейской экспансии, «эпоха Колумба» завершилась. Теперь начинается новая эпоха — эпоха территориально поделенного и освоенного мира. Можно сказать, что великие географические открытия и колониальные завоевания вызвали полную трансформацию самого ойкуменического облика (весь земной шар впервые за историю человечества стал единой ойкуменой) и геополитической карты планеты.

Подводя итог изложенному выше, можно сказать, что последние десятилетия XIX в. и первое десятилетие XX в. — это период, когда евроцентристский мир достиг своего апогея. Особенность этого периода состоит также в стремительном выдвигании на мировую авансцену США в качестве восходящей могущественной экономической и военно-политической державы, способной на равных конкурировать с традиционными великими европейскими державами. Но прежде чем перейти к этой теме, вкратце рассмотрим те идеи и концепции, которые в совокупности можно назвать «европейской идеей».

3.2. Идея Европы

Само понятие «Европа» имеет длительную историю. Разделение мира на отдельные континенты, по-видимому, восходит к Древнему Египту, хотя и без соответствующих названий. В Библии нет термина «Европа». Патриархи, пророки и апостолы соответственно не знают концепции Европы. У Геродота мы встречаем разделение мира на три части: Европу, Азию и Ливию, под которой подразумевалась Африка. Известен миф о похищении Зевсом дочери финикийского царя Европы, по имени которой, согласно мифу, и назвали континент. Но существует также мнение о том, что греческое слово «европа» было заимствовано из финикийского языка и могло означать «вечерняя страна». Здесь напрашивается аналогия с О.Шпенглером, который назвал свою знаменитую книгу так: «Закат Страны вечера» (*Der Untergang des Abendlandes*). На русский язык она переведена как «Закат Европы».

Понятие «Европа» несет в себе не только сугубо географический, но также исторический, социокультурный, религиозный и, наконец, политический смысл. Оно существует не одно тысячелетие, а в течение столетий обозначало нечто большее, чем просто географическое выражение. По мнению исследователей, это понятие использовалось в качестве географической концепции и ассоциировалось с идеей свободы во времена античности, с идеей христианского мира в XV в., с политикой баланса сил начиная с XVI в. и с цивилизацией в XVIII в.

Понятие «Европа» впервые приобрело специфическое содержание или звучание в контексте конфронтации греков с персами. По-видимому, уже с V в. до н.э. древнегреческие авторы именно в данном контексте начали связывать концепции Европы и Азии с различиями в языке, культуре, образе жизни, системе правления и т.д.

Но было бы явной натяжкой утверждение о существовании уже с древнейших времен идеи европейской идентичности. Примечательно, что феноменальное расширение первоначального города-государства Рима, а затем Римской империи рассматривалось не как некое проявление европейской экспансии, а как экспансии именно Римской империи. Причем сама Римская империя являлась государственным воплощением средиземноморской цивилизации, которая охватывала Южную Европу, Переднюю Азию и Северную Африку.

В VII в. произошел раскол Средиземноморского мира. Важнейшим фактором с данной точки зрения явилась начавшаяся в тот период арабская экспансия. Арабы завоевали Сирию, Палестину и Персию. Дамаск стал центром, откуда Восточная Римская империя подвергалась постоянным атакам. Постепенно арабы завоевали Египет и всю северную Африку, а в 711 г. пересекли Гибралтар. В битве у Пуатье в 732 г. они были остановлены Ш. Марселом. Тем не менее длительное время большая часть Испании, на которой было образовано государство Кордовский халифат, находилась под властью арабов.

Мысль о единстве Европы формировалась в течение веков. Постепенно утверждалось чувство европейской идентичности, что, в частности, проявилось в возникновении и использовании слова «европейскость» (europeanness). Идентификация Европы от Атлантического побережья до Восточной Европы происходила на основе двух универсальных опор — Римской католической церкви и Священной Римской империи, которым сколько-нибудь реальной альтернативы не было.

На фоне усиления тюркской угрозы на востоке Европа становится синонимом христианского мира. В XVIII в. ее впервые стали отождествлять с цивилизацией. И хотя в формировании самообраза Европы христианство продолжало играть свою роль, к концу XVIII в. понятия «Европа» и «христианство» более не использовались как синонимы. Начали формироваться идеи превосходства Европы над другими регионами и европейских народов над другими народами, которые приобретали все более четкие очертания.

Постепенно вырабатывались критерии передовой европейской цивилизации, противопоставляемой отсталым варварским западным обществам. Впервые выражение «европейская цивилизация» (la civilisation européenne) было использовано в 1766 г. в работе, написанной, по-видимому, французским физиократом аббатом Бодо и посвященной французским колониям в Северной Америке. По мнению Бодо, задача французов в Северной Америке состояла в том, чтобы превратить индейцев в настоящих французов. Иными словами, их миссия заключалась не только в христианизации, но и в «цивилизации» отсталых народов. В XIX в. произошло полное отождествление цивилизации с Европой.

Таким образом, термин «Европа» имеет длительную историю, однако идея Европы представляет собой сравнительно новый феномен. Именно Великая французская революция способствовала вычленению и развитию этой идеи. С этого времени Европа, которая прежде рассматривалась как географическая категория, превратилась в исторический и цивилизационный феномен. В начале XIX в. стало формироваться понятие истории европейской культуры в качестве самостоятельного феномена. В данном контексте идея Европы стала объектом политических дискуссий.

Не случайно весь XIX в. характеризовался безграничной верой в превосходство Европы, что и не удивительно, поскольку это был период беспрецедентной экспансии Европы. Прогресс стал, в сущности, синонимом европейской цивилизации и ее экспансии. Утвердилась идея о том, что мировая история достигла своей высшей ступени развития в европейской цивилизации. Не вызвала никаких сомнений сама мысль о том, что Европа должна вести весь остальной мир к благам цивилизации.

Вполне естественно, что начали вызревать проекты политического объединения Европы. В 30-х годах XIX в. Дж. Мадзини выдвинул идею об образовании Соединенных Штатов Европы. На Парижском конгрессе европейских пацифистов в 1849 г. В.Гюго, озвучив эту идею, придал ей широкую известность. В 1876 г., когда сербы восстали против турецкого господства, В.Гюго снова выступил с речью о необходимости создания европейской федерации. Жестокость, с которой было подавлено сербское восстание, говорил Гюго, доказывает, что Европа нуждается в *«европейской национальности, объединенном правлении, великом братском арбитраже — демократии в условиях мира с самой собой»*.

Для многих наблюдателей последних десятилетий перед первой мировой войной тот период казался золотым веком в развитии европейского общества. На рубеже двух веков преобладали оптимизм и вера в прогресс. Впечатляющие научные и технологические достижения способствовали ускоренному росту материального благосостояния. Хотя широкие слои населения еще продолжали бедствовать, во многих странах были приняты социальные законодательства, предусматривающие значительное улучшение их положения.

Однако процесс быстрой индустриализации, который революционизировал все аспекты жизни, одновременно способствовал подрыву чувства единства Европы. Обращает на себя внимание тот факт, что вторая половина XIX–начало XX в. стали периодом не только безграничной веры в превосходство европейской цивилизации, но и агрессивного национализма, который, по сути дела, подрывал убеждение в принадлежности всех европейских народов единому европейскому сообществу с общей судьбой.

Европа оказалась как бы в тисках национализма. Не только процессы объединения Италии и Германии, но также противоречия между государствами как в самой Европе, так и за ее пределами — в колониях — создали климат, в котором идея принадлежности европейскому сообществу как единому целому отошла на задний план. Показательна позиция канцлера Германии О.Бисмарка, который говорил, что для него Европа всего лишь географическое название. Известен такой эпизод: когда английский посол, которого канцлер посвятил в планы Пруссии, заметил, что Европа этого не позволит, Бисмарк возразил вопросом: «Кто это — Европа?»

Первая мировая война, с точки зрения как своих беспрецедентных масштабов, так и характера, имела далеко идущие последствия. Прежде всего в атмосфере националистической истерии были отброшены либеральные ценности XIX в. Наиболее рьяные националисты видели в войне возможность очищения нации. Национальное самовосхваление и призывы к единству требовали жесткой дисциплины и сильных личностей. В официальной пропаганде и печатных изданиях вошли в повседневный обиход уничижительные клише, где представители противоборствующих сторон наделялись всеми отрицательными, вызывающими отвращение чертами. Например, англичане называли немцев не иначе как гуннами. Не случайно, что, проанализировав положение, создавшееся в Европе в межвоенный период, германский историк Э.Нолте охарактеризовал его как «европейскую гражданскую войну 1917–1945 гг.»

Но тем не менее идеи и проекты политического объединения Европы продолжали пользоваться определенной популярностью. Так, начиная с февраля 1916 г. по просьбе чешского философа, будущего президента Чехословацкой республики Т.Масарика сторонники малых славянских народов инициировали публикацию журнала «Новая Европа» («New Europe»), а в 1918 г. под таким же названием была опубликована его книга.

Разумеется, главной целью для Масарика была независимость Чехословакии. Но вместе с тем он прогнозировал в будущем некую тенденцию к региональному, а затем и всеевропейскому сотрудничеству. Он полагал, что только свободные и независимые народы способны присоединиться к таким сверхнациональным структурам в качестве равных партнеров.

Необходимо отметить, что уже в 1918 г. предпринимались попытки объединения новых государств Центральной Европы. В октябре того же года в США был создан так называемый Центральноевропейский демократический союз, в который вошли представители 12 европейских народов, а председателем стал Масарик. Однако союз фактически преследовал пропагандистские цели и не имел сколько-нибудь серьезного влияния в самой Европе.

Мысль о возможности и желательности достижения единства европейских стран и народов была в наиболее развернутой форме сформулирована австрийским графом Куденхове-Калерги в книге под характерным названием «пан-Европа», опубликованной в 1923 г. Главная идея состояла в том, что объединенная Европа может стать неким самостоятельным политическим и экономическим образованием, противостоящим одновременно Советскому Союзу, Великобритании и США.

Куденхове-Калерги первоначально возлагал надежды на то, что мирная программа В.Вильсона и Лига наций будут обеспечивать мирное и справедливое послевоенное устройство. Однако вскоре он разочаровался в своих ожиданиях. Считая, что предполагаемый панъевропейский союз должен выступать в качестве международной группы давления, Куденхове-Калерги исходил из признания конца исторической эпохи превосходства Европы. Более того, он утверждал, что пришел конец господству самой белой расы.

Но упадок Европы может и должен быть остановлен, чтобы предотвратить превращение континента в объект игры мировой политики. Европа, утверждал Куденхове-Калерги, распространилась по всему миру, что привело к возникновению нескольких новых «глобальных властных полей» с корнями в одной и той же культуре. Однако в качестве политического единого целого Европы не существует. Под пан-Европой Куденхове-Калерги как раз и подразумевал эту предполагаемую политическую Европу, отличную от географической и культурной Европы.

В 20-х годах Куденхове-Калерги удалось завоевать симпатии двух ведущих французских политиков Э.Эррио и А.Бриана. В январе 1925 г. Эррио выступил с речью, в которой сформулировал идею создания Соединенных Штатов Европы. В конце 1924 г. был обнародован манифест панъевропеизма, в основе которого лежали идеи Куденхове-Калерги. В 1926 г. в Вене собрался первый панъевропейский конгресс, на котором было провозглашено создание Панъевропейского союза. Его почетным президентом стал тогдашний министр иностранных дел Франции А.Бриан, а членами — такие известные в тот период люди, как Э.Эррио, Л.Блум, Э.Даладьё и П.Бонкур (Франция), Я.Шахт, К.Вирт, А.Эйнштейн, Т. и Г.Манн (Германия), Ф.Ноэль-Блокер (Великобритания), З.Фрейд (Австрия) и др.

Эти факты, с одной стороны, свидетельствуют о стремлении определенных интеллектуальных и политических кругов Европы к консолидации, а с другой стороны, служат дополнительным подтверждением того, что в конце XIX–начале XX в. евроцентристский мир достиг своего апогея. С этого времени начинается новая глава в истории евроцентристского мира.

3.3. Гегемония западоцентристского мира

В результате великих географических открытий и колониальных завоеваний Европа постепенно поворачивалась от Средиземноморья к Атлантике. Во всяком случае экономический центр притяжения переместился к портам атлантического побережья. Венеция и Генуя потеряли свои преобладающие позиции и уступили их сначала Лиссабону, затем Севилье, Антверпену и, наконец, Амстердаму, Гамбургу и Лондону. Несколько позже, в значительно меньших масштабах «золотой век» наступил для Нанта, Бордо, Кадиса и многих других городов, имеющих выход в Атлантический океан.

Вполне естественно, что со временем экономические, финансовые и торговые центры возникли и в Новом Свете (включая Австралию, Новую Зеландию и ЮАР) — сначала на американском побережье Атлантики, а затем в других регионах. В данной связи необходимо отметить, что постепенно частью мира, созданного европейцами, становились те регионы и территории, которые были заселены и освоены европейцами, вытеснившими либо физически уничтожившими местное население. Здесь имеются в виду прежде всего Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия, а также Южная Америка, где сформировались либо своеобразные дочерние, либо гибридные культуры и общества. Процесс вхождения их в единое всепланетарное геополитическое сообщество составляет одну из основных глав современной истории человечества.

Речь идет в первую очередь о восхождении Соединенных Штатов Америки. В течение всего XIX в. США были заняты освоением гигантских просторов и ресурсов североамериканского континента. Завершив к концу XIX в. «столетний марш» длиной от Атлантического побережья до Тихого океана, нарастив за это время экономическую и военную мощь, США стали добиваться соответствующего места в иерархии рангов на мировой политической арене.

Следует отметить, что XIX в. ознаменовался установлением гегемонии США в пределах западного полушария. Основой этой стратегии стал панамериканизм, базирующийся на идее общности исторических судеб, а также экономических и внешнеполитических интересов всех стран американского континента. Принципы панамериканизма были заложены еще в «доктрине Монро», провозглашенной правительством США в 1823 г. Декларированная в этой доктрине формула «Америка для американцев» была призвана воспрепятствовать вмешательству европейских держав в дела стран западного полушария. Однако с самого начала стало очевидно, что данная формула имела своей целью обоснование притязаний США на главенствующее и руководящее положение в регионе. Для реализации этой цели в 1889 г. был создан Панамериканский союз, призванный найти оптимальные пути решения межамериканских проблем. Позже, после второй мировой войны на основе Союза была создана Организация американских государств (ОАГ), членами которой стали США и почти все страны Латинской Америки.

Значительная часть периода американской экспансии на североамериканском континенте совпала с относительно мирным периодом в Европе, начало которому было положено Венским конгрессом в 1815 г. Баланс сил, который в XIX в. стал фактом европейской политической истории, позволял США придерживаться стратегии изоляционизма, т.е. невмешательства в европейские дела и в то же время недопущения вмешательства европейских держав в дела западного полушария.

Этой стратегии благоприятствовало географическое положение Нового света в целом и США в частности — отгороженность от остального мира двумя океанами. Убежденные в том, что внимание европейских стран сосредоточено на решении собственных проблем, американцы считали возможным решать все свои проблемы без европейского вмешательства. Симптоматично, что, даже вступив в первую мировую войну в апреле 1917 г., США не стали членом какого-либо военно-политического союза. Рецидивы изоляционизма в этой стране служили важным фактором, время от времени определявшим внешнеполитическое поведение ее руководителей вплоть до второй мировой войны.

Однако с течением времени обнаружилось, что баланс сил, созданный «концертом» великих европейских держав и выгодный США, не выдерживает испытания временем и событиями на международной арене, кульминационным моментом которых стала первая мировая война. Естественно, что США, претендующие на статус во всяком случае равноправного партнера главных акторов на мировой арене, не могли остаться в стороне от процессов и событий, разворачивающихся за пределами североамериканского континента, а в более широком плане — всего западного полушария. Одним из убедительных свидетельств державных устремлений США в этом контексте можно считать граничащую с авантюризм приключением вылазку коммодора Перри у берегов Японии уже в 1853 г.

Экспансионистские устремления правящих кругов США особенно отчетливо проявились в их внешнеполитической стратегии по отношению к Латинской и Центральной Америке, а также в Тихоокеанском бассейне и Восточной Азии. Одним из важных инструментов экономической экспансии в Восточной Азии и прежде всего в Китае стала так называемая доктрина открытых дверей. Суть этой доктрины состояла в требовании предоставить всем странам, в том числе и США, равные условия и возможности для торговли в регионе. В 1880-х годах Америка подчинила себе Гавайские острова, занимающие весьма выгодное стратегическое положение на пересечении морских путей из США в Азию. В 1887 г. американцы построили на Гавайских островах военную базу Перл-Харбор, ставшую одним из важнейших форпостов военно-политической экспансии США в бассейне Тихого океана.

О сущности политики руководителей США можно судить по тем целям, которые они преследовали в испано-американской войне 1898 г. Главная из них — нанесение последнего удара по одряхлевшей к тому времени Испанской империи и окончательное утверждение в Латинской Америке с одновременным укреплением влияния в других ее владениях. Яблоком раздора в войне стали Куба, занимающая стратегически важное положение на подступах к Латинской Америке в бассейне Карибского моря, и Филиппины, занимающие столь же стратегически важное место в Тихом океане. Война закончилась подписанием 10 декабря 1898 г. Парижского мирного договора, по которому к США от Испании отошли Филиппины, острова Пуэрто-Рико в Антильском архипелаге и Гуам в Тихом океане.

Тем самым США, по сути дела, приобрели статус фактически колониальной державы. Захваченные ранее Гавайские острова, а теперь и Филиппины явились важными плацдармами для дальнейшей экспансии США в направлении Южной и Восточной Азии. Куба же, оккупированная американскими войсками, была объявлена не зависимой от Испании, что, в сущности, означало полное подчинение острова американскому влиянию. Это в свою очередь дало стимул к интенсификации усилий по укреплению позиций северного соседа в Центральной и Южной Америке.

В этот период остро встал вопрос о поисках наиболее короткого и оптимального пути из Атлантического океана в Тихий. Взоры правящих кругов США и крупных финансово-промышленных воротил обратились к Панамскому перешейку, который был выбран для строительства межокеанского канала. Строительство канала завершилось в 1914 г., но в строй он был пущен только после первой мировой войны.

Свидетельством возросшего влияния Америки на мировой арене стало, в частности, выступление в начале XX в. Вашингтона в качестве арбитра при решении проблем, возникших в результате русско-японской войны 1905 г. Вступление в первую мировую войну в апреле 1917 г. явилось для США важнейшей вехой на пути утверждения в качестве великой мировой державы.

Первая мировая война показала, что эра господства Европы, или европейский век, уступает место новому атлантическому веку — веку совместного господства Европы и Северной Америки.

После окончания войны Америка снова вернулась к политике невмешательства в дела внешнего мира. А в условиях надвигавшейся в 30-х годах второй мировой войны она, во всяком случае официально, декларировала свой нейтралитет стороннего наблюдателя за событиями, происходившими тогда в восточном полушарии.

Однако положение радикально изменилось, когда японские ВВС 7 декабря 1941 г. вероломно атаковали американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. Кроме того, быстро развивающаяся военная техника, в частности появление авиации, как будет показано ниже, уменьшала действенность фактора географической удаленности США от ведущих центров мировой политики. Эти процессы в 30-х годах совпали с усилением агрессивных диктаторских режимов в Европе и Азии, режимов, враждебных демократическим обществам и стремящихся разрушить версальскую систему и послевоенное статус-кво.

Именно в этих изменившихся условиях Америка отказалась от политики изоляционизма и вступила во вторую мировую войну, понимая, что победа фашизма может стать реальной угрозой самому физическому существованию США. Враждебная держава, контролирующая Европу, и, что хуже, комбинация враждебных держав, контролирующих Евразию, приобрела бы потенциальное военное превосходство над Новым Светом. В этих обстоятельствах Америка превратилась бы в осажденную крепость, вынужденную мобилизовать все свои людские и материальные ресурсы для защиты от вооруженных до зубов агрессоров.

Из второй мировой войны США вышли могущественной экономической и военно-политической сверхдержавой, что уже само по себе сделало политику изоляционизма достоянием истории. Окончательно отказавшись от такой политики, Америка перешла к активному участию в мировых делах на глобальном уровне. Более того, она стала одним из двух полюсов образовавшегося сразу после второй мировой войны глобального двухполюсного миропорядка.

3.4. Особенности социально-экономического развития Запада в конце XIX — начале XX века

В социально-экономическом плане главным содержанием рассматриваемого периода стало распространение капиталистических отношений и рыночной экономики из Европы и Северной Америки на все новые страны и регионы. Мировая капиталистическая система начала складываться как бы своеобразными волнами, что позволило исследователям выделить некие «эшелоны» в ее развитии. В политическую и научную лексику вошли понятия «центр» и «периферия», которые были призваны обозначить различие между экономически развитыми и отсталыми в своем развитии странами и регионами.

Центр составляло небольшое число стран-лидеров: Великобритания, США, Франция, Германия, скандинавские страны. Переход их на капиталистические рельсы начался раньше, чем в других странах; в ходе промышленной революции за сравнительно короткий по историческим меркам период они добились впечатляющих результатов.

Периферией считались все остальные страны, которые встали на капиталистический путь сравнительно поздно. Для них характерен так называемый догоняющий тип развития. Круг этих стран, которые в той или иной форме и с теми или иными модификациями повторяют путь, пройденный странами центра, на протяжении XIX–XX вв. неизменно расширялся.

Размежевание на центр и периферию в более или менее очерченной форме проявлялось в начальный период развертывания и осуществления промышленной революции, однако начиная с рубежа XIX и XX столетий такое жесткое разделение постепенно стало размываться. Хорошо известны, например, случаи, когда периферийные страны, поздно вступившие на путь капиталистического развития, довольно быстро входили в число стран-лидеров, тем самым неизменно расширяя центр. К ним относятся прежде всего Швеция и Япония, которые уже в первой половине XX в. вошли в число стран-лидеров капиталистического мира.

Завершение промышленной революции в последние десятилетия XIX в. создало условия для быстрого экономического развития данной группы стран. Период конца XIX–начала XX в. отмечен бурным развитием производительных сил, появлением множества научно-технических открытий и изобретений, сыгравших решающую роль в развитии как гражданских, так и военных отраслей экономики. Более того, эти открытия в буквальном смысле произвели переворот в военном деле.

С ликвидацией остатков феодализма во все более растущем числе стран довольно быстрыми темпами утверждались капиталистические отношения. Определяющее значение с этой точки зрения имели формирование и утверждение в Европе и Северной Америке рыночной экономики и принципов свободной торговли, дальнейшее расширение которых привело к образованию подлинно мирового рынка, к социально-экономическому и политическому единению мирового пространства. Ускорились процессы формирования и консолидации гражданского общества как самостоятельной и независимой от государства подсистемы человеческого социума. Постепенно утверждались институты политической демократии с ее плюрализмом партий, организаций, объединений, парламентаризмом, разделением властей и т.д.

Значительно позже на путь капиталистической модернизации перешли государства Восточной и Южной Европы, которые в силу национально-культурных и исторических традиций медленно изживали феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Запоздалый и неравномерный процесс утверждения здесь капиталистических отношений, сильные позиции монархии, аристократии, церкви в политической жизни, устойчивость консервативных ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения буржуазных социально-экономических структур и соответствующих им институтов политической демократии.

Вплоть до 70–80-х годов в ряде этих стран капитализм не смог установить свою культурную и идейную гегемонию. В них все еще сохраняют большое влияние некапиталистические и даже антикапиталистические установки и ориентации, на равных с буржуазно-либеральной шкалой ценностей существует другая, добуржуазная социокультурная и идейно-политическая традиция. Поэтому неудивительно, что некоторые из этих стран, получившие более или менее мощный импульс для экономического развития только после второй мировой войны (например, Италия), а в отдельных случаях даже в 70-х годах (например, Испания), вошли в число стран-лидеров лишь в последние полтора–два десятилетия.

3.5. Превращение Востока в активного субъекта мирового сообщества

Если раньше неевропейские народы осваивали европейские научно-технические, экономические, интеллектуальные и другие достижения пассивно, то в конце XIX–начале XX в. начался новый этап их активного освоения. Приоритет несомненно принадлежит Японии, которая в результате реставрации Мейдзи в 1868 г. встала на путь капиталистического развития, систематического насаждения у себя капиталистических институтов. Руководство Страны восходящего солнца приступило к ликвидации феодальных институтов, ввело современную для того времени налоговую систему, в соответствии с положениями так называемых неравноправных договоров открыла свою экономику для внешней торговли, ввела коммерческое право, большей частью скопированное с германского, и т.д.

Хотя Япония вступила на путь капиталистического развития сравнительно позже, чем ведущие европейские страны, она делала быстрые успехи на поприще промышленного развития и военного строительства. Это дало ей возможность перейти на путь внешней экспансии. Уже в 70-х годах она постепенно пополнила ряды колониальных держав. Естественно, что объектом вожделиний правителей Страны восходящего солнца стали соседние Китай и Корея. В японо-китайской войне 1894 г. Япония быстро разгромила китайские армии, захватила Корею и Южную Манчжурию, что вынудило Среднюю империю заключить унижительный мир. О растущей мощи Японии свидетельствовал также тот факт, что в 1899 г. она добилась отмены всех неравноправных договоров, навязанных ей раньше европейскими державами и США.

Можно сказать, что к концу XIX в. Япония стала одним из немаловажных участников «концерта держав», конкурирующих на мировой арене за передел уже поделенного мира. Встав на путь ускоренной милитаризации, она начала готовиться к войне с Россией, чье усиливавшееся влияние на Дальнем Востоке не могло не беспокоить правящие круги этой страны, да и не только их. В феврале 1904 г. японский флот, по сути дела, без объявления войны внезапно атаковал русскую эскадру в Порт-Артуре (аналогичный прием японцы повторили 7 декабря 1941 г., вероломно атаковав американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе).

В решающих сражениях при Мукдене и Цусиме русские войска потерпели поражение. Таким образом, на Дальнем Востоке на мировую авансцену вышла новая военно-политическая держава, способная выступать в качестве реального субъекта международных отношений и на равных соперничать с традиционными военно-политическими державами.

С этого времени (особенно в межвоенный период) Япония стала одним из главных возмутителей спокойствия на Дальнем Востоке, который уже на равных соперничал с западными державами. События 7 декабря 1941 г. в Перл-Харборе, невзирая на их последствия для Японии, воочию продемонстрировали реальное начало конца евроцентристского мира и начало новой эпохи в мировой истории.

В конце XIX–первой половине XX в. капиталистические отношения из метрополий постепенно начали распространяться на колониальные и зависимые страны. Уже в первые десятилетия XX в. возрастает роль колоний и зависимых стран в качестве источников дешевого сырья и рынков сбыта промышленных товаров метрополий, а также поставщиков дешевой рабочей силы. Компании метрополий захватывали источники сырья. Нефть, уголь, металлосодержащие руды, редкие металлы, фосфаты и другие богатства Азии и Африки постепенно переходили в их руки.

Следует отметить, что европейское, а затем и американское проникновение в Азию и Африку имело не только сугубо негативное значение. Хотя западные капиталовложения в экономику колониальных и зависимых стран и преследовали главным образом цель подчинения их метрополиям, одним из их немаловажных результатов такой деятельности стало стимулирование капиталистического развития этих стран, появление здесь отдельных современных промышленных предприятий, создание многоукладной экономики.

Важным результатом вывоза западного капитала стало строительство железных дорог, портов, мостов, каналов, телеграфных и телефонных линий. В данной связи особо следует отметить строительство германским капиталом известной Багдадской железной дороги и с помощью английского и французского капитала — Суэцкого канала. С одной стороны, они приближали основные сельскохозяйственные и сырьевые регионы к промышленным центрам Запада, а с другой стороны, облегчали проникновение западных промышленных товаров в глубинные районы Азии и Африки, расширяя тем самым возможности эксплуатации их народов и обеспечивая политический контроль над ними. В то же время при всех возможных здесь оговорках они стимулировали, хотя и однобокое, экономическое развитие целого ряда стран и регионов, способствовали их приобщению к научно-техническому прогрессу, приближению к мировым промышленным, научным и культурным центрам.

Начало XX в. ознаменовалось формированием в колониальных и зависимых странах национальной буржуазии, интеллигенции, офицерства, рабочего класса и сравнительно многочисленных отрядов студенчества. Именно они послужили основной движущей силой начавшихся разворачиваться в тот период революционно-демократических и национально-освободительных движений. Эти движения, крепнущие с каждым годом, постепенно превращались в важнейший фактор общественно-исторического развития стран Востока, за что и получили название «пробуждение Азии». Наиболее яркими проявлениями этого пробуждения стали буржуазные революции в Иране (1905–1911), Турции (1908), Китае (1911–1913). Мощные выступления трудящихся в 1905–1908 гг. в Индии поставили под угрозу само господство англичан в этой стране. Революционные выступления имели место также в Индонезии, Египте, Алжире, Марокко, Южно-Африканском Союзе и других странах.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать вывод о правоте французского поэта П. Валери, который в 1931 г. писал, что «начинается эпоха законченного мира» (*le temps du monde fini commence*). Можно сказать, что великие географические открытия и колониальные завоевания вызвали полную трансформацию самого облика всей ойкумены: земной шар впервые за всю историю человечества стал единой ойкуменой. Образно говоря, мир стал завершенным, законченным, закрытым, если под этим понимать замкнутость мирового пространства, занимаемого человеком, в определенных границах.

По-видимому, любая цивилизация в крайнем своем выражении стремилась к закрытости. Однако в рассматриваемом контексте тезис о закрытости и завершенности мира, верный с точки зрения освоения или подчинения «свободных» пространств и отсталых стран и народов, все же нуждается в определенных коррективах. К концу XIX в. завершилась грандиозная эпопея освоения и раздела всего земного шара, но мир вовсе не перестал быть евроцентристским, поскольку само миропонимание сохраняло сущностно евроцентристский характер, европейские, а в более широком понимании западные страны продолжали диктовать свою волю и определять правила политической игры на международной арене. Подавляющему большинству остальных стран и народов была отведена лишь пассивная роль объектов политики великих держав.

Дело в том, что эпоху Великих географических открытий и колониальных завоеваний условно можно назвать стадией внешнего или одностороннего объединения земного шара на условиях, диктовавшихся Западом и в интересах Запада. Главная особенность колониальной системы первой половины XX в. состояла в том, что она, по сути дела, охватила весь земной шар и стала главным структурным элементом мирового капиталистического хозяйства. В сущности, колониальная система охватывала как колонии в собственном смысле слова, т.е. страны и территории, лишенные какой бы то ни было формы самоуправления, так и полуколонии, в том или ином виде сохранившие свои традиционные системы правления.

Следует отметить также, что целая группа стран, в том числе крупных — таких как Китай, Турция, Иран, Афганистан, Сиам, Эфиопия, сохраняли независимость лишь формально, поскольку опутанные сетью неравноправных договоров, кабальных займов и военных союзов они оказались в зависимости от ведущих промышленно развитых стран. Вся Азия, за исключением Японии, и другие колониальные и зависимые страны в течение первой половины XX в. оставались объектами господства в основном западных стран. Процесс их вхождения в мировое сообщество в качестве реальных субъектов общественно-исторического развития и международных отношений принял массовый, всепланетарный характер после второй мировой войны с окончательным распадом колониальных империй и развертыванием процессов так называемого развития (*development*) и модернизации.

Процесс размывания пространственно-географических границ между развитым центром и отсталой периферией особенно усилился после второй мировой войны. Более того, на протяжении послевоенного периода некоторым странам удалось преодолеть экономическую отсталость, а в 70–90-е годы, продемонстрировав чудеса экономического прорыва, осуществить стремительный рывок из аграрно-индустриальных обществ в постиндустриальное и информационное общество. Речь идет о так называемых новых индустриальных странах (НИС) Восточной и Южной Азии, таких как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия и др.

Таким образом, можно говорить, что действительный конец евроцентристского мира и утверждение единого мирового сообщества во всепланетарном масштабе произошли лишь после второй мировой войны, когда с распадом колониальных империй на мировую авансцену в качестве равноправных активных акторов международных отношений вступили новые страны и регионы, многие из которых в настоящее время обладают существенным весом и влиянием.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные причины формирования и утверждения гегемонии евроцентристского мира.
2. Какова роль колониальных империй в деле объединения ойкумены?

3. В чем состоит сущность европейской идеи?
4. Каково различие между евро- и западочентристским мирами?
5. Каковы основные предпосылки окончания гегемонии евроцентристского мира?
6. Когда и в силу каких причин Восток начал превращаться в активного субъекта мировой политики?

4. «ЗАКРЫТИЕ» ОЙКУМЕНЫ

4.1. Основные тенденции социального и политического развития во второй половине XX в.

В течение всего послевоенного периода в мире происходил двуединый процесс, состоящий из двух мощных, но противоположных тенденций: центристских или интеграционных, с одной стороны, центробежных, дезинтеграционных или децентрализованных, с другой. Его можно сравнить с двусторонним движением — в одном направлении идет процесс интернационализации и глобализации, а в другом — процесс децентрализации и автономизации. Интернационализация проявляется в двух главных тенденциях: глобализации и регионализации. С этой точки зрения вторую половину XX в. можно разделить на два крупных периода.

Первый период охватывает примерно три десятилетия — со второй половины 40-х по середину 70-х годов. Для него характерно преобладание центробежных тенденций: распад колониальных империй и образование множества новых независимых государств. Однако эта тенденция носила специфический характер. Дело в том, что превращение новых независимых государств в реальных субъектов мировых процессов закладывало основу для утверждения Востока в качестве равновеликой Западу несущей опоры мирового сообщества и тем самым создавало предпосылки для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов.

В течение же второго периода, начавшегося примерно с конца 60-х — первой половины 70-х годов, наблюдается уже преобладание центристских тенденций. В результате экономического взлета так называемых новых индустриальных стран в Восточной и Юго-Восточной Азии экономическое и политическое развитие современного мира перестало быть асимметричным, однобоко евроцентристским. Приняв эстафету от Запада, Восток сам превратился в мощный генератор витальной энергии, способный активно влиять на положение дел и направления развития в западном мире.

Говоря о преобладании в этот период центристских тенденций, нельзя думать, что в это время полностью отсутствовали центробежные тенденции. Доказательством этому являются хотя бы события конца 80-х—начала 90-х годов, приведшие к распаду СССР, Восточного блока и Югославии и образованию множества новых независимых государств. Однако в рассматриваемом здесь плане эти события и процессы, по сути дела, являющиеся во многом продолжением национально-освободительной борьбы в специфических формах в основном в пределах социалистического содружества, не вносили каких-либо серьезных коррективов в дальнейшее единение и «закрытие» мирового сообщества. Экономическая, технологическая, информационная глобализация, интернационализация и универсализация продолжали набирать темп.

Вторая мировая война привела к изменениям всемирно-исторического масштаба, наиболее ярким проявлением которых явился распад колониальных империй и образование множества новых независимых государств. В 1930 г. Египет, а в 1936 г. Ирак добились заключения с Великобританией договоров о независимости, хотя ряд положений этих договоров все же ограничивал их независимость. В начале 40-х годов была признана независимость Сирии и Ливана. После войны первыми на путь независимости встали народы индостанского субконтинента. Характерно, что уже в межвоенный период Великобритания вынуждена была согласиться на вхождение Индии в Лигу наций. В 1947 г. в результате все более усиливающейся борьбы народы этого региона получили независимость. Были образованы два новых независимых государства — Индия и Пакистан. Вслед за ними добились независимости остальные народы Азии и Северной Африки: во второй половине 50-х годов страны Магриба — Алжир, Тунис и Марокко от французов, в 50–70-х годах — аравийские княжества Аден, Кувейт, Бахрейн и другие от Великобритании.

Вслед за странами Азии и Северной Африки на путь независимого развития встали народы Черной Африки. За один только 1960 г., названный годом Африки, политическую самостоятельность приобрели 17 государств — бывших колоний Англии, Франции, Италии и Бельгии. В 1973–1975 гг. независимость завоевали народы бывших португальских колоний, а в 1989 г. в войне с ЮАР добилась политической самостоятельности последняя на африканском континенте колония — Намибия.

Таким образом, политическая карта Азии и Африки за послевоенные десятилетия претерпела коренные изменения. На месте колоний и полукolonий появились независимые государства. Многие из тех государств, которые раньше являлись лишь объектами политики великих держав, постепенно стали выступать в роли равноправных и активных субъектов мировой политики. Значительно увеличилось число независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества. Так, если декларацию об образовании Организации Объединенных Наций в 1945 г. подписало всего лишь 51 государство, то ныне ее членами являются уже более 180 государств.

В результате мир перестал или перестает быть преимущественно евро(западо)центристским. К концу столетия в условиях развертывания информационной и телекоммуникационной революции этот процесс беспрецедентно ускорился. Восток и Запад стали равновеликими несущими конструкциями единого мирового сообщества.

Характер и направленность этого процесса определялись комплексом факторов, анализу которых и посвящена данная глава.

4.2. Формирование единого мирового пространства

Важной особенностью современного мира является разрешение проблемы единого пространства-времени. В этом контексте особое значение имело развитие транспорта и средств коммуникации. Нововведения в данной сфере способны в огромной степени увеличить расстояния и пространства, на которые государство может распространить свое военное и политическое влияние. Наиболее революционными нововведениями с точки зрения их влияния на военную мощь в истории человечества можно считать выведение породистых лошадей, создание парусных кораблей, железной дороги, парохода и двигателя внутреннего сгорания. Эпохи восхождения великих империй и политических объединений в целом ассоциировались с крупными сокращениями транспортных издержек. Такая корреляция между нововведениями в транспорте и восхождением империй дала основание Р.Такеру утверждать, что «империя — это проблема транспорта».

Зависимость масштабов политической организации от транспорта отчасти объясняет, почему империи и крупные государства вплоть до нашего времени концентрировались, как правило, в бассейнах рек и по морским побережьям (Месопотамия и Древний Египет, Индия и Китай, Карфаген, Римская и Византийская империи). Развитие мореплавания и расширение морских коммуникаций выдвинули на первые роли в мировой политике морские державы, предоставив им преимущества перед так называемыми континентальными державами.

С данной точки зрения невозможно переоценить значение Великих географических открытий середины XV–середины XVII вв. Общие причины и основные вехи этой грандиозной эпопеи в истории человечества общеизвестны. Здесь в самой общей и краткой форме отметим лишь то, что касается нашей темы. Прежде всего следует отметить, что важнейшим стимулом к началу и дальнейшему развертыванию Великих географических открытий стал поиск западноевропейскими купцами новых торговых путей из Европы в Индию и Восточную Азию. Не случайно их взоры обратились к Атлантике именно в период, когда турецкие завоевания почти полностью закрыли торговый путь на Восток через Малую Азию и Сирию.

Большое значение при этом имели успехи в науке и технике, в частности создание достаточных для дальнего океанского плавания парусных судов или каравелл, усовершенствование компаса, дальнейшее развитие географических знаний и совершенствование картографического дела. Особо важную роль сыграло постепенное осознание идеи шарообразности земли, что в свою очередь способствовало утверждению мысли о возможности западного морского пути в Индию через Атлантический океан.

Великие географические открытия имели беспрецедентные социально-экономические, политические, геополитические, психологические и иные последствия. В результате открытия и освоения новых торговых путей, новых стран и народов торговля приобрела мировой характер, капиталистические отношения из европейского центра стали распространяться на периферию.

Перемещение торговых путей из Средиземноморья в Атлантический океан привело к экономическому упадку одних европейских стран (например, Италии, отчасти Германии) и расцвету других (например, Нидерландов и Англии). Более того, Великие географические открытия стали прелюдией к освоению мирового пространства западным миром, переселению народов, формированию новых наций и государств, созданию европейских колониальных империй. Дальнейшее развитие средств коммуникации и транспорта имело громадное значение для распространения вширь основных атрибутов и параметров евроцентристской цивилизации.

Существенные коррективы в этом аспекте были внесены начавшейся промышленной революцией и развитием сухопутных коммуникаций, особенно железнодорожного транспорта в XIX в., что давало возможность освоить огромные, ранее зачастую недоступные континентальные пространства. Именно железнодорожный транспорт в значительной степени способствовал возникновению таких сухопутных империй, как Германия, США, Россия. Пожалуй, исключениями из этого правила являются империи арабов давал Ибн Хальдун. Он, в частности, утверждал, что пустыня, лишенная значительных топографических барьеров, давала арабам эквивалент моря. Города пустыни функционировали как морские порты.

Особо важное значение с точки зрения «закрытия» земного пространства имело строительство сначала Суэцкого, а несколько позже Панамского каналов. Если первый напрямую соединил Средиземное море с Тихим океаном, то второй многократно сократил путь из Атлантического океана в Тихий.

Но тем не менее сохраняли силу рассуждения Гердера, который писал в конце XVIII в.: *«Чудесным образом Провидение разделило людей лесами и горами, морями и пустынями, реками и климатическими законами, но прежде всего оно разделило людей языками, склонностями, характерами; всяческими способами затруднено было дело деспотизма, стремящегося поработить себе все человечество; отнюдь не все части света заключены были внутрь деревянного коня, а потому ни одному Нимроду, ни целому роду Тиранов не удалось до сих пор согнать в свою загородку всех обитателей Земли».*

Покорив земные пространства и покрыв земной шар морскими, железными и автомобильными дорогами, люди устремились высь — покорять воздушное, а затем и космическое пространство. Появление и дальнейшее развитие авиации внесло существенные коррективы как в аргументы Гердера, так и в геополитическую структуру мирового сообщества. Став эффективным средством преодоления физических препятствий в виде гор, морей, океанов, рек и громадных пространств, авиация с военно-политической точки зрения во многом «размягчила», если не стерла, линию разграничения между морскими и сухопутными державами, подорвав традиционное понимание национально-государственной безопасности.

Например, 35-километровый пролив между Дувром и Кале был для Наполеона непреодолимым препятствием, не позволившим ему вторгнуться на Британские острова. С появлением авиации Англия в значительной мере потеряла свои преимущества островной державы, отгороженной от возможных вторжений со стороны континентальных держав Ла-Маншем.

Появление наступательных ядерных вооружений и средств доставки в любую точку земного шара, по сути дела, илиминировало фактор неуязвимости той или иной страны в силу ее географической удаленности или изолированности акваторией либо иной физической преградой. Атлантический и Тихий океаны перестали играть роль своеобразных гигантских естественных рвов, ограждающих США да и все западное полушарие от опасностей военного вторжения со стороны стран Старого света.

В результате линия фронта в традиционном понимании потеряла свою значимость. Например, если во время первой и второй мировых войн для тех американцев, которые не были непосредственно вовлечены в военные действия, она проходила где-то в далекой Европе или Азии, то теперь уже в первые часы или даже минуты после гипотетического начала войны обширные районы американского хартленда могут оказаться объектом поражения боеголовками, запускаемыми с какой-либо удаленной на тысячи километров точки восточного полушария.

В современных реальностях воздушное пространство и космос с военно-политической точки зрения играют не меньшую, если не большую роль, чем суша и море. Кардинально изменяются соотношения между центром и периферией, хартлендом и римлендом, морскими и континентальными народами или странами. Появляются новые транснациональные формы контроля над территорией, проявляющиеся в их экономической, технологической, телекоммуникационной, информационной и т.д. разновидностях. Сила проникновения современных технологий такова, что они делают несостоятельными почти любые барьеры, ограждения, стены, занавесы, границы.

При таком положении вряд ли правомерно применить к современному миру в какой бы то ни было форме макиндеровскую формулу: *«кто контролирует евразийский хартленд — тот контролирует весь мир».* По этой формуле североамериканский да и азиатско-тихоокеанский центры силы оказались бы перифериями, что звучит чуть ли не как издевательство над их реальным положением.

Ныне мировое сообщество представляет собой единую систему со своими особыми системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Следует отметить, что именно в последние несколько десятилетий международная система приобрела действительно всемирный, всепланетарный характер. В истории человечества возникали и исчезали многие цивилизации, но лишь в наши дни цивилизация стала подлинно универсальной, охватив все страны и регионы, весь земной шар. Прежде каждый раз попытки создания мировых империй, будь то опыт египетских фараонов, Александра Македонского, римских императоров, Наполеона Бонапарта и т.д., ограничивались лишь отдельными регионами земного шара. При этом обширные страны и регионы ойкумены оставались зачастую абсолютно не затронутыми влиянием исторических для Европы цивилизаций и понимались либо как некая terra incognita (неизвестная земля), либо как непонятный варварский мир.

Такое положение, как уже отмечалось выше, стало радикально меняться с началом Великих географических открытий и особенно с созданием великих колониальных империй, а затем в ходе дальнейшего прогресса в средствах коммуникации и транспорта. В 1997 г. Гонконг окончательно перешел к Китаю, а 20 декабря 1999 г. последний западный анклав в Азии — малюсенькая португальская колония Макао на восточном побережье Китая возвращена этой стране. Тем самым окончательно де-юре положен конец 500-летнему колониализму Запада в Азии.

Ныне все более сгущающиеся и удлиняющиеся сети железных, автомобильных дорог и водных путей, а также воздушные трассы, опоясавшие весь земной шар, на которых все увеличивающиеся, беспрецедентные скорости не знают пределов, способствовали невиданному сокращению расстояний, ведущему в буквальном смысле слова к преодолению пространства.

Все это дает основание говорить о формировании единой пространственной инфраструктуры мирового сообщества без какого бы то ни было одного, будь то европейского, евроамериканского, тихоокеанского или иного центра, по отношению к которому остальные регионы и пространства рассматривались бы как некая периферия.

4.3. Проблема ускорения времени

Как сказано в Екклесиасте, *«всему свое время, и время всякой вещи под небом»*. Существуют две ипостаси времени: циклическое время как последовательность повторяющихся событий или «жизненных кругов» и линейное или историческое время как однонаправленное поступательное необратимое движение. Линейно протекающая расчлененная длительность составляет неотъемлемое свойство жизни. Общественно-исторические феномены и процессы отмечены направлением в становлении и убывании, или, иначе говоря, они имеют не только пространственное, но и временное измерение.

Очевидно, что человек и его деяния — общество существуют во времени. Время — преходящее и вместе с тем вечное явление, оно выражает конечность и вечность одновременно. В этом смысле прав был Платон, который в «Тимее» утверждал, что время — это движущийся образ вечности. Чтобы совладать с безмерностью космического времени и быстротечностью людской жизни, человечество создало соответствующие символические структуры. В отличие от космического человеческого время связано с осознанием прошлого, настоящего и будущего. В этом смысле оно постигается как движение от прошлого к будущему через настоящее.

Поэтому категория «пространство-время» в равной мере относится как к природному, так и к социально-историческому миру. При анализе общественных и политических феноменов уместны не только вопросы: что? где? как?, но и не менее основополагающие вопросы: когда и насколько долго?

По существующим данным, первые попытки измерения времени путем его деления на определенные отрезки или единицы восходят к древнейшему периоду истории человечества. Деление времени на часы, призванные фиксировать длительность, последовательность, темп, периодичность, было впервые введено древними египтянами. Считается, что уже примерно в 2100 г. до н.э. египетские жрецы пользовались 24-часовой системой исчисления суток.

Геродот сообщает, что греки усвоили эту систему от вавилонян. Вавилонский лунно-солнечный календарь около 1100 г. до н.э. был принят ассирийцами, а после завоевания Иерусалима Навуходоносором в 586 г. до н.э. иудеи начали исчислять время годами правления вавилонских царей. Вавилонский календарь был принят персидскими царями после завоевания ими Вавилона в 539 г. до н.э. В свою очередь Александр Македонский принес в Египет македонский лунно-солнечный календарь, которого долго придерживались египетские цари Птолемеи.

При всех последующих изменениях в календарях (как западных, так и восточных) вплоть до конца средних веков в Европе и по сути дела до XX столетия в остальной части земного шара социальное и историческое время как бы пребывало в некоем застывшем историческом состоянии; казалось, что оно совпадает с геологическим временем и ничто не способно помешать его размеренному, неспешному ходу.

В этом контексте в некотором роде идеалом служил так называемый «золотой век», который Овидий характеризовал как период, когда отсутствовали власть, письменные законы, суды, войны, общения с иноземцами, как состояние, которое не меняется, а пребывает в неподвижной вечности. Рассматривая его как состояние, лежащее вне исторического времени, Сенека полагал, что люди «золотого века» жили в блаженной неподвижности *pa-turam incogrupti sequetantur* — «еще не зная испорченности, следовали природе».

Постепенно римский *annus reterennus*, т.е. неиссякающий, вечно длящийся год был оттеснен концепцией динамического поступательного времени и развития. Уже в образе двуликого Януса, обращенного двумя лицами соответственно в прошлое и будущее, нераздельно слиты в единое целое само время и деятельное, мирозозидающее движение. Такое понимание устами Пифагора Овидий выразил в поэме «Метаморфоза»:

*Время само утекает всегда в постоянном движенье,
Уподобляясь реке; ни реке, ни летучему часу
Остановиться нельзя...*

Развитие представлений людей в этом направлении, особенно в Новое и Новейшее время, привело в конечном счете к осознанию факта необратимости времени и формированию идеи так называемой «стрелы времени», заключавшей в себе признание динамичности, необратимой направленности, неповторимости и энтропийности общественно-исторических феноменов и процессов. Как писал В.И.Вернадский, *«время идет в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть основное условие существования мира. Время есть проявление — соиздание — творческого мирового процесса»*.

Начиная примерно с XVII в. этот аспект в силу множества факторов стал более характерен для Запада, чем для Востока, так как на Западе развернулись и постоянно наращивали темпы динамические процессы формирования капитализма и определяющих его сущность индустриализации, урбанизации, ускорения научно-технического прогресса, утверждения научно-рационалистического миропонимания и т.д.

В этом смысле с определенными оговорками можно сказать, что Восток в целом как бы пребывал в пространственном измерении, в то время как Европа во все более растущей степени приобретала наряду с пространственным также временное измерение. Здесь процесс, динамика приобретали не меньшую, если не большую, значимость по сравнению со статикой. По мере вовлечения в контекст всепланетарной цивилизации Восток тоже неизбежно приобретал временное измерение. Часто не без оснований говорят, что время социально в том смысле, что оно существует в человеческом восприятии и всегда зависит от его осмысления. Причем как символическое выражение время всегда формулируется коллективно. Так, рассматривая время как коллективный феномен, как продукт коллективного сознания, Э.Дюркгейм был убежден в том, что все члены общества имеют общее временное сознание, что коллективное время является суммой временных процедур, которые в совокупности образуют культурный ритм данного общества.

Необходимо отметить также, что время, как правило, связывается с движением. Что касается необратимого, направленного времени, то оно связано с существованием жизни и, естественно, социальное время связано с движением, динамикой общественной жизни. А эта динамика, как известно, имеет разные скорости в различных цивилизациях и культурах. Поэтому без преувеличения можно сказать, что каждая цивилизация или каждый культурный круг имели собственное понимание и измерение времени.

Такое положение согласовывалось с позицией А.Эйнштейна, который пересмотрел одно из самых фундаментальных представлений классической физики — коперниковскую идею абсолютного времени. Последняя постулировала тезис о едином потоке времени, охватывающем все мироздание, об одном и том же мгновении во всем бесконечном пространстве, в течение которого могут происходить отдаленные друг от друга события.

Как отмечал Г.П.Аксенов, *«упротив и придав более глубокое обоснование тяготению, т.е. сведя его от всеобщего фактора мировой среды к взаимодействию массивных тел, теория относительности ликвидировала и всеобщее, текущее везде и всегда время. Нет надмирной выделенной системы, с которой время связывалось в механике Ньютона. Есть только локальное время, зависящее от скорости движения данной системы по сравнению с другой равноправной системой»*. В социально-историческом мире эйнштейновская теория относительности времени выразилось, в частности, в существовании множества национальных и цивилизационных летоисчислений.

В наши дни пространственное сближение Запада и Востока, Севера и Юга в рассматриваемом контексте как бы бросает вызов самой теории Эйнштейна. Это, в частности, выражается в постепенном отодвижении на задний план различных национальных или цивилизационных летоисчислений и повсеместном принятии на вооружение, если не официально, то де-факто, григорианского календаря. Об этом же свидетельствуют постепенное принятие и утверждение во всех регионах и странах земного шара единых часов, единого всепланетарного времени.

Хотя вследствие вращения Земли время суток в различных частях нашей планеты также различно, для многих целей оказалось необходимо единое, всепланетарное время независимо от того, какое сейчас время суток (ночь или день) в той или иной ее точке. Такое единое для всей планеты время было принято в 1884 г. Им стало время «нулевого меридиана», проходящего через Гринвич в Англии — Гринвичское всемирное (меридианное) время. В 1885 г. была введена и постепенно принята всеми странами система временных поясов. Синхронизация минут и секунд обеспечивалась сначала посредством телеграфа, а сейчас — спутников. В результате в настоящее время повсюду в мире циферблаты часов показывают единые часы, минуты и секунды.

В развитии мировых процессов во все более растущей степени утверждается механизм синхронности. Электронные средства массовой информации, спутниковая связь, передовая телематика, обеспечивая практически мгновенную передачу информации во все уголки земного шара, создают состояние или ощущение одновременности и вездесущности. С разворачиванием технологической и промышленной революций, индустриализации и урбанизации, а затем научно-технической революции второй половины XX в. началось и интенсифицировалось беспрецедентное убыстрение исторического и социального времени. Соответственно убыстряются и темпы научно-технологического прогресса.

В письме в американскую газету «Нью-Йорк таймс» в 1926 г. известный чешский писатель Карел Чапек высказывал опасение относительно распространения американских идеалов на Европу. Отдельные аспекты американского образа жизни весьма тревожили его. Среди них на первом месте стояли скорость и суэта, поскольку, утверждал Чапек, производительность труда не должна быть самоцелью. Что есть ценного в Европе, является результатом деятельности людей, которые не спешили. *«Европа тратила свое время в течение тысяч лет. Именно отсюда вытекает ее неисчерпаемость и плодотворность»*, — подчеркивал Чапек.

В данной связи отметим, что если сначала имела место европеизация Америки, то постепенно Америка сама открыла новые измерения всемирно-исторического процесса. Со временем речь пошла уже об американизации Европы и остального мира. При этом американизация, под которой понимается широкий комплекс проблем — от срочной натурализации постоянно прибывающих в страну иммигрантов до распространения американских идеалов во всех уголках земного шара, не терпела отлагательства. Поэтому она была сопряжена с ускорением, установкой на немедленные результаты. Впереди лежал огромный континент с неисчерпаемыми богатствами. Его надо было освоить. Прибывшие стремились во что бы то ни стало добиться успеха. Иначе говоря, это были в основном люди, решившиеся пересечь океан в погоне за «длинным долларом». Но в отличие от наших людей, отправлявшихся в северные районы за «длинным рублем», они, как правило, насовсем порывали с исторической родиной.

Модернизация в такой степени убыстряет общественно-исторические процессы, что люди не успевают приспособляться к изменениям. Все, во всяком случае в странах с представительной демократией, получают возможность участвовать в политическом процессе и выбирать собственный путь в жизни. Но в то же время быстрота изменений лишает их возможности вникать в сущность этих изменений, что в свою очередь увеличивает чувство неопределенности относительно будущего, особенно подрастающего поколения. Более того, неопределенность становится обычным, «нормальным» состоянием жизни, которое постоянно воспроизводится.

Беспрецедентное ускорение общественно-исторических процессов в сочетании с массовой декоренизацией широчайших слоев населения в различных странах и регионах земного шара стало зримым признаком современного мира. Перемены, вызываемые разворачиванием новейших высоких технологий, настолько грандиозны и стремительны, что прошлое и будущее как бы растворяются в настоящем. Многие феномены, такие как модели социального и экономического развития, показатели экономического роста, состояния общественного мнения и т.д., устаревают настолько быстро, что человек просто не поспевает за ними.

Смыслом научно-технологического и социального прогресса стал выигрыш времени. Проблема заключается в растущей нехватке времени, которое как бы постоянно сжимается. Для его компенсации приходится постоянно ускорять темп жизни. Настоящее быстро устаревает, время как бы теряет непрерывность, становится хаотическим чередованием не связанных между собой отрезков. На смену понятиям потока и длительности приходят категории сиюминутности и точности. Как отмечал Г.Башлар, время больше не течет, оно извергается. Прошлое и будущее как бы сливаются в настоящем, которое также быстро устаревает.

Для обозначения феномена беспрецедентного убыстрения времени германский политический философ Г.Люббе ввел весьма удачное, на мой взгляд, понятие «сокращение настоящего». Речь идет о том, что в современной динамической цивилизации по мере возрастания количества инноваций в единицу времени уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих отношениях уже устарело и поэтому для нас стало чужим и даже непонятным. Это означает также *«прогрессирующее уменьшение числа лет в будущем, по прошествии которых нам суждено попасть в жизненные отношения, существенно отличные от нынешних»*.

Такое «сокращение настоящего связано с эффектом темпорального сгущения инноваций», суть которого заключается в том, что возрастание количества обновляющегося дополняется возрастанием количества устаревающего. В результате увеличения скорости устаревания культуры растет число элементов, принадлежащих к настоящему и в то же время ставших достоянием вчерашнего и даже позавчерашнего дня. Этот феномен, описанный еще Ф. Ницше, а до него Ф. Шлегелем, Г.Люббе назвал увеличением *«неодновременности одновременного»*. Иначе говоря, утверждал Г.Люббе, *«вместе с динамикой культуры растет степень ее музеефикации (Musealisierung). Цивилизационная динамика сопровождается прогрессирующей музеефикацией нашей цивилизации»*.

Свое понимание «сокращенного настоящего» Г.Люббе иллюстрирует на следующем примере. В век Н.Макиавелли события римской военной и политической истории считались значительными в качестве образцов действия во всем рассматриваемом временном интервале. Иначе говоря, *«настоящее как отрезок времени, отмеченный постоянством важных культурно-исторических элементов, распространялось более чем на полтора тысячелетия»*. В условиях «сокращенного настоящего» с характерным для него ускорением динамики действия военных технологий возможность использования опыта недавних войн в качестве стратегического образца оказывается весьма ограниченной.

Во все времена человеческой истории только Бог был вездесущ, он мог быть одновременно везде и всюду, не будучи ограничен ни временем, ни пространством, ни физическими, погодными, сезонными или иными условиями. Вместе с учащением пульса планеты ускоряются темпы перемен во всех сферах жизни. Спутники, волоконно-оптические кабели, компьютеры и факсы способствуют экспоненциальному убыстрению и уплотнению потоков информации. Информация стала не только измерителем благосостояния, но и важнейшей его составляющей.

Телекоммуникационные сети, соединившие между собой самые отдаленные точки земного шара, обеспечивая моментальную связь между ними, создали возможность преодоления времени. Теперь уже сам человек с помощью электронных средств массовой информации приобрел способность пребывать одновременно в разных местах и быть участником событий, происходящих далеко за пределами своего фактического физического присутствия. Произошло своеобразное выравнивание времени в различных точках планеты — центре и периферии, в результате чего мы имеем пространственно-временное единство всего земного шара.

Очевидно, что при таком положении дел появляется необходимость освоения нового измерения пространства и времени. По мере усиления значимости новых информационных технологий и охвата ими все новых сфер и регионов имеет место тенденция к своего рода «сжатию» мира. Время проезда становится короче, информация передается все быстрее и аккуратнее, личные и деловые контакты умножаются.

Революционные изменения происходят в сфере языкового общения. В качестве средств мирового общения все большую значимость приобретают несколько ведущих языков, а английский язык в некоторых сферах (например, авиации) получает статус мирового языка. Компьютер и компьютерный язык, основанный на английском, становятся средством универсального межнационального общения, особенно в деловом мире. Огромное значение имеют разработка и внедрение новейших средств машинного перевода, которые позволяют преодолеть языковые барьеры между представителями разных стран и народов.

С этой точки зрения важно также завершение объединения культурного и информационного пространств в планетарных масштабах. Определяющую роль в данной сфере сыграло усиление роли средств массовой информации в целом и электронных средств массовой информации в особенности.

4.4. Формирование единого информационно-телекоммуникационного пространства

В последние два–три десятилетия в условиях развертывания информационно-телекоммуникационной революции процесс формирования глобального сообщества беспрецедентно ускорился. В ходе этой революции произошло своего рода дальнейшее сжатие, уплотнение пространства, невиданное взаимное физическое сближение самых отдаленных народов, покорение пространства и времени. *«Именно потому, — писал Х.Ортега-и-Гассет, — что жизнь человеческая ограничена во времени, человек смертен, он должен преодолевать пространство и время. Для бессмертного божества автомобиль не имел бы смысла»*.

Объединение всех стран в некое единое и замкнутое геополитическое пространство, в котором как бы не осталось незанятых, «свободных» территорий и пространств, породило новый глобальный геополитический расклад.

Разделение на регионы, региональные союзы и объединения носит во многом условный характер, поскольку в современном мире взаимодействие и взаимозависимость государств приобрели не только региональный, но и глобальный, планетарный характер. В результате важной сущностной характеристикой современного мирового сообщества является наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального, регионального и глобального начал.

Конечно, и раньше великие империи были способны объединить огромные пространства. Но установление общения между жителями различных частей империи занимало много времени. Причем контакты, как правило, в значительной степени могли быть личными, а при их отсутствии они зависели от прямого движения людей, товаров и посланий при господстве медленных систем транспорта и коммуникации. В наши дни люди, общества, страны связаны между собой такими сложными системами коммуникации, которые в буквальном смысле слова способны аннигилировать расстояния, территориальные границы и физические преграды для осуществления экономической или иной деятельности.

В то же время экспансия средств массовой информации способствует тому, что С. Московичи назвал «глобализацией масс». *«Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, непрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни,— писал Московичи,— создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп».*

Связывая людей в громадные наднациональные сообщества с *«гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом»*, они в то же время проникают в самые сокровенные области частной жизни каждого. Новые глобальные системы коммуникации в значительной степени функционируют независимо от государственного контроля и в полной мере не поддаются политическому контролю со стороны национального государства. Охватывая социальную, политическую, экономическую, культурную и иные сферы деятельности по всему земному шару, они в буквальном смысле позволяют расширению горизонта самых отсталых общин, коллективов, народов во всех уголках планеты, позволяют отдельно взятым человеку или группе в самых отдаленных уголках земного шара как бы «преодолеть» географические барьеры, получить доступ к социальному или иному опыту других народов, который был для него просто недостижим в недавнем прошлом. Тем самым они дают людям новые формы видения мира. Миллионы людей во всех уголках мира, сидя у телеэкранов, воочию смогли видеть происходящее за тысячи километров от своего села, города.

Несомненно, что это затрагивает местные, национальные и региональные образы жизни людей, углубляет эрозию национальной идентичности и приверженности местным, страновым, этническим, национальным началам. Все подобные процессы и феномены воспитывают у людей чувства принадлежности к глобальному сообществу. Результатом этих трансформаций является культурная и информационная глобализация.

Революция в микроэлектронике, информационной и телекоммуникационной технологии, а также в производстве компьютеров способствовала созданию разветвленных электронных сетей связи во всемирном масштабе, которые в комплексе с телевизионными, кабельными, спутниковыми средствами связи привели к впечатляющим изменениям самого характера коммуникаций. Эти новые системы коммуникации представляют собой одно из главных средств трансформации юридически-правовых, организационных, экономических, политических структур, что в конечном счете ведет к трансформации политических и государственных систем современности.

Особо важное значение с данной точки зрения имеют разработка и широкое внедрение компьютерных сетей, еще теснее связывающих народы и страны мира в единое целое. Наиболее известными и грандиозными из них являются интернет и всемирная сеть WWW (World wide web), созданные в США. Они дают возможность абонентам независимых компьютерных сетей легко, простым нажатием клавиш в соответствии с символами, появляющимися на экране компьютера, связаться друг с другом независимо от используемых ими систем коммуникации и типов компьютерных сетей, обменяться необходимой информацией, действовать в любое время и в любом месте.

Именно эта способность и делает интернет столь могущественным средством. В этой связи небезынтересно отметить, что в 1946 г. в мире существовал лишь один компьютер, изготовленный в Пенсильванском университете и весивший 30 т. По имеющимся данным, в настоящее время во всем мире к интернету имеют доступ более 100 стран и его услугами ежегодно пользуются до 250 млн человек.

Необходимо отметить, что при всех успехах этой системы в наиболее развитых странах мы переживаем лишь начальную фазу грандиозной технологической революции. Развитие и расширение этого сектора, по прогнозам специалистов, приведут к далеко идущим последствиям для всей мировой экономики в плане подрыва протекционизма, открытия широких просторов для свободы торговли, дальнейшего увеличения прозрачности как государственных границ, так и границ различных региональных интеграционных объединений и союзов.

По-видимому, прав Д.Бертон мл., который утверждает, что *«интернет представляет собой вполне осязаемое выражение мира, объединяющегося в единое целое»*. Если регионализация представляла собой промежуточный этап на пути к глобализации, то интернет и всемирная сеть составляют ее завершающий этап.

Результатом всего этого является беспрецедентное увеличение взаимозависимости, которая способствует завершению или закрытию мира не только в территориально-пространственном, но и в других основополагающих аспектах жизнеустройства людей.

С значительной долей уверенности можно сказать, что телекоммуникационная и информационная технология создает нечто вроде нового глобального, всепланетарного пространства — времени, в котором благодаря возможностям моментальной передачи информации на любые расстояния локальное становится всемирным, а всемирное локальным. В результате, как отмечалось выше, обеспечена некая пространственно-временная инфраструктура единой всепланетарной цивилизации.

Чтобы осознать значение этого факта, обратимся к аналогии, предложенной Л.Н.Гумилевым, который разделил абстрактно обозначенные системы на открытые и замкнутые, или дискретные. Примером открытой системы является планета Земля. Она все время получает солнечную энергию, благодаря которой происходит фотосинтез, а излишки энергии выбрасываются в космос. Иначе говоря, любая открытая система получает энергию извне, обновляется. В качестве примера закрытой системы Л.Н.Гумилев брал печку. Единожды хорошо затопив печку, ее закрываем и больше дров не подбрасываем. Дрова сгорают, печка раскаляется, соответственно температура в комнате поднимается. Через некоторое время после того, как дрова полностью сгорят, печка (а с ней и комната) остынет. Процесс закончится.

В чем смысл этих рассуждений применительно к судьбам человеческих цивилизаций вообще и современной цивилизации в особенности? Если окинуть ретроспективным взглядом историческую панораму цивилизаций, то обнаружится, что для каждой из них остались огромные пространства неосвоенной ойкумены, с которой она вступала в постоянные контакты и взаимодействие (войны, торговые, экономические, культурные связи) и взаимный обмен. С одной стороны, она оказывала более или менее сильное влияние на окружающую ойкумену. С другой стороны, она получала извне постоянные импульсы, ресурсы — людские и материальные, переваривая их и постоянно обновляясь.

В данном контексте все прежние цивилизации с теми или иными оговорками можно назвать открытыми в том смысле, что для них оставались обширные пространства для территориальной экспансии. Правда, эти пространства долгое время как бы находились, по представлениям древних, за горизонтом обитаемой ойкумены (как, например, Китай и Индия для греков и римлян) или о их существовании вообще не знали (как это было вплоть до эпохи географических открытий, когда жители восточного полушария ничего не ведали о западном полушарии).

Совершенно иное дело сейчас, когда земной шар вдоль и поперек поделен между странами и народами, когда он как бы со всех сторон замкнулся, когда человечество осознало замкнутость земного пространства. В результате на смену установке на завоевание новых территорий и расширение жизненного пространства в смысле территориальной экспансии неизбежно должна была прийти установка на интенсивный путь развития, повышение эффективности использования имеющихся природных и человеческих ресурсов. Главным мотивом великих держав, да и других тоже, в их стремлении к увеличению мощи стала не внешняя экспансия, а внутреннее развитие.

Соответственно подвергается коренному переосмыслению и переоценке господствующая общественно-политическая парадигма. Можно сказать больше: идет процесс формирования новой парадигмы, существенные характеристики которой одновременно отражают и конструируют новые социально-экономические, политические, духовные и иные реальности как на Западе, так и на Востоке, как на Севере, так и на Юге планеты.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под окончательным «закрытием» ойкумены?
2. В чем состоят особенности социально-политического развития современного мира во второй половине XX в.?
3. Что вы понимаете под единым мировым пространством?
4. В чем суть проблемы ускорения социального времени?
5. Что такое преодоление пространства и времени?
6. Дайте характеристику единой пространственно-временной инфраструктуры мирового сообщества.
7. Что понимается под единым информационно-телекоммуникационным пространством?

5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

5.1. Что такое глобализация?

В последние два–три десятилетия мы оказались свидетелями уникального стечения и переплетения гигантских по масштабам явлений и процессов, каждый из которых в отдельности можно было бы назвать эпохальным событием с точки зрения его последствий для всего мирового сообщества. Но взятые в совокупности они создали гигантское поле такого прямо-таки вселенского напряжения, что переживаемое нами время с полным основанием можно назвать осевым (в том смысле, как это понимал К.Ясперс), временем смены самих цивилизационных основ жизнеустройства, периодом перехода от привычного для большей части XX в. миропорядка к качественно новой инфраструктуре мироустройства.

Происходящие глубокие изменения в геополитических структурах мирового сообщества и трансформации социально-политических систем дают основание говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития.

Во-первых, в результате информационно-телекоммуникационной революции в промышленно развитой зоне мира постиндустриальное общество постепенно трансформируется в информационное общество.

Во-вторых, происходит совпавшая с этой революцией и стимулированная ею смена социально-политической парадигмы.

В-третьих, вместо евроцентристского мира, в котором доминирующие позиции занимают основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, возникает новая всепланетарная цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма центров, народов, культур, религий и т.д., с другой.

В-четвертых, с распадом СССР и социалистического содружества закончилась эра двухполюсного миропорядка, основанного на инфраструктуре холодной войны.

Очевидно, что когда говорят о вступлении современного мира в качественно новую стадию своего развития, имеют в виду не только смену эпохи индустриализма постиндустриальной эпохой, на смену которой в свою очередь пришла эпоха информационного общества. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы.

В политической сфере, по сути дела, также возникло новое положение, характеризующееся несоответствием традиционных идейно-политических установок и ориентаций реальным проблемам современности. Распад Советского Союза и вызванное этим падение Берлинской стены, положившее конец жесткому разделению мира на два противоположных лагеря, по времени совпало с началом качественных изменений не только в геостратегической структуре, сложившейся в послевоенные десятилетия, но и в самом евроцентристском (или точнее, евроамериканоцентристском) миропорядке Нового и Новейшего времени. Более того, можно сказать, что этот распад стал одновременно и последним мощным стимулом и следствием процессов и явлений, приведших к таким изменениям.

Это сложная и особая проблема, требующая самостоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь то, что мы являемся свидетелями, окончания с одной стороны, евроцентристского мира, а с другой стороны, биполярной конфигурации геополитических сил, построенной на инфраструктуре холодной войны.

По-видимому, сейчас начинается этап формирования некоего нового типа мирового сообщества всепланетарного масштаба. Оно будет отличаться от общества, в котором наше поколение родилось и выросло, в такой же (а может быть еще большей) степени, в какой наше общество отличалось от того, которое существовало до серии промышленной, социальных и политических революций Нового времени в течение длительного исторического периода почти на всем пространстве ойкумены.

Наиболее зримым проявлением и показателем названных процессов и феноменов является глобализация. Под глобализацией понимается расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, а с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия.

Глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. В то же время она подразумевает возрастание уровней взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, организационная, административная, правовая и другие, а также постоянная интенсификация тенденций к установлению взаимосвязей через многочисленные сети современных коммуникаций и новой информационной технологии.

Необходимо отличать форму глобализации в рамках империй (таких, например, как Британская), которые простирались на огромные пространства и объединяли их в единую политическую и экономическую систему, от современных форм глобальных потоков, характеризующихся, во-первых, громадными инвестициями промышленно развитых стран в экономики друг друга через многонациональные корпорации, а во-вторых, высоким уровнем движения капиталов.

Первоначально, как выше указывалось, развитие взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада в целом, поэтому глобализация означала, в сущности, европейскую, западную глобализацию. Ныне же процессы регионализации и глобализации охватили весь земной шар.

Интенсификация этих процессов способствовала расширению функций и сфер ответственности национального государства, с одной стороны, и эрозии его возможностей эффективно справляться с предъявляемыми к нему требованиями, с другой стороны. Товары, капиталы, люди, знания, образы, оружие, наркотики и т.д. стали легко пересекать государственно-территориальные границы. Транснациональные сети, социальные движения и отношения проникли почти во все сферы человеческой деятельности. Существование глобальных систем торговли, финансов и производства связало воедино процветание и судьбу домохозяйств, коллективов и целых наций по всему миру. Таким образом, государственно-территориальные границы становятся все больше прозрачными.

5.2. Технологический и экономический прорыв развитой зоны мира

Сразу по окончании второй мировой войны перед развитыми капиталистическими странами встала проблема восстановления разрушенной в ходе войны экономики. Особо важное значение для всего послевоенного периода имело ускорение и углубление научно-технического прогресса, его проникновение в новые сферы производства, превращение науки в непосредственную производительную силу.

Более того, научно-технический прогресс стал одним из основополагающих путей интенсивного развития современного мира. Первая его волна, начавшаяся в конце 40-х — начале 50-х годов, революционизировала экономическую инфраструктуру. Возникли новые наукоемкие, трудо- и энергосберегающие отрасли экономики. Характерной приметой этого периода явилось усиленное развитие военно-промышленного комплекса. На базе научно-технических достижений стало возможным создание принципиально новых типов вооружения и средств их доставки, способных в кратчайшие сроки поражать самые удаленные цели.

Большое влияние научно-технический прогресс оказал также на человеческие факторы производства. Это выразилось в существенном повышении общеобразовательного и квалификационного уровня рабочей силы, а также роли научных работников, специалистов различных профессий, экспертов, инженерного персонала. Работники умственного труда превратились в массовый слой. Эти и другие факторы в совокупности обеспечили возможность модернизации промышленности и сельского хозяйства, ускорение темпов экономического развития. Для 50–60-х годов привычными стали такие понятия, как «германское чудо», «итальянское чудо» и т.д., под которыми подразумевалось быстрое экономическое развитие соответствующих стран.

Во второй половине 70-х годов с началом следующей волны научно-технического прогресса, получившей название информационно-телекоммуникационной революции, современный капитализм вступил в новый этап своего развития. Результатами этой революции явились широкое использование в экономике электронно-вычислительных машин, информатизация и компьютеризация экономики, электронная роботизация, применение станков с программным управлением, создание центров сбора, обработки и хранения информации, внедрение интегральных схем и т.д.

Огромное значение с экономической точки зрения приобретают разработка и размещение глобальных технологических систем — погодных, коммуникационных, навигационных и других, характерных для космической эры. Эволюция экономики в направлении информационных, энергосберегающих и наукоемких отраслей снижает ее зависимость от природных ресурсов. Полупроводниковые чипы, пластмассы, используемые в автомобилестроении, кабель из волоконного стекла и т.д. требуют значительно меньше сырья. В будущем эта тенденция усилится, что, естественно, приведет к дальнейшему изменению роли отдельных видов природных ресурсов в качестве фактора геополитики и геоэкономики.

Достижения науки и техники после второй мировой войны способствовали впечатляющим успехам в сельскохозяйственном производстве. В период с 1950 по 1984 г. в ходе так называемой «зеленой революции» объем мирового производства пищевых продуктов возрос как никогда ранее. Сбор зерновых увеличился в 2,6 раза, т.е. обогнал темпы роста численности населения земного шара. В оборот были введены новые миллионы обрабатываемых земель. Выросло производство более эффективных сельскохозяйственных машин, удобрений, были построены новые современные ирригационные системы.

Наибольших результатов достигла «зеленая революция» в Азии — за счет применения усовершенствованной механизации и высокоэффективных удобрений, а также создания новых гибридных сортов зерновых, в частности риса. В результате мировое производство риса возросло с 257 млн т в 1965 г. до 468 млн т в 1984 г.

Однако начиная с 1984 г. наблюдается замедление темпов роста мирового сельскохозяйственного производства, отчасти из-за засухи, поразившей, например, в 1988 г. США и некоторые другие страны. Так, в период с 1984 по 1989 г. он составил всего лишь 1% в год, в то время как в 1950–1984 гг. был равен 3% в год. Если такой темп роста объема зерновых не изменится, то при сохранении темпов роста численности населения в мире на уровне 1,7% негативные последствия этого скажутся в самом ближайшем будущем. По данным Института мировых наблюдений (Worldwatch Institute), для того чтобы просто поспевать за увеличением численности мирового населения, необходим ежегодный прирост объемов зерна на 28 млн т. Однако за последние годы он составлял всего лишь 15 млн т. Это означает, что систематически увеличивается число людей, не получающих достаточного количества пищи. В настоящее время их насчитывается до 500 млн человек.

Перед наукой стоит задача найти новые пути восполнения нехватки пищевых продуктов. Например, в ближайшие десятилетия может быть разработан закрытый цикл их производства, не требующий обширных земельных площадей. Технологические возможности бурно развивающейся области молекулярной биологии открывают совершенно новые подходы к созданию таких сортов зерновых, которые приспособлены к изменившимся условиям культивации и среды.

Высокие технологии становятся определяющим компонентом инфраструктуры безопасности и геополитического статуса страны или народа в рамках мирового сообщества. Ставки в этой игре — это не просто рынки как таковые, а осознанная потребность крупных технологических держав, убежденных в необходимости захвата своей доли мирового производства в передовых секторах, чтобы компенсировать неизбежный упадок других секторов. На сегодняшний день ведущие страны ОЭСР продемонстрировали способность держать под своим контролем ситуацию и не допускать конфликтов, присущих борьбе за господство в сфере высоких технологий. Обеспечение такого контроля станет одной из решающих политических и правовых задач и в ближайшей перспективе.

В целом развитие новейших информационных и телекоммуникационных технологий внесло судьбоносные изменения в экономику. Если первоначально эти технологии рассматривались как элементы необходимой инфраструктуры, то теперь они стали универсальным средством экономического, культурного и политического развития. Все более возрастает их роль в направлении качественного изменения международных экономических связей. Они обеспечивают организацию единого прямого контроля разбросанных по многим регионам предприятий, позволяют наладить гибкое серийное производство, осуществить децентрализованное производство с централизованным финансовым контролем.

Синергетическая природа информационных и телекоммуникационных технологий и растущее бремя расходов на исследования и разработки способствуют повышению роли многонациональных корпораций (МНК). Мелкие и местные фирмы склонны ассоциировать себя с МНК с целью сохранения своих конкурентных позиций. Такие тенденции поощряют группирование или слияние различных фирм без учета национальных границ. В большинстве случаев группируются или сливаются материнские компании и их дочерние компании за рубежом. Этот процесс сопровождается неуклонным увеличением инвестиций индустриальных стран в экономики друг друга. Например, в настоящее время частный германский капитал в США превышает 120 млрд долл. Общеизвестен факт широкомасштабного проникновения японского капитала в американскую экономику.

Немаловажное значение приобретают процессы, касающиеся собственности. Традиционно на страновом уровне главными механизмами регулирования распределения и перераспределения материальных благ являются право собственности и возможность распоряжаться ею, а также конкуренция собственников между собой. Право собственности и воплощающие ее нормы составляют основные средства упорядочения внутренних социальных, экономических и политических проблем. Определение и распределение прав собственности отражают власть и интересы господствующих членов общества. По этой причине внутрисоциальные изменения во многом связаны с перестройкой и перераспределением прав собственности.

Как отмечает Р.Гилпин, в международных делах территориальность является «функциональным эквивалентом прав собственности». Подобно определению собственности контроль над территорией также предполагает некий комплекс регулирующих его прав. Контроль и раздел территории составляют главный механизм регулирования распределения ресурсов между государствами в рамках международной системы. В то время как внутривластительное изменение предполагает пересмотр и перераспределение прав собственности, изменение международной политики в значительной степени сопряжено прежде всего с перераспределением территории между государствами или группами государств.

И в этом контексте мы являемся свидетелями разительных перемен. Прогрессирующее расширение прав собственности физических лиц или корпораций в географическом плане с возможностью пересечения национально-государственных границ стало ключевым элементом современных международных отношений. Идея, согласно которой гражданин одной страны вправе осуществлять права собственности за пределами своих национальных границ, составляет радикально новую особенность современного мира. Определение правил, регулирующих эти права, стало важным аспектом изменений в международной политике.

Эти изменения стимулировали и интенсифицировали процессы транснационализации и глобализации экономики, что в свою очередь привело к формированию в мировой экономике глобальных хозяйственных комплексов — многопрофильных транснациональных корпораций (ТНК), банков (ТНБ) и т.д. Формируются союзы и объединения крупнейших ТНК и ТНБ в компьютерной и авиакосмической промышленности, самолетостроении и автомобилестроении и т.д. Одновременно они заключают так называемые «стратегические альянсы» со множеством государств по вопросам, связанным с разделом глобальных рынков и правилами игры на этих рынках.

Вся планета как бы превратилась или во всяком случае превращается если не в единую фабрику, то в единую глобальную экономическую систему, которую отнюдь нельзя представлять в качестве некоего заповедника стихийных рыночных отношений между государствами в классическом смысле слова. Речь идет о глобально функционирующем мировом производственно-хозяйственном механизме, интегральной составной частью которого стали отдельные национальные экономики.

О масштабах этих процессов свидетельствуют, например, следующие данные. Мировой объем прямых зарубежных инвестиций в 1995 г. достиг 2,6 трлн долл., увеличившись за один год на 235 млрд долл. Причем почти 90% этой суммы приходится на транснациональные корпорации. Ежедневные глобальные движения капиталов в 1992 г. превысили 1 трлн долл. Произошла радикальная трансформация глобальных торговых потоков. Международная торговля стала мощным фактором, способствующим росту мировой торговли. По данным, которые приводит директор-распорядитель Международного валютного фонда М.Камдессю, за последнюю четверть века объем международной торговли возрастал на 5,5% ежегодно.

Немаловажное значение имеет тот факт, что ныне текущие операции, связанные с оплатой товаров и услуг, в 114 странах полностью конвертируемы. А это дает возможность устранить валютные ограничения, которые препятствуют росту мировой торговли. По данным ЮНКТАД, объем продаж многонациональных корпораций в 1992 г. достиг 5,5 трлн долл. при общем объеме всего мирового экспорта 4 трлн долл. Более того, объем иностранных инвестиций в том же году достиг 2 трлн долл., в то время как в 1987 г. он составлял всего половину этой суммы.

Этому в значительной степени способствует беспрецедентный рост объемов безналичных расчетов. За исключением черного рынка и наркобизнеса непосредственная передача из рук в руки больших сумм наличных денег становится излишней или ненужной. Бумажные потоки заменяются электронными сделками, которые заключаются круглосуточно в пределах всей планеты, создавая тем самым единый всемирный рынок. По существующим данным, объемы ежесуточных потоков достигают 1 трлн долл.

Наиболее примечательным и симптоматичным результатом и одновременно показателем этих процессов и феноменов является так называемая нетуорк экономика (network economy), т.е. экономика, в которой компьютеризация и новейшие средства коммуникации создают основу электронного рынка, всецело зависящего от мощных информационных сетей. Пионером в данной области являются Соединенные Штаты. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные: в 1995 г. в этой стране насчитывалось 365 компьютеров на 1000 человек, в то время как в Японии 145; в 1996 г. в США 66% семей пользовались кабельным телевидением, а в Японии — 29%; в 1995 г. 23% американских рабочих имели персональные компьютеры, подключенные к интернету, а в Японии — всего лишь 1,3%. В 1995 г. в США впервые расходы на персональные компьютеры превысили расходы на покупку телевизоров.

Во всепланетарных масштабах усиливаются интеграционные процессы в мировой экономике. В настоящее время в мире насчитывается 15 интеграционных объединений, многие из которых пока что представляют собой довольно аморфные образования. Но некоторые из них достигли значительных успехов и составляют реальную экономическую и в определенной степени политическую силу. Это прежде всего относится к Европейскому союзу.

В результате расширения сферы деятельности транснациональных компаний и движения капиталов происходит постепенное размывание экономических границ между отдельными государствами. Функционируют Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и другие финансовые организации и институты. Из небольшого объединения 35 стран, бывших его учредителями, МВФ превратился в организацию, охватывающую практически всю экономику мира. Складывается и неуклонно расширяется система разнообразных связей между этими организациями и отдельными государствами. Они все больше проникают в сферу прерогатив национальных государств. В совокупности это способствует сокращению различий между странами в рамках отдельных регионов по уровню организации и эффективности производства.

При таком положении вещей возрастают степень и масштабы взаимного влияния национальных экономик друг на друга, причем это влияние обнаруживается почти во всех сферах жизни. Традиционно в каждом из отдельно взятых государств лучшие системы менеджмента были разработаны правительствами, которые столкнулись с такими проблемами национальной экономики, как безработица, инфляция, экономический спад, низкий уровень технологии, географическое неравенство темпов экономического развития и т.д. Сегодня все эти проблемы носят скорее интернациональный, нежели национальный характер.

Спад и безработица в одной стране часто «экспортируются» в другие страны. Например, говорят, что когда американская экономика начинает чихать, экономика остального мира схватывает воспаление легких. Или когда темпы роста экономики Германии и Японии сильно замедляются, другие развитые страны должны умолять их принять меры для стимулирования роста ради интересов всей мировой экономики. Инфляция в одной стране часто способствует инфляции в других странах. Так, повышение цен на нефть странами-экспортерами неизбежно сказывается на уровне цен других товаров на мировых рынках, а рост цен на промышленные товары в индустриально развитых странах отрицательно сказывается на уровне цен в развивающихся странах и т.д. Учетные ставки, установленные в Нью-Йорке и Лондоне, автоматически определяют учетные ставки во всем мире. Протекционизм в одной стране не может не отразиться на торговле многих других стран.

Финансовые рынки и даже отдельные крупные финансисты или учреждения оказываются способными существенно влиять на результаты принимаемых государствами политических решений да и на сам характер этих решений. Комментируя такое положение, американский экономист У.Р.Смайзер отмечал, что назначение того или иного человека на должность президента Германского Бундесбанка в Франкфурте заслуживает такого же внимания американцев, как и назначение какого-нибудь выдающегося американца на ту или иную высокую должность, ибо «Бундесбанк начал оказывать глубокое и всепроникающее влияние на экономику Соединенных Штатов».

То же самое можно сказать и о банках других стран, располагающих значительными финансовыми средствами. Проанализировав эти и подобные им процессы, американский обозреватель Т. Люк пришел к выводу, что с внедрением телекоммуникационных спутников само понятие доминирующих финансовых центров стало анахронизмом. Разумеется, это утверждение не лишено значительной доли преувеличения, но фактом остается то, что Токио, Гонконг, Сингапур, Сеул, Стамбул, Каир, Москва, в равной мере как и старые центры — Париж, Лондон, Рим, Берлин, Нью-Йорк, Сан-Франциско и другие, превращаются в опорные центры всепланетарной цивилизации.

Подобно нелегальной иммиграции и глобальному потеплению, интернационализация промышленного производства и финансов подрывает способность людей контролировать собственную судьбу. Идея о том, что мы вступаем в эпоху, в которой не будет национальных производств и технологий, корпораций и промышленности, ставит в трудное положение всех тех, кто мыслит в национальных терминах. Показательно, что это касается не только средних, малых или неразвитых в социокультурном и экономическом отношениях стран, но и такой страны, как Соединенные Штаты, которые сыграли ключевую роль в интернационализации мировой экономики.

При таком положении дел любые сколько-нибудь значимые негативные передвижки в более или менее крупной национальной экономике способны вызвать эффект домино в международном масштабе. Экономические проблемы могут возникнуть в связи с замедлением темпов глобального экономического роста. В ряду проблем, способных привести к конфликтам и экономическим или торговым «войнам», можно назвать, например, хронический рост внешнеторгового положительного сальдо в пользу Японии за счет США и Западной Европы. Высокий уровень безработицы на Западе и увеличение контраста между стагнирующим Западом и динамичным Востоком способны усилить требования протекционистских мер против Японии и Восточной Азии в целом. Список подобных требований можно продолжить.

В отличие от прежних эпох упадка или смены цивилизаций, характеризовавшихся стагнацией всех сфер жизни, нынешняя ситуация характеризуется беспрецедентным ускорением и углублением научно-технического прогресса. Важной сущностной особенностью глобальной экономики является то, что в ее рамках ни одна страна уже не способна существовать и обеспечивать эффективную жизнедеятельность в условиях экономической автаркии. Более того, рыночная экономика и экономическая открытость — необходимые предпосылки жизнеспособности экономики как каждой отдельно взятой страны, так и глобальной экономики в целом. Список этот, естественно, можно продолжить. Что касается комплекса внутренних характеристик, то их еще предстоит определить в самом процессе их вызревания и принятия мировым сообществом.

5.3. Интеграция экономики развивающихся стран в мировую экономику

Постепенно составной частью этой всемирной экономической системы становились и экономики стран третьего мира. На тенденции и направления их социального и экономического развития после завоевания политической независимости огромное негативное влияние оказывало колониальное наследие. Монокультурность, отсталость, однобокие экономические связи с бывшими метрополиями, по сути дела, служили, а во многих странах продолжают и сейчас служить факторами, воспроизводящими их зависимое положение по отношению к промышленно развитым странам. Существенными факторами в этом отношении явились характерные для этих стран незавершенность процессов социальной дифференциации, живучесть традиционных докапиталистических и патриархальных отношений и связей.

Для достижения целей экономического развития многие развивающиеся страны осуществили комплекс преобразований, среди которых важное значение имели национализация иностранных предприятий, создание и развитие государственного сектора экономики, аграрная реформа, создание кооперативов и др. Национализировалась прежде всего собственность крупных иностранных компаний, в том числе компании Суэцкого канала в Египте, «Ирак петролеум», международного нефтяного консорциума, контролирующего иранскую нефть, и др. В ряде стран частичной национализации подверглась собственность местной буржуазии. Государственная собственность росла также за счет строительства новых предприятий, особенно в отраслях тяжелой промышленности.

На протяжении всего периода после освобождения от колониального ига развивающиеся страны предпринимали усилия по преодолению своей экономической и финансовой зависимости от Запада. Они развернули борьбу за изменение характера экономических связей с развитыми странами. В результате последние вынуждены были идти на обновление своих взаимоотношений с афро-азиатским миром, стараясь привязать его к себе не силовыми методами военного и внеэкономического принуждения, а путем более искусных политических и дипломатических маневров, более завуалированной культурной и пропагандистской экспансии. Главное место отводилось экономическим методам подчинения развивающихся стран.

В середине 70-х годов страны третьего мира добились принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации об установлении нового международного порядка и Хартии экономических прав и обязанностей государств, предусматривавших ликвидацию неравенства в торговле, перестройку валютной системы, изменение принципов предоставления экономической помощи. В 60–70-е годы страны — экспортеры нефти совместными усилиями сумели добиться существенного повышения цен на нефть, продаваемую в промышленно развитые страны.

В масштабах всего третьего мира определенные успехи были достигнуты в сфере промышленного производства. В среднем на 25–30% увеличилось производство стали, проката, автомобилей, тракторов, турбин, электроэнергии. Были построены сотни и тысячи новых крупных предприятий. Немалые успехи имели место в плане удовлетворения насущных потребностей населения.

Ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии, такие как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины, за сравнительно короткий по историческим меркам период добились впечатляющих экономических успехов. Они приняли и довольно эффективно использовали западные экономические, производственные, технологические и организационные методы и структуры.

О тенденциях развития экономики этих стран лучше всего свидетельствует, например, следующий факт. В 60-х годах национальный доход на душу населения в Южной Корее держался на одном уровне с Ганой — примерно 230 долл. Но в настоящее время он уже почти в 12 раз выше, чем в Гане. По уровню экономического развития упомянутые выше страны, по сути дела, вышли из разряда развивающихся и по многим параметрам приблизились к развитому миру. Определенных успехов с точки зрения повышения жизненного уровня своих народов добились некоторые нефтедобывающие страны Ближнего Востока.

В результате всех этих и связанных с ними других изменений и сдвигов в сфере экономики по-новому предстает весь комплекс геополитических проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности. С некоторой долей упрощения можно сказать, что если раньше на международной арене борьба за власть и влияние велась государствами с помощью армий и идеологий, то теперь она перешла в сферы процентных ставок, курсов валют, «эффективности рынка» и т.д.

В отличие от периода холодной войны, когда военные реальности определяли глобальную стратегию и контролировали экономические соображения, теперь определяют и формируют мир экономические реальности. Комментируя эти реальности, Р.Туз предлагает заменить понятие «международная экономика» понятием «мировая политическая экономика». Все более очевидное усиление роли экономического фактора в определении как параметров державной мощи государств, так и контуров и направлений их внешней политики подтолкнуло ряд исследователей к мысли о восхождении реалэкономики или геоэкономики, призванной либо заменить, либо дополнить реалполитику и геополитику.

И действительно, все больший приоритет в государственной политике на международной арене приобретает экономика. Ослабление гонки вооружений сопровождается усилением конкуренции в экономической и научно-технической сферах. Формы регулирования этой конкуренции будут иметь большое влияние не только на мировую экономику, но и на более широкую сферу международной безопасности и политических отношений.

Риск состоит в том, что возрастание националистически ориентированной экономической политики, стимулируемой ухудшением экономического положения и социальным давлением, может подтолкнуть крупные экономические державы к реалэкономике, в которой стремление к защите национальных рынков может стать фактором, вызывающим разного рода межгосударственные конфликты. Как отмечал китайский исследователь Хэ Фан, *«конкуренция и борьба за ведущую роль в экономике, контроль и антиконтроль, санкции и ответные санкции, протекции и контрпротекции превратились уже в основные формы международной борьбы»*. В этом контексте даже утверждается, что в результате расширения конкуренции «территориальные государства» уступили место «торговым государствам». Суть этого изменения состоит в переходе от «силовых игр» между государствами, стремившимися расширить свои территории, к «играм благополучия», при которых ставится задача роста экономики.

При этом нельзя забывать, что большинство стран афро-азиатского мира от Мьянмы до тропической Африки остались в тисках экономической отсталости, зоной экономических, политических, идеологических, этнических и социальных конфликтов и потрясений. Показательно, что в 70-х годах средний годовой доход на душу населения в странах третьего мира в целом сохранялся на уровне 180 долл., т.е. в 13 раз меньше, чем в развитых странах. Труднейшей, почти неразрешимой проблемой на протяжении всего постколониального периода оставалась безработица.

В среде развивающихся государств постепенно выделилась группа стран, экономика которых оказалась в состоянии глубокой деградации и разрухи, а их население — на грани массового голода. В их числе можно назвать Сомали, Эфиопию, Судан, Бангладеш и др. Они отстали от многих развивающихся стран настолько сильно, что их стали называть четвертым миром. Существующие данные свидетельствуют о том, что эта группа все больше отодвигается на обочину мировой политики. Здесь дилемма состоит в том, что увеличение помощи бедным странам продуктами питания усиливает их зависимость от богатых стран, в то время как отказ в такой помощи способен стимулировать миграцию из бедных стран.

В глобальном масштабе возникают новые линии разлома и разобщения стран и народов, новое измерение получают понятия «центр» и «периферия». Особо важное значение приобретает возрастающее неравенство между богатыми и бедными странами. Усиливается тенденция к расширению разрыва между развитым центром и периферией мировой хозяйственной системы. За 80-е годы число стран, относимых ООН к наименее развитым, возросло с 31 до 47. В 1990 г. почти 3 млрд жителей Африки южнее Сахары, Южной Азии, Индии и Китая имели средний годовой доход на душу населения менее 500 долл., 1,5 млрд человек в Латинской Америке, Ближнем Востоке и Северной Африке — 2 тыс. долл., в то время как 850 млн жителей наиболее развитых стран — 20 тыс. долл. Причем нет никаких признаков, что такое положение может измениться в обозримом будущем.

Очевидно, что происходит глобализация неравенства. Согласно имеющимся данным, разрыв между верхней $\frac{1}{5}$ частью и нижней $\frac{1}{5}$ частью населения в Великобритании (или странах одного с ней уровня) составляет примерно 5,5:1. Но разрыв между средним доходом в Великобритании (или странах одного с ней уровня), с одной стороны, и, например, Бангладеш — с другой, составляет около 100:1. Этот разрыв будет еще большим, если взять верхнюю $\frac{1}{10}$ часть населения в Великобритании (или США и Швейцарии) и нижнюю $\frac{1}{10}$ часть в Бангладеш (или Гаити и Буркина Фасо).

При этом обращает на себя внимание возрастающая социальная и экономическая дифференциация в рамках отдельных регионов. Так, север генерирует свой собственный внутренний юг, а юг в свою очередь формирует тонкую прослойку общества, которая полностью интегрировалась в экономику севера. В результате социальный центр и социальная периферия пересекают национальные границы.

5.4. Глобализация экологических проблем

В ряду названных и подобных им факторов стоит так называемый экологический императив. Так, достигнув определенной свободы от природы в процессе освоения и преобразования естественной среды, человек возомнил себя ее безраздельным господином. Руководствуясь известным постулатом *«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача»*, человек предпринял сознательное вмешательство в ее деятельность, зачастую вопреки основополагающим законам. Результатом этого явились те последствия общепланетарного масштаба, которые получили название «разрушение окружающей среды».

Суть этого феномена состоит в том, что влияние человеческой деятельности на окружающую среду носит настолько разрушительный и необратимый характер, что его последствия представляют собой всевозрастающую угрозу самому существованию человечества как социобиологического вида.

Особо важное значение имеет сохранение лесов. По существующим данным, в тропической зоне ежегодно уничтожается приблизительно 11,4 млн гектаров лесов. Основываясь на этом тревожном факте, в июле 1991 г. в письме, адресованном президентам латиноамериканских стран, всемирно известный писатель Г.Маркес и другие подписанты предупреждали, что *«к 2000 г. ³/4 тропических лесов Америки могут исчезнуть и 50% имеющихся там видов будут потеряны навсегда. То, что природа создала на протяжении миллионов лет, будет разрушено нами немногим более чем за 40 лет»*.

Исчезновение тропических лесов, особенно в Латинской Америке, где находится 60% всех этих лесов, вызывает озабоченность специалистов по охране окружающей среды по нескольким причинам. Это прежде всего разрушение традиционного образа жизни многих племен. Далее, эти леса содержат самые крупные в мире запасы видов растений и животных, и уничтожение этого богатейшего разнообразия биологических видов нанесло бы страшный удар по постоянной потребности людей улучшать и создавать новые виды сельскохозяйственных культур, обладающих большей сопротивляемостью различным болезням и заражению насекомыми. Демографическое давление, ведущее к исчезновению лесов, может привести к сокращению способности мирового сельского хозяйства к самообновлению и тем самым к сокращению возможности накормить дополнительные миллиарды потребителей.

Об осознании большинством людей важности этих явлений свидетельствует проведение специальных конференций ООН по проблемам охраны окружающей среды в 1977 г. в Стокгольме и в 1994 г. в Бразилии, а также создание во многих индустриально развитых странах постов министров по охране природы и природопользованию. Наибольший вклад в разработку этой проблемы внес Римский клуб. В 1972 г. Д.Медоуз и ее коллеги по поручению Римского клуба подготовили и опубликовали книгу «Пределы роста». В ней был сделан ряд выводов, которые должны были заставить обратить внимание мировой общественности на обострение глобальных проблем, имеющих судьбоносное значение для всего мирового сообщества. Суть этих выводов сводилась к следующему. При сохранении существующих тенденций повышения численности населения, загрязнения окружающей среды, увеличения объема промышленного и сельскохозяйственного производства, истощения невозобновляемых ресурсов и т.д. пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет.

Чтобы предотвратить подобный оборот событий, необходимо изменить эти тенденции и создать условия для обеспечения экологической и экономической стабильности. Намереваясь переиздать эту книгу по случаю 20-летия со дня ее выхода, авторы сочли целесообразным дополнить ее новыми материалами, подтверждающими выводы 1972 г. Однако в процессе сбора данных, многократных компьютерных расчетов и анализа изменений, происшедших за 20 лет, они пришли к выводу, что время и развитие тенденций роста поставили человечество *«в новое положение по отношению к его пределам»*, что *«несмотря на совершенствование технологий, расширение знаний и более строгую природоохранительную политику, многие потоки ресурсов и загрязнений уже вышли за пределы устойчивости»*.

Поэтому вполне понятно, почему авторы, по сути дела написав новую книгу, дали ей название «За пределами роста». Главный лейтмотив книги — это призыв: *«Чтобы будущее вообще состоялось, необходимы отступление, замедление темпов роста, исцеление. Обнищание нельзя остановить непрерывным ростом материального производства, оно неизбежно будет распространяться и при сокращении роста мировой экономики»*. По мнению авторов, чтобы предотвратить неконтролируемое сокращение в ближайшие десятилетия душевых показателей производства продуктов питания, потребления энергии и промышленного производства, необходимы: существенное уменьшение потоков материальных и энергетических ресурсов; всесторонний пересмотр политики и практики, ведущих к росту численности населения и уровня материального потребления; быстрое, резкое повышение эффективности использования материальных и энергетических ресурсов. Другими словами, чтобы наше будущее вообще состоялось, необходимо поставить разумные и реалистичные цели.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро Всемирный экологический форум одобрил концепцию устойчивого развития. Лейтмотивом выступлений на форуме была мысль о необходимости охраны окружающей среды, сокращении разрыва в уровнях жизни народов и искоренении нищеты. Но для поднятия уровня жизни 80% населения земного шара до западных стандартов потребуется в 20 раз увеличить добычу природных ресурсов. На форуме отчетливо высказывалась мысль о неосуществимости и гибельности такого пути. Поэтому все надежды возлагались на разработку новой философии развития, призванной противопоставить безудержному агрессивному потребительству умеренность, воздержание, гармоническое развитие личности и коллектива, природы и общества. Все это, конечно, верно, но проблема в том, как добиться этих целей.

Обнаружилось, что за игнорирование законов своей жизнедеятельности и воспроизводства природа жестоко мстит людям, выдвигая перед ними новые, вселенского масштаба проблемы, решение которых невозможно без возвращения к законам самой природы, где человеку, как и всем другим ее феноменам, отведена своя особая ниша, произвольный выход из которой чреват непредсказуемыми последствиями для всей экосистемы.

В данной связи небезынтересно отметить, что уже в конце XIX—начале XX в. высказывалось суждение о том, что в своей эволюционной теории Ч. Дарвин имел в виду в большей степени видовые приспособления к природной среде, нежели происхождение новых видов, как это должно было вытекать из названия его главного труда. Последнее говорит в пользу того, чтобы заменить ставшие привычными максимы «человек — властелин природы» и «задача человека — овладеть природой» максимой «человек — органическая часть природы» и его цель должна состоять не в том, чтобы преобразовывать природу, нарушая ее основополагающие реальности и закономерности, а приспосабливаться к ней, опираясь на эти реальные закономерности.

5.5. Демографический императив

Раньше периоды роста и сокращения населения с предсказуемой точностью сменяли друг друга. Причем, как бы ни менялась численность тех или иных народов и этносов во времени и пространстве, численность населения земного шара в целом увеличивалась очень медленно, и этот рост в течение длительных исторических периодов существенным образом не отражался на демографической ситуации. Факторов же, регулирующих такое равновесие, было предостаточно — неурожаи, голод, войны, многочисленные эпидемии и т.д.

С XVIII—XIX вв. началось ускорение темпов роста численности населения земного шара. В 1825 г. население планеты достигло 1 млрд человек — для этого понадобилось несколько тысячелетий. К тому времени индустриализация и совершенствование медицины создали условия для роста населения значительно более быстрыми темпами. В результате за последующие 100 лет численность населения увеличилась в 2 раза, т.е. стала равной 2 млрд. Эта цифра в свою очередь удвоилась в последующие полвека (с 1925 по 1976 г.), достигнув 4 млрд человек. К 1990 г. население планеты составляло уже 5,3 млрд человек, увеличившись только за 15 лет на 1,5 млрд. К концу XX в. оно уже превысило 6 млрд человек.

За столетие городское население увеличилось в 10 раз, а валовой мировой продукт в 20 раз (в ценах 1990 г.). Возросла средняя продолжительность жизни людей, достигнув в самых развитых странах 75 лет, в то время как столетием раньше она не превышала 30–35 лет.

Сегодня население Земли каждые 4–5 дней увеличивается на 1 млн человек или, иначе говоря, ежедневный чистый прирост населения, определяемый как разница между числом родившихся и умерших, составляет 200–250 тыс. человек. Эти факты свидетельствуют о том, что в ближайшей и особенно в дальней перспективе демографические сдвиги и возрастающая миграция станут важнейшими факторами, существенно влияющими на тенденции и направления развития мирового сообщества.

Если население будет продолжать увеличиваться, то можно ожидать своеобразной демографической «перегрузки» нашей планеты. Как об уже состоявшейся «перегрузке» отдельных стран и регионов свидетельствует возрастающая миграция значительных масс людей, которая становится одним из фундаментальных факторов всемирно-исторического значения. Своеобразно интерпретируя миф об Авеле и Каине, начинающийся со слов «И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец», Х.М.Энценсбергер полагал, что в нем воплотился конфликт между племенами кочевыми и оседлыми. Спор из-за земли закончился смертоубийством.

Соль этой притчи, по Энценсбергеру, состоит в том, что «человек оседлый, убив кочевника, сам оказывается обреченным на скитания. Тем более это было предписано Каину самим Богом, который, узнав о содеянном им, произносит свой приговор: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Разумеется, нельзя безоговорочно принять вывод Энценсбергера о том, что «вся история человечества заключена в этой притче». Но нельзя не согласиться с ним в том, что «значительная часть человечества всегда находилась в пути». Всю историю человечества сопровождали разбойные набеги, завоевательные походы, изгнания, высылки, депортации, взятие в плен, работорговля, колонизация. На тех или иных ее этапах в силу специфического стечения множества обстоятельств и факторов на первое место среди названных явлений выходила миграция, или переселение людей с насижженных мест на новые, зачастую весьма отдаленные территории или в другие регионы.

Уже в древности и период средневековья многие азиатские народы, переселившись, ассимилировались с европейскими и ближневосточными народами и составили основу целого ряда государств (например, Венгрия и Турция). Однако, оставляя за скобками эти аспекты, здесь вкратце затронем лишь грандиозную эпопею великого переселения народов Европы за океан в Новое время, сыгравшего, на мой взгляд, ключевую роль в формировании облика современной цивилизации. Особенно сильный толчок крупным миграциям народов дала промышленная революция в Европе, которая способствовала ускоренному росту численности населения и создала условия для развития новейших видов транспорта и коммуникаций.

Важно учесть, что европейская эмиграция Нового времени развертывалась и набирала темп в контексте наметившегося, условно говоря, «закрытия» европейского пространства с точки зрения фактического истощения пределов и возможностей экстенсивного развития. Восхождение в XV–XVI вв. Российской и Османской империй постепенно закрыло для Европы путь экспансии на восток и юг; в западном же направлении, снова «открытом» в результате реконкисты, она упиралась в бескрайние просторы Атлантического океана.

Все более остро ощущавшаяся нехватка обрабатываемых земель при ускорившихся темпах роста численности населения поставила перед ведущими европейскими странами вопрос о необходимости поиска новых путей самосохранения и дальнейшего развития. Таких путей могло быть только два: экстенсивный, предполагающий пространственную экспансию за пределы самой Европы, и интенсивный, заключающийся в разработке внутренних резервов и ресурсов.

В силу целого комплекса факторов эти два пути стали не альтернативами, а дополнениями друг другу. Как отмечал С. Лем, до наступления Нового времени разные народы довольно близко подходили к самому преддверию «технологического старта», но останавливались. Об этом свидетельствуют, например, знаменитая нержавеющая металлическая колонна в Китабе (Индия), созданная с помощью порошковой металлургии, как бы заново открытой в наше время; изобретение древними китайцами пороха и бумаги и т.д. Но открытия не стали началом ускоренного развития цивилизации или научно-технологического прогресса в этих странах.

Иное положение сложилось внутри самой Европы, где быстро набравший силу научно-технологический прогресс удачно дополнял и стимулировал экспансию, в том числе и эмиграцию огромных масс людей вовне с последующим освоением все новых и новых территорий и пространств. В результате завоевания, заселения и освоения в течение нескольких поколений европейцами, как выше указывалось, были основаны новые дочерние нации и страны иммигрантов в западном полушарии, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке. О размахе этого процесса красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что только за 50 лет с 1851 по 1901 г. из Ирландии переселилось за океан 72% ее жителей.

Трудно себе представить, каким было бы лицо Европы и сама судьба европейской цивилизации без этого гигантского переселения народов на «свободные» земли, способствовавшего своеобразному «закрытию» земного пространства. Ведь прогнозы Мальтуса в известной книге «Опыт о законе народонаселения», опубликованной в 1798 г., были основаны отнюдь не на пустом месте. Возможно, именно эмиграция избыточного населения наряду с аграрной и промышленной революциями отчасти помогла Великобритании в тот конкретный период избежать опасности перенаселения.

Начиная с первых переселений число жителей, покидавших Британские острова, постоянно росло. Так, в 20-х годах XIX в. эмигрировало немногим более 200 тыс. человек, в течение следующего десятилетия эта цифра утроилась, а в 50-х годах того же столетия она достигла 2,5 млн человек. За столетие между 1814 и 1915 годами 20 млн жителей Британских островов покинули свою страну. О масштабах переселения можно судить по следующим данным: к 1900 г. население Великобритании насчитывало 41 млн человек, а при отсутствии массовой эмиграции составило бы по подсчетам исследователей что-то около 70 млн человек.

В период с 1846 по 1890 г. Европу покидали в среднем по 377 тыс. человек в год. В период с 1891 по 1910 г. среднегодовая цифра эмиграции достигла 911 тыс. человек, а с 1846 по 1930 г. из Европы в другие регионы земного шара выехали более 50 млн человек. Причем население самой Европы в эти годы также постоянно увеличивалось. По некоторым данным, если в 1800 г. доля населения европейских стран составляла примерно 22% всей численности земного шара, то в 1935 г. она достигла уже 35%. Помимо Соединенных Штатов люди устремлялись в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, чтобы заселить плодородные и богатые ресурсами земли. На восточной окраине Европы аналогичную эпопею в восточном направлении, как выше указывалось, предпринимала Россия.

Важно отметить, что процессы миграции, которые имели место раньше, отличаются от происходящих в настоящее время, что не может не сказаться на их последствиях. Особенность нынешних миграционных процессов состоит в том, что они вызваны перемещением капиталов, охватом рыночной экономикой все новых стран, народов и регионов, изменениями в средствах транспорта и коммуникации и т.д. В целом раньше основные потоки миграции осуществлялись в еще открытом земном пространстве, и с определенными, порой существенными оговорками (например, изгнание со своих земель и уничтожение индейцев в Северной Америке) можно сказать, что иммигранты занимали в некотором роде «ничейные» или считавшиеся таковыми земли.

В наши дни, по сути, таких земель не осталось и миграция происходит в рамках замкнутой всепланетарной ойкумены. Раньше основные потоки миграции шли в направлении из развитого мира в «свободные», неосвоенные, малоосвоенные, слабообразованные регионы земного шара. Теперь же эти потоки идут в обратном направлении, из менее развитых в более развитые регионы — из всех азиатских и африканских стран в Европу и Северную Америку, из Латинской Америки — в США, из стран СНГ — в Россию, из Китая — в индустриально развитые страны, Россию и страны Юго-Восточной Азии и т.д.

В данной связи уместно напомнить отрывок из поэмы А. Блока «Скифы»:

*Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!
С раскосыми и жадными очами!*

Иначе говоря, если раньше Европа была источником эмиграции, то теперь она стала местом иммиграции. С начала нынешнего столетия во Францию нахлынуло несколько волн иммигрантов из других европейских стран — итальянцев, поляков, испанцев, португальцев, венгров, армян, греков и др. По существующим данным, сейчас, если принять во внимание и более поздних иммигрантов, особенно из Марокко, Алжира, Туниса и Вьетнама, один из каждых пяти французских граждан в той или иной мере имеет «иностранное происхождение», т.е. примерно 10 млн нынешних французов являются детьми или внуками иммигрантов. К ним нужно добавить еще 4 млн проживающих во Франции иностранцев.

В целом в настоящее время в Западной Европе живут более 20 млн легальных иммигрантов из других регионов. Для сравнения укажем, что в период с 1810 по 1921 г. только в США переселились главным образом из Европы 34 млн человек. Если учесть темпы роста населения, то нынешние масштабы миграции нельзя считать значительными.

Можно сказать, что лишь малая часть потенциальных мигрантов покинула свои места и новое великое переселение народов еще впереди. Толчком к нему могут стать социальные, экономические, политические и иные пертурбации в странах развивающегося мира. Касаясь темы возможной политической нестабильности, например в Китае, Дэн Сяопин как-то заметил, что в таком случае 500 тыс. китайцев выплеснется в Гонконг, 10 млн в Таиланд, 100 млн в Индонезию. О том, сколько китайцев устремятся в Сибирь, российский Дальний Восток, центральную Россию, а также в западные страны, Дэн Сяопин не сказал.

Население Австралии, насчитывавшее в 1990 г. 16,7 млн человек, к 2025 г. достигнет 22,7 млн. В расположенной рядом с ней Индонезии население по существующим прогнозам за тот же период возрастет с 180 до 263 млн чел. Предполагается, что население США к 2025 г. увеличивается примерно на 25%, в то время как население их южных соседей — Мексики и Гватемалы соответственно на 88 и 225%. При этом необходимо иметь в виду, что по имеющимся данным ежегодно границу США с Мексикой пересекают около 1 млн нелегальных иммигрантов.

Эти тенденции и процессы способны внести существенные коррективы в демографические, социальные, экономические и политические реалии индустриально развитого мира. Речь может идти прежде всего о постепенном изменении этнонационального, расового и конфессионального ландшафтов западного мира. За последние десятилетия такая тенденция особенно отчетливо обнаруживается в США, где с расширением иммиграции из азиатских и латиноамериканских стран заметно изменяется демографическая ситуация. Как отмечала в данной связи Л.Миллер, *«на исходе столетия Америка стала менее западной, менее белой и менее англосаксонской»*.

Можно ожидать, что, обозревая материальное благосостояние процветающих стран по телевидению, множество людей в развивающихся странах, разочаровавшись в возможности улучшить свое положение, либо устремятся в поисках лучшей доли на законных или незаконных основаниях в дальние страны, либо предадутся фундаментализму, радикализму или иным формам политического и религиозного экстремизма.

Очевидно, что если учесть фактор ограниченности ресурсов — в настоящее время это уже ощущается во многих европейских странах, то рост миграции способен усугубить экономические, социальные и демографические проблемы развитых стран. Более того, крупномасштабные иммиграции вызовут в этих странах озабоченность и страх перед потерей контроля над национальными границами и традиционным суверенитетом, страх перед потерей нацией этнической чистоты вследствие увеличения смешанных браков.

Речь идет также о страхе перед новыми для соответствующих стран стилями жизни, религиозными и культурными нормами, поведенческими стереотипами и т.д. Растут опасения, что именно рост нелегальной иммиграции вызвал распространение таких старых и новых болезней, как холера, корь, СПИД, которые создают системе здравоохранения дополнительную нагрузку, а кроме того вызывают неприязнь коренного населения к иммигрантам.

Показательно, что из десяти человек, получивших в Америке докторскую степень по естественным и инженерным наукам, как минимум один — это выходец одной из трех стран Восточной Азии: КНР, Тайваня и Кореи. Эта цифра значительно выше для представителей стран Восточной и Южной Европы, а также бывшего Советского Союза и России. Поэтому неудивительно, что по данным опроса общественного мнения, проведенного в конце 1994 г., 72% американцев отдали высший приоритет сокращению и предотвращению незаконной иммиграции в страну.

Большие массы миграции способны вызвать, с одной стороны, так называемую демографическую агрессию, а с другой стороны, то, что Кинг и Шнейдер назвали «оборонительным расизмом». Во всяком случае миграции, независимо от вызвавших их причин, рано или поздно порождают конфликты. Как отмечал Х.М. Энценсбергер, *«групповой эгоизм и ксенофобия суть антропологические константы, предшествующие любым обоснованиям. Всеобщность их распространения свидетельствует о том, что они древнее любых известных нам общественных формаций»*. Для погашения этих чувств и достижения хотя бы минимального общения были придуманы особые табу и ритуалы. Но подобные регуляторы в условиях дальнейшего наращивания иммиграционных потоков, как легальных, так и нелегальных, не могут служить сдерживающим фактором.

Например, семья, в которой главный кормилец потерял работу из-за того, что предприятие, где он до сих пор работал, перебазировали в какую-нибудь развивающуюся страну с более дешевой рабочей силой, чем в США или Англии, наверняка не будет благосклонно воспринимать разговоры о необходимости расширения помощи бедным странам. Наемные работники, не имеющие дипломы об окончании колледжа или университета и работающие в качестве санитаров в больнице, уборщиков конторы или выполняющие какую-либо иную низкооплачиваемую работу, не будут в восторге от увеличения потока иммигрантов, которые, как правило, претендуют на такие же низкооплачиваемые должности. Политики из тех избирательных округов, где растет безработица в результате закрытия предприятий многонациональными корпорациями, несомненно будут испытывать искушение выступать за протекционистские меры.

О том, что такие рассуждения не лишены оснований, свидетельствуют успехи праворадикальных сил, выступающих под националистическими и расистскими лозунгами на выборах в отдельных странах Западной Европы, например Франции. Ряд авторов высказывают еще более мрачные перспективы для Запада. Так, Ж.Эллюль предупреждал относительно того, что *«присутствие иммигрантов, сопровождаемое распространением в Европе ислама, несомненно, приведет к деградации всего западного общества. В результате безрассудства, которое мы проявляем уже в течение 20 лет, запад окажется еще через 20 лет в таком же положении в мировом масштабе, как сегодня белое меньшинство в ЮАР перед лицом черного большинства»*.

Значимость этого момента станет особенно очевидна, если учесть факт неуклонного увеличения численности населения в одной части земного шара и ее снижения в другой его части. Необходимо отметить, что за последние десятилетия темпы роста численности населения планеты замедлились в силу того, что во многих странах наблюдается тенденция к сокращению уровня фертильности. По прогнозам специалистов в силу урбанизации и других факторов в ближайшей перспективе ожидается падение уровня рождаемости даже в некоторых развивающихся странах с наибольшими темпами роста населения.

Но тем не менее фактом остается то, что основной рост численности населения приходится на развивающиеся страны. По существующим данным, в период до 2025 г. на них падает 95% общего роста населения планеты. В рассматриваемом контексте немаловажный интерес представляют следующие цифры. На середину 1992 г. численность населения индустриально развитых стран составляла 1 млрд 224 млн человек. К 2010 г. она по прогнозам достигнет 1 млрд 333 млн человек, а к 2025 г. — 1 млрд 392 млн человек. При этом общая численность населения развивающихся стран, включая Китай, в середине 1992 г. составляла 4 млрд 196 млн человек. В 2010 г., как ожидается, она достигнет 5 млрд 781 млн человек, а в 2025 г. — 7 млрд 153 млн человек.

Согласно существующим статистическим данным, в 70-х годах показатель суммарной фертильности (число детей на одну женщину фертильного возраста) составлял: для ФРГ — 1,35; Дании — 1,42; Нидерландов — 1,49; Швейцарии — 1,53; Австрии — 1,69; Норвегии — 1,71; Канады — 1,76; Великобритании — 1,82; США — 1,87; Франции — 1,94; Испании — 1,99. Очевидно, что во всех этих странах рождаемость находилась ниже уровня простого воспроизводства, который равен 2,1. Среди стран Европейского союза только Ирландия имела более высокий показатель. Эта ситуация не изменилась и в 80–90-е годы. В свете этих факторов некоторые авторы заговорили даже о начавшемся процессе «распада Запада».

В 1951 г. доля населения индустриально развитых стран составляла $\frac{1}{5}$ численности населения всей планеты. В 1985 г. эта цифра составила уже $\frac{1}{6}$, а к 2025 г., по прогнозам специалистов, опустится до $\frac{1}{10}$. Причем только две из этих стран — США и Япония — останутся среди первых 20 наиболее населенных стран, в то время как многие другие окажутся в ряду малых, по критериям того времени, стран.

Очевидно, что все большую актуальность приобретает старая проблема перенаселения, порожденная тем, что численность населения планеты растет настолько быстро, что со временем его невозможно будет прокормить в силу ограниченности пригодных к сельскохозяйственному производству земель. Это ведет к неуклонному росту бедности, политической нестабильности, высокой безработице, болезням, отчаянию и хаосу.

Не менее важна проблема сокращения темпов роста и старения населения индустриально развитых стран. В то время как в беднейших африканских странах число лиц в возрасте более 65 лет составляет лишь 2–3%, в развитых странах эта цифра значительно выше: в Норвегии — 16,4%, в Швеции — 18,4%. Причем среднестатистические показатели развитых стран демонстрируют тенденцию к постоянному росту, отчасти в силу сокращения общего уровня фертильности и отчасти вследствие совершенствования системы здравоохранения пожилых людей. По существующим прогнозам, доля лиц старше 65 лет в общей численности населения развитых стран возрастет до 15,3% к 2010 г. и до 22% к 2040 г.

Показательно, что тенденции, характерные для развитых стран Запада, прослеживаются и в такой восточной стране с органической культурной традицией, как Япония. По имеющимся данным, в 1925 г. средняя продолжительность жизни в Японии составляла 45 лет. На каждую женщину детородного возраста приходилось в среднем 5,1 детей. В настоящее время средняя продолжительность жизни японцев составляет 76 лет, а японок — 82 года. При этом средний уровень фертильности упал до 2,1.

Немаловажную роль в этом играет рост культурного и образовательного уровня женщин, которые по окончании школы или института могут предпочесть собственную карьеру участи домашней хозяйки. Иначе говоря, по многим параметрам Япония становится похожей на остальные индустриально развитые страны. Может подтвердиться мнение Б.Эммота, который так озаглавил свою статью, посвященную проблемам Японии: «Солнце тоже заходит».

Некогда рассматриваемый как торжество разума и ответственности негативный рост населения теперь является проблемой, чреватой далеко идущими последствиями для большинства развитых стран. И действительно, уровень фертильности, который не обеспечивает воспроизводство, ведет к тому, что каждый новый трудоспособный гражданин должен вносить все больший вклад в обеспечение благосостояния и процветания всего общества. Чем меньше таких граждан, тем больше это негативно сказывается на энергии, новаторстве и динамизме, которые так необходимы обществу для выживания. Это, естественно, не может не влиять на эффективность системы социальных гарантий, пенсионное обеспечение и другие блага для все более растущей когорты людей нетрудоспособного возраста.

С данной точки зрения, особенно тревожной представляется ситуация в Западной Европе, где уровень фертильности приближается или уже опустился ниже черты воспроизводства. Чистый рост численности населения в регионе происходит лишь за счет иммиграции. Главными источниками иммиграции для Западной Европы являются Северная Африка и Ближний Восток. Необходимость в ней может возрасти по мере сокращения числа европейцев трудоспособного возраста, что неизбежно ведет к изменению демографической ситуации в регионе. По мнению аналитиков, продолжающееся сокращение темпов рождаемости и связанные с этим экономические, социальные и культурные последствия могут ослабить способность Европы к самовоспроизводству.

Вполне возможно, что многие города западного мира и в обозримом будущем сохранят свои нынешние параметры. Но что касается многих мегаполисов развивающегося мира, то они уже сейчас становятся центрами бедности, преступности, наркомании и других социальных болезней. Растущая урбанизация в развивающемся мире неизбежно способствует усугублению проблем, связанных с увеличением плотности населения, нищенскими условиями существования все более растущих слоев населения и др.

Очевидно, что процессы глобализации порождают серьезнейшие проблемы, среди которых не последнее место занимает неуклонное возрастание демографического давления. В этом плане возникает множество вопросов. Среди них наиболее важным для развитых центров является вопрос о том, смогут ли они отгородиться от неурядиц, происходящих в остальном мире? Анализ реального положения показывает, что это практически невозможно. Сказанное относится и к Японии, которая в силу своих исторических, национально-культурных и иных особенностей более других стран, казалось, подготовлена успешно парировать вызовы XXI в. и способна уберечь себя от неблагоприятных процессов, происходящих во внешнем мире.

«Многие катастрофы в истории, которые на целые столетия отбросили назад прогресс человечества, — писал Дж.М.Кейнс, комментируя последствия Парижской мирной конференции, — представляли собой не что иное, как реакцию, вызванную внезапным исчезновением условий, допустивших рост населения сверх того количества, которое могло быть прокормлено, когда эти благоприятные условия пришли к концу». Некоторые авторы не без основания полагают, что быстрый рост населения в XVIII в. стал одной из причин социальных и культурных пертурбаций, приведших в конечном счете к Великой французской революции и наполеоновским войнам. Нынешние тенденции мирового развития показывают, что чрезмерно низкий уровень фертильности в одних странах и демографический взрыв в развивающемся мире могут привести к столь же непредсказуемым последствиям.

На основании всего вышеизложенного можно говорить о новом всепланетарном сообществе людей, базирующемся на новых формах, типах и средствах коммуникаций, на осознании необходимости разработки и реализации совершенно новой стратегии взаимодействия с природой. Можно вывести некоторые самые общие внешние характеристики формирующегося единого мирового сообщества — это техногенность или единая технологическая инфраструктура, рыночная (но не обязательно классически капиталистическая) экономика, экономическая рациональность при сохранении плюрализма форм организации экономики, снятие внеэкономических и автаркических форм организации международного общения и т.д.

Контрольные вопросы

1. Что такое глобализация?
2. Какова роль научно-технического прогресса в геополитическом развитии современного мира?
3. Назовите основные направления интеграции экономики развивающихся стран в мировую экономику.
4. В чем суть глобализации экологических проблем?
5. Назовите основные тенденции развития демографических процессов.
6. Возможно ли новое великое переселение народов?

6. МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ

6.1. Внешняя политика

Основу международной политики составляют разного рода конфликты между народами и странами, не подчиняющимися какой-либо единой и общей для всех них верховной власти, и способы их разрешения. Но постепенно между государствами складываются более или менее крепкие узы сотрудничества и взаимовыгодные отношения. Можно сказать, что главная функция международных отношений состоит в том, чтобы найти пути и способы разрешения конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов государств. Крайним выражением конфликтов является война.

Принято считать, что в современном мире государства прибегают к войне как к средству обеспечения своих национальных интересов лишь в крайнем случае, когда все другие средства не дали положительного результата. В большинстве случаев государства предпочитают решать возникающие между ними споры и конфликты за столом переговоров, путем взаимного сотрудничества и согласия. Поэтому конфликт и консенсус, т.е. согласие, сменяя и пронизывая друг друга, обеспечивают жизнеспособность и функционирование мирового сообщества.

Интенсивность конфликтов и устойчивость согласия зависят от конкретной ситуации в мире, которая создает собственный расклад социальных и политических сил, экономических, военно-политических и иных факторов. В этом контексте геополитика уделяет особое внимание механизмам принятия решений, роли и функциям важнейших институтов при решении международных конфликтов и достижении консенсуса между государствами.

Главным средством реализации отношений государств в мировом сообществе является внешняя политика. Под внешней политикой понимается общий курс государства в международных делах. Она призвана регулировать отношения данного государства с другими государствами и народами на основе определенного комплекса общепризнанных принципов и в соответствии с его национальными интересами и целями, осуществляемыми различными средствами и методами. Внешняя политика теснейшим образом связана с внутренней политикой государства. С этой точки зрения главная ее задача состоит в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные международные условия для достижения целей и интересов государства. Важнейшей функцией внешней политики является предотвращение войн, агрессии и разного рода конфликтов между государствами.

Большое значение для формирования внешнеполитического курса имеет теория внешней политики. На ее основе разрабатываются наиболее эффективные механизмы, методы и средства достижения внешнеполитических целей. Она обеспечивает определенные рамки планирования и координации внешнеполитических мероприятий, а также совершенствования методов принятия решений.

Внешняя политика осуществляется специально созданными для этого государственными органами. В подавляющем большинстве стран, в том числе и в России, — это министерства иностранных дел, в США — государственный департамент, возглавляемый государственным секретарем, во Франции — министерство внешних сношений, в Аргентине — министерство внешних сношений и культуры и т.д. Будучи важным звеном в механизме государственного управления, это ведомство призвано представлять и защищать права и интересы государства в сфере международных отношений.

Главным средством реализации внешней политики является дипломатия. Дипломатия восходит к древнейшей истории человечества, хотя первые постоянные миссии стали учреждаться с конца XV в. В России Посольский приказ, задачей которого являлось установление и осуществление связей с другими государствами, был создан в XVI в. Постепенно он был преобразован в министерство иностранных дел.

В современном мире дипломатические отношения составляют основную форму поддержания официальных отношений между государствами в соответствии с общепринятыми нормами международного права и международного общения. Общепризнанным принципом межгосударственных отношений является взаимность. В соответствии с ним государства должны строить отношения друг с другом на равноправной, взаимовыгодной основе, особенно в вопросах, касающихся обеспечения международной безопасности.

Поэтому дипломатические отношения между государствами устанавливаются и регулируются по взаимному согласию в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения. Дипломатические отношения призваны способствовать укреплению связей между государствами, разрешению возникающих между ними проблем на взаимоприемлемых условиях. Сам факт их установления служит свидетельством международно-правового признания вовлеченными государствами друг друга. Особо важное значение с точки зрения установления дипломатических отношений между государствами имеет взаимное фактическое (де-факто) и юридическое (де-юре) их признание.

Для реализации дипломатических отношений создаются специальные внешнеполитические представительства, такие как посольство, миссия, консульство, торговые и иные. Их правовое положение регулируется специальными документами, принятыми на основе международного права. Это прежде всего Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., разного рода двусторонние договоры и внутреннее законодательство страны пребывания. Важнейшая функция дипломатических представительств состоит в информировании своего правительства о положении и событиях в стране пребывания, а правительства страны пребывания о политике представляемого дипломатическим представительством государства.

Дипломатия призвана обеспечить представителям государства условия для вступления в регулярные дискуссии и переговоры с представителями других стран. В ее задачу входит продвижение интересов государства и разрешение возникающих проблем с помощью нормальных дипломатических каналов и неформальных связей. Дипломатия представляет собой совокупность практических мероприятий, приемов и методов невоенного характера, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач. Ее осуществление входит в задачу глав государств и правительств, министров иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом и т.д.

Само понятие «дипломатия» связано с искусством ведения переговоров и поисков взаимоприемлемых решений в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, расширения и углубления межгосударственного и международного сотрудничества. Задача дипломатии состоит в регулировании экономических, политических и иных отношений между государствами. Дипломаты разрабатывают и устанавливают соглашения о торговле, таможенных пошлинах, транспорте, почте и телеграфе, валютных расчетах и т.д. Дипломатам приходится решать такие деликатные вопросы, как предоставление политического убежища и выдача преступников, защита прав человека и многие другие.

Государства не могут сколько-нибудь стабильно и эффективно взаимодействовать друг с другом без общепризнанных и фиксированных норм и правил игры, призванных регулировать отношения между ними. Поэтому эти отношения регулируются разного рода двух- и многосторонними договорами и соглашениями, уставами, хартиями, основанными на международно-правовых нормах и общепринятых правилах поведения государств.

В наиболее очевидной форме сотрудничество между государствами проявляется в двух- и многосторонних договорах и союзах. Союзы представляют собой формальные или неформальные договоренности между государствами по вопросу сотрудничества или взаимопомощи в военной, экономической или политической сфере. Договоры имеют те же цели, но носят более формальный и правовой характер. Они могут варьироваться от прямых соглашений по культурному обмену между двумя дружественными странами до сложных договоров об ограничении стратегических ядерных вооружений между двумя и более великими державами.

В современном мире большинство важных договоров — это, как правило, торгово-экономические соглашения и взаимные соглашения о безопасности между различными странами. Наиболее типичным примером многостороннего международного соглашения является Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), которое содержит комплекс, или свод, правовых норм, регулирующих торговые соглашения между странами-участницами. Это соглашение, подписанное в Женеве представителями 23 стран и вступившее в силу 1 января 1948 г., представляет одновременно международную организацию для проведения консультаций и переговоров по торговым вопросам.

После второй мировой войны важное место в международной политике заняла проблема защиты прав человека. В этой сфере был принят ряд международных актов, которые стали составной частью международного права. Они призваны обеспечить международно-правовую базу для гарантии прав и свобод личности независимо от национальности, социального происхождения, религиозной веры и т.д. Примером таких актов служит Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г. Государства, подписавшие эту конвенцию, взяли на себя обязательства разрешать своим гражданам обращаться с жалобой в Европейскую комиссию по правам человека в случае нарушения их прав и свобод.

Каждое суверенное государство как субъект международных отношений проводит собственную внешнюю политику, которая определяется множеством факторов, включая уровни социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение, национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т.д. Все они в переложении на внешнюю политику фокусируются в концепции национального интереса.

С данной точки зрения немаловажное значение имеет тот факт, что внутренняя и внешняя политика любого сколько-нибудь крупного государства теснейшим образом взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Внутреннюю политику, как правило, лучше можно понять в ее соотнесенности с внешней политикой. В то же время характер и направленность внешней политики определяются приоритетами внутренней политики.

Первые теоретики «международного общества», такие как Г.Гроций и И.Кант, пытались рассматривать государство в контексте «общества государств». Они ставили своей целью выявить условия и требования сосуществования и сотрудничества государств между собой, концентрируя при этом внимание на отношениях, регулируемых правом. Тем самым они дали толчок к разработке международного права и теории международных отношений.

Поэтому естественно, что суверенитет государства редко ставился под сомнение. Предполагалось, что государство само определяет собственную судьбу, при этом вступая в компромиссы и подчиняясь ограничениям, налагаемым договорными обязательствами перед другими государствами и международным сообществом.

6.2. Принцип суверенного равенства

Мировое сообщество представляет собой совокупность элементов, между которыми существуют устойчивые связи, зависимости, отношения. Это единая система со своими особыми системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Ее центральными, осевыми элементами выступают отдельно взятые государства. Или иначе говоря, мировое сообщество — это государствоцентристская система. Она возникла в качестве таковой, и несмотря на то, что она подверглась существенной трансформации, в наши дни государства в ней продолжают играть решающую роль. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что подавляющее большинство международных организаций, ставших ныне органической частью международной системы, как будет показано ниже, созданы усилиями государств и в их интересах.

И это вполне естественно, поскольку суверенное национальное государство — главный носитель власти не только в рамках отдельно взятой страны, но и на международной арене. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, выступать в качестве субъекта отношений с другими государствами, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир и т.д.

В ООН входят не нации, а государства. В современном мире все люди находятся под юрисдикцией того или иного государства. Почти все мы, во всяком случае подавляющее большинство, являемся гражданами или подданными одного из существующих государств. Вся ойкумена разделена между государствами, и не осталось территории, которая бы не принадлежала какому-либо из государств. Поэтому по-русски ООН правильнее было бы назвать Организацией Объединенных Государств.

Ключевыми особенностями современной системы государств являются: централизация политической власти, единые механизмы административного управления, постоянные профессиональные армии, легитимизация власти через институт представительства и др. Все эти принципы были первоначально разработаны в Европе, а затем распространились по всему земному шару.

Такую межгосударственную систему международных отношений, как правило, называют Вестфальской системой. Речь идет о Вестфальском мире 1648 г., которым завершилась Тридцатилетняя война и который впервые в истории санкционировал принцип территориального суверенитета в отношениях между государствами, хотя сама концепция территориального суверенитета была сформулирована раньше. Эта система с теми или иными модификациями действовала до 1945 г. Но некоторые важнейшие элементы данной системы продолжали действовать и в период двухполюсного миропорядка. Например, ООН была построена на государствоцентристском принципе. Согласно этому принципу, мировое сообщество состоит из суверенных государств, каждое из которых самостоятельно определяет свою собственную форму правления, часто силой оружия или с помощью угрозы применения силы, и не признает над собой какой-либо иной верховной власти. Взаимоотношения между государствами, необходимые для реализации целей и потребностей соответствующих государств, устанавливаются и осуществляются на дипломатическом уровне. Международное право имеет своей целью разработку и институционализацию минимально необходимых норм и правил сосуществования.

Всякие пограничные или иные инциденты, возникающие между двумя соседними государствами, должны решаться непосредственно без вмешательства третьих стран, конечно, кроме тех случаев, когда сами заинтересованные стороны попросят об этом. Важное значение имеет суверенное равенство всех без исключения государств друг перед другом и перед международным сообществом.

Сила является последним аргументом при решении спорных проблем между государствами. По сути дела, не существует каких бы то ни было эффективных заслонов на пути применения силы. В качестве высшей ценности рассматривается максимально возможная свобода каждого отдельно взятого государства в плане реализации своих национальных интересов. Поэтому вполне естественно, что эту систему в литературе часто называют анархической, поскольку считается, что в ней господствует гоббсовский закон «борьбы всех против всех».

Над государствами нет какой-либо иной суверенной власти, способной на законных основаниях навязать им свою волю. Именно государству принадлежит основополагающая роль в реализации национального интереса на международной арене. Причем каждое государство ставит свой национальный интерес над интересами всех других государств.

Как правило, такой подход отождествляется с реалистической теорией международных отношений. Согласно этой теории, система суверенных государств неизбежно приобретает анархический характер и это заставляет все государства при отсутствии какого-либо верховного надгосударственного арбитра проводить силовую политику для защиты своих жизненных интересов. В такой ситуации современная межгосударственная система служит своего рода «ограничивающим фактором», призванным пресечь любую попытку со стороны какого бы то ни было государства проводить внешнюю политику, игнорируя политику другого суверенного государства.

Условием притязаний каждого государства на верховную власть на своей территории является признание и за другими государствами равных прав на ведение дел по своему усмотрению в пределах своих границ. Формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания, в ходе которого государства предоставляют друг другу права юрисдикции в пределах соответствующих территорий. Постепенно в системе взаимоотношений государств принцип суверенного равенства стал общепринятым, регулирующим их поведение в отношениях друг с другом независимо от господствующих в каждом из них форм правления.

Данный принцип стал основой сформировавшегося в Новое время сообщества или системы государств. В этом качестве он выступает стержневым элементом международного права. Принцип выражается в нескольких базовых нормах международного права, рассматривающих государства как единственных или главных носителей прав и обязанностей, как единственных законных агентов применения легитимного насилия, а также как источник порядка и сдержанности в международной системе.

Кроме этого были разработаны так называемые правила сосуществования, а именно: правило, регулирующее процедуру законного использования суверенным государством силы или отказа в таком праве другим агентам; правило, определяющее характер соглашений или принцип *pacta sunt servanda*, который предполагает, что соглашения между государствами должны неукоснительно соблюдаться; правило, определяющее собственно юрисдикцию государства. Последнее правило предписывает каждому государству уважать суверенитет всех других государств в пределах их территорий. Из него вытекает требование о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга.

6.3. Основные характеристики Вестфальской системы

Любая международная система базируется на органическом сочетании военной, экономической, политической и идеологической власти различных стран и народов. Поэтому она охватывает множество сфер: экономические, дипломатические, политические, военные, культурные и т.д. При этом важно учесть, что взаимосвязи культур не всегда носят институционализированный характер и не всегда поддаются государственному регулированию. Вместе с тем очевидно и то, что на международные экономические и политические отношения определенное влияние могут оказать национальные общности или те или иные национальные диаспоры, обосновавшиеся за пределами своей исторической родиной.

Международная система формируется с целью реализации определенного комплекса экономических, социальных, политических и иных интересов, так или иначе затрагивающих все субъекты этой системы. Независимо от того, о каких интересах идет речь — о безопасности, экономических выгодах, идеологических целях и т.д., — достижение их государствами во многом зависит от характера международной системы. Последний определяется типом и мощностью господствующих в ней акторов: империями, национальными государствами, союзами, наднациональными и интернациональными организациями и т.д. Восхождение и упадок системы греческих городов-государств, упадок средневековой европейской системы государств и возникновение европейской системы национальных государств XIX–XX вв. служат примерами, подтверждающими обоснованность этого тезиса.

Вплоть до второй мировой войны большинство исследователей рассматривали международную систему как стабильную в том смысле, что ее конфигурации определялись конкурентной игрой взаимодействующих между собой независимых субъектов международных отношений. Считалось, что в этих рамках каждый актор защищал собственные интересы и, как правило, с подозрением относился к любой структурировке, которая бы стала препятствием на пути реализации этих интересов.

В книге «Война и изменения в мировой политике» Р.Гилпин пытался обосновать тезис о том, что, хотя современное искусство управления государством и подверглось изменениям по сравнению с прежними эпохами, *«фундаментальная природа международных отношений не изменилась на протяжении тысячелетий. Международные отношения продолжают оставаться постоянно повторяющейся борьбой за богатство и власть между независимыми акторами в состоянии анархии. Классическая история Фукидида является таким же значимым руководством к поведению государств сегодня, как и тогда, когда она была написана в V в. до н.э.»*

Хотя, по-видимому, в данной позиции и есть некоторое рациональное зерно, тем не менее автор, на мой взгляд, в своих выводах слишком категоричен. Дело в том, что в каждый конкретный исторический период общественные и политические процессы, в том числе внешнеполитические или международно-политические, разворачиваются и реализуются в рамках особых мировоззренческих парадигм, придающих этим процессам определенную конфигурацию и направленность. Сохранение или изменение господствующего соотношения сил на международной арене и самой международной системы зависит от комплекса факторов, среди которых решающее значение имеют характер экономического и демографического роста, научно-технологический прогресс и военно-технические нововведения, развитие транспорта и т.д.

Как правило, основные характеристики международной системы всегда так или иначе отражали усилия индивидуальных государств или групп государств, направленных на трансформацию институтов и всей этой системы для реализации своих интересов. Любое государство, тем более крупное, стремится увеличить свой вес и влияние за счет других членов международного сообщества. С помощью угроз или действительного применения силы, формирования коалиций и завоевания зон влияния оно стремится создать такую международную среду и такие правила международной политической игры, которые позволяли бы ему реализовать свои интересы и цели.

Иначе говоря, одним из важнейших принципов функционирования международной системы является стремление государств получить контроль над поведением других акторов международной системы. При этом очевидно, что интересы конкретных субъектов этой системы могут вступать и вступают в конфликт друг с другом. Организационные принципы этой системы, формы реализации интересов, как правило, отражают относительные вес и влияние различных акторов.

Более того, контроль над международной системой базируется на распределении сил и ресурсов между ее акторами, будь то отдельные государства или коалиции государств. Начиная с Древнего мира вплоть до исхода XX столетия в международной политике, как правило, доминировали великие военно-политические державы. Именно они устанавливали правила международной политической игры, определяли характер самого политического дискурса, структуру международной арены, располагали возможностями разрешать споры между малыми государствами или малыми и великими державами на приемлемых для последних условиях. Они контролировали или могли контролировать решение всех вопросов, касающихся распределения мировых ресурсов, особенно тех, которые рассматривались ими как приоритетные.

Именно конфигурация распределения сил показывает, кто именно фактически правит международной системой и чьим интересам она более всего отвечает. В руках доминирующих в международной иерархии держав сосредотачиваются организация и контроль над процессами взаимодействия всех участников системы. Или, как отмечал Р.Арон, *«структура международных систем всегда носит олигополистический характер»*.

Рассуждая в этом духе, Р. Гилпин, пришел к выводу, что на протяжении всей истории для международных систем были характерны три типа контроля:

1) имперский, или империалистический, — одно единственное могущественное государство контролирует остальные более слабые и мелкие государства;

2) биполярный — две могущественные державы контролируют и регулируют взаимодействия в пределах своих сфер влияния;

3) баланс сил — три или более государств контролируют действия друг друга с помощью дипломатических маневров, смены союзов и открытых конфликтов. Доминирующие государства или империи организуют и сохраняют сеть политических, экономических и других отношений внутри системы и особенно в их собственных сферах влияния. Они составляют и реализуют основополагающие правила, нормы и права, которыми руководствуются сами, а также более мелкие и слабые государства.

Нарушение равновесия и смена лидеров в международной иерархии приводит к экономическим, политическим и технологическим изменениям, в результате которых либо значительно увеличиваются потенциальные выгоды, либо уменьшаются потенциальные издержки одного или нескольких государств. Предупреждение потерь или увеличение выгод того или иного государства или группы государств становится в их глазах стимулом для содействия изменениям системы.

В конечном итоге происходит разрыв между существующей международной системой и потенциальными выгодами (потерями) конкретных государств, получаемыми от происходящих в ней изменений. Это ведет к кризису в международной системе. Хотя кризис возможно устранить мирными путями и средствами, все же главным механизмом его разрешения на протяжении всей истории была, как говорил Р. Гилпин, война за гегемонию, т.е. война, призванная определить, какое именно государство или группа государств займет доминирующее положение в международной системе. Последующий за гегемонистской войной мир характеризуется переустройством политических, территориальных и других основ системы.

Таким образом, цикл изменений завершается тем, что гегемонистская война и следующий за ней мир создают новые статус-кво и равновесие, отражающие новое распределение сил в системе. Как правило, в периоды стабильности и установившегося порядка международная система существует в состоянии некоего гомеостаза или динамического равновесия, хотя на уровне межгосударственных отношений и происходят постоянные изменения тактического уровня.

Можно сказать, что равновесие сил в принципе присутствует в любом политическом процессе, в том числе и мировом. Главную роль в этом процессе играет ведущая держава, проводящая политику, направленную на достижение равновесия и стабильности международной системы. Любая великая держава ревниво следит за тем, чтобы какая-либо другая великая держава не стала еще более могущественной за счет поглощения более мелких стран. Поэтому конфликты, споры между индивидуальными акторами в системе не подрывают определяющие характеристики системы. Например, на равновесие, достигнутое между великими европейскими державами на Венском конгрессе (1814), не повлияли ограниченные конфликты и дипломатические маневры, оно распалось в результате глубоких экономических, технологических и политических сдвигов во второй половине XIX в.

Но при этом важно отметить, что хотя международная система и налагает определенные ограничения на поведение всех акторов, по крайней мере первоначально она благоприятствует интересам наиболее сильных. Время от времени интересы различных акторов и баланс сил между ними в результате экономических, технологических и иных факторов изменяются. Причем те акторы, которые выгадывают от этого, склонны стремиться изменить систему так, чтобы она в наибольшей степени отвечала их интересам. Новая система будет отражать новое соотношение сил и интересов.

6.4. От империй к национальным государствам

В отличие от современности, когда главными акторами международной системы являются нацигосударства, раньше господствующей формой политической организации была империя. Хотя городагосударства, такие как Афины, Венеция, Любек, феодальные королевства, княжества и другие формы локальных политических образований, существовали и часто играли важную роль, история межгосударственных отношений представляла собой большей частью историю конкурирующих и взаимодействующих друг с другом империй или крупных военно-политических держав, как, например, Римская и Персидская, которые, в сущности, и определяли характер и конфигурацию международной системы.

Всегда, во всяком случае со времен античности, стояла сакраментальная проблема: если государство маленькое по своим размерам, оно может быть обречено на исчезновение; если большое, то рискует потерять *raison d'être* (смысл) своего существования. В одном случае оно может стать жертвой внешних сил, в другом — жертвой внутренних неурядиц. Поэтому многие авторы не без оснований характеризовали изменения в международной политике в течение тысячелетий до современности как имперские циклы.

Мировая политика рассматривалась как непрерывная череда восхождения и упадка могущественных империй, каждая из которых в свою очередь объединяла и структурировала собственную международную систему. Как правило, в каждой цивилизации одно государство объединяло эту систему под собственным имперским господством. Такая тенденция к универсальной империи составляла главную характерную особенность досовременной политики, что, как показали многие исследования, существенно контрастирует с европейской системой баланса сил XIX–XX вв.

И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь около 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в том числе и международных. Германия и Италия, какими мы их знаем в современном виде, вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в.

Следует отметить, что первоначально термин «империя» (и производный от него термин «империализм») был связан с латинским словом «император» и обычно ассоциировался с идеями диктаторской власти, высокоцентрализованного правительства и принудительными методами управления. В современный период он впервые вошел в обиход во Франции в 30-х годах XIX в. и применялся в отношении сторонников наполеоновской империи. После 1848 г. он превратился в популярный ярлык, приклеиваемый сторонникам Наполеона III. В 70-е годы XIX в. на его основе сформировался термин «империализм» — сначала в Англии, а затем и в странах континентальной Европы. Как сторонники, так и критики премьер-министра Б.Дизраэли стали характеризовать политику укрепления и расширения Британской колониальной империи как империалистическую.

В последующие десятилетия с усилением колониальной экспансии Англии и других стран этот термин получил широкую популярность в качестве эквивалента термину «колониализм». К концу XIX в. он стал означать главным образом «колониализм морских держав» — распространение политического суверенитета на заморские территории сначала Португалией и Испанией, затем английскими, французскими и другими европейскими странами и, наконец, американцами и японцами. В начале XX в. такие радикальные критики капитализма, как либерал Дж.Гобсон и марксисты Р.Люксембург, Р.Гильфердинг, В.И.Ленин и их приверженцы стали рассматривать империализм как особую стадию развития капитализма, характеризующуюся ужесточением эксплуатации низших классов внутри страны и усилением борьбы за передел мира на международной арене.

В специфическом значении империализм характеризуется особой асимметрией господства и зависимости. Различные нации по своему происхождению, весу, влиянию, ресурсам, возможностям не равны. Одни из них крупные, другие мелкие, одни обладают развитой промышленностью, а другие значительно отстали в своем развитии. Международное неравенство во все времена составляло реальность, что обуславливало подчинение одних народов и стран другим. Иначе говоря, главным условием возникновения империализма является неравенство наций, подчинение слабых народов и стран сильными и могущественными.

При таком положении функционирование, преемственность международной системы и управление ею обеспечивались имперскими структурами. Поскольку каждая империя представляла какую-либо господствующую в данный исторический период цивилизацию или во всяком случае в ней доминировала какая-либо одна специфическая цивилизация, различные империи имели мало общих ценностей, институтов, интересов и правил. Соответственно они редко оказывались способными разрабатывать и реализовывать единые правила и нормы совместного мирного сосуществования и регулирования своих отношений в течение сколь угодно длительного времени. В принципе нормой являлось стремление каждой из империй или мировых держав к военному подавлению и подчинению своей соперницы. Главными механизмами обеспечения порядка являлись завоевание и контроль территорий и сфер влияния.

Очевидно, что применительно к досовременному миру мы не вправе говорить о международной системе или международном сообществе в современном смысле этого слова. Международный конфликт нередко приобретал одновременно экономический, социальный, политический, религиозный и цивилизационный характер. В качестве примера можно вспомнить египетских фараонов, стремившихся полностью подчинить себе Вавилонское царство, Ассирию и другие крупные государственные образования своего времени, или же Александра Македонского, поставившего перед собой цель подчинить своему господству всю ойкумену путем уничтожения прежде всего своего главного противника в лице Персидской империи.

Такое положение с теми или иными нюансами сохранялось вплоть до Вестфальского договора 1648 г. и последующего выдвижения на передний план евро- или западоцентристского мира, в котором главными акторами международного сообщества стали национальные государства.

Вместе с тем необходимо учесть, что до появления современного национального государства власть политического центра не в одинаковой степени распространялась на все население и все территории, находящиеся в его подчинении. То, что внешне казалось единым политико-государственным образованием или пространством, на самом деле представляло собой конгломераты множества сатрапий, провинций, княжеств, владений и т.д. Чем дальше они отдалялись от центра, тем слабее оказывалась хватка центра, и зачастую на периферии государства обширные территории в политическом отношении пользовались значительной долей самостоятельности. В данном смысле правы те авторы, которые считают, что в период до утверждения национальных государств отдельные государства и империи имели владения, но не четко очерченные границы.

Существовали государственные образования, которые не полностью контролировали свои территории в том смысле, что не обладали монополией на законное насилие на подведомственной ему территории. Например, феодальные государства сквозь пальцы смотрели на вооруженные стычки и конфликты между своими вассалами при условии, что последние не забывали о своих обязанностях перед сюзереном.

Формирование национальных государств и на их основе международной системы заняло длительный период времени, что в конечном счете привело к фундаментальным изменениям в самой природе и формах политической жизни. Период феодализма примерно с VIII по XV в. характеризовался системой взаимно пересекающихся связей и обязанностей, в которой весь континент был фрагментирован на множество мелких, автономных по отношению друг к другу частей.

Так, на большую часть территории Апеннинского полуострова одновременно претендовали Римский папа, император Священной Римской империи и император Византии. Причем кроме них на эти территории претендовали также местные правители и полуавтономные города. Политическая карта Европы с тех пор множество раз перекраивалась. На территории одной только Германии до ее объединения на исходе XIX в. существовало около 300 самостоятельных политических образований. По данным же исследователей, в 1500 г. в Европе существовало 500 государств, которые нередко имели весьма неопределенные границы. К 1900 г. это число сократилось примерно до 25. В результате ни одного правителя или ни одно государство нельзя было считать суверенным в смысле обладания верховной властью над данной территорией и конкретным населением.

Сложная сеть королевств, княжеств, герцогств и других центров власти еще больше осложнялась из-за возникновения новых альтернативных центров власти в городах. Города и городские федерации, будучи зависимы от торговли и ремесла, а также накопления капитала, создавали различные социальные и политические структуры с правами независимого правления, гарантированными специальными хартиями. Вслед за Венецией и Флоренцией в Европе возникли сотни городских центров. Но нигде города сами по себе не определяли характер политического правления или политической идентичности. Поскольку Европа отождествлялась с христианским миром, именно папство и Священная Римская империя символизировали единство как Европы, так и христианского мира.

Священная Римская империя существовала в той или иной форме с VIII до начала XIX в. В зените расцвета она предприняла попытку под эгидой католической церкви объединить и централизовать фрагментированные центры власти в пределах западного христианского мира в единую христианскую империю. Однако реальная светская власть империи всегда была ограничена, с одной стороны, сложной системой власти феодальной Европы, а с другой стороны, католической церковью. Церковь в свою очередь составляла главную конкуренцию власти феодалов и городов. В течение всего периода средневековья она постоянно стремилась подчинить светскую власть духовной. Этот порядок Х.Балл характеризовал как «международное христианское общество».

Но единству христианского мира был брошен вызов конфликтами, порожденными восхождением национальных государств и реформацией, которые выдвинули на передний план идею национальной идентичности.

В период с XV по XVIII в. в Европе сформировались две разные формы политического режима: абсолютные монархии во Франции, Пруссии, Австрии, Испании, России и конституционные монархии в Великобритании и Голландии. Абсолютизм свидетельствовал о появлении крупного централизованного типа государства созданного путем поглощения более мелких и слабых политических образований и способного осуществлять контроль над объединенной территорией, входящей в его состав. При этом верховная власть над территорией и гражданами данного государства всецело принадлежит единоличному суверену в лице короля, императора, царя.

Одновременно возникло значительное число мелких государств, вовлеченных в постоянные конфликты и войны за выживание. Естественно, что абсолютистские правители претендовали на легитимное право единолично решать общегосударственные дела. Этот принцип наиболее четко сформулировал король Франции Людовик XIV, который заявил: «государство — это я» (*l'État c'est moi*). Абсолютизм способствовал формированию современного государства, которое в свою очередь постепенно привело к сокращению социальных, экономических и культурных различий в рамках самого государства.

Для формировавшейся в Новое время системы государств определяющее значение имели разработка и институционализация целого ряда принципов и норм, которые регулировали отношения между государствами. Это, во-первых, совпадение территориальных границ государства с единой системой политического правления; во-вторых, создание новых механизмов законотворчества и его реализации; в-третьих, централизация государственно-административной власти; в-четвертых, пересмотр и разработка единой для всего государства фискальной системы; в-пятых, формализация отношений между государствами путем разработки и институционализации дипломатической службы; в-шестых, введение постоянных профессиональных национальных армий и др.

Немаловажное значение в рассматриваемом контексте имело то, что XV–XVI вв. стали периодом формирования идеи национального суверенитета и соответственно идеи национального государства. Реформация XVI в., которой было охвачено большинство стран Западной Европы, по своей сути была реакцией пробуждавшегося национального самосознания этих стран против католического универсализма. Исходя из принципа верховенства духовной власти пап над светской властью всех государей, папство устами папы Григория VIII провозгласило, что светская власть — лишь отражение духовной власти точно так же, как свет луны является отражением солнечного света.

Однако уже Филипп Красивый, апеллировав в своей борьбе с папой Бонифацием VIII к Генеральным штатам, впервые противопоставил римскому католическому универсализму принцип суверенитета королевской власти в каждой отдельно взятой стране. Вильгельм Оккам выдвинул идею государства как единого независимого нравственного организма. Реформация в Германии, Швейцарии, Англии, Нидерландах, Шотландии, которая бросила вызов римско-католическому универсализму, по сути дела, явилась продолжением и дальнейшим развитием движения за суверенитет национального государства против католического универсализма.

Постепенно утвердился принцип *cujus regio, ejus religio*, согласно которому право суверена на власть в государстве отделялось от обязанности придерживаться определенной религиозной веры. Важнейшее значение имело формирование принципа равенства политических прав всех граждан независимо от социального происхождения, вероисповедания, национальности и т.д. С данной точки зрения особенность суверенного национального государства состоит в его абстрактности и безличности.

Немаловажную роль в формировании идеи национального суверенитета и национального государства сыграли религиозные войны во второй половине XVI в., а также Тридцатилетняя война в Германии. Следующим шагом в формировании и утверждении современной системы международных отношений явился Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне и начало системе межгосударственных отношений в современном смысле слова.

Введение этого принципа стимулировало борьбу за территории: только расширив территорию, правитель той или иной страны мог расширить сферу распространения своей веры и влияния. При этом нужно учесть, что еще в XVII–XVIII вв. на характер международных отношений по-прежнему большое влияние продолжали оказывать династические интересы европейских монархов, стремящихся захватывать и присоединять к своим владениям все новые земли.

Со второй половины XVII в. постепенно на передний план международной общеевропейской жизни стали выходить начавшие возникать централизованные национальные государства, которые руководствовались скорее национальными или общегосударственными, нежели династическими интересами того или иного правящего дома.

Этапными в истории международных отношений евроцентристского мира стали три крупные войны первой половины XVII в.: за так называемое «испанское наследство» 1701–1714 гг., северная 1700–1721 гг. и за «австрийское наследство» 1740–1748 гг. В результате этих войн Испания, Португалия, Дания, Голландия, имевшие статус великих держав, были отодвинуты на второй план. На передний план выдвинулись Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия, которые с середины XVIII в. определяли характер и направления международных отношений в мире.

В XVII–XVIII вв. географии международных отношений европейских стран заметно расширились. Важнейшим фактором, оказывавшим на них все большее влияние, становилась борьба за заморские колонии и овладение морскими коммуникациями. Евроцентристская система стала охватывать отдаленные регионы и континенты земного шара — Америку, Дальний Восток, Африку.

Одним из активных акторов международных отношений в Европе стала Османская империя, которая вплоть до конца XVII в. составляла реальную угрозу для ряда европейских стран, особенно России и Австрии. В 1682–1683 гг. турки осадили Вену, но взять ее им не удалось. С этого момента начинается контрнаступление Европы против Османской империи и исламского мира в целом. К началу XVIII в. империя вступила в полосу внутреннего кризиса. К концу этого же века относится «интернационализация» восточного вопроса, с решением которого оказались связаны судьбы народов, в частности населявших Египет, Балканский полуостров и Закавказье, а также проблема черноморских проливов.

Постепенно по мере утверждения суверенитета каждого отдельно взятого государства шел процесс формирования межгосударственной системы. Иначе говоря, формирование государственного суверенитета составляло часть процесса взаимного признания государствами друг друга, т.е. каждое государство обязывалось не вмешиваться в юрисдикцию другого государства. Очевидно, что характер и форма современных государств определились на пересечении национальной и международной сфер.

Именно на этом пересечении действовали те факторы, которые определили размеры государства, его внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т.д. Центральное значение с данной точки зрения имела способность государств обеспечивать и увеличивать свою мощь и в силу этого контролировать положение дел внутри страны и отношения с внешним миром.

Иными словами, речь шла о способности государств организовать средства принуждения в лице армии, военно-морских сил и других атрибутов военной мощи и использовать их в случае необходимости. Некоторые авторы даже утверждают, что функции государства *«носят преимущественно военный и преимущественно геополитический, нежели экономический и внутриполитический характер»*.

Необходимо также отметить, что институционализация государственного суверенитета и национального государства означала также лишение всех лиц, сословий, образований де-юре властных полномочий и их сосредоточение в руках суверенного государства. Вестфальская система отдала все права государству в ущерб всем другим сообществам. В этом смысле суверенитет означал, что на подконтрольной данному государству территории нет и не может быть иной власти кроме власти единого суверена. Этот принцип, в частности, выражался в монополии государства на легитимное насилие.

Очевидно, что по мере формирования крупных национальных государств за счет поглощения ими множества мелких политических образований и четкой фиксации государственных границ политическая карта Европы приобретала совершенно иной вид.

Государствоцентристская система международных отношений, как правило, руководствовалась принципом саморегулирования. При этом каждое государство на практике проводило политику, направленную на защиту национальных интересов. Лучше всего это проявлялось в лихорадочном захвате ведущими европейскими державами в XIX в. колоний. Земля, море и даже воздушное пространство стали рассматриваться в качестве ресурсов, подпадающих под законный суверенитет того или иного государства на том единственном основании, что именно оно первым захватило определенную территорию и контролирует ее.

Раздел ресурсов и территорий удавался тем державам, которые располагали средствами для захвата территорий и удержания их за собой. И поэтому естественно, что захват колоний и их раздел были результатом силовой политики. Затем международное право узаконивало притязание на суверенитет над такими территориями.

6.5. Система баланса силы

Поиски мира европейскими великими державами после наполеоновских войн привели к попытке создать систему безопасности, которая охватила бы всю Европу. Такой «концерт» держав был образован в результате трудных переговоров и торгов на Венской конференции. Главная суть «концерта» состояла в достижении и сохранении равновесия сил путем перераспределения территорий и перекройки границ многих стран.

Нормы и правила этой новой системы включали уважение нового территориального баланса сил и взаимные консультации в случае возможного конфликта. Этот баланс сил был построен на легитимизации господствующего положения великих держав и империй. Необходимо отметить, что он более или менее успешно действовал примерно в течение четырех десятилетий. При этом великие державы довольно жестко контролировали и определяли судьбу и поведение более мелких государств.

Но тем не менее некоторые регионы, например Балканы, страдали от хронических конфликтов и войн, а националистические движения, стремящиеся к созданию своих национальных государств, становились источником все новых конфликтов. Такое положение усугублялось по мере прогрессирующего ослабления Австро-Венгерской и Османской империй. Но все это не привело к каким-либо существенным изменениям места и роли государства в межгосударственной, т.е. Вестфальской системе. Одна из характеристик этой системы — существование иерархии более могущественных и слабых государств и соответственно их неравенство.

Действие рождает противодействие, сила рождает противовес этой силе. Таков закон взаимодействия государств на мировой авансцене. Именно на этом принципе основывается политика баланса сил в международной политике.

С определенными оговорками можно сказать, что своими корнями теория и политика баланса сил восходят к выработанному еще в Древнем Риме принципу «разделяй и властвуй» (*divide et impera*). Суть этой политики наиболее емко выражается в формуле известного английского государственного деятеля XIX в. лорда Пальмерстона: *«У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные вечные интересы, и мы им должны следовать»*.

Принципы баланса сил использовались уже во второй половине XV в. для характеристики политических отношений в Италии. В тот период на Апеннинском полуострове существовало четыре сильных государства. Чтобы сдержать экспансию Венеции и сохранить свою независимость, Флоренция, Милан и Неаполь вступили в союзные отношения друг с другом — тем самым поддерживалось необходимое равновесие сил на полуострове.

В середине XVI в. венецианские дипломаты характеризовали непрекращающуюся борьбу между испанскими Габсбургами и французскими Валуа в терминах политики баланса сил, призванной сохранить равновесие между двумя монархиями. Концепция баланса во второй половине XVI в. постепенно стала использоваться для оценки ситуации в Европе в целом.

Применительно к первой половине XVII в. один из лидеров французских гугенотов герцог Роанский (Rohan) выразил общепринятое мнение о том, что Франция и Испания занимают два полюса международной политики и баланс сил между ними должен служить руководством для политиков других стран.

Во второй половине XVII в. политическая ситуация в Европе определялась экспансионистскими целями Людовика XIV. Мощь и влияние дома Габсбургов неуклонно сокращались, и постепенно во Франции стали видеть главную угрозу для баланса сил в Европе. Первым указал на это австрийский государственный деятель того времени Ф.П.Барон Лизола в публикации, которая появилась в 1667 г. одновременно на французском, немецком и английском языках. Публикация имела главной своей целью убедить Англию вступить в союз с Австрией и предупредить протестантских королей относительно планов французского монарха. Как утверждал Лизола, король Франции стремится создать универсальную монархию и в силу этого представляет опасность для свободы Европы, религии и торговли.

К 1700 г. теория баланса сил стала широко признанной и тесно ассоциировалась со свободой для Европы. Более того, в XVIII в. само понятие «Европа» стало ассоциироваться с идеей баланса сил. Как считает П.ден Боер, в Англии выражение «свобода, религия и торговля» тесно связывалось с теорией баланса сил. С ней сверялись свобода многих стран, пользующихся равными правами, свободное отправление протестантской веры и беспрепятственное развитие английской торговли. Прежняя система, в которой роль Англии сводилась к тому, чтобы сохранить равновесие между домами Бурбонов и Габсбургов, теперь менялась в результате быстрого восхождения Пруссии и усиления мощи и влияния России.

Завоевание Фридрихом Великим Силезии положило начало длительному конфликту с Австрией. В 1756 г. произошла так называемая дипломатическая революция, суть которой состояла в том, что заклятые враги в лице Габсбургов и Бурбонов сформировали коалицию против Пруссии, которую поддерживала Великобритания. Результатом явилось образование значительно более сложной системы, которая позже стала известной под названием «пентархии» или правления пяти. Этими пятью главными акторами стали Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия.

Французский теолог и политический советник конца XVII–начала XVIII вв. Ф.Фенелон, по-видимому, был первым, кто понимал баланс сил как повторяющийся и изменяющийся, а не исключительный или постоянный элемент. Обоснованность этого тезиса воочию подтверждается развитием взаимоотношений государств на европейском континенте на протяжении всего XIX в.

Для политической арены Европы были характерны постоянные изменения баланса сил между различными государствами, воплощением чего стал комплекс договоров, заключенных в ходе Венского конгресса 1815 г. В том же году российский царь, австрийский император и прусский король по окончании наполеоновских войн создали союз, направленный на установление мира и братства между европейскими народами на основе приверженности идеалам христианства и под руководством легитимных правителей.

С религиозной точки зрения это был экуменический альянс православной России, католической Австрии и протестантской Пруссии. Он представлял собой наднациональную организацию, не допускающую вмешательства альянса в дела трона и веры, но предусматривающую вмешательство во внутренние дела третьих стран в случае внутренней или внешней угрозы с их стороны делу реставрации старого порядка. Здесь немаловажный интерес с точки зрения современных геополитических реальностей представляет то, что Россия на равных участвовала в «концерте» европейских держав. Более того, она рассматривалась как гарант мира и стабильности в Европе.

По условиям этих договоров, несмотря на внутренние споры и разногласия, предусматривалось сохранение баланса сил между великими державами. Нельзя сказать, что в результате достигнутых договоренностей войны в Европе прекратились совсем, но те, которые все же возникали, по своим масштабам значительно отличались от трех всеевропейских войн прошлого: Тридцатилетней в первой половине XVII в., против Людовика XIV и наполеоновских.

В рамках системы баланса сил каждое государство обеспечивало реализацию своих интересов, постоянно меняя союзников, при этом не нарушая общую структуру союзов и характер отношений между государствами. Классическим примером политики баланса сил считается политика Великобритании в XIX в., которая претендовала на роль своего рода арбитра в международных делах. Смысл этой политики состоял в том, чтобы обеспечить на европейском континенте равновесие сил между великими державами, используя существующие или провоцируя новые противоречия между государствами или коалициями государств. В русле такой стратегии Великобритания легко меняла союзников, становясь при этом, как правило, на сторону слабейшего. Немаловажное значение в данном плане имело то, что опередившая другие страны в индустриальном развитии Великобритания играла роль своего рода балансира, изменяя при необходимости союзы для сохранения более широкого равновесия сил.

К середине XIX в. это положение стало меняться в результате быстрого усиления королевства Пруссия, которое в короткий срок создало одну из динамичных экономик, а также крупную и наиболее дееспособную армию на континенте. Важную роль в этом процессе сыграла франко-прусская война 1870 г., приведшая к провозглашению в 1872 г. Германской империи. Наследие этой войны, особенно проблема Эльзаса и Лотарингии, наложило глубокий отпечаток на взаимоотношения европейских стран, значительно уменьшив гибкость системы союзов, основанной на принципе равновесия сил.

Вовлечение других стран в политический конфликт между Францией и Германией значительно затруднило для Великобритании роль балансира в сложной системе союзов, поскольку она сама оказалась под угрозой со стороны растущей экономической и военно-морской мощи Германии. Постепенно Европа разделилась на два лагеря. Некогда гибкая система равновесия сил начала давать сбои. В результате европейские государства стали искать источники усиления своей мощи и позиций в колониях. Территориальная экспансия могла увеличить престиж, военную мощь и дать козыри в дипломатической борьбе.

Соперничество на периферии позволяло правительствам выступать друг против друга, не подвергая опасности свои позиции в метрополиях. Иначе говоря, колониальная экспансия и борьба за колонии стали одной из форм разрешения возникавших внутри отдельных стран противоречий и конфликтов. Стремление повысить национальную мощь и престиж можно считать достаточным мотивом для объяснения того, почему даже такие относительно недостаточно развитые страны, как Италия и Португалия включились в колониальное соперничество.

Период между 1871 и 1914 гг. стал периодом вооруженного мира. В начале XX в. началась гонка вооружений, стимулировавшаяся агрессивным внешнеполитическим курсом Германской империи. В период холодной войны баланс сил обеспечивался в рамках противоборства между двумя сверхдержавами или военно-политическими блоками.

Контрольные вопросы

1. Что такое международная система?
2. Назовите основные вехи формирования и эволюции международной системы.
3. Дайте общую характеристику Вестфальской и Версальской системам.
4. Назовите и охарактеризуйте главные субъекты международной системы.
5. В чем сущность принципа суверенного государства?
6. Что понимается под системой баланса сил?

7. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

7.1. Центростремительные тенденции в мировой политике

Обращает на себя внимание, что нынешнее время как бы не имеет названия. Сначала был послевоенный период, часто отождествляемый с периодом холодной войны. А теперь мы говорим о периоде после холодной войны, подразумевая под этим отсутствие глобального противоборства между двумя сверхдержавами или военно-политическими блоками. Ведь содержание переживаемого нами времени значительно богаче, нежели просто отсутствие этого противоборства.

Для второй половины XX в. была характерна постоянно растущая тенденция к экономической и политической интеграции. Среди новейших факторов, оказывающих все большее влияние на конфигурацию и характер международной системы, можно отметить: динамику мировой экономики, которая усиливает нестабильность и трудности внутри государств и в отношениях между ними; быстрый рост транснациональных связей, стимулирующий образование новых форм коллективного принятия решений при участии государств, межправительственных организаций и международных групп давления; бурное развитие и наращивание транснациональных систем коммуникаций; распространение военных технологий, которые становятся постоянным элементом современной мировой политики, и др.

Интеграционные процессы проявляются прежде всего в образовании множества международных межгосударственных и неправительственных организаций. По существующим данным, в середине 80-х годов в мире насчитывалось более 1 тыс. межправительственных организаций. Ведущие державы на регулярной основе участвуют в работе более 100 организаций. Например, Дания является членом 164 организаций, Франция — 155, Великобритания — 140, США — 122, Канада — 110, Япония — 106, Бразилия — 100 и т.д. В течение сравнительно короткого периода после окончания второй мировой войны были созданы ООН, НАТО, ГАТТ, МВФ, Всемирный банк, ныне прекратившие существование СЭВ и Варшавский пакт, заложены основы Европейского союза и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Немаловажную роль в современном мире играют такие организации, как Организация американских государств (ОАГ), Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация «Исламская конференция» (ОИК) и др. Следует отметить, что число таких организаций постоянно растет или же расширяются функции уже существующих.

Так, еще в 1948 г. при ООН была создана специальная организация — ЮНЕСКО, занимающаяся проблемами развития культуры и науки. В 1972 г. образована еще одна специальная организация при ООН — ЮНЕП, в задачи которой входят разработка и осуществление мер по сохранению среды обитания. Важную роль играют международные организации в решении проблем сырья и энергетики. Среди них особое место занимает Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и сохранить развитие атомной энергии в мирных целях.

Начался процесс формирования североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), включающей США, Канаду, Мексику. В 1989 г. организован Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АПЕК). Успешно действует в Азии Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатский банк развития (АзБР) и другие союзы и объединения. Все большие масштабы приобретает транснациональное сотрудничество политических партий разных стран.

Руководители партий различных идеологических ориентаций предпринимают усилия по их консолидации и координации на международном уровне, стремятся придать партиям наднациональный характер и выработать общие для всех идейно-политические принципы и установки. Об этом свидетельствует, например, то, что еще в 1961 г. был основан Всемирный христианско-демократический союз. В 1983 г. создан Международный демократический союз, объединяющий консервативные партии Западной Европы, республиканскую партию США, либерально-демократическую партию Японии, а также австралийских консерваторов.

Наиболее успешно интеграционные процессы шли в Европе. В 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) шести европейских стран. Постепенно к этой организации присоединились еще шесть стран. Поскольку первоначально главный упор в нем делался на снятие торговых барьеров между странами-членами, сообщество часто называлось Общим рынком. В 80-х годах сообщество преобразовалось в Европейский союз (ЕС). В 1993 г. в Европейском союзе, включающем 12 наиболее развитых стран региона, практически устранены барьеры для свободного перемещения людей, товаров, услуг и капиталов.

Здесь, по сути дела, речь идет о дальнейшей политической интеграции. Сформировались европейские партии — Европейский социалистический союз, Европейская народная партия, Федерация либеральных и демократических партий ЕС, Европейские демократы прогресса и др. В ближайшее время к процессу европейской интеграции предполагается подключить государства Центральной и Восточной Европы.

Немаловажным фактором мировой политики стали ежегодные совещания так называемой Большой семерки — семи наиболее индустриально развитых стран — США, Германии, Франции, Великобритании, Японии, Италии и Канады — по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам. По месту проведения первой такой встречи, состоявшейся в 1975 г. в Рамбуйе близ Парижа, она иногда именуется Клубом Рамбуйе. Главное внимание на совещаниях Семерки, как правило, уделяется решению таких вопросов, как обеспечение экономического роста, сглаживание несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляции, безработицы и т.д. Вместе с тем все большее внимание уделяется военно-стратегическим и внешнеполитическим вопросам.

Очевидно, что помимо суверенных национальных государств активными субъектами международных отношений являются разного рода транснациональные акторы в лице различных организаций, объединений, институтов, оказывающие влияние на характер и тенденции развития международных отношений. Значительную роль приобретают транснациональные корпорации, существенно влияющие на характер функционирования и тенденции развития мирового сообщества. Часто принимаемые в штабах транснациональных корпораций решения сказываются на жизни граждан отдельных стран в большей степени, чем решения, принимаемые правительствами этих стран.

Все эти организации, объединения, корпорации способствовали разработке и утверждению комплекса правил поведения различных государств в рамках мирового сообщества. Они определяют принципы сотрудничества и разрешения конфликтов, предотвращения войны и обеспечения глобального экономического роста.

Международные организации действуют на всемирном, региональном и субрегиональном уровнях. Часть этих организаций объединены не только по географическому, но и по функциональному принципу. В данной связи некоторые авторы говорят о существовании не одной, а двух систем международных организаций. Как считает Дж.Лайенз, первая система — это универсальная система ООН, в которой участвуют все государства, причем на равных правах, за исключением Совета Безопасности. Вторая система предусматривает более ограниченное членство и объединяет индустриально развитые страны, приверженные принципам рыночной экономики и политической демократии. К второй системе относятся НАТО (включающая 16 стран Запада), ЕС, ОЭСР, НАФТА и др.

Обе системы международных организаций имеют общих членов. Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ВТО) формально входят в систему ООН и открыты для всех стран. Однако фактически контроль за их деятельностью находится в руках индустриально развитых стран. Особую роль с этой точки зрения играет Семерка, в которую практически закрыт доступ слабо- и среднеразвитым, а также малым странам. Она во многом определяет основные параметры экономического развития современного мира.

Очевидно, что за последние два–три десятилетия происходит наращивание центристических, интеграционных процессов, наблюдается тенденция к сближению, единению стран и народов.

Оборотными сторонами интернационализации и интеграции являются обострение этнических, религиозных, культурных проблем, все большее звучание приобретают такие понятия, как «родной очаг», «родина», «нация» и т.д. То, что казалось аномалией в 1979 г., когда иранская революция бросила вызов преобладанию западной секулярной культуры, в 90-х годах стало одной из главных тем международной политики.

Новый мировой порядок, приходящий на смену биполярной системе периода холодной войны, характеризуется не только появлением новых экономических сил, крушением старых империй и дискредитацией коммунизма, но также возрождением местной идентичности, основанной на этнических и религиозных приверженностях, тенденций к децентрализации и партикуляризации. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за послевоенные десятилетия значительно увеличилось число независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества.

В данном контексте необходимо учесть еще один немаловажный момент. В конце XIX–первой половине XX в. мировая торговля рассматривалась как непрерывный процесс обмена между колониями, которые экспортировали сырьевые материалы в метрополии и другие развитые страны, а те в свою очередь экспортировали в колонии промышленные товары. Однако в последние десятилетия рост мировой торговли происходил почти исключительно между развитыми странами, в то время как объем торговли между развитыми и развивающимися странами неуклонно падал. Этот процесс значительно ускорился в период 1980–1990 гг. Так, в 1980 г. на 102 беднейшие страны приходилось 7,9% мирового экспорта и 9% импорта. Десять лет спустя эти цифры сократились соответственно до 1,4% и 4,9%. В то же время доля взаимного товарооборота трех наиболее развитых стран и регионов — США, Европы и Японии возросла соответственно с 54,8 до 64% (экспорт) и с 59,5 до 63,8% (импорт).

Существующие данные свидетельствуют о том, что в результате формирования ЕС, НАФТА и т.д. группа наименее развитых стран все больше отодвигается на периферию мировой политики. Одной из важных характеристик развивающихся стран является то, что для них более существенное значение сохраняют вертикальные связи по оси Юг–Север, нежели горизонтальные связи по оси Юг–Юг. В большинстве своем они имеют между собой значительно меньше дипломатических, политических и экономических связей, чем индустриально развитые страны. Это оказывает большое негативное влияние на их способность решать главные для них проблемы собственными силами.

На смену прежнему регионализму развивающихся стран приходит регионализм развитых стран. Концепции региональной интеграции в развивающемся мире, возникшие еще в 50-х годах, в должной мере не учитывали тот факт, что для него не подходят интеграционные модели, практиковавшиеся в развитом мире. Так, западноевропейская модель базируется на высокоразвитых производительных силах, росте хозяйственной взаимозависимости стран региона и углублении международного разделения труда. Что касается интеграционных моделей развивающихся стран, то здесь отсутствуют такие основополагающие факторы, как взаимозависимость и взаимодополняемость национальных хозяйств. Главная их цель состоит в преодолении низкого уровня развития производительных сил и противостоянии проникновению иностранных товаров. Здесь интеграция является не итогом интернационализации, а средством ее усиления.

Как отмечал Л.Виноградов, в целом «*“третьем мире” разрабатывались планы протекционистской по своему характеру региональной интеграции, в результате которой должно быть создано обособленное от внешнего воздействия обширное экономическое пространство, тогда как в ЕС благодаря либерализации торговли углубляющаяся на внутреннем рынке конкуренция является стимулом для совершенствования и ускоренного обновления техники и разработки новых технологий, повышения эффективности производства и в конечном счете ведет к ускорению экономического роста всех стран-участниц*». Все это способствует отчуждению стран третьего мира от процесса экономического развития, что заставляет вносить определенные коррективы в тезис о едином мировом сообществе, о единой всепланетарной цивилизации, единой географии современного мира и т.д.

7.2. Основные направления деятельности ООН

Уже в разгар второй мировой войны возник вопрос о создании международной организации, которая заменила бы устаревшую и ставшую недееспособной Лигу наций и занималась бы обеспечением мира и международной безопасности в послевоенный период. На конференции в Сан-Франциско, состоявшейся в промежутке между Крымской и Потсдамской конференциями в апреле 1945 г., были приняты решения о создании Организации Объединенных Наций и принятии ее Устава.

Устав содержал проект международной системы безопасности, базирующийся на сотрудничестве держав-победительниц. На его основе была создана также система функциональных органов, призванных обеспечить укрепление сотрудничества между странами по широкому спектру социальных, экономических, гуманитарных и иных проблем. В силу компромиссного характера некоторые важные положения Устава не всегда отличались должной ясностью и конкретностью.

Во многом именно поэтому он в отличие от Устава Лиги наций выдержал испытание временем, обладал гибкостью, что давало возможность приспосабливаться к постоянно изменявшимся условиям послевоенного времени. При этом необходимо учесть, что послевоенные реальности радикально отличались от тех, в которых была создана ООН и принят ее Устав. Это прежде всего раскол между союзниками по антигитлеровской коалиции, развертывание холодной войны и распад колониальных империй, в результате которого на мировую авансцену вышло множество новых независимых государств. Более того, Германия и Япония, упомянутые в Уставе как «бывшие противники», превратились в мощные экономические державы и после принятия их в члены ООН стали играть в ней значительную роль. Основатели ООН не предусмотрели также возникновение в Азии и Африке мощных движений за самоопределение, приведших к образованию множества новых государств.

Большой частью международные организации служат инструментом обеспечения интересов великих держав. То же самое верно и применительно к ООН, при всех декларациях о суверенном равенстве государств-членов. Но тем не менее следует признать, что ООН ускорила вступление новых независимых государств в мировое сообщество, дала им возможность освоить правила международной жизни и опыт дипломатии и ведения переговоров. Наиболее отсталые государства, не располагавшие финансовыми средствами для содержания дипломатических представительств за рубежом, нашли в ООН возможность ознакомить мировое сообщество со своими проблемами. Наряду с ООН важным фактором интеграции слаборазвитых стран в мировое сообщество все еще является сохраняющаяся сфера влияний.

Из 184 стран, входящих в ООН, 120 являются малыми странами, если за критерий взять численность населения, не превышающую 10 млн человек. Эти страны, включая и те, которые достигли впечатляющих успехов в экономическом и технологическом развитии, весьма уязвимы в плане зависимости от ресурсов, получаемых извне. Зачастую они оказываются в стороне при принятии важнейших решений, касающихся и их жизненных интересов. Более того, для многих из них ООН является главным, а нередко и единственным форумом, на котором они могут вступать в коалиции и союзы друг с другом и заявлять о своих интересах. Хотя резолюции и решения Генеральной Ассамблеи и имеют рекомендательный характер, само их принятие может свидетельствовать о том, что затрагиваемые в них проблемы пользуются широкой поддержкой у международной общественности. В этом контексте малые страны и поддержка ими решений Генеральной Ассамблеи приобретают дополнительную значимость.

ООН была создана в качестве государствоцентристской организации и по своей сути остается таковой. При всех успехах международных организаций и расширении их деятельности в международных отношениях главенствующую роль продолжают играть национальные государства. Как положения Устава самой ООН, так и ситуация холодной войны, сложившаяся после окончания второй мировой войны, способствовали закреплению за государствами центрального места в системе международных отношений. Одной из главных функций ООН, возможно неожиданно для нее самой, стало оказание помощи новым независимым государствам в их становлении.

Членами всех организаций, входящих в ООН, являются государства. Только Международная Организация Труда (МОТ) помимо государств допускает в качестве полноправных участников процесса выработки своих решений других представителей. Государствоцентристский характер ООН усиливается тем фактом, что государства оставляют за собой право на невмешательство в свои внутренние дела со стороны международных организаций, в том числе и самой ООН.

Согласно параграфу 1 статьи 2 Устава ООН, «Организация основана на принципе суверенного равенства ее членов». Этот принцип, получивший отражение во многих юридически правовых документах, предусматривает равные права и обязанности всех государств-членов в международно-правовом отношении. Он получил наиболее полное и законченное выражение в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ) 1975 г. *«В рамках международного права, — говорится в нем, — все участвующие государства имеют равные права и обязанности. Они будут уважать право всех других членов определять и осуществлять по своему желанию свои отношения с другими государствами в соответствии с международным правом и в духе настоящей Декларации».*

Но тем не менее сейчас очевидно, что мировое сообщество уже никак нельзя свести к какой-либо одной монополюльно господствующей системе, а именно традиционно господствующей системе национальных государств, обладавших наибольшей военной, экономической и технологической мощью. Интернационализация и транснационализация мировых процессов способствовали беспрецедентному усложнению ситуации. Разного рода неправительственные организации могут выступать в качестве консультантов при различных ее органах. Например, в рамках гуманитарных операций ООН широко используется материальная помощь со стороны неправительственных финансовых организаций и помощь медицинских учреждений.

За исключением Совета Безопасности, где пять постоянных членов обладают правом вето, все выборные органы ООН действуют, руководствуясь принципом «одно государство — один голос». Но в целом ООН и другим международным организациям не удалось уменьшить фактическое неравенство государств.

При всех декларациях о «суверенном равенстве» очевидным оставался факт существования в ООН «равных» и «более равных». Например, каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности мог наложить вето на любое его решение и тем самым единолично блокировать реализацию воли большинства членов международного сообщества.

Для многих малых стран, особенно развивающихся, ООН — единственная возможность обнародовать свои интересы и проблемы. Принцип «одно государство — один голос» дает им численный перевес — преимущество, особенно важное при голосовании по резолюциям в Генеральной Ассамблее. Именно здесь они могут создавать широкие коалиции и, опираясь на них, в той или иной степени добиваться своих целей. Наиболее очевидным примером успеха тактики африканских стран, большинство из которых относится к числу малых, является осуществленный ими через ООН нажим на индустриально развитые страны для введения жестких санкций против режима апартеида в Южно-Африканской Республике. По мнению специалистов, без той кампании, которая была развернута странами черной Африки, международный нажим на ЮАР не был бы столь настойчивым и успешным.

Опыт истории показывает, что всякого рода деятельность международных форумов и организаций эффективна лишь в тех случаях, когда она имеет своей целью разрешение определенного, зачастую ограниченного круга проблем. Об этом свидетельствует, например, опыт Версальского мира, Лиги наций и ООН. Так, в актив Лиги наций можно зачислить разрешение ряда второстепенных для установления мира в Европе двусторонних споров между Албанией и Югославией, Литвой и Польшей, Турцией и Ираком, Грецией и Болгарией, Грецией и Италией. Но в тех случаях, когда речь шла о более серьезных конфликтах, успешное разрешение которых, возможно, остановило бы сползание ко второй мировой войне, Лига наций показала свою беспомощность и недееспособность. Это — споры между Японией и Китаем (из-за Маньчжурии), Италией и Эфиопией, Италией и Албанией, Советским Союзом и Финляндией, Германией и ее соседями (из-за Рейнской области и Судетов), Богемией и Польшей. Особенно наглядно неспособность Лиги наций (а возможно, нежелание) решать более сложные вопросы обнаружилась на Дальнем Востоке.

В 1931 г., развязав войну в Маньчжурии, Япония окрестила ее маньчжурским инцидентом, а не маньчжурской войной. Создав на оккупированной территории марионеточное государство Маньчжоу-Го, японские войска вступили на территорию собственно Китая. Снова возникла война, которая на этот раз получила название северокитайского инцидента, а когда война перекинулась на всю территорию Китая, — китайского инцидента. Формально это объяснялось тем, что Япония присоединилась к действовавшему тогда антивоенному пакту Бриана — Келлога, который запрещал агрессивные войны. Очевидно, что как для самих японцев, так и для тех, кто играл первую скрипку в Лиге наций, эти лингвистические игры служили для первых прикрытием своих агрессивных устремлений, а для вторых — нежелания принять реальные меры, способные обуздать агрессора.

Как и Лига наций, ООН видела главную свою задачу в урегулировании конфликтов между отдельно взятыми государствами путем мирных переговоров или применения вооруженного принуждения. В случае возникновения конфликта Совет Безопасности должен предпринять комплекс мер, направленных на примирение, посредничество, арбитраж, переговоры и т.д.

Хотя в Преамбуле Устава ООН выступает от имени народов, она была создана, действовала и продолжает действовать как международная межгосударственная организация. Ее главная цель — обеспечение международного мира и безопасности путем поддержания мирных отношений между государствами. Согласно ст. 2 и 7 Устава, ООН не вправе «вмешиваться в дела, относящиеся к внутренней компетенции государства». В данном контексте интерес представляет тот факт, что ни одно государство, какую бы политику в отношении своего народа оно ни проводило, не было исключено из состава членов этой организации.

Согласно такому подходу, характерному для Лиги наций, в конфликте участвуют только две стороны или в крайнем случае весьма небольшая группа стран, а подавляющее большинство других стран выступают в качестве посредников, стараясь примирить их. Поэтому ООН всегда была вынуждена балансировать между целями защиты интересов государств, с одной стороны, и прав человека и народов, с другой.

Однако на практике обнаружилось, что такой подход отнюдь не соответствует сложившимся реальностям. Дело в том, что в условиях двухполюсного миропорядка, в котором преобладали идеологические системные конфликты, последние перестали быть изолированными двусторонними спорами между индивидуальными суверенными государствами в окружении подавляющего большинства беспристрастных посторонних наблюдателей, поскольку весь мир превратился в единое поле битвы между двумя противоположными лагерями. Почти любой конфликт в любой точке земного шара стал рассматриваться как затрагивающий всех участников двух военно-политических блоков. При таком положении сама ООН стала центральной ареной, на которой разворачивалось противоборство между этими блоками.

Следует учесть еще один момент. Время от времени появлялись прецеденты, когда внутренние конфликты в той или иной стране признавались источниками угрозы международной безопасности. Так, в 60-х годах в специальной резолюции Совет Безопасности ООН декларировал, что политика апартеида правительства белого меньшинства в ЮАР является правомерным основанием для интернационализации конфликта.

Многие конфликты в современном мире носят иной, чем это определено в Хартии ООН, характер. Прежде всего ее авторы имели в виду международные войны и конфликты. Хартия — это документ, составленный государствами и для государств. Что касается внутрисубъективных конфликтов, то они были решительно исключены из нее. Традиция национального суверенитета требовала, чтобы рассмотрение таких конфликтов являлось прерогативой исключительно правительства соответствующего государства. Имелось в виду, что ООН не вправе вмешиваться в эти вопросы. В послевоенном мире значительная часть войн была именно такого рода, хотя практически немногие из них носили чисто внутрисубъективный характер. Во многих случаях имело место широкомасштабное вмешательство извне. Так было во Вьетнаме и Афганистане, Ливане и Анголе и т.д. Но формально они оставались гражданскими войнами и тем самым теоретически оказывались вне компетенций ООН. По этой причине целый ряд самых острых и дорогостоящих конфликтов периода холодной войны — во Вьетнаме, Нигерии, Камбодже, Эль-Сальвадоре, Анголе, Мозамбике и Эфиопии — практически не обсуждались ею.

Эта тенденция, как будет показано ниже, еще более усилилась после окончания холодной войны. Межгосударственные войны являются лишь одним из бедствий этого периода. Проблема усугубляется тем, что в силу выше отмеченных процессов сейчас решается вопрос о месте и роли самого суверенного национального государства в системе международных отношений. Вестфальская система, которая лежала в основе почти всех теорий международных отношений, переживает процесс существенной трансформации. К тому же в этот период тенденция к возрастанию внутрисубъективных конфликтов еще более усугубилась. По данным ООН, после падения Берлинской стены в мире разразилось 82 конфликта. Однако только три из них носили межгосударственный характер, а 79 были гражданскими войнами. Причем из этих трех многие рассматривают боснийский и нагорно-карабахский как гражданские войны. Следует отметить, что большинство развивающихся стран неодобрительно относятся к возможному расширению прямого участия ООН в урегулировании внутренних конфликтов. Подобную перспективу они рассматривают как усиление диктата великих держав, направленного на вмешательство в их внутренние дела.

Одним из основополагающих аспектов международной политики в современном мире является защита прав человека. Разумеется, сама концепция защиты прав человека отнюдь не нова, в той или иной форме реализации ее положений добивались многие социальные и политические движения и организации на протяжении всего XX столетия как на Западе, так и на Востоке. Эта борьба нашла свое логическое воплощение в «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Но все же в силу комплекса причин проблема прав человека стала эпицентром политической борьбы в последние два-три десятилетия. Следует признать, что в данном вопросе мировое сообщество добилось беспрецедентных успехов. Но тем не менее многие страны все еще далеки от того, чтобы признать права и свободы общечеловеческими ценностями. Показательно, что на конференции по правам человека, состоявшейся в 1993 г. в Вене, лишь несколько азиатских стран, в том числе Япония и Республика Корея, поддержали резолюцию, призывающую рассматривать права человека в качестве универсальных ценностей.

С учетом перечисленных выше особенностей ООН возникает вопрос: как эта организация сможет решить проблемы, порожденные дезинтеграцией СССР и Югославии, неудачами развивающихся стран, действиями этнических, религиозных, политических группировок в Афганистане и Камбодже, мусульманского или индуистского фундаментализма, курдов в Ираке и Турции, тибетцев в Китае, восточных тиморцев в Индонезии и т.д.?

Хотя ООН рассматривалась большинством ее членов как организация, занимающаяся проблемами войны и мира на международной арене, многие из важнейших споров между государствами оказались экономическими конфликтами, касающимися долгов, инвестиций, торговли, экономической помощи и т.д. Иногда они рассматривались во втором комитете Генеральной Ассамблеи (который занимался экономическими вопросами). Но большей частью в ООН эти споры игнорировались, поскольку сложилось мнение, что они входят в компетенцию разного рода специализированных агентств.

Следует учесть и тот факт, что многие из важнейших участников мирового сообщества — это негосударственные акторы, которые интенсифицируют и усложняют конфликты государств, но при этом еще не представлены в ООН. Крупные экономические организации, транснациональные банки и промышленные корпорации, не признающие суверенитета, действующие одновременно во многих странах и приобретающие огромную экономическую власть в некоторых из них, официально не располагаются в какой-либо из этих стран и поэтому могут избегать юрисдикции и соответственно налогообложения со стороны какого бы то ни было конкретного правительства.

Крупные политические движения, такие как исламские фундаменталисты, террористские группы или сепаратистские движения внутри отдельных стран, становятся важными участниками мировой политики и временами вовлечены в крупные конфликты между государствами. Но они не представлены в всемирных организациях и, более того, игнорируют их.

При всем том ООН играет существенную роль при решении конфликтов, возникающих в различных регионах земного шара. В последние годы усиление ее миротворческого потенциала особенно отчетливо проявилось при урегулировании конфликтов в Персидском заливе и Намибии. Санкционировав применение многонациональных сил против Багдада, Совет Безопасности продемонстрировал волю наказывать агрессора. Операция ООН в Намибии показала, что при определенных условиях эта организация способна разрешать не только межгосударственные, но и некоторые внутригосударственные конфликты.

Так, намибийский конфликт был разрешен с минимальными осложнениями путем привлечения в процесс переговоров всех конфликтующих сторон. ООН успешно справилась с взятой на себя ответственностью за управление страной в переходный период, сохранение мирной обстановки на всей ее территории, установление контроля за проведением свободных выборов и выводом иностранных войск из Намибии и Анголы. Но вместе с тем в Либерии, Сомали, Руанде и других конфликтных зонах ООН воочию продемонстрировала свое бессилие. Особенно наглядно это проявилось тогда, когда мировое сообщество в течение нескольких лет, по сути дела, безучастно наблюдало кровавые события в бывшей Югославии.

В рассматриваемом контексте следует учесть также следующий момент — ООН может более или менее эффективно действовать лишь тогда, когда руководство берут на себя великие державы. Если между последними нет согласия, всякое мероприятие, как правило, терпит фиаско. Более того, три раза за послевоенный период крупные военные акции, санкционированные ООН, осуществлялись не под ее командой, а под командой Соединенных Штатов: в Корее (1950–1953 гг.), Ираке (1990–1991 гг.) и Сомали (1992–1993 гг.). Эти случаи могут служить прецедентом для формирования системы, в которой ООН санкционирует военные акции, проводимые под командованием какого-либо одного государства или группы государств.

Операция «Буря в пустыне», пожалуй, была высшей точкой усилий ООН по обеспечению коллективной безопасности в период после окончания холодной войны. Точно так же, как действия ООН по Корее в 1950 г. были возможны только в силу отсутствия советского представителя при решающем голосовании, так действия ООН в Персидском заливе стали возможны благодаря настроенности Советского Союза к сотрудничеству по данному вопросу. При создающемся ныне раскладе геополитических сил весьма трудно прогнозировать ситуацию, когда бы все или большинство великих держав стали действовать единым фронтом. События в бывшей Югославии, особенно в Боснии, неспособность великих держав в течение длительного времени прийти к единому мнению по комплексу вопросов, связанных с достижением и сохранением мира в этом регионе, как раз свидетельствуют об обратном.

По существующим данным, в период с 1948 по 1991 гг. было проведено 23 операции ООН по поддержанию мира. С 1992 г. Совет Безопасности санкционировал проведение еще 10 аналогичных операций. В настоящее время проводится 17 таких операций, в которых задействовано 70 тыс. военнослужащих ООН. У Генерального секретаря в распоряжении танки, грузовики, спутниковая связь, т.е. такие силы и средства, которым могли позавидовать бы многие главы государств. Сегодня службы ООН способны развернуть в любом уголке земного шара лагерь в 50 тыс. палаток или накормить 1 млн беженцев в какой-либо африканской или азиатской стране. Ее продовольственная программа в состоянии поддержать жизнь населения целых государств.

Но тем не менее все это неизмеримо мало по сравнению с объемами и масштабами проблем, которые данная международная организация должна решать. Одной из главных причин, ограничивающих деятельность ООН в этой сфере, являются финансовые трудности. Так, на 31 июня 1994 г. она имела задолженность в размере 2,5 млрд долл. Симптоматично, что расходы на проведение операций по поддержанию мира и оказание гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях составляют всего около 4,1 млрд долл. США, т.е. равны сумме, которая в бюджете города Нью-Йорк выделяется на содержание департаментов полиции и пожарной охраны.

7.3. Изменение места и роли национального государства

Центростремительные тенденции и процессы регионализации и глобализации сказываются на роли и функциях как отдельно взятых государств, так и международной политической системы в целом. Совсем недавно, лишь несколько десятилетий назад, политика, и внутренняя, и внешняя, рассматривалась исключительно как функция национального государства. В сфере международных отношений отдельно взятые государства для реализации своих национальных интересов вступали во взаимоотношения друг с другом. Именно совокупность индивидуальных государств и составляла мировое сообщество.

Каждое государство (независимо от того, действовало оно в одиночку или в коалиции с другими государствами) самостоятельно решало проблемы своей обороны и безопасности. Показательными в этом смысле являются Великобритания, которая на протяжении всего XIX в. гордилась своей политикой «блестящей изоляции», и США, которые вплоть до второй мировой войны отвергали «обязывающие союзы» с другими государствами.

Иное положение сложилось или во всяком случае складывается сейчас, когда весь мир становится единым комплексом, части которого тесно связаны друг с другом. Важное значение приобретает то, что межгосударственная система дополняется некой раздвоенной системой, в которой, как писали Б.Бади и П.Бирнбаум, *«логика развития государства сосуществует с логикой растущей автономизации (субгосударственных.– К.Г.) субъектов»*.

Усложнение процесса принятия решений лишило правительства возможности гибко и быстро реагировать на возникающие перед обществом проблемы. В кризисных, чрезвычайных обстоятельствах, требующих быстрой и действенной реакции, управленческо-бюрократический аппарат особенно демонстрирует поразительную беспомощность. Государству, обремененному собственной бюрократией и оказавшемуся как бы в точке пересечения глубоких изменений, охвативших разные сферы и уровни общественной жизни, становится все труднее интегрировать и реализовывать различные, порой конфликтующие между собой интересы.

Это во многом определяется тем, что способность политических деятелей и организаций, правительств и государств контролировать события, принимать и реализовывать решения зависит не только от их возможностей и прерогатив внутри собственных стран, как это было в прошлом, но и от их способностей учитывать положение во внешнем мире и воздействовать на него.

Немаловажное значение в данном контексте имеет то, что разнообразие, переплетение, децентрализованный характер множества проблем, возникающих в различных центрах и точках пересечения государственных и негосударственных акторов, часто не позволяет решать их традиционными официальными методами (переговорами о заключении договоров, установлении или разрыве дипломатических отношений и т.д.), используемыми преимущественно официальными государственными инстанциями и структурами.

Выявление проблемы зачастую зависит от решений, принимаемых (или не принимаемых) множеством людей независимо друг от друга. Например, желаемый рост производительности в той или иной отрасли экономики зависит от действий множества потребителей и производителей; достижение приемлемых темпов роста населения — от поведения миллионов родителей; состояние окружающей среды — от решений, принимаемых огромным числом производителей, и т.д.

Очевидно, что в рассматриваемом аспекте все более значительную роль приобретают действия и решения, принимаемые далеко за пределами национально-государственных границ, другими правительствами или разного рода международными организациями. Так, на эффективность реализации государством своих прерогатив и полномочий сильное влияние оказывает все расширяющаяся сфера деятельности транснациональных корпораций и других транснациональных акторов в лице региональных и всемирных межправительственных и неправительственных организаций и институтов. Такие вопросы, как снижение или повышение цен на нефть и газ, кофе и молоко и т.д., решаются не правительством какой-либо отдельно взятой страны, а на уровне ОЭСР, ОПЕК, ЕС и других международных организаций. То же самое можно сказать и о проблемах, связанных с обеспечением рынков для производимых и экспортируемых товаров, с условиями получения кредитов, привлечения инвестиций, с передачей технологий и т.д. Трудности, с которыми сталкивается правительство каждой отдельной страны, еще более усугубляются с выдвиганием на передний план целого комплекса глобальных проблем, таких как охрана среды обитания человека, истощение невозобновляемых ресурсов, угроза термоядерной катастрофы и т.д.

Очевидно, что ключевую роль с данной точки зрения играют широкомасштабные сдвиги в сфере экономики. В этой связи профессор Нью-Йоркского университета Р.Кокс обратил внимание на тот факт, что наметившийся в конце 60 — начале 70-х годов кризис системы государственного вмешательства в ретроспективе можно рассматривать как результат перехода от интернациональной экономики к глобальной. В интернациональной экономике государства сохраняли за собой значительную долю контроля над своими экономиками и могли регулировать отношения с внешней мировой экономикой. Бреттон-Вудские институты рассматривались как средство достижения сотрудничества между государствами в деле осуществления этой регулирующей функции. В формирующейся глобальной экономике эта автономная роль государств значительно сократилась. В общем и целом за государствами осталась роль приспособления национальных экономик к динамике нерегулируемой глобальной экономики.

Благодаря прогрессирующему размыванию границ между национальными экономиками проблемы, ранее считавшиеся исключительно внутривнутриполитическими, все больше приобретают международно-политический характер. Имеет место беспрецедентное взаимопроникновение внутренней и внешней политики. Причем такое взаимопроникновение наблюдается во всех важнейших сферах жизни общества. Как отмечал американский экономист У.Р.Смайзер, *«финансовый мир больше не проводит границу между внутренней и внешней экономической политикой. Обе они проникают друг в друга и формируют друг друга по мере того, как глобальные рынки переносят последствия внутренней политики любой страны также на экономики других стран»*.

Политические, да и не только политические отношения, пересекающие государственные границы, приобрели и продолжают приобретать настолько большое значение, что идея об исключительной юрисдикции того или иного государства над определенной территорией де-факто оказывается все менее соответствующей реальному положению. С одной стороны, становится все труднее утверждать, что именно является сферой компетенции внутренней, а что — внешней политики. С другой стороны, растет значимость внутривнутриполитических последствий внешней политики и внешнеполитических последствий внутренней политики.

Данная проблема требует особого внимания из-за ставшего очевидным факта, что внутривнутриполитические вопросы включают в себя неотъемлемый международный компонент. Результатом этого является то, что общепринятые нормы, обычаи и практика политического управления становятся уже недостаточными для того, чтобы правительства сами могли решать проблемы. Их способность адаптироваться к изменениям снизилась из-за недостаточности ресурсов для разрешения всех возникающих перед обществом проблем, а также вследствие растущей зависимости государства от состояния дел за рубежом и сотрудничества с иностранными акторами. Эффективность государства сокращается в результате роста значимости разного рода подгрупп и готовности последних отстаивать свои интересы.

В силу того, что масштабы самостоятельности и возможностей государства уменьшаются, сложность и динамизм окружающих условий каждого из них интенсифицируются. Соответственно для них становится все более трудным поиск поддержки и сотрудничества за рубежом. Причем каждое новое доказательство сокращения масштабов, легитимности и эффективности подталкивает субнациональных и транснациональных акторов игнорировать общепринятые рамки власти и авторитета и выдвигать собственные кодексы поведения.

Все меньше остается сфер, где правительство могло бы принять чисто внутривнутриполитические решения, не оказав то или иное влияние на внутреннюю политику других стран. Темпы технологических изменений, особенно в сфере информатики и телекоммуникаций, способствуют ускорению этого процесса. Новые проблемы, связанные с суверенитетом национальных экономик, создают становящийся все более актуальным свободный поток информации. Национальные правительства оказываются неспособными эффективно контролировать расширяющиеся информационные отрасли индустрии в форме многонациональных конгломератов. Система спутниковой связи также может создать подобные проблемы для национального контроля над потоком информации.

В итоге, если раньше внешнюю политику можно было осуществлять в относительной изоляции от внутренней политики, то теперь все труднее провести между ними более или менее четкую линию разграничения. Обосновывая такую точку зрения, Дж.Розенау привел такой факт. В один и тот же год Совет по международным отношениям (организация, занимающаяся исключительно международными проблемами) счел необходимым организовать группу изучения внутренних основ внешней политики США, а Центр по изучению демократических институтов (организация, всецело приверженная делу улучшения институтов и практики осуществления внутренней политики) решил организовать конференцию по проблемам международной политики.

Небезынтересен тот факт, что в настоящее время в Вашингтоне функционируют лоббистские бюро около 40 иностранных корпораций. Действуют также два вашингтонских лобби — Ассоциация иностранных инвесторов в Америке и Ассоциация иностранных инвесторов в недвижимое имущество, которые специализируются по вопросам представительства зарубежных финансовых интересов в политических структурах США. В данной связи показательно, что политика в области энергии многими специалистами и государственными деятелями рассматривается как «моральный эквивалент войны».

Все эти процессы и тенденции способствовали определенному сокращению роли отдельно взятых государств как акторов международной политики. В современном мировом сообществе выделяются как минимум три комплекса отношений: государств с государствами, государств с корпорациями и международными организациями, а также корпораций с корпорациями. Можно сказать, что международная система, в которой в качестве основной единицы действия выступало суверенное национальное государство, претерпела глубокие изменения.

Существует даже мнение, согласно которому государство, которое традиционно являлось главным или даже единственным субъектом политики в сфере международных отношений, в наши дни уже не представляет собой самостоятельное политическое или экономическое образование, а служит лишь фрагментом, частью более широкого образования — всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества. С этой точки зрения немаловажное значение имеет хотя бы тот выше отмечавшийся факт, что во многих случаях акторами мирового политического процесса наряду с государствами являются транснациональные организации и силы, которые действуют и функционируют независимо от государств. Возрастание их роли подрывает национальные приверженности.

Последнее, помимо всего прочего, связано еще с тем, что суверенитет государств ослабляется не только в результате расширения прерогатив наднациональных, надгосударственных акторов, но и усиления регионов. Снижение эффективности национальных правительств интенсифицировало тенденции к децентрализации и ослабило властные иерархии в силу наметившегося сокращения масштабов правительственной власти и компетенций. Это в свою очередь способствовало образованию своеобразного вакуума, который, с одной стороны, облегчил появление на общественно-политической арене новых негосударственных акторов, а с другой стороны, усилил роль и значимость субгосударственных подразделений. Другими словами, рост интернационализации и взаимозависимости сопровождается одновременной фрагментацией на субнациональные единицы внутри отдельно взятых стран.

Происходит транснационализация важнейших экономических, социальных, экологических, политических и иных проблем. Разворачиваются процессы, в ходе которых международные отношения, осуществляемые правительствами государств, дополняются отношениями между частными лицами, группами и обществами, что не может не иметь далеко идущих последствий для положения в мире. Изменения, стимулированные технологическими нововведениями и поддерживаемые постоянными успехами в коммуникациях и транспорте, вывели на политическую арену новые ассоциации и организации, усилия которых, направленные на задействование внешних ресурсов или взаимодействие с себе подобными за рубежом, расширили и интенсифицировали динамику международных проблем.

На основе этой инфраструктуры за последние десятилетия произошли дальнейшее расширение и углубление экономического, экологического, политического, культурного и иного взаимодействия народов, стран и регионов земного шара. Мы являемся свидетелями все большего открытия границ между странами, увеличения их прозрачности, что в конечном итоге может иметь далеко идущие последствия для демографической карты индустриально развитых стран, где неуклонно растет численность (абсолютная и относительная) представителей некоренного населения.

Дальнейшее распространение информационных и телекоммуникационных технологий приводит к существенному изменению международного политического ландшафта. Политические лидеры или группировки получают возможность прямо апеллировать к общественности других стран. Это в свою очередь создает условия для формирования в беспрецедентных масштабах транснациональных аудиторий.

Именно в этом контексте во многих странах высказывается озабоченность, связанная с желанием сохранить национальные культурные ценности и культурную идентичность. Поэтому неудивительно, что правительства многих стран уже разработали разного рода меры, направленные на защиту национальных традиций, культуры, языков и т.д.

Все эти процессы дали повод Дж.Розену говорить о «двух мирах мировой политики»: одном, состоящем из суверенных национальных государств, и другом, состоящем из негосударственных организаций, объединений, корпораций и т.д. По словам Розенау, в создавшейся ситуации сами понятия «международная политика» и «международные отношения» выглядят устаревшими перед очевидными тенденциями, при которых растущее число взаимодействий, составляющих мировую политику, осуществляется без прямого вовлечения государств или наций. Он предлагал заменить эти понятия другим, призванным адекватно отразить новые структуры и процессы. Наиболее приемлемым, по его мнению, было бы понятие «постмеждународная» политика, по аналогии с такими понятиями, как «постиндустриальное», «постсоциалистическое», «постидеологическое» общество или «постмарксизм», «постмодернизм» и т.д.

7.4. Транснациональный мир или сообщество суверенных стран?

Противоречие между возрастающей экономической и политической взаимозависимостью стран и народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета и соответственно роли активного субъекта международных отношений, с другой — все больше обостряется.

Каков же путь разрешения данного противоречия? Ответ на этот вопрос не столь прост и однозначен, как представляется с первого взгляда. Но ясно одно, что роль государства и как главного субъекта политической власти, и как основного носителя монополии на легитимное насилие, и как важнейшего субъекта международных отношений с соответствующими модификациями в обозримой перспективе не только не ослабнет, но в некоторых аспектах усилится.

Одной из главных сущностных характеристик современного государства является суверенитет, т.е. принцип, согласно которому конечная, высшая власть на подвластной государству территории и над населением, проживающим на этой территории, принадлежит государству и только государству. Альтернатива суверенитету — мир, в котором нет конечной, высшей власти в пределах данной территории, либо мир, в котором отсутствуют сколько-нибудь четко очерченные государственные границы.

Очевидно, что отдельно взятые государства в совокупности составляют мировое сообщество, но каждое из них имеет лишь ограниченное влияние на его действия и должно, исходя из собственных возможностей, приспособляться к логике конкурентной борьбы на международной арене. Здесь нельзя упускать из виду тот факт, что оборотной стороной усиления интернационализации и взаимозависимости стран и народов является усиление конкуренции и трений между ними в экономической и иных сферах. Например, при перенесении по той или иной причине предприятий, производящих те или иные товары, на новую территорию, а тем более в другую страну, служащие, оставшиеся на прежнем месте функционирования предприятия, теряют работу. В результате возникают проблемы, которые рыночные механизмы сами по себе не могут решать без вмешательства государства. В этом смысле можно согласиться с Я.Накаоне и его коллегами, по мнению которых *«по мере углубления взаимозависимости между государствами, а также по мере расширения трансконтинентальной экономической деятельности роль правительств в урегулировании различных разногласий не снижается, а скорее возрастает»*.

Государства ищут приемлемый баланс между растущей экономической взаимозависимостью и достижением национальных целей в международной экономике. А это предполагает растущую политическую координацию крупных индустриальных держав. Как отмечал американский экономист Э.Кэпстайн, государство сохраняет за собой заметную роль перед лицом могущественных международных экономических сил.

Государства реагировали на экономическую глобализацию посредством расширения международного сотрудничества. Но ирония состоит в том, что это сотрудничество базируется на принципе сохранения твердого контроля в руках того государства, на территории которого действуют фирмы. В противном случае фирмам на основе международных соглашений не разрешают действовать за пределами своих национальных границ. Это особенно четко видно в банковской системе, где глобализация достигла беспрецедентно высокого уровня. Международное сотрудничество между центральными банками зиждется на соглашениях о многонациональном или наднациональном сотрудничестве, но при сохранении материнской страной контрольных функций, т.е. ответственность за регулирование деятельности национальных финансовых институтов возлагается на государство.

Иначе говоря, интернационализация и глобализация вовсе не приводят к полному отчуждению национальных банков от своих государств. Более того, в некоторых аспектах влияние государства даже несколько усиливается. Сейчас крупные государства способны оказывать существенное влияние на динамику финансовых рынков путем, например, открытия или закрытия доступа к своим финансовым рынкам.

Контроль материнской страны заставляет государства взять на себя ответственность за реализацию тех стандартов регулирования, которые приняты в данной стране или на международных форумах. При отсутствии наднационального центрального банка или иного регулирующего органа, обладающего полномочиями вводить в действие принятые решения, только государственные органы могут наказать банки за противоправное поведение и заставить их соблюдать внутринациональные и международные нормы. При отсутствии гарантий соблюдения этих норм национальным банкам будет закрыт доступ в другие страны. Как отмечал вышеупомянутый Э.Кэпстайн, *«международное сотрудничество, базирующееся на признании контроля страны пребывания, представляет собой политическую структуру, созданную государствами для обеспечения глобальной финансовой системы рамками, в которых она может действовать»*.

В рассматриваемом контексте особо важное значение имеет тот факт, что большинство транснациональных акторов, не обладающих суверенитетом, за исключением военных блоков, не располагают официально признанными легитимными инструментами насилия. У них нет территории, нуждающейся в защите, поскольку границы, отделяющие их от окружающей среды, носят абстрактный характер и зависят от экономической деятельности и социальных связей. Но тем не менее их нельзя недооценивать.

Верно, что они ослабляют власть государства и поэтому, как считают многие авторы, наносят еще один удар силовой политике. Но в равной степени верно и то, что, избегая контроля со стороны государства, эти избранные народом, анонимные и зачастую наднациональные или вненациональные акторы не несут ответственности за свои действия перед обществом и простыми гражданами. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и тем самым превратиться в мощную анонимную власть, подчинившую себе общество и рядовых граждан. При таком положении может создаться ситуация, при которой чуть ли не единственной инстанцией, к которой может обратиться рядовой гражданин, останется национальное государство.

Одними из самых трудноразрешимых в международной политике являются вопросы об использовании силы, о законности и правомерности ее использования для разрешения конфликтов, в том числе и вооруженных, в отдельных странах и регионах. Немаловажное значение имеет все более четко проявляющаяся тенденция к определенному пересмотру положения статьи 2 (7) Устава ООН, не допускающей вмешательства во внутренние дела государств, за исключением тех случаев, когда события внутри государства угрожают международному миру и безопасности.

Путем расширения толкования угроз международному миру и безопасности предпринимаются попытки пересмотра критериев вмешательства во внутренние дела того или иного государства. Особую значимость приобретает так называемое «право на вмешательство», согласно которому одно государство (или группа государств) вправе вмешиваться во внутренние дела другого государства в силу нарушения им прав своих граждан, бессилия его властей остановить начавшуюся гражданскую войну и т.д.

Интерес представляет то, что в отличие от Лиги наций, которая была построена на идее примата прав наций на самоопределение, Совет Европы, созданный в 1949 г., руководствуется принципом, согласно которому защита прав человека является делом всего мирового сообщества. В Уставе ООН вообще нет упоминания о «национальных меньшинствах». Этот же принцип зафиксирован в документах СБСЕ/ОБСЕ. Так, в Декларации стран — членов этой организации, принятой на встрече глав государств и правительств в Хельсинки в июле 1992 г., провозглашено, что выполнение обязательств по гуманитарным вопросам «не является исключительно внутренним делом государств».

Сама эта концепция возникла в результате проведения в процессе деколонизации искусственных государственных границ, разделяющих племена и народы. Первоначально она была предложена Францией и после одобрения ООН реализована ею вместе с Англией и США в виде оказания гуманитарной помощи курдскому населению Ирака. За последнее время «право на вмешательство» не раз с одобрения международного сообщества использовалось великими державами в различных регионах земного шара.

Даже такие крупные международные конфликты, как вьетнамская и афганская войны, были развязаны соответственно США и СССР, которые негласно руководствовались этим принципом. Он же имплицитно содержался в «доктрине Рейгана», которая исходила из постулата, согласно которому военное вмешательство во внутренние дела другого государства, даже с целью свержения существующего там правительства, оправдано, если это позволяет блокировать коммунистические силы и содействовать утверждению более демократических процессов.

Данный принцип лежал также в основе «доктрины Брежнева», которая, по сути дела, исходила из фактического признания за советским руководством права вмешиваться во внутренние дела любого социалистического государства, если те или иные его действия рассматривались как противоречащие интересам социалистического содружества, а точнее Советского Союза.

В этой связи следовало бы вспомнить также печально известный опыт США в Ливане. Администрация Рейгана, убежденная в безусловной значимости политической воли, вмешалась во внутренний конфликт Ливана, используя вооруженные силы. При этом не были взяты в расчет интересы Сирии. Авантюра закончилась унижительным выводом войск через 17 месяцев после ее начала. Или, например, в Южной Азии любое крупное американское мероприятие невозможно осуществить без учета интересов и возможной реакции Индии. Эту реальность американцы воочию осознали еще в 1971 г., когда разразился бангладешский кризис и администрация Р.Никсона приказала авианосцу «Энтерпрайз» войти в Бенгальский залив. Решительный протест Индии убедил многих американцев в том, что это страна превращается в серьезную региональную державу.

Война в Персидском заливе и особенно распад Советского Союза и Югославии оказали огромное влияние на дискуссии по данному вопросу во всем мире. Наибольшую актуальность он приобретает в свете все более обостряющейся проблемы оказания гуманитарной помощи, а также вооруженного вмешательства в некоторые регионы Азии и Африки, охваченные голодом и непрекращающимися гражданскими войнами.

Одним из трудноразрешимых в данном контексте является вопрос о согласии властей страны-объекта вмешательства на проведение акций ООН, других международных организаций, отдельных стран или группы стран. Так, в Судане международные организации по оказанию гуманитарной помощи практически достигли соглашений как с правительственными учреждениями, так и с руководителями восставших. Однако в Сомали никакого соглашения достигнуть не удалось по причине либо сопротивления правительства усилиям международного сообщества по оказанию такой помощи, либо из-за отсутствия какой бы то ни было эффективной политической власти.

Указанные выше обстоятельства заставили поднять вопрос относительно того, имеет ли международное сообщество право вмешательства во внутренние дела других государств при наличии и отсутствии согласия соответствующего правительства. Вполне сознавая, что такое правило противоречит общепринятому международному принципу национального суверенитета, тогдашний Генеральный секретарь ООН Х.Перес де Куэльяр в своем выступлении в университете Бордо в 1991 г. призывал международные сообщества юристов помочь разработать «новую концепцию, которая соединила бы право и мораль».

Развивая дальше эту установку, следующий Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос Гали утверждал: *«Уважение к фундаментальному суверенитету и целостности (государства.–□К.Г.) имеет решающее значение для любого общего международного прогресса»*. Тем не менее, говорил он, *«время абсолютного и исключительного суверенитета... прошло»*. Поэтому необходимо найти *«баланс между потребностями доброго международного правления и требованиями все более взаимозависимого мира»*.

Очевидно, что такая постановка вопроса противоречит как вестфальским, так и ялтинским и ООНовским принципам послевоенного разделения мира и невмешательства стран во внутренние дела друг друга. Но все же это не может служить основанием для характерной многим исследователям и наблюдателям склонности к упрощенному и одностороннему толкованию процессов транснационализации, глобализации и усиления взаимозависимости стран и народов. Эти процессы нельзя оценивать как показатель готовности людей отказаться от своих национальных идентичностей в пользу приверженности наднациональным или интернациональным организациям, как показатель движения в направлении неоглядного и абсолютного политического интернационализма и универсализма.

Наблюдающееся в последние годы возрождение национализма, трайбализма, религиозного и культурного фундаментализма и т.д. может стать предзнаменованием того, что процесс переоценки пределов власти национального государства, а также перераспределения и разделения национального суверенитета достиг своего пика.

Но как бы то ни было нужно признать, что титаническая борьба народов в первой и второй мировых войнах способствовала осознанию того, что необходимы радикальное изменение и перестройка структуры и процесса управления международным сообществом с тем, чтобы поставить вне закона наиболее крайние и бесчеловечные формы насилия при решении международных споров. Это осознание приобретало все более четкие очертания по мере усиления взаимосвязанности и взаимозависимости стран и народов. По сути дела, возникла необходимость коренной ревизии основополагающих принципов и постулатов Вестфальской системы, в особенности принципов «анархизма» и абсолютного суверенитета.

Прежде всего под сомнение была поставлена концепция, центральный тезис которой гласил, что международное право представляет собой свод правил и норм, установленных всецело и исключительно между государствами. Так, в хартиях Нюрнбергского и Токийского трибуналов над военными преступниками, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Соглашении о гражданских и политических правах 1966 г. и Европейской конвенции по правам человека 1950 г. отдельные лица и группы были признаны субъектами международного права.

Подверглась ревизии доктрина, согласно которой международное право имеет своим объектом исключительно политико-стратегические проблемы. Пришло осознание того, что международное право призвано регулировать и разрешать экономические и социальные проблемы, а также проблемы охраны окружающей среды. В связи с беспрецедентным увеличением числа новых акторов мировой политики появились предложения о расширении компетенций международного права.

Из всего сказанного совершенно очевидно, что на протяжении всей второй половины XX в. международная политическая система подвергалась существенной трансформации. Хотя при всех необходимых здесь оговорках независимые национальные государства и остаются главными (или во всяком случае одними из главных) акторами международной политики, масштабы и формы конфликтов между странами и народами, споры и проблемы, которые структурируют отношения между государствами, цели, преследуемые государствами, и ресурсы, используемые для реализации этих целей, изменились или находятся в процессе изменения.

Формируется новая парадигма, служащая мировоззренческим выражением глубинных процессов, происходящих в современном мире. Эта парадигма, начавшая формироваться в 70–80-х годах, получила более или менее четко обозначившиеся очертания (особенно в ее геополитической части) с распадом Советского Союза, окончания холодной войны и биполярного миропорядка.

Изменения, связанные с развитием технологий, способствуют модификации параметров национального суверенитета. Но эти изменения не отменяют роли силы ни внутри отдельно взятых стран, ни на международной арене. Они ведут к модификации распределения мощи между государствами, создают новые формы экономического взаимодействия между странами, оставляя рычаги управления экономической системой в руках национального государства. Их следствием является изменение отношений между правительственными и неправительственными акторами, но при этом базовая власть, в том числе и монополия на легитимное насилие, остается в руках государства.

Поднимая новые и ставя по-новому традиционные проблемы, эти изменения способствуют значительному осложнению международной политики, отнюдь не меняя ее основополагающие принципы. В частности, фундаментальными элементами международной системы остаются независимые государства, каждое из которых ревниво защищает свою независимость, стремится сохранить свободу действия в конкурентной борьбе с другими государствами и привержено максимизации национального благосостояния и влияния. Каждая страна старается разработать собственное понимание нового мирового порядка, найти свое место во взаимозависимой структуре мирового сообщества.

Международные организации отличаются от государств по множеству основополагающих параметров. Так, за редкими исключениями они не обладают собственными источниками финансирования, не обладают собственной единой валютой, лишены территориальной основы и поэтому не в состоянии осуществлять самостоятельный контроль над природными ресурсами планеты. Они не имеют единого гражданства. Что особенно важно, международные организации не вправе создавать и содержать собственные вооруженные силы.

В этом плане монополия на легитимное насилие сохраняется за государствами, за исключением тех случаев, когда по взаимному согласию они делегируют такую власть для выполнения специальных, строго оговоренных операций той или иной международной организации, например ООН. Со всех этих точек зрения их нельзя считать самостоятельными действующими лицами или субъектами мировой политики, способными принимать и осуществлять сколько-нибудь масштабные решения. ООН была задумана и в течение всего периода своего существования действовала как ассоциация государств, призванная обеспечить условия для реализации интересов своих членов.

Очевидно, что роль, которую международные организации играют в современном мире, производна от роли входящих в них государств. Они создаются и существуют по воле государств и способны более или менее эффективно функционировать, поскольку этого хотят сами создавшие их государства. Как правило, в подавляющем большинстве случаев решения этих организаций принимаются на основе принципа единогласия. Принцип равного суверенитета ООН резервирует за каждым государством как равноправным членом международного сообщества право не признавать любые решения, которые они не поддерживают.

Нельзя забывать, что ООН создана на инфраструктуре системы государств и не внесла сколько-нибудь радикальных изменений в ключевые характеристики этой системы. Фактически Хартия ООН, предусматривая усиление роли великих держав, способствовала дальнейшей легитимизации их претензий на руководство в международных делах. Верно, что все более усиливающееся вовлечение государств в региональные и глобальные сети способствовало изменению их прерогатив. В связи с интенсификацией региональных взаимосвязей и распространением глобальных отношений возникают вопросы относительно способности государств эффективно справляться с требованиями, предъявляемыми им транснациональными силами, с одной стороны, и подотчетности государств тем, на кого их действия оказывают влияние, с другой стороны.

Но это отнюдь не означает, что международные организации не способны играть (они-таки играют) важную роль в обеспечении международной безопасности, предотвращении войны, сохранении и поддержании мира, оказании помощи развивающимся странам и решении множества других вопросов, представляющих интерес для всего мирового сообщества.

Разумеется, в современном мире множество проблем и спорных вопросов, возникающих между двумя государствами, решаются путем переговоров непосредственно представителей этих государств. Но все большее значение приобретает коллективная дипломатия, дипломатия конференций, которая становится характерной особенностью деятельности ООН, да и других международных организаций. Очевидно, что по мере интенсификации процессов интернационализации и взаимозависимости значение дипломатии конференций будет возрастать.

Однако нет никаких серьезных оснований утверждать, что народы и государства уступят свою независимость и право самим решать свои проблемы какой-то абстрактной наднациональной, надгосударственной бюрократии. Поэтому на поставленный в заглавии 7.4 вопрос можно было бы ответить так: мы находимся на пути, ведущему в дальней перспективе к транснациональному миру, в котором государства и народы сохранят за собой существенную роль, прерогативы и функции.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под политической глобализацией?
2. Каково соотношение центристских и центробежных тенденций в современном мире?
3. Что понимается под политической интеграцией?
4. Какова роль международных организаций?
5. Дайте характеристику основных направлений деятельности ООН.
6. Каковы перспективы формирования единого мирового государства?
7. Каковы судьбы национального государства как главного субъекта международных отношений?

8. XX СТОЛЕТИЕ — «ВЕК ИДЕОЛОГИИ»

8.1. Место идеологии во внешней политике

Политика теснейшим образом связана с идеологией. Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируются структуры и функции власти в том или ином обществе. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т.д. Они основываются на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Идеология выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции: первую, скажем, для сплачивания членов той или иной партии, а вторую — для отделения этой партии от других партий. Идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и исходит из соображений привлечения наивозможно большей поддержки. Поэтому, естественно, она носит ярко выраженный тенденциозный характер.

Идеология призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми, институтами, партиями, сообществами и т.д. как субъектами политики, объяснять, обосновывать, оправдывать или отвергать те или иные политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях. Важнейшая функция идеологии состоит в том, чтобы отделить то или иное сообщество или группу от остальных сообществ и групп. Как отмечал германский исследователь О.Ламберг, защитное действие этой функции наиболее эффективно проявляется в тех случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, что и провоцирует инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антипode или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

С этой точки зрения политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идейно-политических течений и направлений. Однако констатация этого положения сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что при всей своей верности знаменитая формула *«политика есть искусство возможного»* сохраняет правомерность и действенность и в современных условиях. С одной стороны, «искусство возможного» ставит определенные пределы идеологизации политики, а с другой, идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса может выйти без ущерба основополагающим принципам своего политического кредо. Все это имеет самое непосредственное отношение к сфере международных отношений.

Считая установку современных исследователей от марксистов до экзистенциалистов, согласно которой человек есть существо, живущее в необратимом историческом времени, упрощенной, румынский историк религии М.Элиаде утверждал, что человек живет еще и вне исторического времени, а именно, в своей мечте, своим воображением и т.д. Иначе говоря, человек, общество, государство и соответственно межгосударственные отношения и мировое сообщество в целом имеют мировоззренческое измерение. Именно это измерение и определяет содержание господствующей в определенный исторический период парадигмы. Еще известный немецкий философ конца XIX в. Ф.Ницше предупреждал, что XX столетие станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими.

Наметившееся на рубеже третьего тысячелетия окончание евроцентристского мира совпало с началом разрушения двухполюсного мирового порядка в его военно-политическом и идеолого-политическом измерениях, а также концом цементирующей этот порядок холодной войны. В евроцентристской конфигурации геополитических сил, контуры которой сформировались начиная с Вестфальской и Венской систем, основополагающие вопросы международной политики, по сути дела, решались «концертом» нескольких великих держав Европы, а примерно с испано-американской войны в число этих держав вошли и США. Первая мировая война подорвала преимущественно или исключительно европейский характер системы баланса сил. В ходе и по окончании войны европейцы вынуждены были признать де-факто законность притязаний США и Японии на роль великих держав и вершителей судеб современного мира.

Кардинальные изменения в расклад европейских и мировых сил были внесены постепенным восхождением в 30-х годах Советского Союза и особенно второй мировой войной, после окончания которой мир разделился на два противоборствующих блока: утвердилась двухполюсная структура международных отношений в виде двух общественно-политических систем, как бы персонифицированных в НАТО и Варшавском пакте, центрами которых были противостоящие супердержавы — США и СССР.

По-видимому, называя XX столетие «веком идеологии», мы допускаем определенное упрощение ситуации. Дело в том, что господствовавшие в тот период основные идейно-политические течения — марксизм, национал-социализм, либерализм и т.д. — функционально выполняли, в сущности, ту же роль, что и великие религиозные системы — католицизм, протестантизм, ислам и др. — в прошлом. С данной точки зрения они являлись своеобразными секулярными религиями. Но религиозное начало проявлялось в них по-разному и в разных дозах. Тем не менее идеология в собственном смысле слова в качестве одного из определяющих факторов мировой политики в наиболее завершённой форме проявила себя именно в XX в.

Вестфальская и затем Венская системы, которые лежали в основе межгосударственных отношений, базировались на принципах национального суверенитета и легитимности. Они не предписывали той или иной стране форму правления и внутренней социальной организации. В эти системы на равных правах входили, с одной стороны, самодержавная Россия, монархия Габсбургов, а с другой — либеральная Англия, т.е. авторитарные и либеральные режимы. Согласие касалось лишь того, что допустимо и недопустимо во внешнеполитическом поведении государств.

Таким образом, одним из важных условий для законного или легитимного международного порядка считалось более или менее жесткое разграничение между установленной тем или иным государством формой правления и его поведением на международной арене. Каждый участник международных отношений был вправе установить у себя любой социальный и политический режим, пока он ведет себя на мировой арене в соответствии с общепризнанными правилами поведения. Тем самым в рамках одной и той же системы межгосударственных отношений допускалось сосуществование различных политико-идеологических систем.

Положение радикально изменилось в XX в., когда борьба за умы людей стала важной составной частью международной политики. Проанализировав это положение, известный американский исследователь Г.Моргентау в предисловии ко второму изданию своей получившей популярность книги «Политика между нациями; борьба за власть и мир» подчеркивал, что *«борьбу за умы людей в качестве нового измерения международной политики следует добавить к международным измерениям дипломатии и войны»*. При этом Моргентау сетовал на то, что *«эта борьба за умы людей нанесла последний фатальный удар той социальной системе международного общения, в рамках которой в течение почти трех веков народы жили вместе в постоянных ссорах, но под общей крышей разделяемых всеми ценностей и всеобщих стандартов действия... Под руинами той крыши оказался похороненный механизм, который поддерживал стены того общего дома народов, а именно баланс сил»*.

Выше уже говорилось о том, что уже в первые десятилетия XX в. развернулся бескомпромиссный конфликт между тремя главными альтернативными политико-идеологическими направлениями перестройки современного мира: социал-реформизмом, фашизмом и большевизмом. В ходе второй мировой войны в результате военного разгрома Германии и ее союзников фашизм как сколько-нибудь эффективная и дееспособная альтернатива перестал существовать. В качестве главных противоборствующих альтернатив сохранились социал-реформистский капитализм и революционный социализм (коммунизм). Свою законченную форму идеологический конфликт принял после второй мировой войны между двумя блоками, возглавлявшимися США и СССР.

Особенность второй мировой войны в данном контексте состояла в том, что традиционный комплекс факторов, лежащих в ее основе, возможно впервые со времен религиозных войн XVI в. дополнялся идеологическим компонентом. Она представляла собой одновременно войну за территориальное господство и идеологическую войну, призванную навязать противной стороне определенный образ жизни, систему ценностей, форму жизнеустройства, политический режим и т.д.

Обоснованность этого тезиса отнюдь не опровергается тем фактом, что одна из воюющих тоталитарных держав (СССР) находилась в союзе с либерально-демократическими странами (Великобританией, США и несколько позже Францией). Во-первых, это была война не на жизнь, а на смерть между двумя непримиримыми тоталитарными режимами — большевистским и нацистским, в основе политической стратегии которых явно или неявно была заложена установка на глобальную экспансию. Здесь необходимо сделать ту существенную оговорку, что для народов Советского Союза эта война являлась именно Великой Отечественной войной против неприкрытой нацистской агрессии.

Во-вторых, это была война западных демократий против фашистских и милитаристских режимов Германии, Италии и Японии, которые стремились к мировому господству. По множеству причин западные демократии нашли в Советском Союзе естественного союзника в борьбе с общим врагом. В идеологическом плане этот союз облегчался тем, что коммунистический интернационализм, проповедовавший равносущность пролетариев всех стран и континентов, все же был ближе к либеральному интернационализму с его лозунгами свободы и прав всех людей, независимо от их национальной, социальной и культурной принадлежности, нежели идеология нацизма с ее откровенным национал-шовинизмом и расизмом.

Во время холодной войны идеологический конфликт приобрел самодовлеющее значение. Сила, военная мощь оказались поставленными на службу распространения образа жизни, мировидения, собственной легитимности двух противоборствующих сверхдержав и военно-политических блоков. Холодная война представляла собой уже масштабную идеологическую войну, в которой вопрос о территориях затрагивался постольку, поскольку речь шла об уничтожении или установлении на территории того или иного государства соответствующего режима — социалистического или капиталистического.

Иными словами, холодная война была своего рода борьбой противостоящих политических и экономических систем за выживание. Показательно, что в территориальном контексте послевоенный миропорядок основывался на признанных всеми сторонами известных ялтинских соглашениях о неприкосновенности государственных границ как на Западе, так и на Востоке.

Возможность идеологического или системного конфликта была заложена в самой парадигмальной инфраструктуре евроцентристской (или западоцентристской) цивилизации. Он вытекал, в частности, из аугсбургского принципа *cujus regio, ejus religio*, т.е. принципа, согласно которому в стране господствует та вера, которой придерживается ее правитель. Из него можно было сделать вывод, что правитель или правящий режим вправе учредить в подчиненной ему стране ту вероисповедную систему, которая, по его мнению, соответствует букве и духу «истинного» учения. В XX в. место вероисповедания заняла идеология, которая приняла форму демократического национализма, национал-социализма и марксистского интернационализма.

В наиболее законченной и чистой форме идеологический или системный конфликт имел место после второй мировой войны между двумя блоками, возглавлявшимися США и СССР.

8.2. Конфликт идеологий и образование «трех миров»

Как отмечал К.Мангейм, признание того факта, что «мысль всех партий во все эпохи носит идеологический характер», способствовало разрушению «доверия человека к человеческой мысли вообще». Идеологизация внешней политики и созданные на ее основе стереотипы, которые после второй мировой войны неизменно подкреплялись трудными, порой драматическими отношениями между Востоком и Западом, увеличивали взаимную подозрительность, недоверие и даже враждебность, способствовали возведению «железного» или иных занавесов, стен психологического противостояния.

В период биполярного миропорядка сами понятия «Восток» и «Запад» приобрели идеологическое измерение и, по сути дела, перестав быть чисто географическими, превратились в идеолого-политические. Именно идеологическое измерение служило одним из стержневых элементов, составляющих ось двухполюсного мира. Именно оно в значительной мере обеспечивало тот стратегический императив, который заставлял большинство стран сгруппироваться вокруг того или иного полюса. По этому признаку расположенная на Дальнем Востоке Япония стала частью Запада.

Определенные коррективы в такой расклад внесло то, что мировое сообщество оказалось разделенным на три разных мира, отличающихся друг от друга по степени экономического развития, образу жизни, мировоззрению. К первому относится группа развитых и примыкающих к ним стран Европы и Северной Америки, а также Япония и некоторые азиатские страны, достигшие определенных успехов в экономическом развитии. В основном это страны первого эшелона капиталистического развития, составившие «центр». Первым он назывался потому, что возник уже в Новое время и вплоть до образования СССР занимал господствующее положение на всем пространстве евроцентристского мира. Хотя Советский Союз появился на политической карте после большевистской революции 1917 г., говорить о втором мире, включающем в себя группу социалистических стран, стало возможным лишь после второй мировой войны.

Дело в том, что реальные вес и влияние мирового масштаба СССР приобрел лишь в самом конце 30-х годов. Длительная экономическая разруха после кровавой гражданской войны, многочисленные эксперименты в сфере экономики, на которые растрчивались огромные материальные и людские ресурсы, репрессии, которые отрицательно сказывались на социальном и экономическом развитии страны, не позволяли руководству СССР подкрепить свои идеолого-политические притязания действенным экономическим и военно-техническим потенциалом.

Однако, сыграв решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, СССР вышел из второй мировой войны могущественной военно-политической державой. В результате, если в 20–30-х годах Советский Союз представлял для капиталистического мира прежде всего идеологическую угрозу, то теперь он превратился еще и в реальную военную угрозу. К тому же в межвоенный период СССР был единственной социалистической страной. После войны в результате освобождения от фашистского ига страны Восточной Европы — Польша, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Албания, Болгария и Югославия — избрали социалистический путь развития. Определяющую роль в их выборе сыграло то, что в ходе переговоров по послевоенному урегулированию Восточная Европа вошла в сферу влияния СССР, который осуществлял довольно жесткий контроль за развитием событий в данном регионе. В результате в течение нескольких послевоенных лет во всех этих странах победу одержали коммунистические и рабочие партии.

За восточно-европейскими странами последовали некоторые страны Азии. В 1949 г. в Китае произошла народно-демократическая революция, результатом которой явилось образование Китайской Народной Республики (КНР). Затем были образованы Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Социалистическая Республика Вьетнам, Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР) и Народная Республика Кампучия. В начале 60-х годов о выборе социалистического пути развития заявило руководство Кубы во главе с Ф.Кастро, пришедшее к власти в 1959 г. В итоге возникла мировая социалистическая система во главе с СССР, объединившая все страны с социалистическими и народно-демократическими режимами.

В то же время в результате распада колониальных империй, как выше говорилось, на мировую авансцену вышла группа новых независимых стран, которые по множеству признаков, как социально-экономических, так и особенно идеолого-политических, в полной мере не могли принадлежать и не принадлежали ни к одной из двух группировок. В совокупности с Латинской Америкой они составили особую группу стран, которых объединял целый ряд общих системообразующих признаков: отсталость экономики, слаборазвитость социально-классовой структуры, преобладание крестьянства, слабость национального предпринимательства, незрелость рабочего класса, сохранение в широких масштабах традиционных патриархальных, племенных, клановых, патерналистских структур и элементов и т.д. Чтобы отличить их от двух упомянутых выше групп, они были названы странами третьего мира.

Вслед за завоеванием странами третьего мира политической независимости на первый план выдвинулись задачи достижения подлинной экономической независимости. А это предполагало прежде всего преодоление экономической отсталости и перевод народного хозяйства на рельсы ускоренного развития. В силу необходимости первоочередного решения именно этой задачи они были названы развивающимися странами. Проблема развития приобретала все большую актуальность по мере осознания того, что формальная политическая независимость остается лишь благим пожеланием без основополагающей экономической независимости.

В поисках экономической и финансовой помощи между различными странами третьего мира развернулась своеобразная конкуренция за завоевание благосклонности Запада и стран социалистического содружества, прежде всего СССР. А для последних они, в свою очередь, стали ареной ожесточенной идеологической и политической борьбы за сферы влияния, которая нередко выливалась в локальные и региональные войны, как это было, например, в 60–начале 70-х годов в Юго-Восточной Азии или в 70–80-х годах в Анголе. Не случаен тот факт, что именно по линии приверженности или близости к одной из противоборствующих блоков произошла дифференциация стран данной группы.

Необходимо отметить, что советская идеология и в более широком смысле марксизм оказали немаловажное влияние на политическую экономию и международные отношения в середине и второй половине XX столетия. Особенно большое влияние марксизм имел среди западной интеллигенции, разработавшей различные варианты неомарксизма. Нельзя отрицать и то, что в период перехода от колониализма к постколониализму мировоззрение и установки политической элиты развивающегося мира были окрашены в марксистские и марксистско-ленинские тона. Дж.Неру, например, признавал: *«изучение трудов Маркса и Ленина оказало серьезное влияние на мое мышление и помогло мне увидеть историю и текущие события в новом свете»*.

Политическую элиту привлекали в марксизме-ленинизме революционный пафос, разоблачение связанных с угнетением и эксплуатацией империализма и колониализма, призывы к равноправию народов и социальной справедливости. Показательно, что среди значительной части политической элиты и творческой интеллигенции преобладало убеждение, что все беды стран третьего мира вызваны колониалистской и неоколониалистской политикой индустриально развитых стран. Они рассуждали примерно по такой схеме: третий мир беден, потому что развитый мир богат. Эту мысль предельно четко изложил руководитель Сенегала Л.Сенгор, который в 1959 г. утверждал: *«общественным фактом сегодня является то, что подъем жизненного уровня европейских масс мог быть достигнут только за счет ухудшения жизненных стандартов народных масс Азии и Африки»*.

Очевидно, что советские руководители и идеологи недооценили потенции и возможности западного капитализма, неверно восприняли реальные унастроения и установки элит развивающегося мира и жестоко обманулись в трактовке настроений рабочего класса развитого мира. Постепенно становилось ясно, что бедные страны бедны вовсе не потому, что богатые страны богаты. Как справедливо отмечал Дж.Пучала, *«самыми бедными странами в мире являются те, которые не были замечены западным капиталом; наоборот, многие из тех, кто экономически преуспевает, оказываются как раз наиболее обхаживаемыми западным капиталом. Незападные страны, делающие большие экономические успехи, это именно те, которые сами выбрали путь капиталистического развития и обрели все связи с той международной системой, которая способствует подобному развитию»*.

Что касается богатства Запада, то главным его источником является не только и не столько сырье, сколько достижения научно-технического прогресса.

В целом вплоть до конца 70–начала 80-х годов на основе базовых капиталистических институтов действовали в основном страны первого, т.е. индустриального мира. Это примерно $\frac{1}{4}$ часть современного мира. Социалистический лагерь включал 26 стран с общей численностью населения в 1986 г. около 1,7 млрд человек, или 37% населения всего земного шара. Остальные страны составляли третий мир.

8.3. Сущность идеологической борьбы между двумя блоками

Идеологизированная внешняя политика, по крайней мере в теории, имплицитно предполагает изменение существующего баланса сил в пользу той или иной противоборствующей стороны, отказ от осторожного, реалистического и прагматического стиля дипломатии, основанной на равновесии сил между великими державами.

Сущность и вместе с тем уникальность конфликта между двумя блоками, вылившегося в холодную войну, состояла в том, что в концептуальном плане он помимо всего прочего представлял собой глобальное идеологическое, политическое и военное противостояние двух социально-политических систем, носил межсистемный характер и был пронизан мировоззренческим, идеологическим началом.

Вторая мировая война имела одной из своих целей кардинальное перераспределение мирового баланса сил между крупнейшими военно-политическими державами того времени. Особенность холодной войны состояла в том, что в качестве реальных претендентов на участие в противоборстве за первые роли в новом миропорядке остались две сверхдержавы — США и СССР. В геополитическом плане мир стал биполярным. *«Холодная война, — писал в данной связи С.Хофман, — была сдержанным крестовым походом, но все же она оставалась крестовым походом. Мир представлялся разделенным между нами и ними, добром и злом, хорошими парнями и плохими парнями, свободным миром и угнетателями»*.

Иначе говоря, под понятием «холодная война» подразумевались не просто напряженные отношения между двумя сторонами, не просто соперничество, а чуть ли не священная война, в которой одна из этих систем должна одержать победу, а другая — исчезнуть.

Очевидно, что в условиях биполярного мира и холодной войны оборона от внешней угрозы составляла лишь одну из функций двух главных военно-политических блоков. Как не без оснований отмечал А.Прозектор, значительно важнее внутренние, «сдерживающие» функции. Для США в послевоенное время — это «контроль и перевоспитание» германского и японского экстремизма, цементирование «атлантического» мира, укрепление связей Западной Европы с Северной Америкой. Для элиты СССР — это контроль над соцлагерем, его единение и ограждение от воздействия «чужой системы». Не случайно каждая из двух систем именно себя считала выразительницей и защитницей чаяний и интересов народов и соответственно обосновывала неизбежность своей победы и обреченности противной стороны. Разработав идеологическое обоснование своих позиций, США объявили себя защитницей свободного мира, а СССР — оплотом мира, демократии и социализма.

В результате конфликт между двумя блоками приобрел широкомасштабное измерение, которое по-своему узаконивало разделение мира на два противоборствующих блока, двухполюсную структуру международных отношений. *«Долгосрочный характер и исключительная потенциальная опасность конфликта между Востоком и Западом, — говорилось, например, в одном из докладов «Трехсторонней комиссии», — вытекает из того факта, что этот конфликт соединяет в себе соревнование двух сверхдержав современного мира и “идеологический конфликт” между противоположными политическими, экономическими и социальными системами, основанными на фундаментально различных ценностях. Именно благодаря такому сочетанию конфликт между Востоком и Западом на протяжении длительного времени является осью современного мира»*.

Более того, борьба между Востоком и Западом с обеих сторон оценивалась как квазирелигиозный крестовый поход. Причем руководители обоих блоков, когда им было выгодно, сознательно выпячивали этот аспект конфликта. Как отмечал Дж.Спэниер, американские государственные деятели выбрали формулу холодной войны в качестве «антикоммунистического крестового похода» потому, что ее легче было провести через конгресс.

Глобальные устремления сверхдержав и характерная для них тенденция интерпретировать развитие событий во всех регионах земного шара в терминах противоборства привели к тому, что биполярность приобрела качество сущностной характеристики установившейся в послевоенные десятилетия международной системы. Главными движущими мотивами поведения обеих сверхдержав и блоков были взаимный страх и озабоченность своей безопасностью. Фактически и в СССР, и в США сформировались особые разновидности «государства национальной безопасности», в которых стержневым приоритетом стала жесткая конфронтация с внешним врагом в лице друг друга. Блоки НАТО и ОВД, по сути дела, выполняли роль эффективного инструмента конфронтационной безопасности. Соответственно в центре внимания с обеих сторон стояло стремление к наращиванию военной мощи.

В биполярном мире ситуация была довольно проста: каждая сторона более или менее точно знала, откуда происходила угроза и какая угроза. Установка на конфронтационность в отношениях друг с другом служила как для СССР, так и для США основой глобальной внешнеполитической стратегии. Как не без основания отмечал обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Т.Фридман, Кремль служил *«путеводной звездой внешней политики США. Политическим деятелям достаточно было посмотреть, куда отклоняется стрела компаса (выяснить, на чьей стороне Москва), и тут же определить, чью сторону следует занять США»*. Аналогичной была ситуация и с СССР.

Такое положение держало в постоянном напряжении весь мир, в котором два противоборствующих полюса разыгрывали своеобразную игру с нулевой суммой, в соответствии с которой весь мир, по сути дела, был разделен на сферы интересов. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон друг против друга. В глазах обеих сторон каждая из этих войн (или конфликтов) имела значимость с точки зрения не только решения той или иной конкретной проблемы, но и выигрыша или проигрыша Востока или Запада. При этом любой выигрыш одной из сторон в каком-либо регионе планеты или отдельно взятой стране рассматривался как проигрыш другой стороны.

Подобный подход не приемлет взаимных уступок и компромиссов или существенно затрудняет их достижение. Поэтому неудивительно, что обе стороны отвергли саму мысль о возможности строительства международных отношений на принципах баланса интересов.

8.4. Идеология в постконфронтационном мире

С распадом Советского Союза и окончанием холодной войны в мире сложилась кардинально иная ситуация. Прежде всего развалилась идеологически-политическая ось двухполюсного мира, устарел упомянутый выше стратегический императив. Потеряло смысл само понятие «Запад». Япония как бы снова «вернулась» в Азию и наряду с другими новыми индустриальными странами Азиатско-Тихоокеанского региона способна строить свои отношения со всеми остальными странами и регионами вне зависимости от тех или иных идеологически-политических соображений.

Вместе с тем наступила эпоха неопределенности или, как предупреждал еще М.Вебер, эпоха разочарований, потери иллюзий. Секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении всего XX столетия, во многом перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Они либо исчерпали себя, либо потерпели банкротство, либо существенно ослабли. Развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий нашего времени стало свершившимся фактом. Люди перестали верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Они становятся недееспособными из-за полного безразличия к ним.

С крахом идеологического по своей сути советского государства развенчалась и коммунистическая утопия или, наоборот, с развенчанием утопии разрушилась и империя. Крах марксизма-ленинизма и связанное с ним признание неудачи советского эксперимента выбили почву из-под большинства социальных учений современного мира. Лишился всякой актуальности и перспективы миф о социалистической революции и обществе, основанном на принципах всеобщего социального равенства.

Однако этот крах вовсе не есть свидетельство совершенства западного пути общественно-исторического развития и западной модели общественного устройства. Подтверждением этому является хотя бы тот факт, что в то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики и политической демократии, на самом Западе усиливается критика наследия Просвещения и его детищ — индивидуализма, прогресса и политической демократии. Выдвинуть же сколько-нибудь убедительный альтернативный миф Запад еще не сумел.

Разрушение идеологических мифов, диктовавших международно-политическое поведение ведущих стран в течение большей части послевоенного периода, означает эрозию и подрыв идеологической базы того противостояния, которое привело к расколу мира на два противоборствующих лагеря.

На первый взгляд, крах марксизма-ленинизма как бы возвестил об окончательной смерти всякой идеологии. Это дало повод некоторым псевдопророкам заявить о «конце истории» и наступлении новой эры прагматического либерализма. Под сомнение поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов. Возникает множество вопросов. Способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «изм» заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем? При поисках ответов на эти и другие вопросы необходимо исходить из признания того, что идеологии, призванные служить в качестве связующих скрепов человеческих сообществ, не могут насовсем исчезнуть, неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, но они примут иные очертания.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Имеет место усиление чувства неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации. Поэтому неудивительно, что у формирующегося нового мирового порядка множество скрытых аспектов, чреватых непредсказуемыми последствиями.

Эти последствия накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д. Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли, способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира. В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных потребностей и желаний. Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С.Даннелс, является продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности, восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т.е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества. Он осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает ни дисциплины, ни авторитета отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей, на службу наслаждений. По справедливому замечанию М.Шелера, *«образ жизни, ориентированный только на наслаждение, представляет собой явно старческое явление как в индивидуальной жизни, так и в жизни народов»*.

Поскольку потребности постоянно воспроизводятся, люди не могут окончательно удовлетвориться своим положением. Поэтому не случайно, что приверженцы постмодернизма назвали современное западное общество «неудовлетворенным обществом» (dissatisfied society). Как писали представители этого течения А.Геллер и Ф.Фезер, это понятие призвано осветить специфику современного западного общества в контексте производства, восприятия, распространения и удовлетворения потребностей. Современные формы производства, восприятия и распространения потребностей усиливают неудовлетворенность, независимо от того реализуется реально или нет та или иная конкретная потребность. Более того, всеобщая неудовлетворенность действует в качестве сильнейшего мотивационного фактора воспроизводства современных обществ.

Человек не имеет будущего без мифа, без мифологии. Казалось бы современный западный мир строится на демифологизации, развенчании сакрального, секуляризации. Поэтому американский исследователь П.Бергер не без оснований говорил о *«повсеместно распространившейся скуке мира без бога»*. При такой ситуации возникает множество вопросов. Смогут ли люди, общества, сообщества выжить и действовать в долговременной перспективе? Где найти те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных скрепов новых инфраструктур? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах, и не противоречит ли этот всплеск процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли перспектива окончательного преодоления религии в процессе модернизации и связанной с ней секуляризации сознания ложной?

И действительно, на первый взгляд парадоксально выглядит сам феномен «возвращения священного» и «нового религиозного сознания» в секуляризованное общество. Но парадокс ли это? Не переоценили ли исследователи степень секуляризованности общества и ее необратимости? Не является ли «возвращение священного» оборотной стороной секуляризации?

Наше время не благоприятно для полета гуманитарной мысли. Компьютеризация гуманитарного знания — путь, ведущий к его обеднению, упрощению, потере трагического мироощущения и насаждению квантитативного, сугубо бухгалтерского отношения к мировым реальностям. Не случайно восхождение и утверждение гегемонии компьютера совпали с прогрессирующим захирением гуманитарного мировидения. Именно благодаря компьютеру в сознании современного человека удивительным образом сочетаются вместе всезнание и неосведомленность, чувство всемогущества и вопиющей неуверенности.

Всевозрастающий эзотеризм научных знаний ведет к тому, что каждый может ориентироваться только в собственной узкой сфере. Широкое распространение образования парадоксальным образом сочетается с фрагментацией, диверсификацией, расчленением знаний и потерей способности целостного, всеохватывающего мышления. Но это не означает потерю потребности людей в целостности, органичности восприятия мира.

Проводя четкое различие между религией как формой веры в сверхъестественное и религиозностью как сферой воображаемого, известный американский философ Дж.Дьюи усматривал смысл и назначение последнего в том, чтобы задавать перспективу различным фрагментам человеческого существования. Это в значительной мере определяется тем, что в важнейших своих аспектах наша жизнь зависит от сил, лежащих вне нашего контроля. В данном контексте парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т.д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в современных условиях возрождаются, мимикрируя и приспосабливаясь к новым реальностям, как идеологии национал-социализма и большевизма, правого и левого радикализма, так и более уважаемые конструкции консерватизма и либерализма.

При распаде мифологии прогресса и эрозии влияния традиционных религий места коллективных идеалов и мобилизующих мифов остаются «вакантными». Поэтому прав был папа Иоанн Павел II, который говорил: *«Там, где человек не опирается более на величие, которое связывает его с трансцендентностью, он рискует допустить неограниченную власть произвола и, псевдоабсолютов, которая уничтожает его»*. Ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчение, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «нация», теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой стороны, к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам.

В условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал М.Хайдеггер, *«бездомность становится судьбой (современного) мира»*. При таком положении для многих дезориентированных масс людей национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. В данном контексте не случайным представляется всплеск так называемых «возрожденческих» движений в исламском и индуистском мире, национализма и партикуляризма почти во всех регионах земного шара.

При этом важно отметить, что фундаментализм с его ударением на идеи возврата к «истокам», разделением мира на «наших» и «чужих» бывает не только исламским, как нередко изображают, но также протестантским, православным, либеральным, большевистским и т.д. Все они представляют собой своего рода реакцию против тенденций нарастания сложности и секуляризации социального мира.

В этом контексте следует рассматривать и традиционалистские движения. В условиях растущей интернационализации и космополитизации особое звучание приобретает мысль американского поэта Э.Паунда о том, что *«традиция — это красота, которую мы оберегаем, а не оковы, которые нас удерживают»*. Нельзя считать традицию, принадлежащей всецело прошлому, ограниченной во времени и пространстве и не имеющей ничего общего с сегодняшним днем. Традиция, воплощая сам дух народа, призвана внести универсальный смысл в историческое бытие данного народа, в его место и роль в сообществе всех остальных народов. В то же время необходимо учитывать, что такие явления, как религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех ее проявлениях некорректно объяснять с помощью таких понятий, как «возрождение», «пережитки» и т.д. Это, по сути дела, новые явления, порождения нашей же эпохи с той лишь разницей, что используют терминологию, заимствованную из лексикона прошлого. И этот факт не должен вводить нас в заблуждение.

Все сказанное создает благоприятную почву для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, а с другой стороны, универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и т.д. идей, установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности. Это со всей очевидностью говорит о том, что в формирующемся новом миропорядке идеологии отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, существенно влияющего на характер и направления развития мирового сообщества.

8.5. Национализм как идеология

Идейно-политическому обоснованию национального государства в течение последних двухсот лет служил и продолжает служить национализм. Национализм и идеология теснейшим образом связаны друг с другом, дополняют и стимулируют друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно и выражали интересы поднимающегося третьего сословия или буржуазии, что, в сущности, на начальном этапе представляло собой одно и то же. В XX столетии оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т.д., по сути дела, использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил. В Советском Союзе идеология интернационализма была поставлена на службу защиты государственных интересов и, став фактически государственной идеологией, выполняла, как это не парадоксально, роль и функции национал-социализма в гитлеровской Германии.

Большинство авторов признают, что XIX в. является периодом «сотворения национализма». Однако нет единого мнения, что понимать под национализмом. Еще английский исследователь прошлого века У.Бейджот отмечал: *«Мы знаем, что это (национализм) такое, когда нас об этом не спрашивают, но мы не можем без запинки объяснить или определить его»*. Существует также мнение, которое вообще ставит под сомнение сам факт существования национализма как реального феномена. Например, известный современный английский исследователь Э.Хобсбаум утверждал, что *«национализм требует слишком большой веры в то, что не существует»*.

Вместе с тем были и такие авторы, которые, будучи убежденными в реальности и силе национализма, выступали с радикальными лозунгами предоставления всем нациям возможности создать собственное государство. Так, в определенной степени выражая популярные в тот период умонастроения, швейцарский исследователь международного права И.К.Блюнчли писал в 1870 г.: *«В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе»*.

Поэтому понятно, почему споры и дискуссии по данному вопросу в наши дни не только не прекратились, но и приобрели новый импульс. Они концентрируются вокруг вопросов о том, что такое национализм и национальная идея, когда они возникли, какую роль (положительную или отрицательную) сыграли в общественно-историческом процессе, какова их роль в современном и грядущем мире, что первично — нация или государство, как они соотносятся друг к другу и т.д.

Не совсем верно рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех ее проявлениях только через призму истории, как некие реликты прошлого, несовместимые с настоящим и тем более с будущим. Причем зачастую, не имея четкого представления о природе появления этих феноменов в современных реальностях, их изображают в качестве неких возрождений или пробуждений, давно преодоленных тем или иным сообществом феноменов. Говорят, например, о возрождении религиозного фундаментализма, национализма, традиционализма и т.д. В результате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих почвы в современном мире. При этом часто предают забвению то, что каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные «измы», например собственные либерализм, консерватизм, радикализм и т.д., нередко присовокупляя к ним префикс «нео». В действительности же в большинстве случаев мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реальностями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого. Чтобы убедиться в этом достаточно сравнить между собой консерватизм конца XX века с его прототипом прошлого века или классический либерализм XIX в. с современным социальным либерализмом.

На первый взгляд парадоксально может звучать утверждение, что национализм при всей своей внешней обращенности в прошлое, традициям, мифам и т.д. является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного государства. То, что национализм и промышленная революция порой как бы противопоставляли себя друг другу, никоим образом не должно вводить в заблуждение.

Хотя некоторые авторы и говорят, что нация представляет собой феномен, старый как сам мир, национально-государственное строительство началось с Ренессанса и Реформации. Оно было стимулировано кризисом Священной Римской империи и противоборством между возникавшими одной за другой монархиями. Но все же в современном понимании сами понятия «нация», «национализм», «национальное государство», «национальная идея» сложились только в XVIII–XIX вв.

И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь в течение последних примерно 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в том числе и международных. Как выше отмечалось, Германия и Италия вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в. Целый ряд национальных государств — Югославия, Чехословакия, Финляндия, Польша, прибалтийские страны и др. — появились на политической карте современного мира лишь после первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской, Османской и отчасти Российской империй.

Сама проблема нации и национализма стоит в точке пересечения социально-экономических, технологических и политических изменений. Очевидно, что формирование национального языка невозможно рассматривать вне контекста этих изменений, поскольку его стандарты могли формироваться только после появления книгопечатания, развития средств массовой информации и массового образования.

Не случайно национализм первоначально отождествлялся с восхождением буржуазии и капитализма. Поэтому прав Э.Геллнер, который утверждал, что национализм — это *«не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, хотя он представляет себя именно таковым. В действительности он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобщественные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»*.

Но опять же парадокс состоит в том, что ряд важнейших установок национализма, особенно те, которые призваны обосновать притязания или требования национального самоопределения всех без исключения народов на началах создания самостоятельных национальных государств, на первый взгляд, противоречат тенденциям современного мирового развития. Тем не менее в глазах миллионов и миллионов людей он сохраняет притягательность и в этом качестве служит мощным мобилизирующим фактором. Но такова участь всех великих мифов, верований и идеологий. Ведь до сих пор среди исследователей, занимающихся данной проблематикой, нет единого мнения относительно того, что было раньше — национализм, нация или национальное государство. В этой связи ряд авторов совершенно справедливо указывают на то, что лишь в нескольких странах образование нации послужило основой государственного строительства. Речь идет прежде всего об Италии, Германии и Греции. Как отмечал Г.Ульрих, специалисты до сих пор не могут прийти к согласию относительно того, что именно преобладало в процессе объединения Италии: государственное строительство под руководством Кавура или же становление новой нации — процесс, который возглавили Мадзини и Гарибальди. Что касается Германии, то здесь задолго до объединения существовало сильное национальное движение. Нельзя не признать, что во многом объединенная Германия явилась детищем железного канцлера О.Бисмарка.

Многие исследователи не без основания отмечают, что не нации создают государства и национализм, а наоборот, они создаются государством. По-видимому, есть резон в позиции Э.Геллнера, который считает, что *«именно национализм порождает нации, а не наоборот»*. И действительно, во многом прав известный английский экономист и историк Э.Хобсбаум, который подчеркивал, что нации представляют собой *«дуалистический феномен, создаваемый преимущественно сверху, но который невозможно понять без изучения процессов, шедших снизу, т.е. без чаяний, надежд, потребностей, желаний и интересов простонародья, которые не всегда были национальными, но от этого не становились менее националистическими»*.

В данной связи показательны, что распространение рыночных отношений, расширение зон свободной торговли, с одной стороны, ведут к сближению и усилению интеграции стран, а с другой стороны, поощряют изоляционистские силы, способствующие к воскрешению национализма и этнических конфликтов.

Как показывает исторический опыт, национализм может выступать в качестве фактора мобилизации народов на борьбу за свое освобождение, источника творческого порыва. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что националистическая идея миропорядка оказалась довольно устойчивой в течение последних полтора–двух столетий. В то же время он может служить в качестве катализатора разного рода конфликтов, холодных и горячих войн.

Для правильного понимания данной проблемы необходимо учесть, что национализм прежде всего социокультурный феномен, имеющий много общего с религией и идеологией и в некоторой степени определяющий контуры видения мира. Во многих случаях он выступает лишь в качестве своеобразной оболочки для реализации иных интересов и мотивов, например, стремления участвовать в дележе материальных ресурсов, завоевании власти и авторитета, преодолении психологических и идеологических комплексов и т.д. И соответственно он интегрировал в себя традиционные мифы и символы, но использовал их для защиты и обоснования новых феноменов в лице национального государства.

Привлекательность национализма состоит в его способности превращать совершенно банальные, повседневные, с точки зрения постороннего человека, действия в источник национальной гордости, усматривать в них элементы проявления свободы и самовыражения. Чувство принадлежности к собственному сообществу придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет взаимную ответственность и сопричастность, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения.

Особую значимость национализму придает то, что он способен абсорбировать личное недовольство, личную неудовлетворенность отдельного индивида. По-видимому, не лишены оснований доводы тех исследователей, которые считают, что индивид может *«чувствовать себя защищенным в мире исторических традиций, создававших ощущение укорененности и почти племенной принадлежности»*. Люди обращаются к национализму, когда они озабочены проблемой придания смысла собственной жизни. С усложнением, модернизацией, космополитизацией, обезличением общества и соответственно потерей корней эта потребность не только не уменьшается, а при определенных условиях может многократно усиливаться. Показательно, что порождаемые этими процессами и феноменами условия размывания естественных общностей в лице семьи, общины, этноса, нации способствуют выдвиганию на первый план потребности, стремления присоединиться к разного рода искусственным, фиктивным, ложным общностям, таким как партии, религиозные секты и т.д.

Новейшие тенденции общественно-исторического развития чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и мирским. Национализм же несет в себе обещание восстановить нормальный порядок, все снова поставить на свои места и освободить людей от страха перед современностью, а также трудной и мучительной необходимостью самим принимать решения. Данный момент приобретает особую значимость, если учесть, что каждой стране и каждому народу предстоит состязаться с другими странами и народами, чтобы занять лучшие позиции в формирующемся новом мировом порядке. Поэтому неудивительно, что одним из факторов, диктующих положение в новых геополитических реальностях, стал пребывавший до недавнего времени в латентном состоянии, но агрессивно заявивший о себе национализм. Ныне, как образно выразился английский исследователь Э.Хобсбаум, *«сова Минервы парит над нациями вместе с национализмом»*.

В нашем веке имели место три периода всплеска национализма, совпавшие с образованием новых государств и получением независимости многими ранее зависимыми странами: первый — сразу по окончании первой мировой войны; второй — после второй мировой войны, за которой последовали распад колониальных империй и образование множества независимых стран Азии и Африки; третий — период антикоммунистических революций в Центральной и Восточной Европе, а также распад советского блока и самого СССР.

Несомненно, что мирные договоры, в совокупности составившие Версальско-Вашингтонскую систему после первой мировой войны, внесли существенный вклад в национально-государственное строительство. Одним из общепризнанных принципов, как было объявлено на Версальской мирной конференции в 1919 г., является признание права наций на самоопределение. Согласно этому принципу, на месте распавшихся многонациональных империй предусматривалось создать множество самостоятельных национальных государств. Следует отметить, что уже в тот период обнаружились почти непреодолимые трудности на пути реализации этого принципа.

Во-первых, на практике он был выполнен лишь в отношении некоторых народов Оттоманской и Австро-Венгерской империй, потерпевших поражение в войне, а также в силу ряда обстоятельств (большевистская революция и гражданская война) в России. Но и здесь необходимо внести целый ряд коррективов. Так, в Севрском договоре были учтены и признаны права и притязания курдского народа, в частности предусматривалось перераспределение территорий в их пользу. Однако договор не был ратифицирован, а в договоре, заключенном в Лозанне в 1923 г., в сущности игнорировались положения Севрского договора, касающиеся курдов. В результате последние не получили своей государственности. Что касается новых государств, образовавшихся в Европе, или государств, увеличивших свои территории, то лишь несколько из них можно было назвать национальными в собственном смысле слова. Это — Польша, Финляндия, прибалтийские страны. Чехословакия стала государственным образованием, сформировавшимся в результате соединения двух народов — чехов и словаков, а Югославия — нескольких народов: сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев-мусульман.

Во-вторых, в восточно-европейских странах сохранились значительные национальные меньшинства, не сумевшие получить свою государственность. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что зачастую границы новообразованных национальных государств проводились исходя из стремления ослабить побежденные государства — Германию, Венгрию, Австрию, а не желания полностью удовлетворить этнонациональные критерии. По мнению некоторых наблюдателей, само образование маленькой Австрии являлось нарушением принципа национального самоопределения, поскольку большинство жителей этой страны предпочитало аншлюс, т.е. слияние с Германией. Население созданной Чехословацкой республики состояло из 64,8% чехов и словаков и 23% немцев. В Польше проживало 69,2% поляков, 14,8% украинцев, 7,8% евреев, 3,9% немцев и 3,9% русских. В Латвии доля титульной нации составляла 73,4%, в Литве — 80,1% и Эстонии — 87,6%. Лишь в Финляндии шведы составляли незначительное меньшинство. Другими словами, принцип национального самоопределения был реализован в отношении титульных народов этих стран, что отнюдь не скажешь об их национальных меньшинствах.

В-третьих, в многонациональной Российской империи, несмотря на выход из нее Финляндии, Польши и прибалтийских стран, процесс самоопределения народов был прерван в самом начале и оказался отложенным более чем на семь десятилетий.

В-четвертых, заправила Версальской конференции даже не ставили на обсуждение вопрос о предоставлении независимости народам, победившим в войне с колониальными империями Великобритании и Франции.

Мощный импульс национализм получил в ходе второй мировой войны и после ее окончания. Началось широкое национально-освободительное движение колониальных и зависимых народов, в результате которого произошел распад колониальных империй и образование большого числа новых независимых государств.

В наши дни мир стал еще теснее, но разнородные национальные, культурные, религиозные или иные группы в рамках или вне рамок существующих сообществ требуют для себя автономии. Так, мы являемся свидетелями мирного распада Чехословакии на два самостоятельных государства и братоубийственной кровавой трагедии, сопутствовавшей распаду Югославии.

Событиями всемирно-исторического масштаба, приведшими к переустройству самого мирового порядка, стали распад Советского Союза и образование на его обломках полтора десятка новых государств. Сочетание этих противоречивых тенденций сопряжено со сложностями их совмещения в рамках существующих политических систем, привязанных к модели национального государства. Это создает благоприятную почву для появления новых и обострения старых конфликтов.

Следует иметь в виду, что во многом цивилизации, мировое сообщество, всепланетарная цивилизация представляют собой абстрактные категории, а не конкретные политические образования. Они не имеют собственных границ, пределов юрисдикции, официальных институтов и руководителей, полномочных принимать решения и реализовывать их, не обладают контролем над ресурсами и т.д. Всеми этими атрибутами обладает национальное государство. Государства могут мобилизовывать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и многое другое, что не под силу, во всяком случае в обозримой перспективе, цивилизации или какому-либо иному культурному кругу.

Сила национализма как раз состоит в том, что он органически соединяет индивидуальные социокультурные приверженности людей с государством, которое способно действовать, в том числе в плане защиты и гарантии сохранения национально-культурной идентичности народа. По-видимому, и в будущем конфликты будут возникать между государствами по поводу государственного суверенитета, расчленения, консолидации государств, а также между различными группировками, выступающими за создание собственного самостоятельного государства. Разумеется, не исключаются и конфликты на разломах цивилизаций и между цивилизациями.

Парадокс современного мира состоит в том, что всплеск национализма происходит на фоне почти полного отсутствия национально однородных государств. Последние составляют скорее исключение, чем правило. Особо важное значение имеет то, что не все существующие в настоящее время народы и этносы способны создавать и поддерживать самодостаточные и сколько-нибудь жизнеспособные государственные образования. К тому же в современном мире по большому счету нет и не может быть полностью независимых от внешнего мира в смысле полной самодостаточности стран. Поэтому неудивительно, что большинство стран являются, по сути дела, многонациональными. Во многих из них роль доминирующей нации в той или иной форме и степени оспаривается другими национальными группами. Более того, существует множество народов без собственной государственности. Как показывает исторический опыт, территориальный подход редко приводит к сколько-нибудь удовлетворительному разрешению национального вопроса. Албанцы в Сербии, венгры в сопредельных государствах, курды в Ираке, Турции, Иране и Сирии — ни что иное как следствие Версальско-Вашингтонской системы. Эти проблемы настолько сложны, что никакая перекройка не поможет, лишь еще более усугубит ситуацию.

В наши дни национальные и этнические конфликты не всегда поддаются удовлетворительному урегулированию путем изменения национальных границ. Как показал опыт распада Югославии и СССР, решение одних проблем зачастую чревато появлением новых, еще более сложных и трудноразрешимых проблем. Если бы все существующие в современном мире нации, народы, этносы претендовали на создание собственных независимых государств и попытались бы реализовать эти претензии, неустойчивость миропорядка многократно усилилась бы и само существование многих государств было бы поставлено под вопрос.

На земле существует огромное число потенциальных наций, несомненно во много раз превосходящее возможное число потенциальных государств. По некоторым данным, в настоящее время в мире насчитывается 8000 языков, не считая диалектов. Потенциальное число новых национальных государств исчисляется десятками, но никак не сотнями. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые убедительно обосновывают мысль о невозможности удовлетворения интересов всех без исключения этносов, во всяком случае в полном объеме и одновременно.

Реализация интересов одного этноса слишком часто задевает интересы другого этноса (нередко и не одного). К тому же многие этносы во всех регионах земного шара либо малочисленны, либо уже живут не компактными группами, а перемешаны друг с другом и поэтому не вправе реально претендовать на создание собственных суверенных национальных государств.

Рост числа государств может стать фактором, способствующим увеличению неопределенности и международной нестабильности. Как показал опыт 90-х годов, распад сколько-нибудь многонационального государства может привести к распаду устоявшихся властных структур и нарушению баланса власти и интересов, а это, в свою очередь, к росту неопределенности и неустойчивости. События на постсоветском и постюгославском пространствах показывают, что такой распад чреват непредсказуемыми кровавыми последствиями, в которых даже в долгосрочной перспективе проигрыш для большинства вовлеченных сторон явно перекрывает все возможные приобретения.

Этот факт приобретает особую значимость, если учитывать, что на смену характерной для биполярного периода определенности приходит неопределенность, способная питать недоверие стран и народов друг к другу. Следует отметить и то, что нередко национальные движения, в идеологии которых преобладает этническое начало, довольно быстро исчерпывают свой мобилизационный потенциал. Более того, они создают благоприятную почву для утверждения авторитарных и тоталитарных режимов.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая идеология?
2. Какую роль она играет в сфере международных отношений?
3. Почему XX столетие называют «веком идеологии»?
4. Что понимается под идеологическим или системным конфликтом?
5. В чем состоят причины раздела мирового сообщества послевоенного периода на «три мира»?

6. Каковы особенности идеологических конфликтов в постбиполярном мире?
7. Почему национализм рассматривается как разновидность идеологии?

9. КРИЗИС ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРА

9.1. Понятие парадигмы

Любое человеческое сообщество, любая цивилизация или крупная держава, показавшая свою пригодность к истории, основывается на особом, присущем только ей идеале или центральной, осевой идее. Когда эти идеал или идея подвергаются эрозии или подрываются, сообщество, цивилизация, держава обречены на исчезновение либо радикальную трансформацию. Опыт истории свидетельствует, что как только начинают подтачиваться духовный и культурный стержни — основополагающие скрепы цивилизации, можно говорить о начале ее заката.

Социальные рамки любого сообщества людей, будь то национальное государство, религиозная деноминация, профсоюз, университет или что-либо другое, подпадающее под данную категорию, не просто обеспечивают нас средствами для удовлетворения материальных потребностей и гарантируют личную безопасность, но и придают определенный порядок жизни, устанавливают моральные нормы, обычаи, формы поведения и т.д. При всей множественности последних, люди, живущие в едином социокультурном и политико-культурном пространстве, нуждаются в некоем комплексе общих для них ценностей, норм, установок и т.д., которые в совокупности обеспечивают *modus vivendi* всех членов общества.

Этот комплекс, определяющий содержание и направленность общественного сознания и общественно-политической мысли, называют парадигмой. Под парадигмой понимается не социально-философская или какая-либо иная теория или течение мысли, а фундаментальная картина социального универсума, включающая комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском, т.е. комплекс, составляющий как бы субстрат важнейших концепций, теорий, течений данного исторического периода. Парадигма — это модель «законной» общественно-политической системы, форм, целей и средств ее существования.

Человек как представитель определенной исторической эпохи имеет свои особые личностные параметры и характеристики, и именно через них он воспринимает остальных членов общества как своих современников и партнеров по общению и жизнедеятельности. Эти параметры и характеристики соответствующим образом интегрируются в общественно-политическую парадигму.

Главное предназначение парадигмы — интерпретация значимых для субъекта реалий социальной действительности, их оценка и ориентация в этой действительности. Формируясь и существуя в системе реальных общественных отношений, парадигма приобретает в определенной степени функции своего рода регулятора и координатора деятельности людей. Она призвана обеспечить мировоззренческие и ценностно-нормативные рамки для объединения людей, их интегрирования в единые сообщества.

Сформировавшаяся и утвердившаяся в данном сообществе в конкретный исторический период парадигма включает в себя признанный всеми или большинством интеллектуальных и социально-политических сил понятийно-категориальный аппарат, важнейшие элементы которого более или менее адекватно отражают и интерпретируют существующие экономические, социальные, политические и иные реалии. Парадигма формируется и развивается путем выдвижения альтернативных гипотез и теорий, концепций и идей, преодоления одних и синтеза других основоположений.

Каждая общественно-историческая эпоха вырабатывает собственную, характерную только ей парадигму. При смене парадигм происходит пересмотр всех ценностей, норм и установок, всей системы миропонимания людей. Иначе говоря, суть появления, трансформации и исчезновения человеческих сообществ или цивилизаций выражается в ницшеанской формуле: *«переоценка всех ценностей»*.

Великая трансформация, которая привела к формированию капиталистической системы, пришедшей на смену феодализму, естественно имела своим следствием возникновение и утверждение новой системы миропонимания, или *Weltanschauung*, которая перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, их сущности и взаимоотношениях. Эта система начала формироваться на территории бывшей Западной Римской империи, охватив затем весь англосаксонский мир, в том числе и Северную Америку.

Ее основу составили западное христианство, ренессансная и реформационная культурные традиции, Просвещение и связанные с ними социально-философские и общественно-политические учения. Эта система в процессе своего формирования вобрала в себя самые разнородные и зачастую, казалось бы, несовместимые друг с другом элементы: переработанные в свете научных достижений конца средневековья и Нового времени идеи античного и средневекового республиканизма, естественного права, рационализма, *laissez faire*, принципы рыночных отношений и т.д. Главная же суть новой системы миропонимания в рассматриваемом здесь контексте состояла в утверждении и легитимизации качественно новых отношений между человеком, обществом и государством. Социально-философские и идейно-политические аспекты данной проблемы довольно подробно изучены в нашей литературе. Здесь отметим лишь то, что под видом концепции модернизации идея прогресса, выдвинутая Просвещением, была принята всей совокупностью социальных и гуманитарных наук. Идея модернизации и соответственно прогресса воспринималась как неизбежный и необратимый феномен сначала евроцентристской цивилизации, а затем и всего современного мира.

С учетом изложенного в предыдущих разделах можно сказать, что сейчас мы переживаем процесс переоценки ценностей и самой парадигмы, разработанных в рамках евроцентристского мира, и формирования новой парадигмы, соответствующей реальностям современного многополярного мира, равновеликими субъектами которого выступают как Запад, так и Восток, как Север, так и Юг. Одновременно и одной из важнейших причин, и результатом, и важнейшим проявлением этих трансформаций является кризис евроцентристского мира.

9.2. Проблема энтропийности цивилизации

Выше много говорилось о возвышении и упадке цивилизаций и империй. Рассмотрим коротко те основополагающие факторы, которые помогут нам правильно понять движущие пружины цивилизационного кризиса вообще и евроцентристской цивилизации в частности.

Считается, что в эволюции мироздания имел место один особый случай разрыва симметрии, а именно разрушение временной симметрии в момент возникновения вселенной. Время приобрело направление и стало необратимым. Разрешение загадки времени было сопряжено с раскрытием рокового значения слов «прошедшее», «настоящее» и «будущее» с их строго односторонней направленностью и неумолимой необратимостью. С появлением знаменитого второго закона термодинамики в физике впервые утвердилось понятие «стрела времени», означающее эту необратимость.

Термодинамика основана на различии между обратимыми процессами, зависимыми от направления времени, и необратимыми процессами, которые от него не зависят. С ними связано и понятие энтропии, которое, как подчеркивали И.Пригожин и И.Стенгерс, *«для того и было введено, чтобы отличать обратимые процессы от необратимых: энтропия возрастает только в результате необратимых процессов»*.

Суть идеи об энтропии применительно к социально-историческому миру состоит в том, что все происходящее в нем совершается один единственный раз и никогда больше не повторяется. Это открытие позволило по-новому подойти к проблеме детерминированности и случайности естественных и социальных процессов. Было установлено, что фундаментальные естественные и общественно-исторические явления помимо детерминированных процессов содержат значительный вероятностный элемент. Ньютоновская механистическая картина мира рассматривала эти явления как строго детерминированные и обратимые. Ее основополагающий тезис гласил, что мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам.

Однако этот тезис оказался упрощенным и ошибочным, поскольку обнаружилось, что в природе существенную роль играет реальная необратимость, лежащая в основе большинства процессов самоорганизации. Обратимость и жесткий детерминизм в окружающем нас мире характерны только для простых предельных случаев. Что касается человеческих сообществ, то они представляют собой сложные, открытые и нелинейные системы, способные к самоорганизации. Как известно, нелинейные уравнения в математике могут иметь несколько качественно различных решений. Подобным же образом нелинейность в социальном мире дает не один предопределенный, а несколько альтернативных путей развития.

Как отмечали Е.Н.Князева и С.П.Курдюмов, *«открытость системы означает наличие в ней источников и стоков, обмена веществом и энергией с окружающей средой. Причем, когда речь идет об источнике, обычно возникает образ некоего точечного или, во всяком случае, локализованного источника. Например, ключ дает начало ручью и далее, возможно, полноводной реке. Иначе обстоит дело в случае самоорганизующихся систем. Источники и стоки имеют место в каждой из таких систем. Это, как говорят, — объемные источники и стоки. Процессы обмена происходят не только через границы самоорганизующейся системы, но и в каждой точке данной системы»*.

Здесь необратимость и случайность являются не исключением, а общим правилом. Поэтому очевидно, что сложнорегулируемым системам, какими являются человеческие сообщества, нельзя навязывать пути их развития. Для них существуют несколько альтернативных путей развития.

Необходимо отметить также то, что необратимость социально-исторических процессов теснейшим образом связана с феноменом энтропии. В данном контексте интерес представляет следующая аналогия И.Пригожина и И.Стенгерс. *«Для классической механики,— писали они,— символом природы были часы, для индустриального века таким символом стал резервуар энергии, запас которого всегда грозил иссякнуть. Мир горит как огромная печь; энергия, хотя она и сохраняется, непрерывно рассеивается».*

Это не меньше верно и по отношению к социальному миру. Энтропия Вселенной в значительной мере связана с таинственным феноменом «черных дыр». Однако возникают вопросы: что такое энергия для социального мира? Что понимается под социальной энтропией? Каковы их источники и причины? Ответить на эти вопросы трудно, а может быть и невозможно, точно так же, как на вопрос о таинстве и первоосновах жизни.

Все же в данном контексте энергию можно было бы обозначить как нечто вроде апейрона у Анаксимандра. Это одно из основополагающих понятий античной метафизики, которое нельзя точно перевести ни на один из современных языков. Оно означало нечто, не имеющее каких-либо зримых и измеримых границ и величин, т.е. нечто безмерное, лишенное числового выражения, формы и т.д., нечто вневременное и внепространственное — волю, потенцию, возможность, которые могут или не могут при определенных условиях конкретизироваться в реальных сущностях. Это то, что Х.Ортега-и-Гассет называл «биологической витальностью», «жизненной силой», которая подобна силам космическим. *«Это не сама космическая сила, неприродная, но родственная той, что колышет море, оплодотворяет зверя, покрывает дерево цветами, зажигает и гасит звезды».*

Применительно к обществу и общественному началу эту силу можно определить как духовную стихию, как своего рода витальную силу (или энергию), которая каждый раз вполне определена, конкретна и служит в качестве базовой инфраструктуры принципа самоорганизации и самосохранения общества. Она есть движущая основа динамики общества, качества самоорганизации динамических процессов. Эта витальная сила, или энергия, по-видимому, имеет самое непосредственное отношение к судьбам любого социального мира. В процессе исторической жизнедеятельности последнего определенная часть ее постоянно утрачивается, увеличивая удельный вес непредвиденных и непредсказуемых последствий.

Выше уже говорилось, что каждая цивилизация основывается на определенном осевом идеале (идее), который в свою очередь включает некий комплекс системообразующих ценностей и норм, составляющих парадигму этой цивилизации. Используя аналогию О.Шпенглера, можно сказать, что процесс постоянной реализации идеала такой же, как становление жизни, а результат этого процесса неумолимо связан со смертью, таит в себе смерть. Как отмечал О.Шпенглер, *«все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы и культуры, но также целые цивилизации».*

Процесс всякого развития необходимо рассматривать и оценивать с учетом его естественных возможностей и пределов. *«Развитие процессов в современном мире,— писал лауреат Нобелевской премии, изобретатель голографии Д.Габор в 1978 г.,— происходит в основном по экспоненте. Однако лишь в математике показательная функция стремится к бесконечности. В реальной жизни для этой зависимости характерно или резкое падение, или постепенное приближение к некоторому пределу. Мы, как люди думающие, должны стремиться ко второму варианту, хотя это неизбежно поставит новые, весьма непростые вопросы».*

Постоянное развитие цивилизации возможно лишь при наличии неограниченных духовных и материальных ресурсов. А так как ни одна цивилизация не обладает беспредельной созидательной энергией, то ее возможности в конце концов исчерпываются, и она либо умирает, либо трансформируется.

Каждая цивилизация располагает свободой осваивать и использовать земные ресурсы до тех пор, пока она не натолкнется на то, что С.Лем назвал «информационным барьером». Суть его состоит в следующем: *«Переход от одних, исчерпывающихся источников энергии к новым — от силы воды, ветра и мускулов к углю, нефти, а от них в свою очередь к атомной энергии — требует предварительного получения соответствующей информации. Только тогда, когда количество этой энергии переходит через некоторую “критическую точку”, новая технология, созданная на ее основе, открывает нам новые запасы энергии и новые области деятельности».*

Если, например, к концу XIX в. были бы исчерпаны запасы угля и нефти, то сомнительно, добрались бы мы в середине XX в. до технологии атома. Во-первых, общество должно располагать соответствующими энергетическими ресурсами и временем для получения информации, которая откроет ему путь к новой энергии. Во-вторых, обществом должна быть осознана необходимость добывания такой информации в качестве задачи, главенствующей над всеми другими. При этом кризис цивилизации может оказаться болезнью роста или перевоплощения, родовыми муками, чреватый высвобождением новых творческих сил. В противном случае общество исчерпает все доступные ему запасы энергии, прежде чем научится эксплуатировать новые формы и источники энергии.

9.3. Что понимается под кризисом евроцентристского мира?

Какое отношение все это имеет к рассматриваемой здесь теме? В конце XIX–начале XX в. наметились качественно новые черты в социально-политическом развитии капитализма. Так называемый свободно-предпринимательский капитализм, господствовавший в период промышленной революции в большинстве наиболее индустриально развитых стран Запада, перерос в корпоративный или государственно-корпоративный капитализм.

Считалось, что при свободно-предпринимательском капитализме решающую роль в производстве материальных благ играют индивидуальные мелкие, средние и крупные предприниматели, которые, вступая друг с другом в отношения свободной, ничем не ограниченной конкуренции, обеспечивают оптимальное развитие экономики и материальное благосостояние всего общества.

Государству, во всяком случае в теории, отводилась роль постороннего наблюдателя, который якобы не должен вмешиваться в свободную игру рыночных сил, а призван лишь обеспечивать необходимые условия для эффективного проявления и функционирования этих сил. Предполагалось, что невидимая рука рынка сама по себе без вмешательства посредников в лице будь то государства, партий или отдельных лиц способна навести порядок в экономической и социальной сферах.

Господствовал принцип — «каждый за себя». Успех в предпринимательской сфере рассматривался как признак избранности человека, его состоятельности, дееспособности и эффективности. Такая установка в конечном итоге привела к утверждению в сознании наиболее удачливых предпринимателей и бизнесменов идеи о выживаемости наиболее приспособленных к жизни. Особенно притягательной эта идея оказалась для крупных капиталистов, магнатов, создавших огромные корпорации, финансовые и финансово-промышленные империи. В действительности же подобный капитализм никогда и нигде не существовал и не мог существовать. Даже в США, которые в конце XIX–начале XX в. считались классической страной свободно-предпринимательского капитализма, государство, как на федеральном, так и на штатном уровне довольно активно вмешивалось в экономическую и социальную сферы. Так, по мнению многих специалистов, без существенной государственной помощи невозможно было бы строительство широчайшей сети железных дорог, которая внесла огромный вклад в освоение громадного североамериканского континента.

Эволюция капиталистического общества в последние десятилетия XIX в. сопровождалась сужением сферы действия принципов свободной конкуренции и ничем не ограниченного свободного рынка. Это в свою очередь свидетельствовало о четко проявляющемся противоречии между декларируемыми принципами индивидуальной свободы и равенства возможностей и капиталистическими реальностями. Убыстряющимся темпами шел процесс централизации и концентрации производства.

В условиях постоянно обостряющейся конкуренции мелкие и средние предприятия, встречая непреодолимые трудности в борьбе с более сильными конкурентами, оказывались на обочине экономической жизни. Их положение усугублялось появлением разного рода капиталистических объединений в виде корпораций, трестов, синдикатов и т.д., которые так или иначе сосредоточивали в своих руках большую часть производства и сбыта наиболее доходных видов промышленной продукции. Устанавливая монополию в целых отраслях, они обеспечивали свое господствующее положение в экономике соответствующих стран.

В результате в начале XX в. в Германии, например, вся электротехническая промышленность сконцентрировалась в двух крупнейших корпорациях: Всеобщей электрической компании (АЭГ) и компании Сименса–Гальске–Шукерта. По существующим данным, к 1909 г. девять крупнейших банков контролировали 83% всего банковского капитала Германии. В США уже в конце XIX–начале XX в. были созданы финансово-промышленные империи, которые и поныне занимают влиятельные позиции в экономике страны: нефтяная Дж.Рокфеллера, железнодорожная Гульда и Вандербильда, стальная Дж.П.Моргана и др. В Великобритании к 1913 г. 12 крупнейших банков сосредоточили в своих руках 70% всего банковского капитала страны. Аналогичные процессы были характерны и для экономик Франции, России и других крупных стран Европы и Северной Америки.

Иначе говоря, свободно-предпринимательский капитализм стал превращаться в корпоративный или государственно-корпоративный. В итоге стало очевидным, что рынок сам по себе не в состоянии решить множество социальных и экономических проблем, стоящих перед обществом, что, разрешая одни проблемы, он порождает множество новых, не менее сложных и трудно разрешаемых проблем. Обнаружилось, что пропаганда свободной, ничем не ограниченной конкуренции и свободно-рыночных отношений служит интересам узкой группы богатей, финансовых и промышленных магнатов, которые предпочитали руководствоваться законом джунглей, оправдывавшим право сильного подчинять себе, подавлять и уничтожать слабых.

Наметились существенные сдвиги в духовно-нравственном развитии западного общества. Уже со времен Гегеля для европейского сознания стало характерно все большее осознание надвигавшегося кризиса западного мира. Это осознание первоначально нашло таких наиболее ярких глашатаев, как С.Кьеркегор и Ф.Ницше. В конце XIX–начале XX в. многие выдающиеся умы того периода поставили недвусмысленный диагноз прогрессирующей болезни западной рационалистической цивилизации. Чтобы убедиться в широте и популярности подобных умонастроений достаточно просмотреть соответствующие работы О.Шпенглера, Н.Бердяева, К.Ясперса, П.Тиллиха, П.Сорокина, С.Л.Франка и многих других мыслителей XX в. Дух всех этих работ наиболее лаконично и емко выражен в названии известной книги О.Шпенглера «Закат Европы», а также в высказанном П.Сорокиным мнении о том, что *«творческие силы западной культуры увядают»,* что *«солнце западной культуры закатилось».*

Эту же мысль К.Ясперс в несколько иной форме сформулировал так: после первой мировой войны *«появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к рождению нового. Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим».*

Я весьма далек от буквалистского понимания и принятия всего того, что было сказано и написано по этому поводу, поскольку это невозможно правильно оценить без должного учета конкретного контекста. Но все же не могу не согласиться с теми авторами, которые пришли к выводу, в наиболее четкой форме сформулированному П.Сорокиным: *«Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется».*

И действительно, конец XIX–начало XX в. ознаменовались кардинальными сдвигами в общественном сознании и общественно-политической мысли, которые позволяют говорить о переменах эпохального масштаба, поставивших на повестку дня «переоценку всех ценностей», о которой так настойчиво предупреждал Ф.Ницше. Анализ реальных процессов и явлений, определявших облик рассматриваемого периода, убедительно показывает, что речь идет не просто об экономических и политических катаклизмах, которые являются скорее симптомами, нежели причинами более глубоких изменений, затронувших цивилизационные основы жизни, ценностную систему, мораль, культуру, науку, философию и религию.

Как правило, именно переоценка всех ценностей лежит у истоков нового мировоззрения. Применительно к рассматриваемому периоду это наиболее ярко проявилось в важнейших областях научного знания, где были сделаны качественно новые открытия, которые буквально перевернули господствовавшие до того периода представления о материи, пространстве, времени. Они в конечном итоге оказались своеобразными проявлениями сущностной трансформации метафизических и онтологических основ самой человеческой жизни.

Симптомами этой трансформации стали своеобразное расщепление (подобно расщеплению атома), расчленение целостного сознания, возникновение и распространение различных, порой самых причудливых идей, течений, школ в культуре, искусстве, литературе, ставших известными под собирательным названием «дегуманизация искусства», изменение привычных форм жизни, потеря устойчивости, рост неуверенности и т.д., оказавшееся и причиной, и следствием великих мировых катаклизмов XX в.

В сфере сознания предвестниками и свидетелями этих катаклизмов стали «сумерки богов», происшедшая множество раз и во множестве форм «смерть бога» и разбожествление мира. По справедливому замечанию А.Камю, *«вопреки мнению его христианских критиков, Ницше не вынашивал планов убийства бога. Он нашел его мертвым в душе своей эпохи».*

Особо следует здесь говорить о наметившихся к тому времени тенденциях и процессах деперсонализации, определенного, так сказать, надлома сознания людей, его вступление в состояние некоего потока, но не в смысле движения от одного рубежа к другому, а некой флюктуации и разжиженности, при которых оно теряет устойчивость, определенность и предсказуемость.

«Рим — владыка, если богов чтит: от них начало, в них и конец найдем», — писал древнеримский поэт Гораций, имея на то более чем достаточно оснований. Падение с пьедесталов или смерть богов часто знаменует собой упадок и смерть старой и восхождение новой цивилизации. Как правило, народы не долго переживают исчезновение своих богов. Глубоко был прав Г.Лебон, когда писал: *«нет ничего более разрушительного, чем прах умерших богов».*

Банально звучит утверждение, что идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения — истинны они или ложны. Мобилизующие мифы, символы, иллюзии составляли один из могущественных факторов истории. Именно им во многом обязаны своим появлением колоссальные пирамиды и сфинксы в Древнем Египте и гигантские христианские соборы в Европе. Их именем и под их сенью создавались и уничтожались громадные и могущественные империи.

Империи Чингис-хана, Александра Македонского и некоторые другие оказались кратковременными, по-видимому, именно потому, что они не подкреплялись определенной единой религией. Завоеванные народы в этих империях не принуждались к принятию религии поработителей, за ними сохранялись их верования. Главным стимулом завоеваний была материальная добыча. Г.Лебон не без оснований считал, что на судьбы народов глубокое влияние оказывают не столько войны и революции, опустошительные следы которых скоро изживаются, сколько перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование. Настоящие революции, чреватые опасностью для существования того или иного народа, □— это революции, происходящие в его мысли.

Истина состоит в том, что человек создает себе богов и кумиров, но сам он довольно быстро оказывается поработленным ими. Иго обычая и общественного мнения довлело над жизнью всех поколений, исчезнувших в густом тумане истории. Поистине сократовским мужеством и готовностью умереть за это мужество должен был обладать человек, вознамерившийся бросить вызов обычаю и общественному мнению.

Разумеется, это сложный вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь то, что в целом XX в., во всяком случае первую его половину, можно назвать с точки зрения судеб ряда стран и народов периодом затянувшегося, перманентного смутного времени, затронувшего все стороны и аспекты человеческого бытия. В такие времена нередко духовные начала жизни людей и целых человеческих обществ возносятся на новые высоты или же столь нередко духовные ценности отступают на задний план и их творцы сносятся с пьедесталов, нарушаются привычные иерархии их приоритетов. Страх перед крушением привычных образов жизни и неопределенным будущим может и окрылить, и парализовать волю и сознание людей. Как отмечал К.Ясперс, *«все великое есть явление на стадии перехода»*.

В условиях потери ориентиров люди склонны в поисках защиты либо сплачиваться вокруг старых богов, либо возводить на пьедестал новых кумиров и идолов, либо бездумно окунаются в беспорядочный, хаотический поток событий. Именно в такие времена бедствий и переломов создается наиболее благоприятная почва для появления разного рода мечтаний, утопий, проектов о совершенном устройстве мира. И неизбежна беда, возможно вселенских масштабов, если эти мечтания выдвигаются людьми, одержимыми сатанинскими побуждениями насильственного осчастливления людей, побуждениями власти, господства, подчинения всех людей своей воле и т.д.

Поэтому неудивительно, что конец XIX—начало XX в. так богат проектами, идеями, учениями, предлагавшимися в качестве руководства к поискам путей, по которым Запад может и должен идти. Хотя О.Шпенглер ставил своей целью формулирование новой философии, философии будущего, вместе с тем он подвергал сомнению саму возможность какой-либо философии *«на метафизической истощенной почве Запада»*. Но все же большинство мыслителей были убеждены в обратном. Так, выдающийся представитель западноевропейской общественной мысли Э.Гуссерль, назвав создавшуюся в начале XX в. ситуацию в философии «кризисом заблудшего рационализма», предлагал свою феноменологическую философию в качестве средства «вразумления» человечества для его освобождения от этого «заблудшего рационализма». С теми или иными оговорками подобных позиций придерживались такие столпы западной мысли, как М.Хайдеггер, К.Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.

9.4. Пути выхода из кризиса

Не затрагивая сложнейшие проблемы социально-философского и идейно-политического развития эпохи, укажем лишь, что, как показывает исторический опыт, существуют два пути переустройства общества: революционный и реформистский. Поэтому неудивительно, что все выдвинутые в тот период проекты и программы сводились к двум основополагающим альтернативным путям разрешения вставших перед капитализмом проблем: либерально-демократическому реформистскому и тоталитарно-авторитарному революционному. Причем каждый из них имел свои национальные, региональные и системные разновидности.

Ряд ведущих стран, такие как США, Великобритания, Франция, Швеция, Дания, Голландия и другие, избрали путь постепенных социально-экономических и политических преобразований капитализма. При существовавших между ними разногласиях приверженцами реформистского пути преобразования общества выступили все главные социально-политические силы, признававшие основополагающие принципы рыночной экономики и политической демократии. Их объединяло осознание необходимости в создавшихся в тот период условиях расширения роли государства во всех сферах жизни общества, особенно в социальной и экономической, для предотвращения и преодоления негативных последствий рыночной экономики. В целом речь идет о тех силах, которые в основу своих социально-политических программ положили установки и принципы идейно-политических течений либерализма, консерватизма и социал-демократии.

Прежде всего подверглись ревизии идеи свободного рынка и свободной конкуренции. Изначально присущий либерализму индивидуализм был в значительной степени модифицирован и уравновешен признанием значимости коллективного начала и позитивной роли государства в жизни общества. Исторической заслугой социально-политических сил, придерживавшихся идей и концепции этих течений, является то, что они сыграли ключевую роль в формировании и институционализации в конце XIX–первые десятилетия XX в. основных принципов и институтов современной политической системы, таких как парламентаризм, разделение властей, правовое государство и др., которые в конечном счете были приняты всеми основными политическими силами и партиями.

Водоразделом, четко и бесповоротно утвердившим развитие западного капитализма по социально-реформистскому пути, стал великий экономический кризис 30-х годов нашего века. В тот период были заложены основы так называемого государства благосостояния, сыгравшего ключевую роль в разрешении множества социальных проблем путем реализации программ социальной помощи низкодоходным и неимущим слоям населения, принятия мер, направленных на решение проблем безработицы и т.д. При этом обнаружилась теснейшая связь между демократией и свободным рынком, капитализмом и демократической системой правления. Демократическое государство является гарантом существования и эффективного функционирования рыночных отношений и свободной конкуренции, самого капитализма как социально-экономической системы. Освобождая людей от внеэкономических форм принуждения, ликвидируя всякого рода сословные и номенклатурные привилегии в данной сфере, демократия создает наилучшие условия для реализации экономической свободы индивидуального члена общества. В этом смысле свобода есть функция нормально работающих институтов собственности и законности.

Однако весь мировой опыт XX столетия убедительно свидетельствует, что нередко капитализм, хотя, возможно, и деформированный, вполне совмещался с подлинно тираническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском в Италии, франкистском в Испании и т.д. диктаторские политические машины были созданы в своей основе на капиталистической инфраструктуре, хотя она и была подчинена всемогущему государству. Они свидетельствуют о том, что капитализм и рыночные отношения необходимые, но недостаточные условия для утверждения политической демократии. Но тем не менее важно учесть, что на протяжении XX в. все без исключения демократии основывались на рыночной экономике. Плановая или государственная экономика всегда предполагала диктаторскую политическую систему.

Авторитарно-тоталитарный путь воплотился в большевизме и фашизме, которые выступили в качестве соответственно альтернатив центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере. Причем за короткий период из незначительных групп они превратились во влиятельные общественно-политические движения, которые сумели подчинить своему господству сотни миллионов людей многих стран и народов. Общим для обоих вариантов было то, что они являлись порождением наметившегося на рубеже двух веков и особенно в XX в. кризиса западного духа и образа жизни и одновременно альтернативными друг другу попытками преодоления этого кризиса на путях радикального переустройства самого образа жизни.

Как по своим целям (радикальная замена существующей общественно-политической системы совершенно новой системой), так и по использованным при этом методам (революционный переворот, насильственное свержение существующей власти) оба главных течения тоталитаризма представляли собой революционные движения, поскольку предлагали радикальное изменение существующей системы путем насильственного переворота. Разница между ними заключается в том, что социалистическая революция, осуществленная в России, носила, во всяком случае в теории, «прогрессивный» характер, поскольку руководствовалась идеалами всеобщего равенства, социальной справедливости, интернационального единства всех народов и т.д., а фашистские перевороты, совершенные в Италии, Германии, Испании и некоторых других странах, — «консервативный» характер, так как в их основе лежали праворадикальные идеи национализма, расизма, имперской великодержавности, апология насилия и т.д.

Тоталитаризм, изменивший социально-политический облик человечества, является порождением рационалистического миропонимания в европейском его исполнении. Это именно тот случай, когда сон разума рождает чудовищ. Это именно тот случай, когда чудовище — Франкенштейн, явившийся миру в двух главных ипостасях — большевизма и нацизма, — возжелал уничтожить и полностью подчинить себе своего же создателя — западную рационалистическую цивилизацию. Показав несостоятельность позиции Х.Арендт, которая считала, что идеология нацизма была чужда истории европейской мысли, что она проникла в европейскую культуру из некоего тайного концептуального подполья, Э.Геллнер писал: *«Конкретное соединение составивших эту идеологию элементов, таких как отрицание универсализма, утверждение культурной сплоченности и одновременно жестокости, необходимой в борьбе за существование социальной дисциплины и иерархии в противовес анархии рынка и т.д., — не может, конечно, считаться итогом европейской традиции, но вместе с тем и не выходит за ее пределы. Натурализм этой идеологии делает ее продолжением идей Просвещения, ее коммунализм, культ местных особенностей говорит о ее прямой связи с романтизмом, возникшим как реакция на Просвещение».*

Добавим к этому, что в законченном виде тоталитаризм представляет собой феномен XX в., он порожден научно-техническими достижениями этого столетия и вызванными ими к жизни формами ментальности. Если верна данная точка зрения, то можно допустить, что в XVIII в. невозможно было себе представить такие аберрации XX в., как нацизм и большевизм. Беспрецедентные успехи научно-технического прогресса XX в. позволили создать атомную, а затем и водородную бомбы, которые стали угрозой самому существованию человечества. Был прав Б.Брехт, который говорил, что *«атомная бомба и как техническое, и как общественное явление есть конечный результат научных достижений и общественной несостоятельности Галилея».*

Секуляризовав и рационализовав мир, мы, как подчеркивал П.Тиллих, заглянули в тайники зла глубже, чем большинство прежних поколений. В итоге мы отвергли чувство неисчерпаемой таинственности жизни, безусловную преданность и идею смысла жизни в их божественных формах. Но оказалось, что они могут вернуться к нам в самых чудовищных, демонических формах. И действительно, именно рационалистическая цивилизация породила грандиозные аберрации, наиболее уродливыми проявлениями которых стали нацизм и большевизм.

Тоталитарные режимы, достигшие своей логически завершенной формы в нацизме и большевизме, представляли собой в некотором роде гигантские гнойные нарывы на теле западной цивилизации. В титанической борьбе, развернувшейся на необозримых просторах евразийского континента, западная цивилизация сумела мобилизовать все свои здоровые силы, всю свою витальную энергию, чтобы одолеть силы разрушения. Необходимо учесть, что эта борьба, как ни парадоксально, пробудила к жизни базовые компоненты европейской рационалистической цивилизации, которые в силу закона энтропии постепенно теряли творческий, созидательный импульс или даже клонились к упадку. В титанической борьбе этим базовым компонентам удалось одержать верх над тоталитарными метастазами, органическими щупальцами вросшими в тело европейской цивилизации.

Все это свидетельствует о том, что тоталитаризм, равно как и социал-реформизм, — общеевропейский феномен. Можно сказать, что он родился в Европе и является уродливым порождением Просвещения, идеи прогресса и модернизации. Все его разновидности провозглашали своей целью тотальную трансформацию общества с помощью революции.

Конец евроцентристского мира ознаменовался после второй мировой войны постепенным распространением по всему земному шару институтов, ценностей и отношений не только свободного рынка и либеральной демократии, но и тоталитаризма. При всем том сначала поражение фашистских режимов во второй мировой войне, а затем крах коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР в конце века продемонстрировали, что обе разновидности тоталитаризма оказались тупиковыми ветвями развития современного человечества. Но тем не менее они определили основные направления и тенденции развития человечества в течение большей части XX в.

Когда говорят о кризисе западного сознания, то имеют в виду прежде всего кризис рационалистического сознания. Рационализм и связанная с ним наука в собственном смысле слова предполагают некую дистанцированность между человеком и его творениями. Поскольку и то, и другое в своей нераздельности — творения европейского гения, на почве Европы они развернулись в полную силу. Само собой напрашивается вывод, что именно для европейского сознания в полной мере характерна дистанция между человеком и его творениями.

Именно этот феномен сыграл громадную роль в рациональном, научном познании мира, его разложении на составные элементы и скрупулезном их объяснительном анализе. Как писал М.Хайдеггер, *«в западной части мира на протяжении веков ее истории наука развернула нигде более не встречающееся могущество и идет к тому, чтобы наложить свою власть на весь земной шар»*. Вместе с тем обнаружилось, что рационализм, научный подход к миру — вещь неоднозначная, что их абсолютизация имеет также свои теневые стороны и немалые издержки. Еще великий Гете говорил: *«человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее»*.

И действительно, прогрессивное восхождение цивилизации сопряжено с экспоненциальным расширением умственных способностей человека, бесконечным усовершенствованием его технических навыков. Но в то же время обнаружилось, что при неоспоримом господстве рационализма и сциентизма в конечном счете талантливая ювелирная работа приходит на смену акту или актам великого творческого порыва. Дополнявшие и взаимообусловленные друг другом секуляризация, прагматизация, позитивизация и рационализация сущностных характеристик общественной жизни в конечном счете привели к тому, что верным признаком времени стали, говоря словами А.Эйнштейна, *«совершенные средства при неясных целях»*.

Основополагающие ценности жизнеустройства рационалистической цивилизации (ценности индивидуальной свободы, гражданского общества, демократии и т.д.), став общепринятыми, рутинными, как бы приобрели статус повседневных задач, разрешаемых в ходе постоянных дискуссий, споров, компромиссов, сделок и т.д. Для сдерживания и тем более блокировки энтропии витальной энергии они недостаточны, потому что не способны пробуждать и вызывать к титанической борьбе те латентные силы, которые в потенции содержатся, по-видимому, в любом человеческом сообществе, но реализация которых зависит от способности самого сообщества постоянно доказывать свою идентичность и пригодность к истории. Здесь уместно напомнить слова Гете о том, что ничто великое в мире не совершалось без страсти.

При всем том, говоря о кризисе жизни, построенной на рационалистических началах, кризисе самой рационалистической цивилизации, нельзя представлять дело таким образом, что рационализм и рациональное начало исчерпали себя и их место теперь в антикварных лавках Истории. Рационалистический подход поднял человеческий гений на невиданные высоты, позволил ему проникнуть в тайны микро- и макромира. Рационалистическое обустройство жизни создало удобства и комфорт, о которых люди прежних эпох просто не могли даже мечтать. Рационалистическая наука, буквально потрясая человеческое воображение фантастическими открытиями, не раз еще удивит мир и потрясет его новыми и новыми открытиями.

Рационалистическая наука, расширяя наши знания о мире и о нас самих, в определенном смысле может помочь нам приоткрыть завесу, прикрывающую предвечные основания мироздания и жизни. Как подчеркивал Ф.Бэкон, частичное знание ведет к неверию, а полное — к вере. Лишь неверно понятое просвещение, отождествляемое с всеобщим среднеобразовательным уровнем, может породить неверие и атеизм. Что касается истинного просвещения в собственном смысле этого слова, то оно делает человека более восприимчивым к тайнам жизни и происхождения мира.

Все же рационализм, рациональное начало при его абсолютизации — необходимое, но недостаточное условие для полноценного человеческого существования. Блаженный Августин видел главную ошибку дохристианской философии в том, что она превозносила власть разума как высшую силу человека. Человеку, говорил он, не подобает полагаться на разум, покуда он не просвещен особым божественным откровением. Однако на Западе верх одержали рационалистический тип мышления и рационалистический подход к основополагающим вопросам мироздания и онтологических основ человеческого существования. Это стало одним из важнейших факторов, оказавших определяющее влияние на облик как самой евроцентристской цивилизации, так и на развитие идей демократии, свободы, морали и других основополагающих ценностей и установок этой цивилизации. При этом обнаружилось, что научному и связанному с ним экономическому и социальному прогрессу постоянно сопутствовали явления регресса. Вера в прогресс и вытекающий из него социально-исторический оптимизм стали причинами гигантских катастроф и трагедий XX в. Две мировые войны окончательно разрушили иллюзию прогресса как движения вперед и вверх, от плохого к лучшему, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному.

Можно утверждать, что в значительной степени именно благодаря необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть с тоталитаризмом западной цивилизации удалось пробудить из своих недр к жизни такие гигантские потенции, которые позволили ей не только преодолеть — на время — кризис, но и сделать после второй мировой войны стремительный рывок в социальном и технологическом развитии. Но все же сначала военное поражение нацизма, а затем крах коммунизма сами по себе еще не могут служить доказательством совершенства западной системы и западного образа жизни. Как отмечал вице-президент Европейского общества культуры А.Леви, *«история предоставляла нам возможность убедиться, как кризисы и противоречия современного капитализма и современной демократии неоднократно давали коммунистической системе шансы на успех в великом соперничестве»*.

При всем внешнем благополучии положения Запада по важнейшим параметрам материального уровня жизни, особенно на фоне тех социально-экономических неурядиц и катаклизмов, которые развернулись на востоке Европы, приходится констатировать, что проблема кризиса рационалистического сознания и самого образа жизни в последние десятилетия заявляла о себе с возрастающей очевидностью. В политической жизни, например, это выразилось в том, что со смертью У.Черчилля и Ш.деГолля завершился период героев и гигантов, с политической авансены сошли последние герои, ее бесповоротно монополизировали прагматики, «люди организации», специалисты, профессионалы. Они неизбежно становятся пленниками рутинных, конъюнктурных событий и процессов, способны добиваться компромиссов и принимать за нас решения, сильны в экспертизе, административном деле, решении повседневных, так сказать, рутинных вопросов, но им недостает творческого порыва, талантливой, здоровой импровизации, способности в сложных запутанных ситуациях принимать этапные судьбоносные решения.

Разумеется, и на политическом поприще сохранились, а с появлением телевидения и других аудиовизуальных средств массовой информации беспрецедентно возросли значение и цена популярности политических деятелей. Но все же в данном случае мы зачастую имеем дело не столько с героями, сколько со знаменитостями на час или более.

Особенно отчетливо эта проблема просматривается в области общественной мысли. Последние полтора–два десятилетия на Западе развернулась грандиозная по своим масштабам и глубине технологическая революция, получившая название информационной, микропроцессорной, телекоммуникационной и т.д. Трудно оценить ее последствия для судеб как отдельных стран, так и всего мирового сообщества в целом. Но на этом фоне поражает скудость плодов в области общественной мысли. За последние несколько десятилетий в данной области на Западе появилось весьма мало работ, которые можно было бы оценить как этапные, проложившие дорогу новым направлениям исследований и открытий.

Трудно назвать также идеи, концепции, теории, которые по своей значимости можно было бы поставить на один уровень с феноменологией и экзистенциализмом в философии, теорией смены цивилизаций, структурно-функциональным анализом, теориями социальной стратификации в социологии и т.д. Не видно на Олимпе социальной мысли фигур калибра Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, К.Ясперса, А.Камю и др.

Что касается новейших теорий информационного общества, информационной, компьютерной революций и т.д., то за исключением некоторых не столь значительных нюансов они мало чем отличаются от теорий постиндустриального общества начала 70-х годов. Концепция так называемых «постматериальных ценностей», сформулированная в 70-х годах, поражает своим рационализмом и сущностным материализмом. Разумеется, здесь речь идет лишь о теориях и мысли, так сказать, самого высокого уровня, этапного характера, а не о сфере конкретных исследований в конкретных областях общественности, где исследовательский инструментарий и аналитический уровень всемерно совершенствуются. Подобного рода примеров можно было бы привести множество из самых разных сфер жизни, но изложенное здесь дает достаточные основания сказать, что проблема кризиса рационалистического сознания отнюдь не снята с повестки дня.

Однако при оценке этих реальностей нельзя забывать о том, что для общественно-исторического развития, особенно на переходных его фазах (часто оказывающихся началом восхождения), характерно усложнение общественной жизни, размножение ее форм, обогащение структур и сетей человеческих отношений. Согласно теории Вайцзеккера, включение более высокого семантического уровня снижает новизну на других уровнях эволюции. Так, социокультурная эволюция сначала в высших животных, а затем и в человеке открыла безбрежные границы новизны. С развитием техники низшие слои в социальной динамике становятся все более ритуализированными и нормализованными.

Но сами люди не нормализовались, поскольку новый уровень новизны теперь действует внутри нас. Как отмечал Э.Янч, человек не просто «выше» других организмов, он живет одновременно на большем числе уровней, чем те жизненные формы, которые появились раньше него. В условиях многомерной эволюции каждый уровень имеет свой принцип организации. Это вносит существенные коррективы и в феномен энтропии, поскольку человек и общество, сознательно вторгаясь в ход вещей, способны не только блокировать ее, но и пробуждать, и даже создавать новые источники энергии, искать новые пути и способы самовоспроизводства и самопродолжения в истории. И в нашем случае европейская цивилизация подспудно и сознательно ищет гарантии своей жизнеспособности и прогресса на путях глобализации, всемерного стимулирования всепланетарной цивилизации, вхождения в нее.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под парадигмой?
2. Какие вы можете назвать парадигмы?
3. Какое содержание вкладывается в понятие «энтропия» и «энтропийность цивилизации»?

4. Что понимается под кризисом евроцентристского мира?
5. Какие существуют пути выхода из этого кризиса?

10. СИНТЕЗ ДВУХ НАЧАЛ

10.1. Понятие цивилизации

Чтобы правильно понять перспективы геополитического развития современного мира, вкратце рассмотрим на примере греко-римской или средиземноморской цивилизации древнего мира возможности синтеза восточных и западных начал.

Само понятие «цивилизация» появилось в XVIII в. и тесно связано с понятием «культура». Приоритет в этом деле принадлежит французским просветителям, которые цивилизованным называли общество, основанное на началах разума и справедливости. Но лишь в 1798 г. этот термин был включен во французский «Словарь Академии». В Англии первое его употребление зафиксировано в 1767 г. В России слово «цивилизация» получило распространение в 60-х годах XIX в.

В XIX в. под цивилизацией подразумевался высокий уровень развития материальной и духовной культур стран и народов Европы. Тогда же утвердилось использование этого понятия для обозначения ступени общественного развития, следующей за варварством.

На протяжении XIX и XX вв. оно получило дальнейшую разработку и развитие. В современном употреблении его трактовка, при всей распространенности и общепринятости, характеризуется крайней неопределенностью и расплывчатостью. В настоящее время существует множество противоречащих, а то и исключających друг друга определений термина «цивилизация». В 1952 г. американские культурологи А.Кребер и К.Клакхон выделили 164 определения «культуры», указав при этом, что в большинстве случаев данное слово употребляется как синоним слова «цивилизация». Это свидетельствует не только о разбросе подходов к разработке определений цивилизации, но и о их нечеткости, неструктурированности и некой зыбкости. По-видимому, эти качества нельзя считать однозначно недостатком, поскольку социальная жизнь настолько многообразна и сложна, что ее невозможно охватить какими бы то ни было, даже самыми совершенными теориями и концепциями.

Необходимо отметить, что сами авторы теорий цивилизации, получивших наибольшую популярность, прекрасно понимали это и не всегда претендовали на законченность, завершенность, закрытость своих теорий. Так, показательно, что у Ф.Броделя цивилизация выступает как некое пространство, культурно-географическая зона или «ансамбль», в котором сосуществуют определенным образом упорядоченные элементы культуры. У Н.Данилевского это «культурно-исторические типы», обладающие «формативным принципом», у А.Кребера — модели культуры, основанные на высших ценностях, у П.Сорокина — большие культурные суперсистемы, обладающие центральным смыслом или ментальностью.

Здесь особо следует отметить позицию А.Дж.Тойнби. Внимательное чтение работ этого автора, который внес существенный вклад в историческую и историко-философскую мысль XX в., не может не оставить впечатление определенной искусственности, натянутости предложенных им конструкций. Они настолько туманны и неясны, что ряд авторов вообще ставит под сомнение факт существования самого феномена цивилизации. Но не совсем корректно делать вывод, что цивилизация есть некий миф, искусственная конструкция, лишенная какого бы то ни было позитивного содержания и смысла.

Нужно сказать, что любая теория или идея представляет собой некую идеальную конструкцию в духе идеальных типов М.Вебера. И это, как мне кажется, прекрасно понимал и А.Тойнби, который характеризовал цивилизацию как наднациональное «умопостигаемое поле исторического исследования», как «движение, а не состояние, странствие, а не убежище». Большинство теорий цивилизации, в том числе и теория А.Тойнби, именно и ценны в качестве такого идеального типа, вычлняемого для эпистемологических целей.

Как представляется, для каждой цивилизации характерна напряженная внутренняя борьба между различными тенденциями и альтернативами жизнеустройства за гегемонию, прежде всего в духовной сфере, и за контроль над природными и людскими ресурсами. Однако при всей дифференцированности и внутренней противоречивости в любой цивилизации можно обнаружить некий комплекс идей, идеалов, ценностей и норм, составляющих в совокупности некую духовную ось, к которой тяготеют, особенно в центре, важнейшие компоненты данного сообщества.

Речь, в сущности, идет об основополагающей парадигме или системе мировоззрения данной цивилизации, определяющей параметры сознания, жизненный уклад, стереотипы поведения, всю систему социальной регуляции народов и т.д.. Ключевую роль в исторических цивилизациях в рассматриваемом контексте играла религия, которая нередко совпадала с цивилизацией. В совокупности они составляют некую инфраструктуру, способствующую преодолению партикуляризма и обеспечивающую универсальность и всеобщность общественных связей.

Всякая цивилизация, которая первоначально отправлялась от некоего комплекса сугубо автохтонных, партикуляристских ценностей, установок, мифов, табу, стереотипов и т.д., постепенно в процессе своего восхождения разрабатывала некоторые более широкие, способные стать универсальными для вовлекаемых в свою орбиту стран и народов социокультурными и политическими установками и ориентациями.

10.2. Параметры греко-римской цивилизации

Формы восприятия пространства и времени составляют важную, сущностную характеристику любой цивилизации или культурного круга. В древности внешний мир рассматривался любым человеческим сообществом как арена злых, демонических сил, враждебных самому духу данного сообщества. Более того, вавилонская, египетская, ханьская, хараппская цивилизации жили, подчас не зная ничего или крайне мало друг о друге и не имея общего или раздельного друг с другом исторического опыта. По представлениям древних римлян, за римским Imperium простирался Barbarorum libertas, который представлял собой мир хаоса и эгоистического своеволия.

Хотя греко-римская цивилизация распространилась на всю западную и центральную Европу, северную Африку и западную Азию, даже коснулась Индии, с китайской цивилизацией она в течение довольно длительного времени почти не соприкасалась и не вступала во взаимодействие. Если обе цивилизации и имели какое-либо представление друг о друге, то легендарное и мифологическое.

Но тем не менее уже во II в. до н.э. монархи великих империй называли себя царями четырех сторон света, а в I в. до н.э. возникли мировые религии, обращенные к отдельному человеку независимо от его национальной и племенной принадлежности. Новые цивилизации Древнего мира — финикийская, греческая, римская, персидская — знали о своих предшественниках и современниках и по мере возможностей усваивали их опыт. Более того, они установили тесные связи с китайской и индийской цивилизациями. По-видимому, не случаен тот факт, что время (VIII–III вв. до н.э.), которое К.Ясперс назвал «осевым» (Axenzeit), характеризуется поразительным, можно сказать, одновременным всепланетарным духовным прорывом на огромных пространствах Евразии: рождение конфуцианства и даосизма в Китае, буддизма и джайнизма в Индии, зороастризма в Иране, монотеизма пророков в Палестине, величайших философских школ в Греции.

Особо важен с рассматриваемой точки зрения тот факт, что для новых древних цивилизаций в значительно меньшей степени были характерны приверженность автохтонным началам и большая ориентированность как на диалог между собой, так и на экспансию — территориальную и культурную. Особенно отчетливо это обнаружилось в империях Александра Македонского и Римской. В некотором смысле их можно назвать евразийскими — как по их географическому расположению, так и по тому, что средиземноморская цивилизация, на которой они базировались, синтезировала в себе и западное, и восточное начала.

Греко-римская цивилизация в результате завоеваний сначала Александром Македонским, а затем Римом огромных пространств, множества стран и регионов охватила большую часть известной тогда ойкумены как на Востоке, так и на Западе. В IV в. до н.э. греки подчинили своему влиянию всю Азию до самого Инда, Индию до самой Бенгалии, а римляне, захватив на Западе территории нынешних Южной Испании и Португалии, вышли к Атлантическому океану. Ареал ее господства или влияния включал Британские острова, Индию, Скандинавию. Культурное влияние Греции на Востоке распространялось на Малую Азию, Сирию, Египет, Вавилон, Персию, Индию. Очевидно также и обратное влияние последних на греко-римский мир. Поэтому можно понять Сенеку, который говорил: *«Единственное государство, достойное мудреца, это весь мир... Я знаю, — подчеркивал он, — что моя родина — мир»*. Ему вторил Лукреций Кар, который в своей знаменитой поэме «О природе вещей» писал:

*«Нет ни краев у нее, и нет ни конца, ни предела.
И безразлично, в какой ты находишься части вселенной».*

Для греко-римской цивилизации вся окружающая варварская ойкумена служила объектом постоянной экспансии и освоения. Необходимо отметить, что Эллада первоначально наряду с Персией причисляла к варварским странам и Македонию. Примечательно, что царь Македонии Филипп для оформления своей власти над Грецией применил греческие правовые дефиниции, поскольку македонское право находилось на более низкой ступени развития.

Взаимоотношения Греции и Персидского царства развивались довольно интенсивно и отнюдь не ограничивались военными конфликтами. Мильтиад — верховный командующий афинской армией во время знаменитой битвы при Марафоне (490 г. до н.э.) был даже подданным персидского царя, но вынужден был бежать от него в Афины. Персидская держава была активной участницей внутригреческих дел и в этом качестве оказывала немаловажное влияние на развитие событий в рамках средиземноморской цивилизации. По свидетельству античных авторов, в период пелопонесской войны она активно вмешивалась в межполисные споры и конфликты, оказывая финансовую помощь то одной, то другой из враждующих сторон. Во многих аспектах ее можно считать одной из существенных составляющих этой цивилизации. Об этом, в частности, свидетельствует та легкость, с которой Александру Македонскому удалось завоевать и интегрировать Персидское царство в созданную им мировую империю. В данной связи немалый интерес представляет панэллинская идея, послужившая идеологической основой этой империи. Считается, что первым эту идею выдвинул сицилиец Горгий в Олимпии на празднествах в 392 г. до н.э.

Примечательно, что сами создатели панэллинской идеи в преддверии завоеваний Александра Македонского немаловажное место в будущей империи отводили варварам. *«Я утверждаю, — подчеркивал Исократ в обращении к Филиппу в одноименном памфлете, — что ты должен быть благодетелем эллинов, царем македонян, повелителем возможно большего числа варваров».*

Рассуждая в подобном духе, современник Исократа Ксенофонт также внес существенный вклад в формирование монархической и панэллинской идей. Интересно, что Ксенофонт, развивая эти идеи в своей итоговой работе «Киропедия», видел на троне идеального государства представителя династии персидских царей — Кира Младшего, наделенного автором всеми чертами, достойными идеального царя — создателя нового мирового порядка в Элладе и сопредельной ей ойкумене. Показательно, что после победы в решающей битве при Гавгамелах Александр Македонский был провозглашен царем Азии. Причем после окончательного завоевания Азии Эллада оказалась низведенной до статуса подвластной мировому властелину провинции.

Завоевывая персидские территории, македонский царь присоединял их к своей империи, не изменяя государственного аппарата, оставшегося от персидских царей, и назначая на открывшиеся вакантные посты нередко представителей местных народов. Сатрапом Мидии Александр назначил перса Оксидата, Парфии — парфянина Атминапа, неназванной страны на Кавказе — перса Проекса, Бактрии — перса Артабаза и т.д. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в завоеванном у персов Египте, где в качестве одного из руководителей был поставлен египтянин Петисий. Сам Египет был разделен на номы, которые возглавлялись, во всяком случае первоначально, монархами — египтянами.

После провозглашения царем Азии Александр перенял царские исигии Ахеменидов и при своем дворе насаждал заимствованный у них же этикет. Как писал Арриан, *«восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин дворцового этикета».* Осуждая это, Арриан сетовал: *«Я знаю, что Александр увлекся мидийской и персидской роскошью и жизнью варварских царей, совершенно отличной от жизни подданных, и я порицаю его за то, что он, Гераклит родом, сменил родную македонскую одежду на мидийскую. Порицаю и за то, что он не постыдился вместо головного убора, который он, победитель, носил издавна, надеть тюрбан побежденных персов».*

Эти и множество других фактов свидетельствуют о том, что Александр Македонский, завоевав почти всю известную в тот период ойкумену, создал не просто панэллинскую империю, а некий вариант средиземноморско-азиатской империи. Чувства исключительности и превосходства Рима над остальным миром сочетались с открытостью культурному опыту и достоянию внеиталийских народов. Констатируя влияние покоренной Греции на римлян, Гораций писал:

*«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
в Лаций суровый внеся искусства».*

По свидетельству Ювенала, в I в. до н.э. в Риме широко процветали культ восточного происхождения — Исиды, Ануписа, Амона и др. Многие бытовые вещи носили греческие имена — перистиль, нимфей, аткус, эйнохойя, эксомида и т.д. Как отмечал Г.С.Кнабе, *«между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны».*

За чертой самого Рима простирались земли италийских городов, с которыми римляне вели войны, но в то же время заключали союзы, устанавливали деловые и брачные отношения. В старых средиземноморских цивилизациях, расположенных за италийскими городами, римляне находили *«политические формы, социальную структуру, систему гражданства, правовые нормы, в общем сходные с их собственными»*. Поэтому при всех необходимых здесь оговорках окружающие страны и народы *«объединились с римлянами в единый полисный мир, в пределах которого свободно перемещались, заимствовались, усваивались культурные представления, образы богов, художественные ценности»*.

По мере завоевания дальние неиталийские народы рано или поздно также подвергались римизации. Как отмечал, например, Страбон, жители Бетики (Испания) *«полностью усвоили римский образ жизни, не помнят своего родного языка и стали народом, одетым в тоги»*.

Во II в. мир был как бы разделен на три империи — Римскую вокруг Средиземноморья, Парфянскую, охватывающую Иран и Ирак, и Кушанскую в Центральной Азии и Индостане. Для всех них было характерно эллинофильство. Пожалуй, наиболее ярким примером этого единства явился Митридат VI — правитель Понта в Малой Азии — одного из государств — обломков монархии Александра Македонского, который в зависимости от обстоятельств выступал то как защитник эллинской свободы, то как законный наследник древних персидских царей. Символично, что Римская империя, потерпев крушение на Западе, сохранилась на Востоке.

В IV в. римский император Константин основал на Востоке, чуть ли не в точке пересечения Европы и Азии, Запада и Востока новую столицу Римской империи — Константинополь. В V в. Восточная римская империя охватывала лишь греческий мир и полуэллинизированные восточные провинции. Симптоматично, что представитель персидского царя Нарзеса Афарбан говорил римскому полководцу при Диоклетиане Галерию, что римская и персидская монархии — это два ока вселенной, которая осталась бы несовершенной и обезображенной, если бы одно из них было вырвано. Во времена Юстиниана уже не было римлян в собственном смысле слова, а римская цивилизация со скрипом «перелезала» в цивилизацию средневекового запада.

Христианство, митраизм, манихейство и, как считал А. Тойнби, махаянистское направление в буддизме возникли либо на эллинизированном Востоке, либо под влиянием эллинизма. В этой связи уместно напомнить, что иудео-христианская традиция и в более узком плане христианство, послужившие одной из несущих опор западной рационалистической цивилизации, возникли на Ближнем Востоке и, став государственной религией Римской (средиземноморско-азиатской по своей сущности) империи, позже были унаследованы средневековой цивилизацией Запада.

Само имя родоначальника христианства свидетельствует о синтезе культур восточного и средиземноморского начал. Иисус — греческая форма древнееврейского слова иешуа (сокращенного варианта иегошуа), означающего — помощь Иеговы, спаситель. Христос — греческое слово, означающее помазанник.

С.Аверинцев не без оснований называл ислам *«вторичной вариацией на темы библейского монотеизма и христианского универсализма»*. Чтобы убедиться в обоснованности этого тезиса достаточно перечитать Коран — большинство его героев и персонажей представляют собой арабизированных и исламизированных героев и персонажей Библии. В этом смысле без особых преувеличений можно утверждать, что духовный багаж как христианства, так и мусульманства имеет своим основанием интеллектуальные достижения ближневосточного и средиземноморского миров.

Нельзя отрицать тот факт, что в рамках каждой мировой цивилизации или империи (что нередко совпадало) существовала полифония народов, культур, религий, мифов, стран и т.д. Каждая из них неизменно обнаруживала тенденцию к экспансии, захвату все новых территорий, стран и регионов вплоть до всей известной в каждый конкретный исторический период ойкумены.

Замкнутые же империи и цивилизации характеризовались ограниченным диапазоном возможностей для адекватных ответов на вызовы среды и сравнительной (по историческим меркам) недолговечностью. Евроцентристская цивилизация, относящаяся к категории открытых цивилизаций, характеризовалась как экстенсивной, так и интенсивной формой экспансии. В силу этого она, подобно греко-римской средиземноморской цивилизации, не могла не стремиться к универсализации и охвату всей известной ойкумены.

10.3. Проблема пассивности Востока

В настоящее время весь мир в той или иной форме и степени оказался модернизированным. Правильно говорят, что признание факта появления человека в Африке не делает всех людей африканцами, а все человечество африканским. Точно так же приоритет евроцентристской цивилизации в деле создания важнейших атрибутов современной цивилизации не делает последнюю исключительно европейской или западной. Вспомним в данной связи, что сам феномен цивилизации возник первоначально в Азии, но это не дает нам права говорить, что любая цивилизация — азиатская по сущности. Рано или поздно атрибуты и параметры, выработанные одной великой цивилизацией, так или иначе становились достоянием всего человечества, приобретали глобальный характер, разумеется каждый раз в пределах неварварской ойкумены. И в наши дни мы имеем дело не с вестернизацией или европеизацией, а именно глобализацией.

Человечество как таковое не могло ставить и не ставило перед собой цель создать всемирную, всепланетарную цивилизацию. Но неизбежность именно этого оборота событий определялась несколькими факторами: ограниченностью земного пространства; присущей самому человеку и человеческим сообществам устремленностью к экспансии, с одной стороны, и закрытости, с другой, и т.д. По-видимому, ни одна прежняя цивилизация не знала такого единообразия ключевых институциональных форм организации различных сфер жизни, как современная, еще формирующаяся всепланетарная цивилизация. При этом обращает на себя внимание набирающая силу и обороты динамичность этого процесса. Следует напомнить, что вплоть до конца 70–начала 80-х годов на основе базовых капиталистических институтов действовали в основном страны первого, т.е. индустриального, мира. Несколько десятков стран третьего мира пытались осуществить индустриализацию с помощью государств, в руках которых и сосредоточились основные бастионы экономики. Многие страны Восточной Азии приняли и освоили по-своему институты политической демократии и рыночной экономики.

Сейчас положение иное. Структурообразующими силами большей части современного мирового сообщества являются рыночная экономика и в меньшей степени политические институты, ориентированные на демократию. Все большее число стран с различными оговорками принимают те или иные формы парламентаризма и демократии. В масштабах всей планеты утвердилась единая пространственно-временная парадигма.

Всюду так или иначе приживаются внешние атрибуты евроцентристской цивилизации: стиль одежды, автомобиль, кинематограф, поп-музыка, единый научный и компьютерный языки и т.д. Перспективы расширения и углубления этих тенденций подтверждаются тем, что за последние годы страны с общей численностью населения приблизительно 3,5 млрд человек перешли на путь радикальных реформ, призванных перевести экономику на рельсы капиталистического развития.

По данным известного американского экономиста Дж.Сакса, эти реформы включают следующие шесть общих элементов: открытую международную торговлю; конвертируемость валюты; частную собственность как главный механизм экономического роста; корпоративную собственность как доминирующую организационную форму крупных предприятий; открытость для иностранных инвестиций и членство в ключевых экономических институтах, включая МВФ, ВБ, ГАТТ/ВТО. Хотя специфические национальные формы развитого капитализма в США, Европе и Восточной Азии различаются, всем им присущи эти шесть базовых характеристик.

Естественно, при анализе этой весьма сложной проблемы возникает много вопросов. На каких именно основаниях происходит формирование всепланетарной цивилизации? Имеем ли мы просто процесс пространственного расширения западной рационалистически-техногенной цивилизации на новые регионы и страны земного шара или же происходит некий синтез Европы и Америки с другими регионами, или, говоря проще, синтез Запада и Востока? Идет ли речь просто о вестернизации Востока или же Восток модернизируется на свой лад, заимствуя и используя научно-технические достижения Запада? Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно показателем «конца истории» или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другими?

Зачастую на эти и подобные им вопросы западный человек склонен давать однозначные ответы, полагая, что речь в данном случае идет о вестернизации Востока и его вхождении в западную рационалистическую цивилизацию. Обращает на себя внимание, что иные западные исследователи не склонны признавать за восточными народами какую бы то ни было способность мобилизовывать свои внутренние способности и осуществлять прорыв в важнейших областях прогресса. Так, известный американский синолог Дж. Фэйрбенк, рассматривая современную историю Китая всецело как ответ на вызов Запада, придавал определяющее значение в развитии этой страны экзогенным факторам. К.Ясперс утверждал, что на нынешнем этапе в отличие от всех прежних эпох смены цивилизаций все человечество должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Рассуждая о будущем современной всепланетарной цивилизации, Н.Н.Моисеев в том же духе, что и К.Ясперс, утверждал: *«Мир идет к рациональному обществу, в котором при всем многоцветии культур, необходимом для обеспечения будущего, утвердится единство без национальных границ, национальных правительств и конфронтаций».*

Очевидно, что такой подход, впрочем, довольно распространенный у нас в России и на Западе, по сути дела, предполагает простое перенесение важнейших атрибутов западной цивилизации на остальные регионы мира, их перелицовку по образцу и подобию Запада на началах рационализма.

Необходимо учесть, что Восток — это целый комплекс социокультурных, национально-историко-культурных ареалов, таких как ближневосточный арабо- и тюрко-мусульманский, средневосточный иранско-тюрко-мусульманский, центральноазиатский тюрко-мусульманский, восточно-азиатский буддийско-синтоистский, конфуцианский индийский, индуистско-буддийско-мусульманский и т.д. Каждый из этих миров как по своим внутренним базовым характеристикам, так и по взаимоотношениям с западным миром имеет свои особенности и требует соответствующей трактовки. При всем том преобладающие на Западе подходы к Востоку определяются восходящими еще к Гегелю представлениями о пассивности, летаргичности и неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса. Например, М.Вебер характеризовал доминирующий в Китае тип взаимодействия со средой как приспособление, а в Европе — как овладение миром. Приспособление подразумевает преобладание в культурной матрице пассивного начала, а овладение миром — активного начала. Поэтому естественно, что Вебер объяснял отсталость Китая уникальной исторической непрерывностью и исключительно низкой внутренней способностью китайской цивилизации к трансформации. Современные же авторы ищут факторы, способствовавшие модернизации ряда азиатских стран, не в них самих, а вовне, акцентируя внимание исключительно на роли экзогенных факторов, импульсов извне, феномене революции сверху, доминирующей роли надстроечных институтов.

При этом некоторые авторы видят некую дуальность в системе отношений Восток–Запад или Запад–Восток, подразумевая под «Западом» принцип личностный, а под «Востоком» — принцип социальный. Оставляя в стороне вопрос о правомерности и обоснованности тезиса о дуальности, укажу на то, что потеря такой «геосоциокультурной дуальности», о которой здесь говорится, привела бы к утверждению той или иной формы унитарности, что было бы чревато ускорением социокультурной и духовной энтропии единой унитарной мировой цивилизации, ее самоограничением и смертью.

Как считал Гегель, Восток — начало всемирной истории, Европа — ее конец. Причем, по его мнению, на Востоке «восходит внешнее физическое солнце», а на Западе «восходит внутреннее солнце самосознания». Не заблуждался ли, утверждая это, маститый немецкий философ? Просто не могу представить себе, что в душе ваятелей скульптурных портретов знаменитого древнеегипетского писца и прекрасной и не подвластной печати Хроноса Нефертити или же Екклесиаста, сказавшего, что «во многой мудрости много печали», «внутреннего солнца самосознания» было меньше, чем у современного европейца (даже самого высокого интеллектуального полета).

По-видимому, правомерно утверждать, что в развитии духа нет прогресса, а есть вечные волны, подъемы, спады. По своей значимости для восхождения человеческого духа возникновение языка, получение и использование огня, изобретение колеса, лука, стрел и другие триумфы человеческой мысли не превосходят ли по своей гениальности такие более поздние открытия, как огнестрельное оружие, паровой двигатель, компьютер — эти и другие творения рационалистической цивилизации. В данном смысле можно согласиться с К.Ясперсом, который подчеркивал, что *«историю невозможно подчинить иерархии рангов, в основу которой было бы положено некое универсальное представление, автоматически устанавливающее градацию».*

Вслед за О.Шпенглером следует признать, что считающееся само собой разумеющимся постоянство духовных форм — не более чем иллюзия. Отвергая мысль о числе как абстрактной, самой себе равной сущности, Шпенглер говорил о наличии стольких миров чисел, сколько имеется типов культур, как, например, индийский, арабский, античный, западноевропейский, каждый из которых является выражением особого мироощущения, своеобразия и единственности.

Можно ли вообще говорить об исторически прогрессивном развитии человечества в смысле качественного изменения внутренней самости, в смысле эссенциальном, а не экзистенциальном? Здесь имеется в виду не статичность — консервированность времени и движения, а замкнутость и энтропийность отдельно взятых культур и цивилизаций.

Правомерно ли рассматривать рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм в качестве различных ступеней или стадий единой цивилизации? А может каждый из них представляет собой особую цивилизацию, которая имеет собственные закономерности возникновения и эволюции, собственные стадии вызревания, восхождения и постепенного угасания? Особенно важен вопрос о градации цивилизаций в смысле их прогрессивного развития от низших форм к высшим. В этом контексте не правильнее ли говорить о том, что каждая цивилизация не поднималась по своеобразной иерархической лестнице вперед и вверх, а, преодолевая старую, шла (именно шла) к качественно новому состоянию?

Отличие, специфичность, уникальность, особенность не всегда и не обязательно означают отсталость от так называемых передовых культур, и не обязательно стремиться к тому, чтобы догнать их. Иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей по отношению ко всему, что имело место в прошлом, Ф.Ницше писал: *«В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений... В качестве судей вы должны стоять выше того, кого вы судите, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по справедливости, получить последние места, а вы хотите получить первые!»*.

Всецело соглашаясь с такой позицией, считаю возможным утверждать, что во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, низшие и высшие ступени с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов.

В данном плане, по-видимому, был прав Н.С.Трубецкой, который, выступая против идеи прямолинейного вертикального прогресса в эволюции стран и народов, предлагал взамен иерархической лестницы прогресса своеобразную горизонтальную шкалу, на которой располагаются равноценные народы и культуры. *«Момент оценки, — писал Трубецкой, — должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих — низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец просто глупо»*.

Нельзя не затронуть еще один, на мой взгляд, важный в рассматриваемом контексте вопрос. Как правило, социальный прогресс отождествляется с ускорением темпов экономического роста и общественного развития, прямолинейного поступательного движения вперед и вверх. Однако, как показывает исторический опыт, ускоренное развитие — залог ранней смерти. Древнеегипетская цивилизация исчезла с лица земли, просуществовав несколько тысячелетий. До сих пор сохранились китайская и индийская цивилизации (с большими и меньшими модификациями), возникшие еще во времена, когда древнеегипетская цивилизация переживала не худшие периоды своей истории.

Современная европейская цивилизация и базировавшийся на ее основе евроцентристский мир, просуществовав лишь несколько столетий, оказались в кризисе, и более того, уже на рубеже XIX–XX вв. заговорили об их окончании. Отсюда возникает вопрос, на который трудно дать однозначный ответ: что предпочтительнее для человеческих сообществ — медленный, размеренный образ жизни, сулящий многие века и даже тысячелетия жизни, или безудержная погоня за временем, чреватая быстрой смертью?

В истории каждого народа, каждой культуры или цивилизации существуют изменчивое и постоянное, временное и вневременное. Одно растет, достигает расцвета, стареет и умирает, а другое в той или иной превращенной форме становится достоянием общечеловеческой культуры. М.Вебер изображал мировую историю как путь, который сатана вымостил уничтоженными ценностями. В перефразе эту мысль я изложил бы так: мировая история есть путь, который провидение вымостило исчезнувшими культурами, цивилизациями, народами, государствами. Но здесь нельзя обойтись без одной существенной оговорки. Цивилизации и культуры, исторические для нынешнего Запада и Востока, не просто исчезли, а, уходя в историю, сохранились в инфраструктурах и онтологических основаниях нынешних живых культур и цивилизаций Запада и Востока. Говоря словами А.Бергсона, *«реальность является перед нами, как вечное становление. Она создается и разрушается, но никогда не является чем-то законченным»*. Это особенно верно сейчас, когда совершается процесс великого перехода Запада в Восток и Востока в Запад, великого перехода, призванного впервые со времени появления Homo sapiens на земной поверхности соединить Восток и Запад в единое целое.

10.4. На путях синтеза двух начал

Азию, особенно Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), где наиболее интенсивно идут процессы модернизации, отнюдь не следует считать образцовой ученицей, удачно и эффективно усваивающей достижения и стандарты западной цивилизации. Несомненно, западная цивилизация выработала некоторые базовые структуры и элементы, приобретшие универсальную значимость для всех без исключения стран современного мира. Но нельзя не отметить, что сама европейская цивилизация является неким сплавом, вобравшим в себя элементы различных цивилизаций и культур, таких как античная Греция и Рим, Древняя Персия и средневековый арабский Восток. Не секрет, что иудео-христианская традиция — это в значительной мере детище ближневосточных народов, перенесенных на европейскую почву. Более подробно вопрос о взаимодействии, совместном сосуществовании и взаимообогащении различных культур, верований и систем жизнеустройства уже затрагивался выше.

Подобный синтез, на мой взгляд, происходит и сейчас. Пожалуй, наиболее типичным символом такого синтеза является Стамбул: одновременно многоликий, разнообразный и единый, вобравший в себя византийское и оттоманское, азиатское и европейское наследия, современный и традиционный, местнический и космополитический, мусульманский и христианский, расположенный в Европе и Азии. Блестящие купола византийских церквей, построенных во времена Восточной Римской империи между V и XV вв., сотни минаретов, мечетей, построенных при султанах Оттоманской империи, собор Святой Софии, замаскированной под мечеть, символизируют синтез Азии и Европы.

Присутствие греческого патриархата свидетельствует о терпимости, которая позволила султанам править многочисленными народами, религиями, сектами в огромной империи. В этой связи нельзя не согласиться с корреспондентом «Вашингтон пост», который, характеризуя ситуацию в Турции в конце 80-х годов, писал: *«Имамы в минаретах обращают свой взор на Восток к Мекке, в то время как бизнесмены в небоскребах смотрят на Запад, на Брюссель»*. С соответствующими поправками то же самое можно, по-видимому, сказать и о целом ряде процветающих центров новых индустриальных стран: Сингапуре, Гонконге, Куала-Лумпуре и т.д. Как писали, например, Дж.Нэсбитт и П.Эбурдин, *«современный Гонконг искусно сочетает конфуцианство и свободу предпринимательства со всеми удобствами Манхэттена: торговый центр, состоящий из современных зданий, передовые финансовые и коммуникационные системы»*.

С точки зрения преемственности и продолжения исторического существования Восток для евроцентристской цивилизации означает то же, что варварские народы для античной цивилизации. Варвары подчинили и переварили в себе Римскую империю. Что касается евроцентристского мира, то он сам пришел на Восток, но в течение многих веков так и не смог «переварить» его. Истинный синтез двух цивилизаций произошел лишь тогда, когда Восток сам потянулся навстречу евроцентристской цивилизации и обнаружил готовность интегрировать те ее элементы, которые в свою очередь выказали способность органически вписаться в восточную ментальность и восточный образ жизни.

Но, естественно, возникает вопрос: почему только в наши дни обнаружилась готовность Востока принять и интегрировать западное начало? Это сложный вопрос, требующий всестороннего и самостоятельного рассмотрения. Отметим лишь, что наряду с глубинными эндогенными факторами несомненно сказалось и мощное влияние Запада, особенно его научно-технологических достижений. Техника носит безличный, универсальный характер, она нацелена на типичность и массовость, на повсеместную приложимость. И это делает ее доступной практически всем народам. Немецкий философ техники Ф.Десауэр показал, что *«техника создает не только средства для достижения ранее поставленной цели, но и сама приводит к таким открытиям, результаты которых вначале никем не осознаются. Так обстояло дело, например, с музыкальными инструментами и книгопечатанием. В этом случае создания техники становятся своего рода ключами, открывающими такие сферы деятельности человека, которые расширяют возможности его природы и ведут к новым открытиям»*.

Но технология оказывает если не прямое, то во всяком случае подспудное влияние на социальные силы, побуждая в них некие латентные потенции, которые до поры до времени не проявляли видимой готовности или желания воспринимать и осваивать технологические новации. Как писал А.Н.Уайтхед, *«в обыденном сознании великая идея уподобляется призрачному океану, набегающему на берега человеческой жизни волнами последовательных воплощений. Медленно, будто во сне, волны делают свое дело, подтачивая утесы окаменевших обычаев. Но седьмая волна несет революцию — и откликнулись все народы»*.

Пример стран АТР свидетельствует, что неудержимое распространение технологических достижений западного мира, к которым на Востоке вообще и в АТР в частности в течение длительного периода проявляли устойчивую невосприимчивость, все же в конечном счете способствовало вызреванию у них «момента истины», осознав который, эти страны не только освоили новейшие технологии, но и сами осуществили мощный прорыв в разработке и внедрении этих технологий.

10.5. Проблема единства в многообразии

Другой вопрос: почему для большинства стран региона именно на 80-е годы пришелся этот «момент истины» или «час икс»? Симптоматично, что новые индустриальные страны буквально революционизировали теорию экономического роста, продемонстрировав всему миру возможность перепрыгнуть индустриальную и постиндустриальные фазы и сразу погрузиться в информационную экономику. Коль скоро мы говорим о новом всепланетарном сообществе, то, как показывает исторический опыт, не может быть и речи о механическом перенесении цивилизационных параметров одного типа, особенно перешагнувшего рубеж молодости, на другие типы, либо вновь возникающие, либо параллельно существующие. Но при этом необходимо подчеркнуть, что важнейшее условие жизнеспособности и расцвета любой цивилизации — это разнообразие составляющих ее этнонациональных, социокультурных, конфессиональных и иных элементов, объединенных в подобие сообщества государств, стран и народов. Еще Гердер не без основания считал всемирное гражданство нелепостью.

Попытки достижения духовного, культурного, ценностного единства не могут не встретить самое решительное и непримиримое сопротивление народов. В общем отмечено, что социокультурное и духовное наследие плохо переносит трансплантацию. В этой связи интерес представляет следующий пример. Попытка Запада захватить Японию и Китай в XVI и XVII вв. закончилась неудачей. Западных пришельцев изгнали обратно в океан, откуда они пришли, а Япония, Китай и Корея были закрыты. В XIX в. Западу все-таки удалось достичь своей цели.

А. Тойнби не без оснований усматривал причину этого в том, что вызов, стоящий перед дальневосточными народами в каждом из случаев, был разный: *«В XIX в. западная цивилизация предстала перед ними прежде всего в облике незнакомой новой технологии, в XVI в. она возникла в облике новой незнакомой религии»*. Поскольку технология оперирует вещами и понятиями, лежащими на поверхности, то ее можно заимствовать, не подвергая себя риску духовного закабаления.

Что касается социокультурного и духовного достояний различных народов, то в данном аспекте очевидно, что невозможно создать некое единое человечество, основанное на уничтожении или нивелировании всех и вся под один ранжир. *«Обязательный для всех единый мировой порядок (в отличие от мировой империи), — писал К. Ясперс, — возможен именно в том случае, если многочисленные верования останутся свободными в своей исторической коммуникации, не составляя единого объективного общезначимого содержания веры: общей чертой всех верований в их отношении к мировому порядку может быть только то, что все они будут стремиться к такой структуре и основам мирового сообщества, в котором каждая вера обретает возможность раскрыться с помощью мирных духовных средств»*.

Об обоснованности этих доводов свидетельствует весь опыт истории: сохранение национальных религий в империи Александра Македонского, расщепление христианства на множество национальных и региональных ответвлений. То же самое относится к исламу и другим вероисповедным системам. В этом контексте любопытно утверждение К. Леви-Стросса, который объяснял крушение культур Мексики и Перу под ударами завоевателей тем, что их *«культурная коалиция была основана между партнерами, менее отличающимися друг от друга, чем в старом свете»*. Это значит, что разнообразные культуры и верования не исключают, а, наоборот, дополняют друг друга.

Необходимо признать, что единообразный космополитический мир — малопривлекательное для жизни место. Это особенно верно применительно к всепланетарной цивилизации, которая предполагает новый неизмеримо более высокий уровень сложности и многообразия. К тому же особенность нынешнего этапа универсализации всепланетарных масштабов состоит в том, что для многих народов национальный суверенитет, требование национального самоопределения сохраняют позитивную значимость в качестве необходимого условия самовыражения, утверждения своей идентичности и важной интегрирующей силы.

Раз возникнув, социальная система продолжает создавать условия для своей дальнейшей эволюции. Вместе с тем любая система, чтобы сохранять жизнеспособность и динамичность, должна быть открыта для воздействия извне. Если же она отгораживается от внешних воздействий и замыкается в самой себе, то она обречена на бесплодие. Ее самосознание переходит в самолюбование, при поиске истины о себе и о мире она обращается к зеркалу, вместо того чтобы смотреть в окно.

В этом смысле легенда о Нарциссе может быть применима в отношении целой цивилизации. Но достоинством и гарантом жизнеустойчивости евроцентристской цивилизации является то, что ей был чужд социально-исторический или культурный нарциссизм. На всех этапах своей истории она была открыта во всех направлениях, что служило важнейшим генератором витальной энергии.

И сейчас конец евроцентристского мира — отнюдь не есть смерть или исчезновение с исторической арены западной рационалистической цивилизации, ее превращение в факт истории. Германский теолог, профессор К. Ранер отмечал, что невозможно сколько-нибудь точно предвидеть, предсказать перспективы и судьбы европейской культуры, но *«эта неизвестность еще не дает права на отречение и покорность»*, права на смирение перед *«неизбежностью»*. Необходимо противопоставить этой неизвестности свою волю, выбрать борьбу, хотя ее результат пока и не ясен. Но оптимизм в этом аспекте внушает хотя бы тот факт, что если в прежние эпохи упадку цивилизаций сопутствовали стагнация и упадок техники и производства материальных благ, то в наше время совершенно иная ситуация — конец евроцентристского мира и формирование новой всепланетарной цивилизации сопровождаются беспрецедентным скачком научно-технического прогресса.

В нашем случае речь идет, во-первых, о трансформации рационалистической цивилизации, во-вторых, о формировании всепланетарной полицентрической цивилизации, интегрально включающей в себя важнейшие базовые компоненты евроамериканского мира. Поэтому, обосновывая мысль о конце евроцентристского мира и идеи евроцентризма, вопрос нельзя представлять как восхождение востокоцентристского мира в смысле *ex Oriente lux*. Как образно говорил В. Соловьев, «духовным сердцем» мира была Палестина, где родился Богочеловек — Христос. Западнее Палестины, по его мнению, утвердился безбожный человек, а восточнее — бесчеловечный бог. Поэтому, говорил он, истинная альтернатива формируется там, где раскрывается богочеловеческое единство, а не на Востоке, где оно разрушается попранием человеческого достоинства, и не на Западе, где оно разрушается самопревозношением человека.

Разумеется, мы не будем дословно интерпретировать эту мысль философа, но постараемся вникнуть в заложенный в нее глубокий смысл, суть которого состоит в призыве к органическому синтезу западного и восточного начал. Поэтому в рассматриваемом контексте речь может идти не о замене одной цивилизации другой, а о двух непрерывных и последовательных главах истории одной и той же цивилизации. Начало второй главы этой истории озаглавлено глобализацией двуединого процесса дивергенции и унификации, усложнения и упрощения.

В данной связи несколько односторонним представился тезис о том, что новый мировой порядок обернулся новым мировым беспорядком, что мир погрузился в неуправляемый хаос. Хаос? Да! Но хаос в отдельных специфических регионах в рамках динамической, не всегда четкой устойчивости на общественном уровне, которая все же определяется соотношением сил и совокупной волей великих мировых держав.

Как установлено исследованиями в области синергетики, хаос не всегда нужно представлять как зияющую бездну, как сугубо деструктивное начало. По справедливым замечаниям Князевой и Курдюмова, при определенных условиях хаос *«может выступить в качестве созидającego начала, конструктивного механизма эволюции... из хаоса собственными силами может развиваться новая организация»*. Нередко то, что в тот или иной исторический период воспринимается как хаос, беспорядок, есть лишь проявления нарушений, эрозии привычных форм жизни, представлений, приоритетов, ценностей, форм и т.д. Хаос и беспорядок могут служить исходным рубежом для конструирования новых форм жизнеустройства. В такие периоды люди обнаруживают способность подвергать сомнению основы собственного существования, самого мироздания, истинность господствующих богов и верования и т.д. Происходит двуединый процесс закрытия и увеличения открытости мира. Мир как бы замкнулся в пределах земного шара, но в то же время он не перестал быть, а, наоборот, в еще большей степени стал открытой бесконечностью, разнообразие и многовариантность которой невозможно уложить в прокрустово ложе какой бы то ни было рациональной схемы. Мир становится одновременно более единообразным и более многообразным, некоторые возможности растут, в то время как другие уменьшаются. Более стандартизированные формы существования являются результатом тех инноваций, которые дают людям возможность делать разные вещи и по-разному обустроить свою жизнь.

Как утверждал Э. Дюркгейм, уменьшение коллективного многообразия в Новое время между регионами, нациями и классами компенсировалось увеличением многообразия на индивидуальном уровне. Для мира наших дней этот тезис отнюдь не потерял актуальность, а стал еще более значительным. Гомогенизация экономических отношений, технологических и индустриально-производственных процессов сопровождается существенной дифференциацией на субрегиональном и субнациональном уровнях, на уровне жизненных корней.

По мнению приверженцев мусульманской экуменической секты бехаизма, выступающего за синтез всех мировых религий, существует вечная трансцендентная реальность. Она подобна свету, который, преломляясь в призме, видится то синим, то желтым, то зеленым, то красным. Но ни один из этих цветов не есть сам свет. Точно так же ни одна религия не есть сама Религия. И действительно, как подчеркивал один служитель православной церкви, стены, разделяющие различные религии и веры, не достигают неба. Каждому народу трансцендентное, бог (назовите его, как хотите) является в разных ипостасях.

Иначе говоря, из составляющих той или иной национальной культуры люди выводят свою идентичность. Эта идентичность определяется также от обратного, в том смысле, что с помощью культуры выясняется не только кто есть кто, но и кто не есть кто. Здесь идентичность устанавливается скорее путем противопоставления, а не положительной ассоциации с ценностями, языком, страной и т.д.

Очевидно, что идентичность того или иного народа формируется, воспроизводится и передается от поколения к поколению в качестве важнейшего компонента его культурного гено типа. Согласно библейской традиции, тело Адамово было сотворено из праха всех четырех частей света и в нем соответственно дыхание сил и духов всей земли. Комментируя эту традицию, И.Г.Гердер подчеркивал: *«нет на земле ни четырех, ни пяти рас...цвет кожи постепенно переходит один в другой и в целом — каждый лишь оттенок великой картины одной и той же, простирающейся через все страны и времена земли»*. Но вместе с тем Гердер был одним из первых европейских мыслителей, осознавших факт далеко идущих различий между отдельными типами людей и народов. Исходя из тезиса о разнородности человеческой природы, он, в частности, пришел к выводу, что своим характером китайская цивилизация обязана особенностям природы самих китайцев, а не географии или климату Китая. Поэтому, считал Гердер, решающими факторами в общественно-историческом развитии оказываются особенности людей и народов того или иного типа, прежде всего расовые, унаследованные психологические и др.

На мой взгляд, и в наши дни не потеряла актуальность позиция Гердера, который считал всемирное гражданство нелепостью. Люди производятся, воспроизводятся и социализируются в определенной социокультурной среде. Как писал И.Берлин, *«если возникает общество, в котором люди не являются продуктом определенной культуры, не имеют родственников и близких, ... и не имеют родственного языка, то возникает угроза засухи и исчезновения всего того, что делает человека человеком»*. Если, продолжал И.Берлин, на смену множеству языков придет единый универсальный язык, который вряд ли даст возможность всем людям земли выражать оттенки, эмоции, внутреннюю жизнь, то это будет означать не создание общемировой единой универсальной культуры, а смерть культуры.

Несмотря на высокую степень интенсивности передвижения естественных ресурсов, товаров и информации, немаловажным препятствием на пути ускорения процессов унификации и космополитизации, а также широкомасштабных миграций населения остаются языковые и культурные барьеры, традиции, нравы, обычаи и т.д. Естественно, в мире, особенно на Западе, есть немало космополитически ориентированных людей, которые называют себя гражданами мира. Но все же подавляющее большинство людей продолжают считать себя представителями определенной нации или народа. Они еще не готовы рассматривать себя в качестве представителей абстрактного человечества, неких абстрактных людей, лишенных базовых расовых, этнонациональных, антропологических, культурных и иных признаков.

Разумеется, человечество и отдельно взятый народ относятся друг к другу как родовое понятие к видовому. Отвлеченная сфера общечеловеческого шире сферы племенного, национального, но без последнего само общечеловеческое в реальном значении этого слова не существует и не может существовать.

Процессы глобализации и универсализации и связанные с ними космополитизация и определенная унификация стилей жизни, форм поведения, моды и т.д. в масштабах целых народов, стран и регионов с большой вероятностью порождают и обратную реакцию — возрождение и интенсификацию приверженностей национальным культурным ценностям и традициям, стремление подчеркивать свою уникальность, различие и т.д. Более того, чем сильнее тенденции к универсализации и унификации внешних сторон жизни, тем люди склонны больше дорожить такими внутренними, характерологическими компонентами, как традиции, религия, язык, культура своего народа. Следует отметить, что в периоды подобных трансформаций обостренно выдвигаются проблемы национальной идентичности народов, а также проблемы, связанные с их стремлением к самобытности и самоопределению.

Любой цивилизации интегрально присущи конфликты не только интересов, но и основополагающих ценностей. В многомерной реальности цивилизации, а тем более всепланетарной, и ценностные системы многомерны. Они лежат глубже политики и экономики, составляя незримую основу последних. Таким образом, в современных реалиях речь может идти как об экономическом и политическом плюрализме, так и плюрализме социокультурном, этнонациональном, конфессиональном, ценностном и т.д. Осознав это, необходимо признать реальность многоукладности жизни различных народов, наций, вообще человеческих общностей. Поэтому очевидно, что параметры и характерологические признаки всепланетарной цивилизации могут сложиться в различных регионах и странах с разными экономическими, социальными, политическими и иными показателями.

Не может быть единого мира с едиными верой, системой мирозерцания и миропонимания, нормами, ценностями, жизненными установками и т.д. Единый мировой порядок возможен лишь как открытое, динамическое пространство для свободного сосуществования и самосуществования разнообразных народов, культур, религий, форм миропонимания, ценностно-нормативных систем и т.д. Как говорил Ж.-Ж.Руссо: *«Я такой, как все. Я не похож ни на кого»*. В обоих случаях французский мыслитель прав — мы все одинаковы по заложенным в нас человеческим первоначалам и в то же время разные по формам и путям реализации данных первоначал. Это еще в большей степени верно, когда речь идет о различных народах, этносах, культурах и цивилизациях. Каждый народ, равно как и каждый человек, имеет собственное понимание добра и зла, справедливого и несправедливого, правого и неправого, поэтому попытки найти для них объективные основания и обоснования сопряжены с антиномиями, зачастую неразрешимыми.

Заимствуя друг у друга различные технологии, европейские народы сохранили свой субстанциональный характер, и именно это дало им возможность быть членами единой европейской цивилизации, оставаясь одновременно французами, итальянцами, испанцами, англичанами и т.д. Каждый из них внес свой особый, уникальный вклад в общее дело. Почему же восточные народы не могут внести каждый свой — и тоже уникальный — вклад в формирующуюся всепланетарную цивилизацию, сохраняя при этом свою национальную идентичность?

Победа западной рационалистической цивилизации во всепланетарных масштабах означала бы победу рационального начала, соединенного с индивидуалистической инициативой и ответственностью, их глобализацию и универсализацию. Однако, как отмечал Ю.М.Лотман, *«Культура живет, пока она борется за свое существование. Борьба — это молодость, подъем. А победа часто является поражением. Победа — это начало изоляции и борьбы с новой культурой, идущей снизу»*.

Подобно технологиям могут быть заимствованы важнейшие элементы экономики и политики. Но сложнее обстоит дело с внутренней силой культурного развития. Здесь необходимо проводить различие между характером и умом, духом и знанием. Ум и знание приобретаются в процессе жизненной практики, а характер и дух коренятся в самой сущности народа. Гераклит не без оснований говорил: *«многознание уму не научает»*.

В рассматриваемом контексте это высказывание (учитывая различие терминов во времена Гераклита и в наше время) можно так перефразировать: многознание научает уму, но не духу и характеру. Характер народа воплощается в традиции, которая составляет социокультурную и национально-историческую субстанцию человеческого бытия. Качества характера могут укрепляться, обогащаться и оттачиваться жизненной практикой, но в отличие от открытий ума и знаний не могут передаваться от одного народа к другому.

Многое из того, что создается умом, по своей сути носит универсальный характер, например техника. Она как таковая нацелена на массовое производство и повсеместное применение. Как отмечал Г.Лебон, *«открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние каждого народа. Это неизменный утес, в который волна должна бить изо дня в день в течение веков, чтобы обточить только его контуры; он соответствует специфическому признаку народа, плавнику рыбы, клюву птицы, зубу плотоядного»*.

Можно сказать, что судьбу того или иного народа в истории определяет не только и не столько ум, сколько его характер. Так, для римлян периода упадка Римской империи был характерен более утонченный, чем у их предков, ум, однако они потеряли такие важнейшие качества своего характера, как энергичность, настойчивость, упорство, приверженность государственному идеалу и т.д., что и стало главной причиной их исчезновения с лица земли.

Как образно выразился Т.С.Элиот, демократия представляет собой нечто вроде сочетания машины и растения. Причем если машина символизирует принцип универсальности, одинаково проявляющийся во всех странах, то растение — принцип уникальности, укорененный в каждой национальной культуре. Именно такое сочетание уникальности и универсализма мы встречаем в трансформации современного Востока.

Подводя итог всему сказанному выше, отметим, что в западной цивилизации приоритет принадлежит уму, рациональному началу. Распространяясь дальше на Восток, она впитывает в себя дух и душу, которые приобретают статус, равный, по крайней мере, статусу мозга. Характерное для этой цивилизации распространение или пространственное расширение дополняется углублением, восстановлением значимости символов, преодолением иррелигиозности религии.

Эти моменты не всегда поддаются рациональному объяснению, их можно понять лишь на интуитивном уровне (термин «интуиция» означает «обучение изнутри»). Другими словами, синтез Запада и Востока может выравнить в правах и по статусу рационализм и веру, научный анализ и интуицию. Как отмечал бывший президент Чехословацкой республики Э.Бенеш, *«исключительный перевес разума приводит к сухому, неживому схематизирующему интеллектуализму; исключительный перевес чувства ведет к нереальному, фантастическому, не способному к жизни и осужденному на неуспех мечтательству и крайне опасным экспериментам»*.

Позволю себе провести следующую аналогию. Как установлено современной наукой, головной мозг человека состоит из двух симметричных полушарий, различающихся по своим функциям. Если левое полушарие связано с рациональным, логическим мышлением и вербализацией, то правое полушарие функционирует на бессознательном уровне и связано с интуитивной творческой деятельностью. Учитывая эти особенности, Ф.Фезер пришел к выводу, что с деятельностью левого полушария связаны индустриализм, стремление к достижениям вовне, индивидуализм, самоконтроль, механизм и т.д. Правое же полушарие имеет дело преимущественно с постиндустриализмом, самоактуализацией, самовыражением, чувством взаимозависимости и гармонии человека с окружающей природой и т.д.

Западное общество в большей мере ориентировано на левое полушарие, т.е. на рационально-логическую деятельность, в то время как восточное общество — на правое, т.е. на интуитивное и иррациональное начала. Очевидно, что для нормального функционирования мозг нуждается в обоих полушариях, которые взаимодополняют друг друга.

По аналогии с этим единое мировое сообщество не может быть жизнеспособным и динамичным, основываясь лишь на одном из двух начал. Как раз органическое сочетание этих двух начал в их взаимной борьбе и взаимодополняющем сосуществовании способно придать цивилизационной динамике новую витальную энергию.

Контрольные вопросы

1. Когда появилось понятие «цивилизация»?
2. Какое в него вкладывается содержание?
3. Какое, по вашему мнению, соотношение индивидуалистического и коллективистского начал на Востоке и Западе?
4. Как вы оцениваете тезис об извечной пассивности Востока?
5. Что подразумевается под синтезом двух начал?
6. Каковы, на ваш взгляд, перспективы такого синтеза?
7. Что вы понимаете под единством в многообразии?

11. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

11.1. Демократия как народовластие

В предыдущих главах уже затрагивалась проблема интеграции экономики стран Востока в мировую экономику. Более сложна и противоречива проблематика политической модернизации региона, предполагающей прежде всего переход от диктаторских, авторитарных форм правления на рельсы демократизации. В этом плане на всем Востоке, как выше указывалось, уже достигнуты значительные успехи. Так, по данным организации «Фридом Хаус», публикующей ежегодный анализ состояния свободы в мире, в 1972 г. было 42 свободные страны, то в 1991 г. их число возросло до 75. Особую актуальность проблеме придает тот факт, что многие исследователи и наблюдатели связывают с демократизацией перспективы исключения войн из жизни народов.

В данной главе внимание концентрируется на одной из ключевых проблем, раскрытие которой, на мой взгляд, даст самое общее представление о тенденциях и сущностных особенностях формирования единого мирового сообщества, или единой всепланетарной цивилизации. Прежде всего важно определить, сводятся ли процессы, происходящие в экономических, социальных, политических и иных структурах различных регионов и стран современного мира, к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов. Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно показателем «конца истории» или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другим.

При этом необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин «демократия» в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие», или «власть народа». В этом смысле основным признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия. Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Должны ли мы исключать различное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни?

Чтобы положительно ответить на этот вопрос, достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки, где базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Почему же нельзя допустить, что народовластие у других народов и в странах других регионов, в том числе и России, может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, нежели, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но при этом особо хочется подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых форм, принципов и институтов западной демократии. Существуют нормы, ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде, вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему.

Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это достигается в результате длительного исторического опыта. Напомню, что формирование и институционализация рыночной экономики и особенно политической демократии на самом Западе заняли несколько веков. Так, если в США республиканский строй с либерально-демократическими институтами утвердился в конце XVIII в., то во Франции он окончательно установился только в конце XIX в. Что касается Италии и Германии, то здесь демократия окончательно утвердилась после второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах — Греции, Португалии и Испании — лишь с середины 70-х годов. В Восточной Европе дорогу демократизации открыли антитоталитарные революции конца 80-х годов и развал Советского Союза в 1991 г.

Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве только в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Но чтобы стать действительным демократом в собственном смысле слова, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с нечто таким, чем он гордится, — собственным языком, собственной символикой, тем, что делает человека таким, каков он есть.

Западные образцы государственности базируются на гражданском обществе, в основе которого лежит принцип приватности и раздельности между разнообразными, зачастую конфликтующими частными интересами. Идея демократии в ее евроцентристском понимании зиждется на постулате, согласно которому индивид важнее группы. Иное дело на Востоке. Если на Западе более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах, то в большинстве восточных стран приоритет отдается групповым правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоставлен данным странам?

Правильный ответ на этот вопрос предполагает поиски ответов на целый ряд других вопросов. Но сначала надо определиться, что конкретно мы понимаем под демократией и совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком, а с некоторыми оговорками и с Россией.

11.2. Совместима ли демократия с незападными культурами?

Прежде всего следует подчеркнуть, что в принципе неверно рассматривать восточные культуры исключительно как коллективистские, а западные — как индивидуалистские, ассоциируя при этом первое начало исключительно с пассивностью и застоём, а второе преимущественно со способностью к развитию. Однако, как представляется, коллективистское и индивидуалистское начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются с разной интенсивностью.

В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала. Что касается рационализма, то его отнюдь нельзя считать исключительным достоянием западного менталитета. Он интегрально присущ конфуцианству и буддизму. Но дело не только и не столько в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них в принципе отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте немаловажный интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран АТР.

По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии и можно ли назвать институционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле данного слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании «демократии японского типа» — некоего гибрида, возможно превосходящего по своей жизнестойкости и продуктивности оригинал, т.е. западную модель.

Со времени появления «Протестантской этики и капиталистического духа» М.Вебера экономическая деятельность теоретически связывается с культурой. И сейчас культурологический подход часто используется при объяснении феномена «экономического чуда» в азиатских странах. Здесь ударение делается на элементы конфуцианства, ориентирующие на экономический рост. Например, Г.Розмен говорит о восточноазиатском конфуцианстве как равновеликом западному капитализму и европейскому социализму феномене. По его мнению, эти три феномена составляют культурные системы, конкурирующие между собой за мировое господство. Он подчеркивал такие элементы конфуцианства, как дисциплина и бережливость, которые особенно благоприятно повлияли на быструю модернизацию. По этой логике, феноменальный рост континентального Китая, начиная с конца 70-х годов, можно рассматривать как результат отказа коммунистического режима от маоистской идеологии и возврат к традиционной китайской культуре.

В поисках причин, способствовавших бурному развитию японской экономики, многие исследователи обнаружили сходство отдельных базовых элементов японской культуры с западной культурой. Начало такому подходу, собственно говоря, положил японский ученый К. Наито в 1941 г., который так же, как М.Вебер, проанализировав роль протестантизма в формировании капиталистического духа, пытался выявить роль этики буддийской секты «Дзедо Синсэй» в модернизации Японии.

Эту линию продолжили западные исследователи, в частности известный американский социолог Р.Белла в книге «Религия Токугава». Как считал американский японовед М. Дзе, «японское трудолюбие, бережливость и дисциплина, близкие к протестантской этике, имели глубокие корни в японских обычаях и идеях, не обязательно связанных с каким-то особым религиозным опытом. Фактически вполне возможно, что экономическое развитие и индустриализация Японии произошли бы независимо от традиционных японских ценностей».

В учении буддийской секты «Дзедо Синсэй» можно найти целый ряд наставлений вроде: «Бодрствуй и не уклоняйся от усердного труда утром и вечером», «Будь умерен в бесцельной роскоши», «Работай усердно дома», «Не играй в азартные игры» и др., которые весьма напоминают наставления Б.Франклина в его знаменитом «Альманахе Бедного Ричарда».

Вместе с тем во всех восточных религиях можно встретить доводы в пользу таких добродетелей, как трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность, преданность и т. д. Х.Накамура даже нашел соответствие западным, особенно протестантским, идеям индустриализма, модернизма, трудовой этики, призвания и т.д. в учении дзэнского монаха С.Судзуки (1576–1655), который, в частности, считал, что всякое дело является испытанием веры и все профессии — проявление Божественного Абсолюта. По его мнению, наилучший путь буддийской религиозной практики — это преданность земным делам человека, его трудовому призванию (совсем как у М.Лютера. — К.Г.).

Интересны с этой точки зрения взгляды создателей китайской версии социал-реформистской концепции «государственного социализма» в начале нынешнего столетия Ч.Цзюньмая и Ч.Джунсуня, которые, как отмечал В.Г.Буров, руководствовались идеей синтеза западной (буржуазной) философии и китайской традиционной идеологии, главным образом конфуцианства. Разрабатывая свою концепцию личности под влиянием западных идей, Ч. Джунсунь тем не менее утверждал, что такие элементы китайской традиции, как «признание важности индивида» и «уважение к человеческому достоинству» при соответствующем развитии могут сблизиться с западными концепциями личности. А аналогии западной концепции свободы он находил в китайской идее «самоудовлетворения» (изыдэ), достигаемого в случае, когда «каждый следует своей природе» и «живет в гармонии с разумом».

Но было бы непостижимым и недопустимым упрощением свести факты модернизации Японии, равно как и других стран АТР, к тем элементам их социокультурной матрицы, которые имеют свои аналоги в культуре и менталитете Запада. В действительности, при близком рассмотрении подобные рассуждения зачастую оказываются поверхностными, не затрагивающими существенные характеристики системообразующих компонентов менталитета народов этих стран.

11.3. Ценности органических культур как основа восточной демократии

Уже сами приведенные выше характеристики свидетельствуют о том, что в базовой ткани общества и менталитета народов этих стран присутствуют те элементы, которые при соответствующих условиях готовы к восприятию и воспроизводству ценностей и отношений рынка и политической демократии. Как будет показано ниже, этим ценностям и отношениям отнюдь не противоречат и те базовые компоненты менталитета и традиций, которые принято считать чисто восточными. Остановимся на некоторых из них.

Как показывают многие исследования, в отличие от иудео-христианской и исламской традиций, которые основываются на вере в единого трансцендентного бога, ценностные системы в японской и китайской традициях характеризуются преимущественной ориентацией на посюсторонние проблемы. К тому же как конфуцианству, так и буддизму чужд монотеизм, что делало их в сущности открытыми вероисповедными системами, хотя буддизму не чужда вера в трансцендентную божественность.

С этой точки зрения большой интерес представляют данные исследования японского политолога Т.Ишиды. По его мнению, особенность японской национальной традиции в ипостасях, будь то японизированного буддизма или синтоизма, состоит в том, что вера в бессмертие государства породила у японцев самоотверженную преданность государству, доходящую до его обожествления. Преданность роду или семейной чести (іе), почитание предков породили идею, согласно которой отдельный индивид не должен быть озабочен проблемой своего благосостояния сейчас, а обязан верить в бессмертие іе и добровольно жертвовать собой за его честь. Даже культ императора, вера в его божественность были основаны на убеждении, что он символизировал бессмертие государства.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что японцы всегда проявляли большую гибкость и готовность принять иноземные элементы, если они рассматривались как полезные для развития страны или усиления позиций правящего класса. Как писал Т.Ишида, уже в VI в. Япония заимствовала иноземные элементы из китайской, индийской (буддизм через Китай и Корею) и других культур. С течением времени становится труднее определить, какие элементы истинно японские, а какие иноземные. Возможно, правильнее говорить, что интегрирование иностранного влияния, превращение его в нечто по сути японское уже само по себе является японской традицией.

В силу этой традиции различные европейские «измы» были органически интегрированы в структуру японского менталитета. Это, по-видимому, облегчалось прежде всего отмеченным выше отсутствием здесь идеи трансцендентного бога и монотеизма, что в определенной степени амортизировало возможный конфликт с автохтонной японской культурой. Христианство с его единобожием создало в Японии определенные проблемы. Показательно, что даже в наше время численность христиан в стране составляет лишь 1% всех верующих.

В культурной матрице многих восточных народов несколько начал, вступающих в диалог друг с другом. Характерно, что, например, в Китае один из минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лао-цзы и Будда объявлялись покровителями Поднебесной. Поэтому неудивительно, что основу китайской традиции составляет не только конфуцианство, но также легизм, даосизм, буддизм. Это стало в некотором роде фактором, способствовавшим утверждению в Китае терпимости к инаковерию. Примечательно также то, что в Индии и Китае не было религиозных войн, подобных тем, которые время от времени возникали в Европе. Поэтому невозможно себе представить китайский, индийский или японский аналоги инквизиции.

Что касается Японии, то для нее характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осацкого университета Я.Масакадзу, *«западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнить с легированием металлов или с химическим соединением. В отличие от этого в Японии элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохранили все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи»*.

В западном культурном плюрализме гомогенные единицы или группы базируются на едином основании, например на христианстве (хотя в нем и выделяются различные направления). В Японии же, напротив, обнаруживается плюрализм гетерогенных единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях. Наряду с буддизмом и синтоизмом здесь определенную роль играет христианство. Сущность японского плюрализма выражается в сочетании и сосуществовании в одной и той же личности различных вкусов, форм ментальности, обычаев, стилей жизни. Например, многие японцы выполняют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят покойников согласно буддийским обрядам, а в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль. В то же время во многих японских семьях пустила корни христианская этика. Некоторые японцы привержены одновременно двум или более религиозным верованиям. Нередко встречаются семьи, у которых есть одновременно синтоистский, буддийский и даосский алтари.

Японские религиозные организации носят всеохватный характер и допускают наличие разнородных членов. Как правило, у японцев синто выполняет роль интегрирующего общества начала, конфуцианство определяет житейскую мораль, а буддизм является связующим с потусторонним миром.

В целом в японский вариант человеческого фактора экономического развития вошли такие компоненты нравственного кредо конфуцианства, как человеколюбие (жэнь), чувство долга (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун), соблюдение норм общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который получил название «японский дух». По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить каждого японского работника в «самурая XX в.», действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез «японского духа» с западным техническим гением по формуле «японский дух — западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике.

Реформистское движение, развернувшееся в Китае примерно одновременно с Реставрацией Мэйдзи в Японии, сделало своим лозунгом формулу «китайские знания — сущность, западные знания — инструмент». По мнению российских синологов, он был выдвинут на рубеже Минской и Цинской эпох. Вторая часть данной формулы указывала на возможность и необходимость применения западной науки и техники в целях социального и экономического развития Китая. Некоторые китайские деятели (например, лидер Движения за реформы в конце XIX в. Вэй Юань) выступали с предложениями заимствовать у Запада не только технологии, но и политические институты. Но были и такие, которые требовали полного отказа от традиции и конфуцианства вообще, полагая, что они являются главным тормозом для дальнейшего развития Китая.

Хрестоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности восточной органической политической культуры приверженности ее носителей групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защите индивидуума от давления общества и государства японская модель, например, делает акцент «на самоограничении личности, стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов».

Симптоматично, что, учитывая эти и множество других особенностей, ряд авторов называют японскую экономическую систему «некапиталистической рыночной экономикой Японии». Показательно с рассматриваемой точки зрения и то, что японская система управления получает все большее признание на Западе. Один из основных принципов этой системы состоит в том, что все члены фирмы связаны между собой узами взаимных обязательств, т.е. образуют своего рода «семью». Здесь группа важнее, чем отдельно взятый индивид. Считая, что каждый член «семьи» находится в неоплатном долгу перед остальными ее членами, как сын перед матерью, японцы стремятся укреплять гармонию внутри группы, для чего широко практикуют систему продвижения по службе и оплаты труда по старшинству.

В японской политике на общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы согласования интересов и принятия решений, которые весьма напоминают корпоративистские. Это способствует усилению позиций тех сил, которые способны действовать скрыто, обходя выборные органы и представителей, используя неофициальные закулисные обсуждения и согласования.

Как показывают многочисленные исследования, подобного рода национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Востока — как АТР, так и других регионов. По существующим данным, корейцам несвойственно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Как правило, они соотносят свое поведение с интересами и целями «своего» коллектива. Например, семья, в которой отношения более или менее жестко регулируются нормами конфуцианской этики, представляет собой важнейшую доминанту, определяющую поведение корейца в важнейших сферах жизни.

Наряду с семьей в качестве регулятора поведения корейца важную роль играют землячества, родственные, клановые, школьные, институтские и иные связи. Зачастую обнаруживается, что споры между различными группировками в Южной Корее основываются на противоречиях между различными регионами страны, в частности из-за разногласий между элитическими группировками столицы и провинций.

Некоторые авторы отмечали, что у социализма с китайским лицом значительно больше общего с капитализмом тайваньского образца, чем с социализмом в бывшем СССР, или же у тайваньского капитализма значительно больше общего с китайским социализмом, нежели с западным капитализмом. Очевидно, что важной особенностью политической культуры этих стран является приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям.

Все это имеет мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. В целом в Японии и некоторых других странах АТР достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социо- и политико-культурной сферах. В частности, сохраняется значение таких ценностей, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархиях. Подобных особенностей можно привести еще множество.

Хотелось бы отметить еще один момент. Господствующие на Западе концепции личности в большинстве своем основываются на идеале индивидуализма. В действительности же такая постановка вопроса не во всем соответствует реальностям самой западной культуры, тем более не соответствует она культурной матрице других народов. При таком подходе общество изображается как конгломерат изолированных, самостоятельно действующих индивидов, существующих отдельно от общества и культуры.

11.4. Проблема соотношения индивидуальной свободы и демократии

Все сказанное позволяет сделать вывод о неправомерности отождествления демократии преимущественно или даже исключительно с индивидуальной свободой. Тем более не правомерны построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации сюда западных ценностей, норм, установок, прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции.

В данной связи интерес представляет следующий факт. В 60-х годах был популярен тезис, согласно которому конфуцианская этика была объявлена главной помехой модернизации и экономического развития стран Восточной Азии. Известный американский синолог Дж. Левинсон в своих работах, опубликованных в конце 60-х годов, пытался обосновать мысль о том, что уже к началу XX в. конфуцианство изжило себя и отныне его место в исторических музеях. Однако последующие десятилетия ознаменовались возрождением влияния и популярности конфуцианства. В одних странах раньше, а в других несколько позже были раскрыты динамические потенции конфуцианства, в частности и традиционного наследия. Как на Западе, так и на Востоке появились работы, в которых обосновывалась мысль, что общества с конфуцианской культурной традицией обладают большими, чем иные общества, потенциями модернизации. В 80-х годах именно ее стали рассматривать в качестве чуть ли не главного фактора бурного экономического взлета новых индустриальных стран этого региона.

Точно так же в наши дни стереотипным остается утверждение, что исламская культурная традиция составляет главное препятствие на пути установления демократических режимов в мусульманских странах — и это несмотря на позитивный пример Турции, Египта, Марокко, Малайзии. Здесь нельзя не отметить, что в исламе наряду со страхом перед фитной — подрывом единства и подчеркиванием роли уммы (сообщества) — важное место занимает постулат о бидаате — обновлении. Но в каком смысле трактовать это «обновление» — дело самого трактующего.

Культуры и цивилизации, продемонстрировавшие свою пригодность к истории, в самих себе черпают жизненные силы: в борьбе за самоидентичность и выживание любая культура или цивилизация конкурирует с другими, как с параллельным, так и теми, которым они приходят на смену. Внутри нее также происходит острая конкуренция между различными компонентами, ценностями, нормами и т.д.

Необходимо, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитета присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка. Как показал опыт Японии и новых индустриальных стран, такие ценности, нормы и установки не обязательно предполагают идеи и принципы индивидуализма и личной свободы в сугубо западном их понимании.

Модернизация в этих странах начиналась и осуществлялась в условиях не минимизации роли государства, как это было (во всяком случае в теории) на Западе, а авторитарного режима или сохранения его элементов. Обнаружилось, что в ряде случаев не слабое государство (или государство — «ночной сторож»), а именно сильное централизованное является важнейшим эффективным фактором экономической модернизации. Государство действовало в качестве катализатора и направляющей силы необратимых процессов утверждения рыночных ценностей и отношений в экономике.

С точки зрения экономической эффективности преимущество рынка и экономического либерализма общепризнано. Но сами по себе они не могут справиться с конкретными специфическими социальными, демографическими, экономическими и иными проблемами, стоящими перед развивающимся миром. Экономический либерализм и рыночный механизм в качестве универсальных средств обнаруживают существенный изъян, когда речь идет о стимулировании экономики стран этого региона.

Обоснованность этого тезиса подтверждается опытом так называемых новых индустриальных стран, где государственное вмешательство сыграло немаловажную роль в экономическом восхождении. Их успех во многом определился тем, что был найден необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством. Если бы всецело полагались на принципы свободного рынка и экономического либерализма, то было бы трудно, если не невозможно, добиться эффективного распределения естественных ресурсов. Многие новые индустриальные страны добились экономического прогресса в значительной мере благодаря протекционистской политике государства.

Для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и определенной части исследователей, отождествления ее с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Однако вместе с тем нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации принципов, установок ценностей какого-либо одного «изма», в том числе и либерализма, как бы важен этот «изм» ни был. В противном случае это было бы опять же не демократией, т.е. властью народа или во всяком случае не большинства народа, а лишь его части, придерживающейся либеральных принципов.

Жизнеспособность и эффективность либеральной демократии в решающей степени обуславливались тем, что, интегрируя в себя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы, принципы, она была открыта во всех направлениях — вправо, влево, в центр, в прошлое и настоящее. Важный собственный вклад в формирование теории и политической системы демократии внесли и другие «измы»: консерватизм, социал-демократизм, марксизм и т.д. В данном контексте, возможно, правомерно поставить проблему так: индивидуальные права против прав коллектива или группы, индивидуализм против солидаризма и т.д. применительно к каждому из этих «измов», но не к демократии в целом.

Проблема состоит не в том, соответствуют ли положения того или иного «изма», в том числе и либерализма, или принципы того или иного типа политического устройства критериям демократии, а в том, соответствуют ли эти положения основополагающим постулатам и критериям демократии. Поскольку народ есть не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то демократию как власть большинства народа невозможно представить без этих последних. Это совершенно очевидно, если учесть, что подавляющее большинство людей, как бы они не отрекались от этого, идентифицирует себя с определенной группой, коллективом, сообществом.

Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства свободы личности над всеми остальными ценностями, свободы личности в качестве наиболее значимой моральной и политической ценности. Однако в рамках концепции прав человека представляются весьма трудными постановка и решение специфических проблем национального самоопределения либо обеспечения прав тех или иных национальных меньшинств — так называемых нетитульных народов, а также проблемы их автономии или равного представительства в органах власти.

Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Более того, другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно большей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отношений, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть.

На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах, по сути дела, действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан.

При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентаций и норм, единую модель политической культуры, имеющую, естественно, свои особые субкультуры. В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых Япония — это открытое общество весьма закрытых групп. Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских начал.

11.5. О выживаемости демократии в незападном мире

Один из важных вопросов, возникающих относительно перспектив новых демократий, — это вопрос об их управляемости, выживаемости и сохранности. Изложенное со всей очевидностью показывает, что западные образцы государственности по-настоящему, т.е. в первоначальном евроцентристском варианте, не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и другие традиции и формы ментальности. В то же время последние не могут служить непреодолимым препятствием на пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка и политической демократии.

Поэтому в свете происходящих там процессов можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный актер формирования всепланетарного человеческого сообщества — цивилизации. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации.

Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентаций позволило Японии, Южной Корее и другим странам АТР освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, сохранив многие черты своей традиционной культуры, идти не просто по пути вестернизации, а модернизироваться, сохраняя свою идентичность. И нет никаких данных, говорящих, что множество других незападных стран и народов не могут пойти и не пойдут примерно по такому же пути. Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что целый ряд стран и народов продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Об этом свидетельствует опыт некоторых стран третьего мира, где механическое заимствование западных образцов государственности оборачивалось неудачей и приводило к непредсказуемым негативным последствиям.

Зримым проявлением негативных последствий попыток ускоренной модернизации на западный лад является дуга нестабильности, протягивающаяся на огромные пространства мусульманского мира от Инда до Средиземноморья и стран Магриба¹. Объясняется это прежде всего тем, что заимствовались и насаждались элементарные административные и управленческие механизмы, без учета их органического интегрирования в национальные традиционные структуры. Первый такой опыт провалился в Иране, где шахский режим под патронажем США пытался постепенно пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения.

Очевидно, что на поставленный выше вопрос о том, движется ли весь мир в сторону демократии, ответ неоднозначный: «да», если речь идет об определенной группе стран, каждая из которых исходит из собственного понимания демократии, но с учетом западного опыта; «нет», если имеется в виду однозначная вестернизация или модернизация на западный лад всех незападных стран и народов. Крах и поражение чего-либо одного не обязательно приводит к победе и утверждению чего-либо другого.

Может быть и так, что в игре теряют все вовлеченные в нее стороны или же во всяком случае одна из сторон может потерять, но остальные тоже ничего не выиграют. Наглядным подтверждением этого тезиса является то, что вопреки наивным ожиданиям, возникшим после окончания холодной войны, крах тоталитарных и авторитарных режимов не всегда приводил к утверждению демократии. Целый ряд стран — Эфиопия, Сомали, Таджикистан, Грузия и другие — очутились в пучине глубочайшего кризиса, хаоса и дезинтеграции. Многие страны стали ареной реполитизации и ренационализации этнических групп, что сопровождается оспариванием существовавших до того государственных границ.

Начало 90-х годов ознаменовалось резкой сменой курса демократического развития в странах Латинской Америки. Сначала хрупкая демократия в Гаити пала в результате военного переворота и смещения законно избранного президента Аристиды, затем демократия в Венесуэле, считавшаяся традиционной и крепкой, в результате двух попыток государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г. оказалась в кризисе. В том же году нечто вроде переворота совершил президент Перу Фудзимора. Затем в результате острой внутривнутриполитической борьбы со своих постов были смещены президенты Бразилии и Венесуэлы.

Не лучше обстоит дело в исламском мире. Об этом свидетельствует развитие событий в Алжире, где не были признаны результаты всеобщих выборов и введено чрезвычайное положение. В итоге активизировалась деятельность исламских фундаменталистов и резко дестабилизировалась обстановка в стране. Из-за роста фундаментализма были вынуждены прибегнуть к репрессивным мерам власти Туниса и Египта.

В Африке весьма хрупкие демократии, установленные в 1991–1992 гг., не выдержали груза экономических и политических неурядиц. В то же время во многих странах этого континента вопросы, связанные с переходом к демократии, отходят на второй план из-за необходимости решения более радикальных вопросов, связанных с искусственным характером государственных границ и трудностями совместного существования различных этнических групп. Взрывы насилия в Сомали, Эфиопии, Анголе, Руанде, Либерии и т.д. свидетельствуют о том, с какими трудностями сталкиваются африканские народы.

При этом нельзя забывать тот немаловажный факт, что бедность в указанных странах в значительной мере является результатом неспособности их населения воспринимать перемены, идущие извне, конкурировать или действовать по правилам, диктуемым мировым сообществом, в котором первую скрипку играют индустриально развитые страны. Демократия — это средство, позволяющее гарантировать права и свободы человека. Но она не гарантирует от коррупции, неэффективности, несправедливости и некомпетентного принятия решений. Демократия и рынок дают шанс, но не гарантии решения стоящих перед той или иной страной проблем.

Каков же выход из этого в некотором роде замкнутого круга нищеты и насилия? Приведу мнение человека, неплохо знающего ситуацию на африканском континенте, — кенийского историка и западного журналиста. Увидев бесперспективность демократических экспериментов в Африке, А.Мазурик предложил восстановить старую систему опеки Лиги наций, при которой ООН назначала бы группу стран (Совет крупных африканских стран) для управления нестабильными странами.

По-видимому, так называемый «демократический проект» в большинстве африканских стран южнее Сахары, а возможно и не только в них, ожидает такая же невеселая перспектива, как и провалившийся там недавно социалистический проект.

При оценке перспектив демократий в ряде регионов нельзя забывать, что в некоторых странах Африки и Латинской Америки сравнительно легкой победой так называемых демократических оппозиций над авторитарными или однопартийными режимами способствовало изменение внешних условий. С исчезновением социалистического лагеря и распадом Советского Союза левые авторитарные режимы лишились мощной материальной, идеологической и моральной поддержки. Нужно учитывать и то, что в их глазах Советский Союз стал отождествляться с поражением самой системы, а Запад с победой в холодной войне. Это в свою очередь освободило Запад от необходимости однозначной поддержки правых авторитарных режимов, которые раньше использовались в качестве заслона на пути проникновения советского влияния.

Более того, некоторые из этих стран встали на путь перехода к демократии, по сути дела, под давлением западных стран—доноров экономической помощи. Сразу после окончания холодной войны правительства стран-доноров начали открыто связывать предоставление помощи с установлением в развивающихся странах демократических политических режимов и переходом к неолиберальной политике экономического развития. Такой курс был принят, в частности, ЕЭС в ноябре 1991 г. Он отражал ориентацию всех западных правительств. Составной частью в него входили требования о принятии политического плюрализма, уважении закона и соблюдении прав человека, сокращении военных расходов и реализации программ перестройки экономики и т.д.

Важно также отказаться от соблазна оценивать демократию в развивающихся странах по западным меркам. Здесь нельзя не учитывать одно обстоятельство. По справедливому замечанию бразильского политолога Ф.Веффорта, «новые демократии» представляют собой смешанные режимы. Смешение или совмещение институтов и норм вполне обычное явление, поскольку многие режимы, в том числе и традиционно демократические, носят смешанный характер. Так, некоторые современные представительные демократии включают элементы прямой демократии и корпоративизма, т.е. представляют собой некий институциональный гибрид.

Даже в тех странах, где более или менее устойчивые демократические режимы формировались одновременно с завоеванием независимости (Индия, Малайзия, Шри-Ланка и др.), демократические структуры обладают большей спецификой по сравнению с классическими евроамериканскими образцами. Для них характерны политическая нестабильность, этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установки на авторитаризм и клиентелизм, большая роль традиционных ценностей в политической культуре. Нередко они основываются на доминантной партии, которая неизменно находится у власти, постоянно добиваясь превосходства на выборах. Такая система обеспечивает в переходных обществах большую политическую стабильность, чем многопартийная система. Все это свидетельствует, во-первых, о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главной формой самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов или всего земного шара. Дело в том, что каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и т.д.

В данном контексте необходимо учесть и следующий момент. По-видимому, одновременно с повсеместным распространением принципов либеральной экономики и индивидуализма мы приближаемся к той точке, с которой придется вести отсчет кризиса этих принципов, причем кризиса необратимого. Приложение этих принципов предполагает не просто конкуренцию в экономической сфере, а изменения в образе жизни и жизненных стандартах, причем не в пределах какой-либо одной страны или региона, а в масштабах всей планеты. Как уже указывалось, распространение существующих на Западе жизненных стандартов хотя бы на большую часть планеты чревато такой громадной перегрузкой ее экологии и ресурсного потенциала, что они могут просто не выдержать.

Многие моральные принципы уже сейчас вступают в конфликт друг с другом, например защита прав человека с соображениями распространения принципов свободной торговли. Идеал индивидуальных прав и свобод не может не прийти в столкновение с демократическим принципом обеспечения групповых прав социальных, этнонациональных, конфессиональных и иных меньшинств. Очевидно также то, что либеральные и демократические принципы во всяком случае не всегда будут совпадать с национальными интересами тех или иных стран, если не в сугубо политической и идеологической сферах, то в экономической области. Важно учитывать и то, что рынок и демократия даже при повсеместном их торжестве не могут сами по себе элиминировать конфликты между различными странами, в основе которых лежат национальные интересы. Тем более, как выше указывалось, целый ряд стран Африки и Азии (да и просвещенной Европы) уже продемонстрировали свою неготовность к принятию демократических ценностей.

Следует отметить, что при всех господствующих ныне тенденциях и процессах интернационализации и глобализации утверждение демократических форм политической организации в некоторых регионах и странах сталкивается, на первый взгляд, с аномальным явлением, особенно отчетливо заявившем о себе в последние годы, — возрождением религии и национализма.

С этой точки зрения после второй мировой войны переход целого ряда стран (Германии, Италии, Японии) к демократии происходил в рамках двухполюсного миропорядка, в котором идеологический, системный фактор играл одну из ключевых ролей. Поэтому включение этих стран в рамки западного блока и орбиту американского влияния автоматически предполагало их ориентацию на рынок и демократию. Религиозное и национальное начала, по сути дела, занимали подчиненное положение по отношению к идеологическому и системному началам.

В рамках двух полюсов имела место своего рода «денационализация» политики, которая в свою очередь способствовала в той или иной степени ограничению суверенитета. В наши дни переход осуществляется в контексте фрагментации и ренационализации. В Восточной Европе, Средней Азии и на Кавказе территориальный вопрос стал ключевым. Во многих случаях, особенно на постсоветском пространстве, речь идет о восстановлении суверенитета или независимости. Однако зачастую все это ведет не столько к укреплению безопасности, сколько к значительному ее сокращению. С этой точки зрения еще более неприглядна ситуация на африканском континенте, значительные регионы которого стали ареной почти перманентной гражданской войны, то затухающей, то вновь неожиданно вспыхивающей.

В рассматриваемом контексте следует упомянуть еще об одном факте. Согласно оценкам организации «Фридом Хаус», численность населения «свободных» стран возросла на 300 млн человек, а «несвободных» — на 531 млн человек. Ныне в «свободных» странах проживает в общей сложности 19% населения мира. Другими словами, ареал «несвободного мира» не сократился, а наоборот, даже несколько расширился (по крайней мере по численности населения).

Какова бы ни была судьба процесса демократизации, оказывается, что несравнимо легче импортировать институциональные формы либеральной демократии, чем культурные и эпистемологические значения либерализма и демократии. По-видимому, ряд стран, в том числе обладающих большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохраняют полудемократические или даже откровенно авторитарные формы. Этот момент нельзя сбрасывать со счетов, если учитывать необходимость ужесточения правовых и репрессивных мер перед лицом роста терроризма, наркобизнеса и других форм преступности. Поэтому интернационализация и глобализация важнейших сфер общественной жизни не могут означать, при всех возможных здесь оговорках, политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные принципы, ценности и институты демократии.
2. Совместима ли демократия с незападными культурами?
3. Что понимается под органической политической культурой?
4. Назовите основные ее принципы, ценности и установки.
5. При каких условиях демократия способна выжить в незападном мире?
6. Какое значение имеет расширение демократии для геополитического развития современного мира?

12. ЗАПАД В НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

12.1. Что такое двухполюсный миропорядок?

В целом вторую половину XX столетия в международно-политическом плане условно можно разделить на два крупных периода: двухполюсного миропорядка, или холодной войны (вторая половина 40-х–70-е годы) и утверждения нового многополюсного миропорядка после окончания холодной войны (80–90-е годы).

Как выше отмечалось, вторая половина XX в. ознаменовалась тенденциями и процессами, которые в совокупности привели к окончательному завершению господства евроцентристского мира. На протяжении всего послевоенного периода они вносили существенные изменения в характер как самого международного сообщества, так и взаимоотношений между отдельными государствами.

В евроцентристском раскладе геополитических сил основополагающие вопросы международной политики по сути дела решались «концертом» нескольких великих держав Европы. Примерно с испано-американской войны 1898 г. в число этих держав вошли США, а в период между двумя мировыми войнами — Япония. Первая мировая война изменила характер системы баланса сил. В ходе и по окончании войны европейцы вынуждены были признать де-факто законность притязаний США и Японии на роль великих держав и вершителей судеб современного мира. Кардинальные изменения в расклад европейских и мировых сил были внесены постепенным восхождением в 30-х годах Советского Союза.

Особенно далеко идущие изменения в эту систему были внесены второй мировой войной. Мир разделился на две противоборствующие общественно-политические системы — капитализм и социализм. Установилась двухполюсная структура международных отношений в виде противостояния двух военно-политических блоков — НАТО и Варшавского пакта во главе с США и СССР соответственно. О сущности этого конфликта более подробно говорилось выше. Практическим воплощением этого конфликта стала холодная война между СССР и США, Востоком и Западом. Она привела к окончательному расколу Европы и мира в целом на две противоположные системы. Наиболее наглядными результатами холодной войны стали сначала раскол Германии на два государства — Федеративную Республику Германии (ФРГ) и Германскую Демократическую Республику (ГДР) — и Корейская война 1950–1953 гг., которая также привела к образованию на Корейском полуострове двух враждебных друг другу государств — Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) на севере и Республики Корея на юге. В результате начавшейся в 50-х годах национально-освободительной войны против французских колонизаторов Вьетнам тоже оказался разделенным на два государства.

Холодная война характеризовалась усилением недоверия между великими державами, форсированием гонки вооружений, созданием военных блоков, использованием силы или угрозы ее применения в международных отношениях, отказом от регулирования спорных вопросов путем переговоров и т.д. Конфронтационность в отношениях друг с другом обеспечивала как СССР, так и США основу глобальной внешнеполитической стратегии. Такое положение держало в постоянном напряжении весь мир, который был разделен на сферы интересов двух сверхдержав. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон друг против друга. В их глазах каждая из таких войн (или конфликтов) имела значимость не только и не столько с точки зрения решения той или иной конкретной проблемы, сколько с точки зрения выигрыша или проигрыша Востока или Запада. Любой выигрыш одной из сторон в каком-либо регионе планеты или отдельно взятой стране рассматривался как проигрыш другой стороны и наоборот.

Главными движущими факторами поведения обеих сверхдержав и блоков были взаимный страх и озабоченность своей безопасностью. Соответственно в центре внимания и той и другой стороны стояло стремление к наращиванию военной мощи. В итоге сформировалась двухполюсная иерархическая структура мирового сообщества, в которой две супердержавы занимали вершину пирамиды, за ними шли великие державы, далее страны, менее значимые по весу и влиянию в решении международных проблем.

Однако мировые реальности в целом не укладывались в прокрустово ложе двухполюсного миропорядка. Немаловажное значение имели развернувшиеся после второй мировой войны процессы распада колониальных империй и образование множества новых независимых государств, которые придерживались разных идеологических и политических ориентаций. Более того, мир, как выше отмечалось, оказался разделенным на три разных мира — капиталистический, социалистический и развивающийся, которые отличались друг от друга по степени экономического развития, образу жизни, мировоззрения.

Заметные трещины в фундаменте двухполюсного миропорядка появились уже в конце 50-х годов после ухудшения, а затем и разрыва советско-китайских отношений. С данной точки зрения большое значение имело вступление на арену мировой политики движения неприсоединения, внесшего существенный вклад в укрепление мира и добрососедских отношений между государствами.

Немаловажные поправки в двухполюсную схему были внесены постепенным превращением Японии и ФРГ в могущественные экономические державы, Китая в ядерную державу, а также восхождением ОПЕК — организации нефтедобывающих стран, которые поставили своей целью освободиться от экономического диктата индустриально развитых стран.

Двухполюсность подрывалась с возрождением национализма. В Европе генерал Ш. де Голль, успешно используя идею величия Франции, сумел значительно укрепить самостоятельность своей страны в рамках западного союза. В середине 60-х годов Франция вышла из военной организации НАТО, а американские войска покинули ее территорию.

На Востоке же Китай порвал с Советским Союзом и стал проводить курс, полностью независимый от Москвы. С этой точки зрения немаловажное значение имело также образование Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое постепенно превращалось в самостоятельный центр принятия экономических и политических решений.

Брешь в идеологию двухполюсного миропорядка внесло осознание противостояния между Югом и Севером. Не случайно выступление министра обороны США Р.Макнамары 18 мая 1966 г., в котором говорилось о глобальном расколе мира между развитыми и развивающимися странами, между Севером и Югом, привело тогдашнего президента США Л.Джонсона в бешенство. Характерно, что Макнамара обосновывал необходимость *«создания структуры мира (peace), которая включила бы развивающиеся страны, союзников Америки и коммунистические государства»*.

Шестидневная война ослабила роль ООН на Ближнем Востоке. Последовавшие друг за другом кризисы в Доминиканской Республике, на Ближнем Востоке, в Чехословакии, войны во Вьетнаме и Йемене, гражданская война в Биафре показали, что сдержанность государств в отношениях друг с другом — весьма относительная вещь. Одновременно стала давать сбои мировая валютная система, что в конечном итоге привело к отмене Бреттон-Вудской системы и золотого стандарта. На внешнюю политику супердержав все большее влияние оказывали такие факторы, как постепенное приглушение биполярного конфликта, растущая гетерогенность мира, охваченного неподдающимися контролю конфликтами, приобретение как бы второго дыхания принципом национального суверенитета и т.д.

Важным фактором, способствовавшим «разжижению» двухполюсности, можно назвать, в частности, постоянное взаимное «истощение» СССР и США в непрекращающихся фронтальных военном, экономическом, политическом и идеологическом противостояниях. Непрерывное наращивание военных потенциалов сверхдержав вело к замедлению темпов их экономического роста, стагнации научно-технического прогресса в гражданских областях и т.д.

Одновременно имела место тенденция к возрастанию экономического и военного потенциалов, а также международного политического веса союзников СССР и США и ряда «нейтральных» стран. К тому же в реальностях достигнутого к 70-м годам ядерно-стратегического паритета две сверхдержавы вынуждены были отказаться от тотального противоборства и строить отношения, в которых элементы соперничества органически сочетаются с элементами сотрудничества, особенно в сфере обеспечения военной безопасности.

На внешнюю политику сверхдержав все большее влияние оказывали растущее многообразие мира, охваченного неподдающимися контролю конфликтами, приобретение второго дыхания принципом национального суверенитета и другие процессы. Учитывая эти реальности, Г.Киссинджер в книге «Трудное партнерство» снова вернулся к теории баланса сил. Его воззрения имели тем большую значимость, что при президенте Р.Никсоне он стал государственным секретарем и сыграл заметную роль в разработке и реализации внешнеполитического курса Вашингтона. Киссинджер, в частности, утверждал, что все более доминирующие позиции в мире занимают пять великих держав — США, Советский Союз, Западная Европа, Китай и Япония. Исходя из этого он призывал построить мировой баланс государств по модели европейского баланса, существовавшего до первой мировой войны.

Новая дипломатия, сформулированная Киссинджером, предусматривала возвращение ведущих участников мировой политики к отношениям, учитывающим взаимопереплетающиеся интересы. Несовместимые позиции по одним вопросам не должны были мешать достижению временных соглашений по другим вопросам. Внутриполитические неурядицы не должны приводить к международной нестабильности и, что еще важнее, снова должна установиться «международная иерархия: дипломатия снова должна стать достоянием великих держав». Предполагалось, что мелкие страны найдут стабильность в самом этом равновесии сил. Изменения в международной системе должны быть результатом дипломатической игры, а не войн или внутренних восстаний. Естественно, при этом отнюдь не забывали и об интересах США, которым Киссинджер отводил роль главного арбитра в международных спорах. Но при всем том оставалось фактом, что основополагающие вопросы мировой политики продолжали решаться в рамках двухполюсного миропорядка.

12.2. Распад СССР и его последствия для остального мира

В 80–90-х годах эпицентром широкомасштабных событий и процессов, имеющих всемирно-историческое значение, стали Восточная Европа и СССР. Речь идет об антитоталитарных революциях в восточноевропейских социалистических странах и распаде Советского Союза и советского военно-политического блока. Эти события по времени совпали с началом качественных изменений не только в геостратегической структуре, сложившейся в послевоенные десятилетия, но также в общественно-политической жизни развитой зоны мира.

Можно сказать, что распад СССР стал одновременно и последним мощным стимулом, и следствием процессов и явлений, приведших к таким изменениям. Радикальное изменение геополитической ситуации во всепланетарных масштабах произошло практически без единого выстрела. Самым впечатляющим его следствием стал конец холодной войны и состояния фронтальной системной конфронтации двух мощных военно-политических блоков.

Но возникает вопрос: какая из сторон и какие именно факторы сыграли в этом решающую роль? Данный вопрос весьма сложный — на него нельзя дать однозначный ответ. В отечественных и зарубежных материалах СМИ и публицистической литературе в настоящее время преобладает тезис, согласно которому Америка и возглавляемый ею свободный мир одержали сокрушительную победу в холодной войне над могущественным противником в лице советской тоталитарной империи. Для правильного понимания тенденций развития постбиполярного мира этот тезис нуждается в немаловажных оговорках, поскольку реальное положение значительно сложнее. Нельзя отрицать, что Америка и Запад в целом вышли победителями в историческом соревновании с СССР и коммунистической системой. Но тем не менее попытаемся разобраться в этом вопросе.

Большую значимость с рассматриваемой точки зрения приобретает наблюдавшаяся с середины 70-х годов тенденция к пересмотру роли государства в экономической и социальной сферах почти во всех индустриально развитых странах. Это объясняется тем, что конец 70-х–начало 80-х годов стали тем рубежом, когда система государственного вмешательства в том виде, в каком она утвердилась и функционировала на Западе в течение всего XX в., достигла своего апогея и, в определенных аспектах исчерпав себя, очутилась в глубочайшем кризисе.

Показателем этого явилась так называемая неоконсервативная волна 70–80-х годов, в ходе которой левые политические партии и движения были отодвинуты на задний план и во многих странах победу одержали правые и консервативные силы. Центральное место в их программах занимали установки на сокращение роли государства в экономике, децентрализацию, разгосударствление, денационализацию, приватизацию, возрождение частной инициативы, конкуренции, рыночных принципов в экономической и социальной сферах. Лозунгом дня стала формула «меньше — это лучше». Защита прав человека приобрела статус одной из основополагающих проблем государственной и международной политики.

Приход в 1980 г. к власти в США Р.Рейгана и его выбор на второй срок в 1984 г., победа три раза подряд консервативной партии во главе с М.Тэтчер в Великобритании, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и лозунги, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широких слоев населения, что речь идет о глубоком, не ограниченном национальными рамками явлении. Эти идеи и лозунги рано или поздно были подхвачены, по сути дела, всеми остальными ведущими социально-политическими силами, в том числе социал-демократическими и социалистическими партиями. Показательно, что в 80–90-х годах социал-демократические партии, находившиеся у власти, осуществляли фактически неоконсервативную экономическую политику денационализации, разгосударствления, децентрализации.

Кризис государственной централизованно-плановой экономики СССР и других социалистических стран стал одним из проявлений кризиса левизны вообще, охватившего все страны и регионы современного мира. Последние два–три десятилетия характеризовались неуклонным падением влияния левых движений и партий, в особенности коммунистов, в политической жизни развитых капиталистических стран. Среди факторов, оказавших негативное влияние на этот процесс, по-видимому, немалую роль сыграла ставшая к тому времени очевидной неудача социалистического эксперимента в СССР и других странах этого лагеря.

В 30-е годы успехи СССР в ликвидации безработицы и нищеты, введение социального законодательства, решение производственных задач на фоне экономического кризиса на Западе производили огромное впечатление на трудящихся. Однако в 70-е годы лозунги планирования, обобществления, централизации утратили привлекательность в свете очевидных трудностей, возникших в ходе строительства социализма. Напомним в данной связи, что так называемый реальный социализм во всех его национальных формах представлял собой воплощение в жизнь основополагающих идей и принципов левого полюса идейно-политического спектра, доведенных, так сказать, до логического конца. Если в либерально-демократических странах Запады они были довольно успешно уравновешены под влиянием консервативных и либеральных социально-политических сил, то в СССР и других социалистических странах, наоборот, прилагались все силы для того, чтобы «очистить» их от ненужных, «чуждых» напластований и свести к некому единому «изму» в лице марксизма-ленинизма.

В результате на Западе утвердилась смешанная экономика, органически сочетающая в себе различные элементы левизны, консерватизма и либерализма. В силу этого она приобрела открытость, гибкость и способность приспосабливаться к разным условиям. В странах же восточного блока левый проект был реализован в «чистом» виде. Сама логика утверждения и сохранения этой «чистоты» диктовала постоянный крен в сторону централизации и огосударствления системы, ее унификации и закрытия. Поэтому естественно, что на рубеже 70–80-х годов, когда левизна и ее детище — система государственного вмешательства на Западе — достигли предела своего развития и очутились в кризисе, на повестку дня встал вопрос об их ревизии и приспособлении к новым условиям.

На Востоке же сама постановка вопроса о ревизии или изменении системы не могла не расшатать ее основополагающие принципы, поскольку любое изменение могло быть осуществлено лишь в направлении, обратном огосударствлению, централизации и планированию. А последовательное движение в этом направлении в конечном итоге должно было привести к открытости, плюрализму форм собственности и хозяйствования, децентрализации, разгосударствлению, приватизации, абсолютно несовместимым с самой природой тоталитарной, государственно-плановой экономики. Иначе говоря, если на Западе кризис предусматривал просто оздоровление, отсечение устаревших, изживших себя узлов, то на Востоке речь могла идти уже о нечто большем — если не о немедленном крахе, то во всяком случае о ползучей агонии.

Немаловажную роль в рассматриваемом контексте играла и природа советской политической системы, которая носила тоталитарный характер. По многим признакам она представляла собой по-своему совершенную конструкцию, где каждый кирпичик, каждый элемент был строго подогнан друг к другу. Но совершенство это было во многом иллюзорным и эфемерным. Стоило вынуть из нее только один единственный кирпичик, как она могла — что собственно и случилось — рухнуть в одночасье. Образно говоря, она не терпела возмущений как изнутри, так и извне. Идеальное состояние для ее нормальной жизнедеятельности и функционирования — это изолированность от внешних влияний.

Другими словами, опыт СССР и других социалистических стран показал, что тоталитарная система может существовать лишь в условиях более или менее полной экономической, политической и идеологической автаркии, т.е. фактической изоляции подавляющего большинства населения от процессов, разворачивающихся в остальном мире. Не случайно, что тоталитарная система переживала пору своего наивысшего восхождения именно в период, когда она достигла состояния более или менее полной закрытости. Это в целом 30–50-е и с некоторыми оговорками 60-е годы. Хотя надо иметь в виду, что в современном мире немисливо полностью изолировать такую гигантскую страну, какой был СССР.

Далеко идущие последствия для судеб тоталитарной системы имела информационно-телекоммуникационная революция, которая начала разворачиваться во второй половине 70-х годов. Уже примерно со второй половины 60-х годов, несмотря на впечатляющие успехи, достигнутые страной в освоении космоса, достижении военно-стратегического равенства (или паритета) с США, начало все яснее ощущаться, что главным препятствием на пути технологического и социально-экономического прорыва страны становится ее закрытость в отношении внешнего мира.

Информационно-телекоммуникационная революция с каждым годом увеличивала проницаемость государственных границ для потоков информации и идей. Глушение западных радиовещательных компаний становилось все более дорогостоящим и к тому же малоэффективным делом. Дальнейшее стремительное развитие радиотелекоммуникационных средств и множительных аппаратов неумолимо ставило под сомнение саму возможность сохранения в перспективе границ на замке. Становилось все более очевидным, что окостеневший и догматизированный марксизм-ленинизм не в состоянии сколько-нибудь серьезно сопротивляться мощному информационно-идеологическому наступлению Запада.

В результате на идеологическом и пропагандистском фронтах советская система начала сдавать одну позицию за другой. С подрывом идеологии оказалась подорванной и государственно-политическая система. Сначала военный разгром гитлеровской Германии, а теперь уже ставшая очевидной неудача социалистического эксперимента в СССР и других социалистических странах продемонстрировали, что тоталитаризм представляет собой тупиковый путь развития человечества.

Распад СССР, советского блока и социалистического содружества имели своим результатом конец разделения современного международного сообщества на три самостоятельных и нередко противостоящих друг другу мира. Развалилась сама идеолого-политическая ось двухполюсного миропорядка. Потеряло смысл само идеолого-политическое понятие «Запад». Япония и другие новые индустриальные страны АТР как бы снова «вернулись» в Азию и стали азиатскими государствами, способными строить свои отношения со всеми другими странами и регионами вне зависимости от тех или иных идеолого-политических соображений. Отпала также необходимость разделения мирового сообщества по идеолого-политическим или системным критериям на три отдельных мира.

12.3. Конец холодной войны

В сущности холодная война пришла к своему естественному концу в реальностях, которые сделали устаревшими основополагающие условия, ее породившие, когда изменилась геополитическая конфигурация сил, осознавших невозможность действовать по правилам и императивам холодной войны. Поэтому было бы не совсем корректно и легкомысленно рассуждать о том, что СССР сдался на милость своего противника в результате его военного устрашения. Как отмечал Р.Гартхоф, *«холодная война была выиграна не предпринятым Р.Рейганом наращиванием вооружений, не выдвинутой им доктрины, как полагали некоторые»*. Победа *«пришла к Западу, когда новое поколение советских руководителей поняло, насколько плоха их внутренняя система и что их внешняя политика провалилась»*.

Советский Союз, по сути дела, совершил самоубийство, вызванное внутренней несостоятельностью империи. По удачному выражению одного корреспондента газеты «Монд», падение берлинской стены — это «заочная победа капитализма над коммунизмом». Именно заочная, так как неизвестно, сколько еще потребовалось бы сил и ресурсов, если бы руководители самого Советского Союза, встав на путь реформирования, не подписали ей смертный приговор. Все великие империи и державы распались не только и не столько в силу давления извне, сколько в силу нарастания их внутренней несостоятельности.

Очевидно, что «заслуга» в развязывании холодной войны после второй мировой войны принадлежит как США, так и СССР. Очевидно и то, что обе стороны внесли свой вклад и в завершение холодной войны. С этой точки зрения немаловажное значение имели осознание и учет обеими противоборствующими сторонами реальностей ядерно-космического века. Стало очевидно, что в этих реальностях сосуществование государств, прежде всего сверхдержав, означает не некую «передышку» в их борьбе за гегемонию, а состояние их совместного сосуществования, при котором параллели во всевозрастающей степени пересекаются, создавая между ними все большую взаимозависимость. Более того, эта взаимозависимость приобрела глобальный характер. Скажем, такие «традиционные» болезни, как холера, тиф и даже чума при принятии соответствующих мер можно было локализовать национально-государственными границами, а «чуму XX века» СПИД — нет. Радиация, убивающая безмолвно, также не знает национально-государственных границ или иных преград. Эти и другие феномены настоятельно требуют осознания сущностного единства человечества. Окончание холодной войны стало в некотором роде кульминационным пунктом того комплекса сдвигов, которые в мировом сообществе наметились уже с начала 60-х годов.

Важнейшим фактором, обусловившим такое развитие событий, явилось то, что ядерно-космический век, как и всякая другая историческая эпоха, также имеет специфические для него закономерности и тенденции. Их суть состоит в том, что соревнование и противоборство стран и народов сочетаются с нарастающей тенденцией к их взаимозависимости. Экономические, национальные или иные интересы всех без исключения народов оказались сплетенными в единый узел с общечеловеческими интересами.

Как выше указывалось, научно-технический прогресс послевоенных десятилетий имел своим результатом качественное изменение географических факторов бытования большинства стран и народов планеты. Он внес существенные поправки в традиционное понимание национально-государственной безопасности. Немаловажное значение имело осознание реальностей «закрытого» мира, к тому же нашпигованного ядерным оружием. Повидимому, ракетный кризис, разразившийся осенью 1962 г. между СССР и США после размещения на Кубе нашей страной своих ракет, можно считать поворотным пунктом в истории современного мира. Он способствовал осознанию обеими противоборствующими сторонами возможных катастрофических последствий применения ядерного оружия и необходимости предотвращения всемирной катастрофы. Поэтому с значительной долей уверенности можно сказать, что именно этот кризис положил начало тем процессам, которые стали известны под названием разрядки международной напряженности и в конечном счете привели к окончанию холодной войны.

12.4. Позиции руководства США в изменившихся геополитических реальностях

Конец холодной войны, совпавший, как выше говорилось, с окончанием евроцентристского мира, поставил на повестку дня вопрос о новой конфигурации геополитических сил, призванной заменить биполярную структуру мирового порядка.

Очевидно, что с распадом СССР — подрывом одного из полюсов двухполюсного мира — со всей настоятельностью выдвигается вопрос о том, какую именно форму примет конфигурация геополитических сил в мировом сообществе. Поскольку речь идет об уходе с авансцены одной из двух сверхдержав, то напрашивается вывод о единопольном мировом порядке, где в гордом одиночестве господствует одна единственная сверхдержава — США.

Однако нельзя забывать, что с окончанием холодной войны и биполярного миропорядка существенно меняется геополитический статус не только России, но и США, геополитический и геоэкономический контекст отношений этой страны с ведущими странами и регионами мира.

Привычные мерки, вполне нормальные для геополитических реальностей периода холодной войны, не подходят к новым условиям. И для России непригодны те мерки, которые применялись для единой империи, частью которой она была. Новые реальности требуют адекватного их содержанию и характеру нового осмысления, поисков новых ориентиров, установок, ориентаций. Каждому государству, в том числе и России, и США, придется искать место и роль, соответствующие их новому положению в мировом геополитическом пространстве, сформулировать новую повестку дня и новые цели, заново определить свои интересы в области национальной безопасности. Однако с сожалением приходится констатировать, что в создавшихся условиях как на Западе, так и на Востоке еще не выработали ориентиров, адекватных ситуации.

Обращает на себя внимание неоднозначность позиций политических руководителей, интеллектуальной элиты и внешнеполитического истеблишмента Америки по данному вопросу. С одной стороны, очевидно осознание этими кругами того, что в формирующемся многополюсном мировом порядке США уже не способны — да им это и не нужно — играть роль единственной сверхдержавы, призванной единолично определять положение в мире. Об этом свидетельствует, в частности, появление в 80-х годах целой серии работ, в которых в разных формах и аспектах обосновывался тезис об упадке влияния США на мировой арене как экономической, политической и военной сверхдержавы. Немалый интерес представляют работы Р.Мида, Д.Каллео, П.Кеннеди, в которых в той или иной форме обосновывается тезис об относительном упадке веса и влияния США в современном мире в пользу других стран и регионов, прежде всего Западной Европы, Японии и АТР в целом.

Осознание этих реальностей ощущается и во властных структурах, в том числе и в высших эшелонах власти в Вашингтоне. *«Мы, американцы, — говорил, например, Л.Иглбергер вскоре после вступления на пост государственного секретаря США, — должны понять, что не можем продолжать стоять у руля мировых событий, как это делали до недавнего времени, — либо мобилизуя все ресурсы на решение какой-то проблемы, либо просто в силу уверенности, что мы являемся доминирующей нацией, по крайней мере в рамках Запада, и можем заказывать любую музыку».*

Очевидно, что Соединенные Штаты при желании могут использовать свой первоклассный экономический, военный и политический потенциал для поддержания порядка и стабильности в мире, характеризующемся многообразием отличающихся друг от друга стран и народов. Однако для США проблема состоит в том, что они заняли статус сверхдержавы, не пройдя должных сроков школы великой военно-политической державы, способной сосуществовать и на равных взаимодействовать с другими великими державами. Поэтому Вашингтону весьма трудно учиться на уроках истории и делать адекватные создавшейся ситуации выводы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что раздаются голоса, требующие принять срочные меры, чтобы закрепить за США лидирующие позиции и статус единственной сверхдержавы в единополярном мире. Так, бывший президент США Дж.Буш по мере распада СССР не переставал повторять, что *«и сегодня в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо»*.

Многие американские политики и теоретики склонны видеть в создавшейся ситуации шанс на установление слегка подправленного варианта старого Pax Americana. Так, известный обозреватель Ч.Краутемер писал, например, в журнале «Форин афферс» об установлении единополярного мира и необходимости осознания Соединенными Штатами своей новой роли — навязывания миру собственного видения.

О популярности идеи миропорядка, руководимого Вашингтоном, свидетельствуют высказывания как лидеров нынешней американской администрации, так и конгресса США. Стоя на пороге нового столетия, утверждал, например, бывший государственный секретарь США У.Кристофер, дальновидная приверженность принципу американского лидерства и вовлеченности в мировые дела должна служить руководством внешней политики США. *«Если мы не будем руководить, то никто не будет»*, — утверждал он.

Еще более определенно эту мысль выразил бывший лидер республиканского большинства в сенате Р.Доул, который, в частности, сказал, что никогда раньше *«Америка не была в таком одиночестве на вершине глобального лидерства»*.

12.5. Об идее американского века

С рассматриваемой точки зрения интерес представляют дискуссии относительно судеб и перспектив «американского века». Так, рассматривая Японию как наиболее вероятную соперницу США в борьбе за статус державы №1, К.Престовиц писал: *«Американскому веку пришел конец. Самым крупным событием конца столетия является восхождение Японии в качестве великой супердержавы»*. Однако другой американский политолог С.Хантингтон привел массу доводов, которые опровергают возможность подобной альтернативы. По его мнению, анализ реального положения показывает обоснованность позиции не американца К.Престовица, а японца С.Сато, который писал: *«Двадцатый век был американским веком. Двадцать первый век тоже будет американским веком»*.

Разумеется, для такого соблазна у американцев есть, на первый взгляд, веские и достаточные основания материального, идеологического, психологического и геополитического характера. Былой главный противник потерпел крах и пребывает на пепелище истории, а сама Америка, возглавив могущественную коалицию индустриально развитых стран в ходе операции «Буря в пустыне», утихомирила возмутителя спокойствия на Ближнем Востоке.

Но все же здесь не место анализировать пространные, порой не лишённые оснований аргументы и контраргументы С.Хантингтона и других приверженцев идеи американского века. С уходом в прошлое эры господства в биполярной структуре мирового порядка двух сверхдержав слабеет убеждение, что одна или две державы вообще способны руководить сложным, многообразным и полным проблем миром. К тому же, в сущности, ни XX век в целом, ни его вторая половина в строгом смысле слова не были американским веком.

Само выражение Pax Americana, пущенное в обиход газетным магнатом Г.Льюсом в разгар второй мировой войны, было скорее журналистской метафорой, нежели зеркальным отражением реального положения в послевоенном мире. Верно — Америка вышла из второй мировой войны самой могущественной экономической и военно-политической державой. Важнейшие составляющие и параметры этого могущества общеизвестны, поэтому здесь не будем их касаться. Но необходимо отметить, что если вообще говорить о Pax Americana как о сколько-нибудь реальном феномене, то его можно применять, причем с определенными оговорками, в отношении сравнительно короткого периода, охватывавшего примерно полтора–два десятилетия после второй мировой войны. Об американском веке в строгом смысле как о реальности можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Америка действительно единолично вершила судьбы всех стран и народов земного шара.

На глобальном уровне США, как выше говорилось, приходилось считать с существованием другой сверхдержавы, которая не допускала в зону своего влияния какого бы то ни было постороннего вмешательства. В этом плане Pax Americana по меньшей мере разделял пространство и власть с Pax Sovietica. Поэтому миропорядок и назывался биполярным, или двухполюсным.

Эти и множество других фактов свидетельствуют о том, что в последние десятилетия возможности США единолично контролировать события в мире все больше уменьшаются. Этот момент приобрел особую актуальность с окончанием холодной войны. Верно, Америка и поныне остается мощнейшей экономической и военно-политической державой мира, таковой она останется и в обозримом будущем. Касаясь вопроса о ее лидирующей роли, необходимо учесть следующее обстоятельство. Американская идея формировалась и реализовывалась в специфических условиях евроцентристского (или, точнее, евроамериканоцентристского) мира. Америка с самого начала была одновременно и результатом, и инструментом, и мощным стимулятором расширения и утверждения западной рационалистической цивилизации. Более того, как бы встав на ее острие, она вобрала в себя и довела до логического завершения важнейшие системообразующие компоненты, ценности, нормы и мировоззренческие установки этой цивилизации.

Не случайно, что для многих поколений людей во всех уголках земного шара Америка служила в качестве притягательного маяка, указывающего путь к освобождению от материальных тягот и политической несвободы. С самого начала она была задумана как «град на холме», призванный служить примером для подражания всем другим народам. Быстрые успехи в освоении громадного североамериканского континента, стремительное развитие передовой индустрии и сельского хозяйства, невиданное в истории повышение материального благосостояния большинства населения, быстрое достижение статуса мировой державы усиливали убеждение в особой судьбе Америки, отличной от судеб других стран и народов.

Сформировалась идея об особой миссии, «предназначении судьбы» (manifest destiny) Америки, главное содержание которой состояло в обещании свободы, демократии, материального достатка и т.д. не только самим американцам, но и представителям других народов в самых отдаленных уголках земного шара, если только они согласны принять американские ценности. Сама мысль о том, что Америка рано или поздно может разделить судьбу прежних великих держав и стать равной среди других наций, для нее была неприемлема.

В течение длительного времени Америка более или менее успешно выполняла эту миссию. Однако, как и всякая идея в форме то ли идеала, то ли миссии, американская идея также имеет свои периоды восхождения и апогея (или звездного часа), после прохождения которых она не может не клониться к закату. Таким звездным часом для нее стал период холодной войны.

В биполярном мире США приобрели значимость своего рода фирменного знака качества западного мира. Более того, в условиях непрекращавшейся военно-политической конфронтации, не раз достигавшей грани перехода в горячую войну, знаменитая статуя свободы в Нью-Йоркской гавани служила как бы символом свободного мира. Чем плотнее сгущались тучи холодной войны на небосклоне двухполюсного мира, тем ярче становилось сияние этого символа.

Следует отметить, что в реальностях широкомасштабных идеологического и системного конфликтов, ставших одними из осевых компонентов биполярности, американская идея и американская миссия приобрели новые параметры: почти все важнейшие их составляющие были переосмыслены и переориентированы через призму антисоветизма и антикоммунизма.

12.6. Действительно ли наступил единопольный миропорядок?

Как писал известный обозреватель Н.Орнстайн, *«Победа, одержанная в холодной войне, означала, что движущее чувство цели, которое пронизывало американское общество и политику начиная с конца 40-х годов, внезапно исчезло, оставляя на своем месте вакуум и неопределенность»*. И действительно, в течение почти полувека антикоммунизм служил в качестве осевой установки не только во внешнеполитической стратегии Вашингтона, но и в сфере внутривнутриполитической борьбы.

Антикоммунизм представлял собой нечто большее, чем просто ответную реакцию на угрозу извне. В глазах американцев он превратился в такую же многоплановую и системообразующую ценность, как, например, идея американской исключительности. Как ценность и установка антикоммунизм имел негативный аспект — в смысле противостояния общему врагу, и позитивный — в смысле утверждения собственно американских ценностей свободы и демократии, противопоставляемых ценностям коммунизма. Он служил стимулирующим, мобилизующим фактором консолидации.

Исчезновение же антикоммунизма лишило американцев одного из важнейших стимулов, формировавших чувство общей цели как в негативном, так и позитивных аспектах. Если Америка перестанет быть защитницей свободы в борьбе с тоталитаризмом, то что будет с идеей американской миссии и особой ролью в мировой истории? Очевидно, что это затруднило для Америки достижение согласия среди ее союзников относительно общих целей, выявление стимулов к самодисциплине и т.д. Фактом остается то, что при отсутствии неудачной советской модели недостатки американской модели и самой американской идеи обнаруживаются с большей очевидностью.

Наметившиеся в идейно-политической и идеологической сферах неопределенность и дезориентированность часть американцев попытается компенсировать поисками нового достойного их «главного противника», способного заменить в этом качестве распавшийся Советский Союз. Какая именно страна или группа стран может или способна выдвинуться на такую роль? Для многих — это уже Япония. Не случайной, по-видимому, была антияпонская риторика ряда политических деятелей во время президентской предвыборной кампании 1992 г. — риторика, которая находила живой отклик среди значительной части населения США. В связи с этим интерес представляют материалы слушаний в сенате США в феврале 1997 г. на тему «Настоящие и будущие угрозы национальной безопасности Соединенных Штатов». На слушаниях выступили директор ЦРУ Дж.Тенет, директор военной разведки США П.Хьюз и руководитель бюро разведки и исследований госдепартамента Т.Гати.

Красной нитью в выступлениях участников прослеживалась мысль о многочисленных угрозах безопасности США, исходящих из различных регионов земного шара. Это угрозы, связанные: с продолжающейся трансформацией России и Китая; политикой Северной Кореи, Ирана и Ирака, якобы подрывающих стабильность международного сообщества; транснациональными проблемами, такими как терроризм, распространение оружия массового уничтожения; «горячими точками» на Ближнем Востоке, в Южной Азии, на Эгейском море и в других регионах; «гуманитарными катастрофами» типа гражданских войн, межэтнических конфликтов, эпидемий, голода и т.д.

Конец биполярного мира и исчезновение одного из сверхдержавных полюсов отнюдь не означает пришествие единополярного мира, управляемого одной единственной сверхдержавой в лице Соединенных Штатов. Как будет показано ниже, мы имеем дело фактически с исчезновением самого феномена сверхдержавности с мировой экономической и геополитической авансены в традиционном его понимании. Можно сказать, что советская империя увлекла с собой в архив истории не только коммунистическую идею, но вместе с ней, возможно, и еще одну идею — идею Pax Americana.

В реальности плюралистической всепланетарной цивилизации альтернативой двухполюсности и монополюсности не может стать и треугольная конфигурация геополитических сил, опирающаяся, как полагают многие аналитики, на три центра силы. Канцлер ФРГ Г.Коль как-то сказал: *«Мы знаем, кто выиграет медали в экономической олимпиаде 2000 г., но мы не знаем, какие именно страны привезут домой золото, серебро и бронзу».*

Но названное количество медалей отнюдь не означает, что некогда двухполюсный мир приобретает конфигурацию треугольника, образуемого тремя центрами экономической силы — США, Западной Европой и Японией. Экономические или иные противоречия и конфликты между этими центрами индустриального мира нельзя назвать новым явлением. Но с окончанием холодной войны они приобретают новое измерение и качество. Это обусловлено прежде всего формированием нового миропорядка на началах реального полицентризма, который качественно отличается от того «концерта» держав, который был характерен для XIX–начала XX в.

Сказанное не следует воспринимать как стремление преуменьшить действительный вес и влияние США в мировых делах в обозримой перспективе. От стратегии Вашингтона в значительной степени будут зависеть перспективы обеспечения мира и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне. Но все же США суждено стать не единственной, а одной из нескольких несущих опор нового миропорядка.

12.7. Европа как еще одна несущая конструкция нового миропорядка

По-видимому, в новых реальностях Америка, равно как и другие акторы на мировой арене, претендующие на великодержавность, в глобально-стратегическом плане столкнется не столько с военно-политическими, сколько с экономическими, социальными, научно-техническими вызовами. Симптоматично, что именно в этих сферах она нередко проигрывает гонки в состязании с наиболее динамичными акторами мирового сообщества. Здесь вряд ли надо приводить общеизвестные факты восхождения новых экономических гигантов, которые не только наступают на пятки американской экономике, но в ряде областей опережают ее. В области экономики и научно-технического прогресса вперед стремительно выходят ЕЭС, Германия, Япония, Китай.

Американская модель рыночной экономики оказывается для стран с органической социокультурной традицией менее привлекательной, чем западноевропейские модели (шведская, германская, французская и т.д.), для которых более сильны коммунитаристские, солидаристские, патерналистские элементы, большая роль государства в определении социальной и экономической стратегий. В сущности, как будет показано ниже, новая модель развития осуществляется в странах Восточной Азии, где государственное вмешательство настолько велико, что некоторые исследователи говорят об «управляемом» рынке.

Американской идее сегодня бросают вызов переживающая второе рождение европейская идея, японская модель, модель новых индустриальных стран, а также другие конкурирующие модели, оказывающие немалое влияние на характер взаимоотношений между различными региональными центрами экономической, социокультурной и политической мощи.

П. Валери как-то заметил, что Европа является всего лишь «маленьким мысом Азии». Не наступает ли время, когда эта вольная географическая метафора может стать реальным геополитическим фактором? Как показывают приводимые в данной работе материалы, на этот вопрос однозначно можно ответить отрицательно.

Как не без оснований отмечал бывший генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон, в период между битвой при Ватерлоо и началом первой мировой войны *«Европа не только играла роль в мировой политике, но и сама в значительной степени олицетворяла эту мировую политику»*. И действительно, как указывалось выше, до второй мировой войны Европа являлась главным центром мировой политики. Но из второй мировой войны она вышла крайне ослабленной и в первые полтора — два послевоенных десятилетия ей была отведена роль своего рода поля противоборства между двумя сверхдержавами. Комментируя такое положение, польский историк О.Халецкий не без некоторого преувеличения писал в 1950 г., что история Европы завершилась и замещается отныне историей Атлантического сообщества.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что для старого континента еще не наступил вечер. Наиболее дальновидные представители европейских народов выступили за единую Европу, объединенную для оптимальной реализации целей и чаяний всех ее наций и народов. *«Единство Европы, — говорил в 1954 г. К.Аденауэр, — было мечтой немногих. Оно стало надеждой для многих. Сегодня оно — необходимость для нас всех. Оно необходимо для нашей безопасности, для нашей свободы, для нашего существования как нации и как духовно-творческого содружества народов»*.

Нельзя забывать также то, что после второй мировой войны в силу известных причин образ Европы, сама европейская идея несколько потускнели. Если в конце XIX в. казалось, что Европа господствует над всем миром, то теперь, писал К.Ясперс в 1949 г., *«она отступила перед Америкой и Россией; от их политики зависит теперь судьба Европы — разве только Европа сумеет в последнюю минуту объединиться и окажется достаточно сильной, чтобы сохранять нейтралитет, когда разрушительные бури новой мировой войны разразятся над нашей планетой»*.

В этом контексте в послевоенное десятилетие много говорилось о том, что Европа уже потеряла самосознание, волю к сохранению своей идентичности, что Европа больна и ее болезнь носит «невротический» и, следовательно, «моральный» характер. Заговорили о «евросклерозе» и «европессимизме». Комментируя эти настроения, главный редактор журнала «Нойе гезелльшафт» Глотц писал в 1985 г., что если Европа в ближайшее время не соберется, *«если технические и политико-экономические изменения 70-х годов не будут приняты во внимание, тогда понятие “Европа” утратит свое духовное содержание и Европа будет представлять собой только небольшой кусок земли на западной окраине Азии»*. При таком положении, говорил он, к пятидесятилетию Ялты Европа превратится в некий музей для американских, русских, японских и, возможно, даже китайских туристов.

Однако в том же году бывший министр внешних сношений Франции Р.Дюма опубликовал статью с характерным названием «Покончить с европессимизмом», в которой затрагивались некоторые политические и экономические проблемы Западной Европы. Он считает, что нет оснований для пессимистического взгляда на ее развитие, и обосновывает мысль о том, что нельзя считать США абсолютной моделью, поскольку «европейская модель мягкого реагирования» на возникающие проблемы имеет свои достоинства по сравнению с «американской грубостью и непредсказуемостью».

Об обоснованности позиции Р.Дюма свидетельствовало то, что уже в тот период зримо обозначились симптомы возрождения оптимистической веры европейцев в свое предназначение и судьбу, укрепления самостоятельности и все более настойчиво заявляющей о себе идентичности Европы. Сохраняя свой особый умонстрой и присущий ей дух, Европа играет важную роль в современном мире. Несмотря на очевидные различия между регионами, странами, народами Европы, их объединяет нечто общее — это прежде всего общность исторических судеб, системы ценностей, культурного наследия и т.д. Именно эти феномены, как справедливо подчеркивалось в книге *«Метаморфозы Европы», «позволяют трактовать Европу как культурно-историческую общность с единым культурно-генетическим кодом, с характерным самоощущением и самопознанием европейцев»*. Парадокс состоит в том, что деятельность ЕС, с одной стороны, уменьшает масштабы суверенитета входящих в него национальных государств, а с другой стороны, делает этот суверенитет более прочным, поскольку формально-юридические ограничения, налагаемые им, компенсируются политическими аспектами, в частности установлением уз взаимной ответственности.

В период холодной войны, особенно в первые десятилетия после второй мировой войны, Западная Европа ценила США в качестве политического и военного противовеса Советскому Союзу, при этом отнюдь не желая превратиться в инструмент глобальной политики Вашингтона. Она выступала против глобализации деятельности НАТО, смешивания его интересов как регионального союза с интересами США как мировой сверхдержавы. В последние два–три десятилетия Европа по мере наращивания экономического и научно-технологического потенциала, а также расширения и углубления интеграционных процессов в ЕЭС приобретала все больший вес и независимость. Это особенно проявлялось в том, что на протяжении 70–80-х годов в отношениях с США Европа все увереннее переходила от отношений, характерных, как говорят, для взаимосвязей между «старшим» и «младшим братьями», к отношениям равновеликих партнеров. Европеизация европейской политики время от времени проявлялась в некотором противостоянии стран Европы жесткому курсу американцев в отношении Советского Союза, в расширении собственной линии диалога с ним.

Ведущие деятели европейской политики постепенно сознавали, что, восстановив свою экономическую и военно-политическую мощь в 60–70-х годах, Европа в современном мире будет играть роль одного из нескольких центров мировой политики. Причем в многоцентричном мире существующих ныне (США, Япония, Китай) и могущих возникнуть в недалеком будущем гигантов Европа может отстаивать свои интересы, будучи единой в важнейших сферах: экономической, технологической, безопасности и т.д.

Исходя из понимания этой реальности европейские страны разработали и планомерно осуществили стратегию восстановления европейских приоритетов и статуса Европы, соответствующего ее весу и влиянию в мировом сообществе. В этой связи интерес представляют размышления бывшего канцлера ФРГ Г.Шмидта. По его словам, он начал свою государственную деятельность как почитатель Англии — англофил, но в дальнейшем убедился в том, что «англичанам Америка ближе, чем Европа» и под сильным влиянием личности Дж.Кеннеди стал американофилом. *«Однако, — продолжал Шмидт, — не из-за того, что я разочаровался в нашем атлантическом американском партнере, а скорее из-за растущего понимания геополитического положения моей страны, я стал в последние 15–18 лет франкофилом, убежденным приверженцем приоритета франко-западногерманской дружбы».*

Тенденция к возрождению Европы стала особенно очевидна с разворачиванием процессов распада Советского Союза и окончания холодной войны. Уже в 1990 г. Европейское сообщество с населением 344,6 млн человек произвело товаров и услуг на 5,53 трлн долл., т.е. больше чем США (5,47 трлн долл.). Если совсем недавно, в 70-е годы, в интеллектуальных кругах Запада широко муссировался тезис об упадке и закате Европы, американском вызове и т.д., то с начала 80-х годов все увереннее стали говорить о возрождении Европы, новой европейской идентичности, новом европейском динамизме и т.д.

Многие ведущие деятели европейских стран стали все настойчивее ратовать за дальнейшую политическую интеграцию и, следовательно, придание наднациональным органам государственных полномочий и функций. Так, выступая в Европейском парламенте в Страсбурге 23 октября 1985 г. Р.фон Вайцеккер сетовал на недостаточность полномочий Европейского парламента. Усиление его роли, говорил фон Вайцеккер, необходимо потому, что Европейское сообщество *«должно быть не только объединением демократических государств, но и сообществом граждан, т.е. демократическим сообществом».* А *«демократия легитимизируется через парламент».* Поэтому, утверждал он, Европейское сообщество должно иметь такой же парламент, какие существуют в отдельно взятых странах—членах ЕЭС. Накануне встречи в верхах стран—членов ЕС в Маастрихте в декабре 1991 г. почти все политические партии ФРГ приветствовали инициативы в вопросах, связанных с намерениями по формированию общей внешней политики и политической безопасности для будущего Европейского союза. Причем конечную цель такого курса они усматривали в создании Соединенных Штатов Европы.

Усиление крена в сторону европеизации европейской политики все отчетливее проявляется в наращивании так называемого «европейского измерения» обороны как в недрах НАТО, так и вне ее. Европейцы все откровеннее высказывают желание выйти из-под единоначалия Вашингтона. Они выражают готовность нести большую нагрузку и ответственность при урегулировании конфликтов и соответственно увеличить свою роль в блоке и на международной арене. Высказываются соображения относительно целесообразности демонтажа старых структур альянса времен холодной войны с целью избежать недовольства России в случае его расширения на Восток. Эта линия отчетливо проявилась, в частности, на форуме стран—членов альянса в Берлине в июне 1996 г.

Все большая роль в данном контексте отводится Западноевропейскому союзу (ЗЕС), являющемуся военно-политическим альянсом стран Западной Европы и рассматриваемому в качестве «европейской опоры НАТО». В этом качестве он играет роль своего рода связующего звена между НАТО и Европейским союзом. После Маастрихтских соглашений 1991 г. ЗЕС превратился как бы в составную часть ЕС, его оборонную структуру. В декабре 1994 г. НАТО официально одобрила деятельность ЗЕС по формированию европейской идентичности в сфере безопасности. Вынашиваются планы образования командной структуры ЗЕС. Сейчас ведутся работы над созданием региональной системы тактической противоракетной обороны (ПРО), призванной защищать европейские страны Североатлантического союза от возможного ракетного нападения со стороны третьих стран. При таком развитии событий НАТО предписывается роль не единственной, а одной из двух опор европейской безопасности.

Формирование и функционирование института совместной внешней политики и политики безопасности в рамках ЗЕС способствуют уменьшению возможностей проведения отдельным государством, входящим в состав ЕС/ЗЕС, сепаратной политики, противоречащей интересам безопасности всех членов союза. Такое положение служит помимо всего прочего фактором «приручения» и определенной нейтрализации возможных негативных последствий возрастающих мощи и влияния Германии.

В этом же контексте следует рассматривать и шаги влиятельных сил региона в направлении создания общих западноевропейских ядерных сил, не зависимых от США. Так, еще в 1959 г. Ф.Маллей, который занимал пост государственного секретаря по вопросам обороны в лейбористском правительстве Великобритании, предлагал создать объединенные европейские стратегические ядерные силы, чтобы преодолеть очевидные опасности ядерной анархии. Главные цели предполагаемой структуры состояли, во-первых, в том, чтобы дать возможность всем странам — членам ЗЕС участвовать в разработке ядерной политики и, во-вторых, предотвратить опасность распространения ядерного оружия и связанной с этим нерациональной растраты ресурсов.

Подобные призывы стали особенно часты после окончания холодной войны и развала Советского Союза. Так, бывший председатель ЕС Ж.Делор в январе 1991 г. заявил: *«Я не могу избавиться от мысли, что если в один прекрасный день ЕС станет очень сильным политическим союзом, ядерные вооружения могут быть переданы этой политической власти. Ясно, что ядерная солидарность лежит в конце пути европейской солидарности».*

Эти тенденции приобретали все большую определенность и убедительность с приближением января 1993 г., ознаменовавшего качественно новый этап с точки зрения европейской интеграции. Симптоматично замечание одного из последовательных приверженцев идеи американского века С.Хантингтона о том, что хотя во всем мире люди толкаются в очередях у дверей американских консульств в надежде получить иммиграционную визу, в Брюсселе целые страны выстроились в очереди за дверями ЕС, добиваясь вступления в него. *«Федерация демократических, богатых, социально разнообразных стран со смешанной экономикой, — писал он, — может превратиться в могущественную силу на мировой арене. Если следующий век — не американский век, то больше всего вероятно, что он будет европейским веком. Ключ мирового лидерства, который перешел в направлении Запада через Атлантический океан в начале двадцатого века, может двинуться обратно в восточном направлении столетие спустя».*

Одним словом, Европа, как говорится, стара, но не устарела. Думается, что с этой точки зрения помыслы тех народов и стран, которые после краха восточного блока и тоталитаризма устремились «в Европу», диктовались не только географической ее близостью, но не в меньшей степени и тем, что для многих из них она становится «градом на холме», на роль которого в течение многих поколений единолично претендовали Соединенные Штаты. К этому следует добавить, что окончание холодной войны положило конец такому аномальному явлению, как разделение Европы железным занавесом на два враждебных лагеря. По сути дела, страны Центральной и Восточной Европы в буквальном смысле слова воссоединились с Европой. Сами понятия «Восточная Европа» и «Центральная Европа» снова приобрели свои первоначальные политико-географическое и геополитическое значения.

Контрольные вопросы

1. Что такое двухполюсный миропорядок?
2. Когда и в силу каких причин он сформировался?
3. Когда и в силу каких причин он распался?
4. Каковы последствия распада СССР для геополитических перспектив современного мира?
5. Каковы последствия окончания холодной войны для Запада в целом и США в частности?
6. Можно ли рассматривать Европу в качестве равновеликой США несущей конструкции нового миропорядка?

13. БУДЕТ ЛИ XXI ВЕК ВЕКОМ АЗИИ?

13.1. Восточная Азия на марше

Еще в конце XIX в. Дж.Хей — государственный секретарь США утверждал: «Средиземное море — океан прошлого, Атлантический океан — океан настоящего, Тихий океан — океан будущего». И действительно, как бы подтверждая предсказание Дж.Хея, ныне Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в мощную мировую силу. Восходящая Азия охватывает громадный треугольник, простирающийся от российского Дальнего Востока и Кореи на северо-востоке до Австралии на юге и Пакистана на западе. В этом треугольнике проживает примерно половина населения планеты и находятся многие из ведущих индустриально развитых стран современного мира — Япония, Китай, Австралия, Новая Зеландия, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, для которых характерны наиболее быстрые темпы развития экономики. Он располагает мощным финансовым, технологическим и производственным потенциалом, кадрами, необходимым опытом и навыками в области организации, маркетинга и сферы услуг, разветвленной сетью коммуникаций, а также громадными земельными, природными и трудовыми ресурсами.

Можно сказать, что Восточноазиатский регион стал самым динамичным в современном мире. Темпы роста каждой из национальных экономик региона превосходят аналогичные темпы в США и странах ЕС. По существующим данным, если в 1960 г. суммарный валовой национальный продукт (ВНП) стран данного региона, за исключением Соединенных Штатов, составлял 7,8% мирового ВНП, то к 1982 г. он удвоился, достигнув 16,4%.

Более того, П.Кеннеди приводил мнение другого эксперта, согласно которому АТР, который в 80-х годах располагает 43% мирового ВНП, к XXI в. способен довести свою долю до 50% и превратиться в «один из главных центров мировой экономической мощи», равный по силе остальным центрам. По параметрам покупательной способности валовой внутренней продукт (ВВП) Восточной Азии уже больше, чем и США, и Европейского союза, а по существующим расчетам в 2005 г. он превысит их суммарный ВВП. Беспрецедентно возросли торговые и инвестиционные потоки. Фактически экономическая значимость региона настолько увеличилась, что глобальный экономический баланс сделал заметный крен от североатлантических экономик в пользу Восточной Азии.

В рассматриваемом плане немаловажное значение имеет факт прогрессирующего сокращения периода, необходимого для удвоения объема национального дохода в расчете на душу населения: Великобритании на это понадобилось 58 лет (с 1780 г.), США — 47 лет (с 1939 г.), Японии — 33 года (с 1880-х годов), Индонезии — 17, Южной Кореи — 11, Китаю — 10 лет. Такое экономическое процветание является результатом не просто введения свободно-рыночных отношений, но также правильного социального и экономического выбора.

К окончанию холодной войны Япония превратилась в экономическую супердержаву, превосходящую любую европейскую страну и способную на равных соперничать в сфере экономики с США. По существующим данным, в настоящее время Япония с населением 120 млн сможет производить товаров и услуг на сумму всего лишь на 15% меньше по сравнению с Соединенными Штатами. Показательно, что ее заграничные капиталы вскоре превысят 1 трлн долл., т.е. значительно превосходят аналогичные показатели США. По данным журнала «Уолл-стрит джорнал», в сентябре 1991 г. из 100 самых крупных банков мира 29 были японскими, 12 германскими, 10 французскими, 9 американскими и 9 итальянскими. Причем 4 из 5 самых крупных мировых страховых компаний также были японскими.

С этой точки зрения большой интерес представляют возможные пути развития взаимоотношений Японии с США и Западом в целом. Признавая взаимозависимость Америки и Японии, директор Центра восточноазиатских исследований при Пенсильванском университете Дж.К.Херст III вынужден отметить, что *«под внешним лоском взаимозависимости лежит неприятная реальность. Некогда в Японии Америку глубоко уважали, и американцы считались образцами добродетели. Но сегодня в Японии Америку поносят. Такой автор, как Исихара Синтаро, который говорит, что американцы переполнены “высокомерием и самодовольством”, возможно, является крайним примером. Но и другие критики рутинно характеризуют американцев как “ленивых”, “малообразованных” и “надменных”. Многие японцы считают Америку державой, клонящейся к упадку, пораженной преступностью, наркоманией, расточительностью и жаждою обвинить в своих экономических проблемах Японию, вместо того чтобы заниматься проблемами собственного упадка»*. Разумеется, и американцы не остаются в долгу, обвиняя японцев в несоблюдении общепринятых правил игры.

В данной связи показательно, что в настоящее время японцы поровну делятся на тех, кто выступает за сохранение американских войск на своей территории, и тех, кто высказывается за их вывод. А примерно 80% японских бизнесменов поддерживают сокращение численности американских войск на Окинаве. Росту подобных настроений помимо всего прочего способствует поведение американских военнослужащих, которые нередко попадают на скамью подсудимых за грабежи, изнасилования, убийства и другие преступления, что, естественно, подрывает авторитет американских войск.

США и Япония останутся торгово-экономическими соперниками, причем не только в сфере двусторонней торговли, но и как конкуренты за большую долю в быстро растущей экономике Азии. Конечно, обе стороны стремятся к тому, чтобы эта конкуренция не вышла за недопустимые рамки. Но нет гарантий того, что она не приобретет враждебный характер.

Хотя первоначальный мотив японо-американского договора о безопасности и исчез, обе стороны заинтересованы в поддержании мира в Северо-Восточной Азии. До тех пор, пока не будет разрешен внутрикореяский вопрос и не станут ясны перспективы Китая, военное присутствие Америки в Японии и Корее остается лучшей гарантией сохранения мира в регионе.

При оценке перспектив Японии необходимо учитывать, что для нее характерно социокультурное и расовое единство. В течение довольно длительного периода своей истории она оставалась изолированной от остального мира. Японцы реже, чем представители других народов, вступают в смешанные браки. Им присуще сильное чувство национальной идентичности и культурной специфики. В этой стране предпринимаются все возможные меры для достижения социальной гармонии и национального консенсуса и подчинения индивидуальных интересов интересам всего общества. Здесь всячески поощряется коллективистский, командный дух.

Но при всем том преимущества в таких традиционных областях, как технология, производство и финансы, могут оказаться недостаточны для обеспечения благополучия. Япония, возможно, как никакая другая крупная держава, зависит от энергетических и сырьевых ресурсов, ввозимых извне. Исследователи приводят множество доводов, указывающих на то, что уже прослеживаются признаки грядущего отставания Японии в своем экономическом развитии, что в свою очередь в долгосрочной перспективе может служить фактором подрыва других опор благополучия этой страны. К ним, в частности, относятся тенденции к старению населения, рост потребительских расходов, туризма, сокращение относительных объемов сбережений, рост импорта, перенос производства в другие страны, постепенный структурный сдвиг от промышленного производства к сфере услуг, рост неустойчивости фондового рынка и др. Что не менее важно, японцы как бы то ни было, по многим параметрам становятся похожими на всех остальных. Возможен дальнейший рост зависимости Японии от экспорта пищевых продуктов. Продолжающееся потепление климата чревато для этой страны увеличением частоты и масштабов природных катаклизмов. Но тем не менее пока что позитивные тенденции преобладают над негативными.

Япония — асимметричная великая держава, поскольку ее экономическая мощь не соответствует ее военному и политическому весу и влиянию. Но она располагает возможностями для существенного увеличения военных расходов. О растущих политических амбициях Страны восходящего солнца свидетельствуют ее претензии на место в Совете Безопасности ООН в качестве постоянного члена. Если же существующая ныне асимметричность будет ликвидирована и Япония приведет свой военный и политический статус в соответствие с собственным экономическим весом, то это может вызвать революционные изменения в регионе, да и во всем мире.

Вслед за Японией на авансцену казалось бы неожиданно выступили новые индустриальные страны, которые претендуют на свое место на мировых рынках и в этом плане уже добились впечатляющих успехов. По мере восхождения НИС и дальнейшего продвижения Японии на ведущие роли в мировой экономике представляется неизбежным (по крайней мере в глазах развивающихся стран Азии и Латинской Америки) определенное потускнение американской модели капитализма. Очевидно, что во многих своих важнейших аспектах она значительно отличается от японской, а в более широком смысле восточноазиатской модели, которая более приемлема и привлекательна для многих народов и стран обширных регионов земного шара. В этом качестве Япония определенно приобретает статус еще одного «града на холме», успешно конкурирующего с американским и европейским.

Первые результаты экономические реформы в Китае заставили говорить об этой стране как о серьезной экономической и политической силе. Ставки в игре с Китаем весьма велики. Это самая крупная в Азии страна, теснейшим образом связанная со своими соседями на всех уровнях — от экономики до безопасности. Она обладает достаточными людскими, природными и экономическими ресурсами, технологическим и военно-стратегическим потенциалом, чтобы стать самостоятельным центром силы, который не может не притянуть к себе целый ряд родственных стран и народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В этом качестве Китай уже играет важную роль в формировании облика и контуров не только АТР, но и мирового сообщества в целом.

Наполеон Бонапарт как-то сказал о Китае: *«Там лежит гигант. Пусть спит! Когда он проснется, он сотрясет мир»*. В конце же XIX в. упомянутый выше Дж.Хей высказал аналогичную мысль: *«Мир на земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий»*.

Как бы подтверждая эту мысль, Китай быстро превращается в один из главных полюсов мировой экономики. Он занимает первое место в мире по численности населения и третье место по объему ВВП, обладая при этом третьим по мощности ядерным потенциалом. В последние 10–15 лет укрепились его позиции в системе международных отношений. Согласно данным исследования «Рэнд корпорейшн», к 2015 г. по объему ВВП Китай сравняется с США, а его военный потенциал составит почти половину американского, намного превосходя по этому показателю другие развитые страны.

Идет довольно интенсивный процесс образования так называемого Большого Китая, включающего собственно континентальный Китай, Гонконг, Макао, Тайвань, Сингапур. Их совместный экспортный потенциал уже сейчас составляет 474 млрд долл., что превышает японский. Согласно прогнозу Мирового банка, в 2002 г. частный импорт Китая вместе с Гонконгом и Тайванем составит 639 млрд долл. против 521 млрд Японии. Предполагается, что в том же году ВВП этой тройки достигнет 9,8 трлн долл. по сравнению с 9,7 трлн долл. ВВП Америки.

Ощутимого прогресса Китай добился также в военной сфере. Уже сейчас только Синьцзянская группировка войск по боевому потенциалу и мобилизационным возможностям превосходит казахстанские вооруженные силы. Вполне вероятно, что Китай в ближайшей перспективе превратится в ядерную сверхдержаву с достаточно мощным экономическим и военным потенциалом, а также практически неограниченными людскими ресурсами.

Если осуществляются эти тенденции, Китай будет не просто еще одним экономическим полюсом, а самым крупным полюсом. Сами китайцы отнюдь не скрывают, что они стремятся именно к этой цели. *«Восточный дракон паразит мир и удивит человечество»*, — писал китайский поэт Лун Биде. О серьезности подобных установок, в частности, свидетельствует появление в начале 1994 г. в официальном издательстве «Женьминь Чубаньше» книги под претенциозным названием «XXI век — век китайской цивилизации». В ней говорится, что китайская цивилизация по своим сущностным характеристикам, в первую очередь гуманистическим, превосходит другие цивилизации, что обеспечит торжество Китая в XXI в.

Необходимо учитывать и то, что Китай преодолевает множество трудно разрешимых проблем. В Китае проживает около $\frac{1}{5}$ населения земного шара, но в то же время эта страна располагает лишь 7% пригодных к сельскохозяйственному производству земель. Так, только по официальным данным от 15 до 35% всего городского населения страны составляют избыточную рабочую силу.

Как писал китайский исследователь З.Йи, *«в расчете на душу населения территория составляет лишь $\frac{1}{3}$ от среднемировой, земля, пригодная для сельскохозяйственного производства — $\frac{1}{3}$, пастбища — $\frac{1}{4}$, леса — $\frac{1}{9}$, а водные ресурсы — $\frac{1}{4}$. По сравнению с Соединенными Штатами они еще ниже. Среднедушевая площадь обрабатываемых земель в Китае составляет лишь $\frac{1}{8}$ от уровня США, а лесов — только $\frac{1}{10}$. При нынешнем уровне производительности и технологии чрезмерный рост численности населения неизбежно приведет к усилению давления на среду и ресурсы»*. Нестабильность в Китае, вызванная какими бы то ни было причинами, может распространиться на соседей и привести к ужасным последствиям для всего региона.

По существующим данным, число безработных в стране в настоящее время превышает 250 млн человек. Поэтому неудивительно, что в стране весьма сильны настроения эмиграции, в том числе и нелегальной. Считается, что синдикаты, занимающиеся вывозом людей за границу, осуществляют свои операции в 72 странах. Сегодня Китай, по сути дела, переживает серьезный энергетический голод. Он стал чистым импортером нефти.

Следует отметить также наблюдающуюся в последнее время тенденцию к ускорению темпов развития экономики Индии, Индонезии и ряда других неконфуцианских стран. Численность населения Китая и Индии в совокупности составляет примерно 37% общей численности земного шара. При сохранении нынешних темпов роста населения каждая из этих стран к 2025 г. будет насчитывать по 1,5 млрд человек или примерно 35% всего населения земного шара. Очевидно, что это существенным образом скажется на глобальных потребностях в пищевых продуктах и энергии, на охране окружающей среды и т.д., что в свою очередь приведет к усилению парникового эффекта в пределах всей планеты.

Вместе с тем увеличение численности населения этих двух стран может иметь своим следствием рост их экономик, повышение уровня жизни людей, а следовательно, новые рынки для Японии и новых индустриальных стран по мере сокращения спроса в развитой зоне мира. Китай и Индия важны также с военной точки зрения. Уже в обозримой перспективе они способны оказать далеко идущее влияние не только на региональный баланс сил, но и на всю мировую военно-политическую ситуацию.

В обозримой перспективе Азия останется одним из самых динамично развивающихся регионов земного шара. Четыре из 10 самых экономически развитых стран будут азиатскими — Япония, Корея, Китай и Индонезия. Но необходимо учитывать, что особенность экономик всей Восточной Азии и ее место в глобальной экономике делают страны этого региона довольно уязвимыми перед возможными протекционистскими мерами со стороны ведущих мировых экономических держав.

Несмотря на свою экономическую жизнеспособность, Восточная Азия пока продолжает оставаться в большой зависимости от внешних рынков сбыта своей продукции, а также от обеспечения энергетическими ресурсами, которые находятся, как правило, за пределами самого региона. Это создает определенные проблемы для поддержания в течение длительного периода высоких темпов роста экономики. Фактом остается и то, что Восточная Азия продолжает зависеть от Северной Америки и Европы в области технологических инноваций. Страны, не располагающие собственной базой инноваций, неизбежно столкнутся с проблемой растущего технологического отставания.

Существует также ряд других проблем регионального и глобального характера, которые при определенных условиях могут создать трудности для социального и экономического развития стран АТР, но все же, по-видимому, не станут фактором, способным блокировать восхождение и утверждение этого региона в качестве одного из основных несущих конструкций нового мирового порядка.

13.2. Новая азиатская идея

На протяжении всего последнего столетия отношения стран в бассейне Тихого океана носили как бы одномерный характер: бедные и отсталые азиатские народы смотрели в сторону Запада, особенно США, в поисках идей, моделей развития и руководства. Поэтому неудивительно, что на Западе глубоко укоренилось убеждение, будто его миссия в Азии состоит в том, чтобы учить, руководить, повелевать. Для выявления сущности рассматриваемой проблемы необходимо прежде всего разобраться в устоявшихся представлениях о Востоке и факторах его традиционной отсталости. Об этом написаны горы книг и статей, и здесь, разумеется, не место подробно останавливаться на данном вопросе. Но все же нельзя не отметить, что Запад имел о Востоке в основном мифологические и легендарные представления. Такой подход органически сочетался с формированием негативного отношения к Востоку и Азии.

Само понятие, выражаемое в русском языке словом «азиатщина», имело уничижительный, откровенно негативный оттенок. С одной стороны, такой подход проявлялся в знаменитой максиме, постулировавшей «бремя белого человека», миссию которого усматривали в вызволении народов Азии и Африки из предполагаемого царства невежества и летаргии к свету евроамериканской цивилизации. С другой стороны, он проявлялся в различных теориях и концепциях полурасистского и откровенно расистского толка, рассматривавших азиатского или восточного человека как более низкое существо в сравнении с европейским человеком.

К сожалению, такая оценка не была чужда и отдельным крупным представителям европейской общественной и религиозной мысли. Так, полемизируя с концепцией культурно-исторических типов Н.Данилевского, В.С.Соловьев писал: *«Огромная Китайская империя ... не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеею и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никакого вековечного вклада в общее достояние человеческого духа»*. Хотя при этом он признавал, что китайцы — оригинальный и изобретательный народ. *«Вообще, — утверждал Соловьев, — китайская оригинальность обнаруживается более всего отрицательным или дефективным образом. Как оригинальная китайская живопись отличается от европейской отсутствием перспективы, так оригинальность китайского книгопечатания, сравнительно с европейским, выражалась лишь в отсутствии подвижного шрифта. Впрочем, и это несовершенное книгопечатание было, пожалуй, излишним, так как кроме загадочных метафизических изречений Лаотзе, вероятно, навеянных извне индийскою теософией, китайский ум не произвел ничего достаточно быть увековеченною. Та «громкая литература», о которой говорит Данилевский, громадна лишь в количественном отношении»*.

Примерно в таком же духе рассуждал известный французский историк и социолог Г.Лебон, который, в частности, писал: *«Можно легко сделать бакалавра или адвоката из негра или из японца, но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на его психическую природу, из которой он не может извлекать никакой пользы... Этот негр или этот японец могут получать сколько угодно дипломов, но никогда им не подняться до уровня обыкновенного европейца»*. Чтобы достичь этой цели, как считал Лебон, понадобится как минимум тысяча лет.

Несмотря на ставшую в наши дни очевидной несостоятельность и даже абсурдность таких оценок, нельзя сказать, что они в полной мере изжиты и сегодня. Во всяком случае Восток зачастую продолжает восприниматься в киплингковском духе: *«Восток есть Восток. Запад есть Запад. Этим двум близнецам никогда не сойтись»*. В таком понимании Восток есть нечто абстрактное, монолитное, объединяющее всю небелую, а отчасти и белую ойкумену. В течение длительного периода в США, да и на всем Западе, Азия рассматривалась как отрицательная сущность или, говоря словами К.Огуры, как *«символ деспотизма и повиновения, противостояния европейским свободе и равенству»*, желтой угрозы, которая якобы набирает силу с возрождением Японии.

Нельзя забывать, что сама Западная Европа некогда не только в сугубо пространственно-географическом, но и в геополитическом плане представляла собой сравнительно маленький мыс громадного евразийского континента. Большую часть истории именно Запад заимствовал энергию, идеи, принципы у Востока, а не наоборот. Только в XV в. начали формироваться та парадигмальная система, те мировоззренческие и ценностно-нормативные установки, формы хозяйствования и т.д., которые вывели Запад вперед и в конечном счете определили контуры мирового сообщества в XIX–XX вв. При этом, как правило, забывают и тот факт, что именно политика западных стран всячески способствовала расколу Азии прежде всего по идеологической, экономической, политической, военно-политической и иным линиям. В период холодной войны марионеточные войны, которые велись при поддержке США, Советского Союза и Китая на Корейском полуострове, во Вьетнаме и Камбодже, раскололи Азию на враждующие группировки. Существовавшие региональные организации, вроде СЕАТО, придавали большее значение приверженности идеологии холодной войны, нежели делу единства азиатских народов.

В течение нескольких последних десятилетий в восточноазиатских странах произошла подлинная социально-психологическая революция, в ходе которой народы этого региона в значительной мере преодолели своеобразный комплекс неполноценности в отношении Запада. Почувствовав наступление своего момента истины, они на собственном опыте убедились, что способны делать почти все, если не все, причем не хуже, если не лучше, чем западные народы, и на равных конкурировать с ними в важнейших сферах жизни. Разумеется, факт этой революции трудно должным образом освоить западному сознанию, одержимому убеждением в универсальности и превосходстве западной модели. По-видимому, не все на Западе пока способны осознать, что в нынешнем многообразном, многополярном мире и иные культуры способны приобрести равновеликую значимость (здесь я имею в виду сугубо экономические и политические аспекты, что касается основополагающих аспектов пригодности к истории и жизнеустойчивости — это особый вопрос).

Я отнюдь не ставлю перед собой цель противопоставить друг другу ставшие традиционными идеи Востока и Запада как особые и несовместимые сущности или развенчать какую-либо одну из них, чтобы показать правоту другой. Моя задача значительно скромнее — показать, что существует комплекс идей и ценностей, которые в совокупности составляют так называемую «азиатскую модель» или «азиатскую идею», которая лежит в основе того бурного экономического восхождения ряда азиатских стран, свидетелями которого в последние два–три десятилетия мы являемся.

Об обоснованности этого тезиса говорит тот факт, что мы являемся свидетелями возрождения азиатского самосознания, зримым показателем которого выступает использование самого понятия «Азия» в позитивном смысле. Более того, многие политические деятели, политические обозреватели, ученые заговорили о формирующейся азиатской цивилизации, способной на равных конкурировать с западной цивилизацией. Так, министр информации и культуры Сингапура Дж. Йо считает, что в современный период «мягкого национализма» формируется четко обозначенная азиатская цивилизация, которая базируется на конфуцианстве, даосизме и буддизме Махаяна.

Существует много версий относительно того, что именно понимать под азиатскими ценностями. Это неудивительно, если учесть многоликость и неоднозначность самой Азии или в более широком смысле — Востока. Предпринимались попытки квалифицировать и систематизировать их.

Родовое фундаментальное противоречие современного западного общества состоит скорее не в выборе, а в конфликте между коллективным и частным интересами. Азиатский вариант строится на стремлении интегрировать их в единую систему. Перечень основных идей и ценностей, относящихся к этой модели, уже приводился в гл. 11 и 12. Здесь назовем самые главные из них.

1. Семья, рассматриваемая как оптимальная модель организации системы власти и ответственности в рамках политической системы.
2. Приоритет групповых интересов над индивидуальными, в силу чего индивидуальные права и свободы человека занимают подчиненное положение по отношению к его обязанностям перед обществом.
3. Органическое понимание общества, в котором государство выступает как главный гарант его основополагающих интересов.
4. Приоритет служения общим интересам перед политической конкуренцией.

5. Взаимная ответственность друг перед другом вышестоящих и нижестоящих.

Нельзя упускать из виду то, что именно демократические режимы могут стать существенным препятствием на пути необходимых изменений в обществе. Западные страны просто так не откажутся от широкомасштабных и вместе с тем весьма обременительных для государства социальных программ. Более того, государство вынуждено из поколения в поколение воспроизводить и расширять эти программы. Таким образом, социальные издержки государства будут постоянно расти.

Контуры азиатской демократии, как было показано выше, прежде всего в плане совмещения личных прав с интересами общества в целом существенно отличаются от контуров западной и особенно американской демократии. Как справедливо указывали сторонники теории публичного выбора (Дж. Бьюкенен, У. Райкер, М. Олсон), свободный рынок нуждается в демократических уздах. Чрезмерная демократия мешает функционированию свободного рынка и процессу экономического роста. Поскольку демократии захвачены могущественными распределительными коалициями, стремящимися добиваться доступа к общественным фондам и оказывать влияние на политику в собственных интересах, они стимулируют рост государственных расходов и налогов, а также терпимое отношение к картелям. В результате они подавляют частный сектор, ограничивают сбережения и инвестиции и тем самым сдерживают экономический рост.

Некоторые представители азиатской элиты ставят под вопрос принцип универсальности прав человека. Б. Каусикан, например, утверждал, что Бангкокская декларация, принятая азиатскими государствами в апреле 1993 г., провозглашает «явно выраженный азиатский взгляд» на права человека. Дж. Чан писал об «азиатском вызове всеобщим правам человека». Примечательно, что, признавая всеобщий характер прав человека, Бангкокская декларация вместе с тем подчеркивала, что *«они должны рассматриваться в контексте динамического и изменчивого процесса утверждения международных норм, памятуя о важности национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных традиций»*.

Экономическая жизнеспособность и утверждающаяся взаимозависимость придают Азии все более растущую уверенность в своем будущем. Она убеждается в том, что дни, когда простое чихание американской экономики вызывало простуду, а то и пневмонию экономики азиатских стран, уже ушли в прошлое.

Как писал Р. Робинсон, «азиатские ценности» составляют не просто предмет споров между политическими идеологами и учеными, а стали критическим элементом масштабных политических и экономических переструктурировок конца XX столетия. Эти ценности все настойчивее противопоставляются западным либеральным и социал-демократическим ценностям, идеям индивидуальной свободы и защиты прав человека.

По мнению Р. Робинсона, «азиатские ценности» стали идеологией целого ряда режимов, которые органически совмещают в себе стейтистский вариант политического консерватизма с рыночной экономикой. Они приобретают значимость в контексте фундаментального конфликта между органически стейтистским, либеральным и социал-демократическим вариантами капитализма, а не конфликта между Западом и Востоком.

Японский журналист Й. Фунабаши весьма красноречиво назвал свою статью, посвященную проблеме пробуждения или возрождения азиатского сознания, так: «Азиатизация Азии». *«Формирующееся азиатское мировоззрение, — писал он, — не есть взгляд, основанный на империалистических претензиях, идеологическом рвении, тоталитарной паранойе или супердержавной спеси — эти идеи рассматриваются как ретроградные подходы, которые раскалывали регион большую часть этого столетия. Азиатское сознание одухотворяется повседневным прагматизмом, социальным пробуждением процветающего среднего класса и искусством технократов, хотя все еще и характеризующихся привкусом антиколониалистского негодования, расизма и безразличия к гражданским свободам»*.

«Азиатизация Азии», продолжал Й. Фунабаши, парадоксальным образом является результатом глобализации ее экономики и средств массовой информации. По мере того, как азиатские страны отбрасывают особые отношения с бывшими колониальными державами и интегрируются в глобальную экономику, они начинают смотреть на соседние страны как на торговых партнеров, инвесторов и конкурентов. Попытки Австралии дистанцироваться от Европы и сблизиться с Азией мотивировались отчасти присоединением Великобритании к ЕС и исчезновением англосаксонской протекционистской системы в Азии после падения Сайгона. Но более фундаментальной причиной является то, что 70% австралийского экспорта идет в страны АТР. Суммарная стоимость экспорта Австралии в страны АСЕАН превосходит ее экспорт как в США, так и в ЕС. Такое развитие событий следует рассматривать как результат не только новой региональной политики Австралии, но прежде всего энергичности и наступательности экономик азиатских стран.

Возрождение азиатского самосознания во многом стимулируется вызовами со стороны Европы и США. Шаги стран ЕС по созданию единого рынка и США по формированию североамериканской зоны процветания естественно порождают у руководителей азиатских стран стремление к консолидации. Так, призыв премьер-министра Малайзии М. Мохамеда создать Восточно-Азиатский экономический совет можно рассматривать во многом как реакцию на интеграционные тенденции в Западной Европе и Северной Америке.

Уже созданы такие влиятельные организации, как АРЕС — Межправительственная конференция по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (форум, организованный в 1989 г. странами Азии и Северной Америки); РЕСС — Тихоокеанский совет экономического сотрудничества; РВЕС — Экономический совет бассейна Тихого океана; АТЭС — Азиатско-Тихоокеанский экономический совет и др.

Обсуждаются грандиозные проекты экономической интеграции АТР, который смело бросает вызов объединенной Европе и североамериканской зоне свободной торговли. Страны региона, составляющие своего рода «Восточно-Азиатский концерт держав», стремятся принять активное участие в формировании нового мирового порядка и занять в нем достойное место.

Показательно, что уже города региона Сидней, Токио, Сингапур, Гонконг и другие продолжают отвоевывать позиции у таких признанных финансово-экономических центров, как Лондон, Нью-Йорк, Париж. Учитывая эти реалии, бывший премьер-министр Японии Я. Накасоне и его соавторы выступили с предложением расширить эту концепцию в направлении создания «Тихоокеанского экономического и культурного дома».

Все большее вес и влияние приобретает Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — субрегиональная политико-экономическая организация, созданная в 1967 г. В ее состав входят Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней. Главные цели этой организации — развитие экономического, социального, культурного и других видов сотрудничества стран—членов Ассоциации, содействие установлению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Она сыграла немаловажную роль в социальном и экономическом развитии указанных стран, способствовала возрастанию их политического влияния в регионе. В последнее время наметилась тенденция к активизации АСЕАН.

Некоторые лидеры АСЕАН высказывают мысль о необходимости регионального сотрудничества в области обороны. Как считал американский исследователь Ш.Саймон, АСЕАН может превратиться в «сообщество безопасности» в том смысле, что ни один из ее членов серьезно не рассматривает возможность использования силы против другого члена для решения спорных проблем. Но она не станет «оборонительным сообществом». Здесь отсутствует общий культурный, идеологический и исторический опыт. Еще более важно то, что нет общей для всех членов угрозы. Успехи, достигнутые АСЕАН, — относительные мир, стабильность и безопасность — все еще не составляют основу для более широкого военного сотрудничества. Скорее, они позволяют каждому государству идти собственным путем.

При этом все отчетливее прослеживается тенденция к оздоровлению политического климата в этом регионе. Улучшаются российско-китайские и китайско-индийские отношения, а также отношения между Китаем и Вьетнамом, Китаем и Индонезией, установлены дипломатические отношения между Россией и Кореей, активнее разворачивается диалог между двумя корейскими государствами.

Наметилась тенденция к сближению стран АСЕАН с Вьетнамом, поскольку последний отказался от гегемонистской политики в Индокитае и принял план ООН по разрешению затяжного камбоджийского конфликта. В Камбодже завершилась гражданская война. Без этого невозможен был бы визит японского императора Акихито в Китай осенью 1992 г. В настоящее время азиатские страны с большей готовностью идут на консультации друг с другом по вопросам политики безопасности.

Любопытно, что наиболее рьяными сторонниками азиатских ценностей являются представители местных элит, получивших образование на Западе. Это, например, Ли Куан Ю, Гоу Чок Тон, К.Махбубани, Чан Хенг Чи, Томми Ко, Георг Йео, Билахари Каузикан. Азиатская элита, получившая образование в Европе и Америке и ориентированная на них, сыграла большую роль в модернизации азиатских стран. По имеющимся данным, в настоящее время примерно 40 тыс. японских студентов проходит обучение в американских университетах и колледжах. Однако если заглянуть в XXI в., то роль такой элиты и модель, ориентированная на Европу и Америку, по мнению сторонников азиатизации, нуждаются в пересмотре. *«Отныне,— писал Огура,— для Азии проблема состоит не в том, чтобы содействовать модернизации, а в том, чтобы понять, как следует во всемирном масштабе решать проблемы противоречий и беспорядков, с которыми связаны западноевропейская модернизация и индустриализация. Ключ к разрешению этой проблемы вовсе не обязательно в руках западноевропейской цивилизации. Поэтому именно азиатское образование и азиатское понимание вещей, которыми обладает азиатская элита, приобретают сейчас первостепенную важность».*

Здесь ключевым словом является «азиатское», поскольку теперь говорят именно об азиатской модели. Если первоначально преобладала концепция «японского чуда» или «японской модели», то в последние годы она, равно как и вновь появившиеся идеи «китайской модели», «модели новых индустриальных стран» и т.д., стала частным случаем концепции «азиатизации», «тихоокеанизации». Так, сингапурский исследователь К.Махбубани говорит о выдвигании на передний план «тихоокеанского импульса» на смену господствовавшему до сих пор «атлантическому импульсу». *«XXI век,— писал он,— будет свидетелем борьбы между атлантическим импульсом и тихоокеанским импульсом. В течение последних нескольких столетий атлантический импульс определял направления мировой истории. Поэтому,— продолжал он,— евроцентристским аналитикам придется пересмотреть свои концепции, если они хотят правильно понять дальнейший ход истории».*

Но дает ли все сказанное основание для вывода, что на смену американскому веку приходит японский или азиатско-тихоокеанский век? Непредвзятый анализ намечающейся расстановки сил в рамках мирового сообщества позволяет заключить, что сама постановка вопроса в такой форме страдает недопустимыми упрощенчеством и схематизацией, не учитывающими новые мировые реальности, которые невозможно объяснить в традиционных понятиях и категориях. А реальности состоят в том, что Восток уже стал равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта его роль в наступающем веке будет усиливаться. Причем на самом Востоке фактически вызревают несколько центров (Китай, Япония, Индия и численно возрастающая группа более мелких, но весьма динамичных новых индустриальных стран), способных наравне соперничать как между собой, так и с Западом, если не в целом, то с ведущими его державами.

В то же время, отбрасывая возможные досужие мысли о желтой или иной опасности для Запада, мы со всей серьезностью должны осознать, что индивидуалистическая парадигма, если полностью не исчерпала свои творческие потенции, то во всяком случае потеряла свое бывшее полное преимущество над органической парадигмой. По-видимому, XXI столетие будет веком тех народов и культур, которые сумеют достичь оптимального синтеза индивидуалистического и органического, западного и восточного начал.

Контрольные вопросы

1. Каковы особенности восхождения Восточной Азии?
2. Превратилась ли Азия в новый центр силы, способный на равных соперничать с традиционными центрами силы?
3. Способна ли Азия стать еще одной несущей конструкцией нового миропорядка?
4. Назовите основные составляющие азиатские идеи.
5. Будет ли XXI столетие веком Азии?

14. РОССИЯ И ЗАПАД

14.1. Параметры супердержавности в новых геополитических реальностях

Статус великой державы определяется некоторым комплексом факторов, среди которых можно назвать численность населения и размеры территории, природные ресурсы, экономические возможности, военную силу, внутривластную стабильность и уровень компетентности руководителей страны. С точки зрения органического сочетания демографических, производственно-экономических, территориальных, военно-экономических, военно-политических и иных факторов действительно сверхдержавой в послевоенные десятилетия были США. Советский Союз был односторонней сверхдержавой, которая экономическую слабость компенсировала политической дисциплинированностью, военной силой и обильными природными ресурсами. Тем не менее статус великой державы невозможно удержать без определенного уровня экономических возможностей. Как справедливо отмечал германский политэкономист XIX в. Ф.Лист, *«способность создания богатства важнее, чем само богатство»*.

Что касается России, то у нее и то и другое есть в избытке. Если исходить из традиционного понимания геополитики и из реальностей мира с обычными вооружениями, то вместе с некоторыми обозревателями можно было бы сказать, что дни России как великой державы уже сочтены. Однако, как установлено многими исследователями, военно-технические нововведения (об этом говорилось выше) способствуют определенному размыванию позитивной корреляции между материальным богатством, или уровнем экономического развития, и характером военной мощи государства. Это достигается прежде всего в результате изменения издержек на единицу военной мощи, сокращения стоимости оружия и дает относительные преимущества экономически менее развитым странам. Например, в период до появления железной металлургии оседлые, более процветающие общества бронзового века были способны держать в постоянном страхе менее развитые общества, которые не обладали возможностями для производства дорогостоящего бронзового оружия. Однако освоение последними менее дорогостоящего железа трансформировало этот военный баланс и привело к перемещению центра военно-политической мощи к новым восходящим обществам, таким как хетты и ассирийцы.

Вместе с тем нововведения в военном деле могут привести к увеличению стоимости единицы военной мощи, что в свою очередь может благоприятствовать более крупным политическим организациям. Так обстояло дело, например, в начале Нового времени, когда ни отдельные феодалы, ни города-государства не могли финансировать крупные скопления военной мощи новых форм: артиллерию, постоянные армии, парусный флот и т.д. Это явилось решающим фактором в победе территориального национального государства над другими формами политической организации.

С появлением современных вооружений изменяются сами критерии оценки сравнительной военной мощи конкурирующих стран. Так, создание в 1906 г. английского «Дредноута» сразу сделало устаревшими традиционные военные корабли. При господстве же ядерного оружия в этом плане произошли существенные изменения. Как писал Б.Броди, *«оружие, которое не способно поразить свой аналог, не становится бесполезным с появлением более новых и более совершенных типов»*. При производстве одной стороной наступательного оружия противная сторона может создать более мощное оборонительное оружие и наоборот. Такая асимметрия затрудняет сопоставление систем вооружений противоборствующих сторон.

Военные технологии, как правило, изменяются постепенно, и вероятность распространения нового знания дает возможность государствам с помощью эквивалентных разработок сохранить примерный военно-технологический паритет. Разумеется, технологический прорыв в тех или иных областях оказывает влияние на соотношение сил. Однако распространение технологической информации можно в лучшем случае временно сдерживать, но невозможно навсегда блокировать. Крупные прорывы в технологиях, которые способны быстро изменить стратегический баланс в пользу одной из сторон, в современных условиях, по мнению специалистов, нереальны. Технология ограничена физическими принципами, состоянием науки, проблемами, связанными с интеграцией новых систем в уже существующие, и т.д.

Военно-стратегический баланс зависит от эквивалентности не только уровней технологического развития, но и параметров, таких как возможности доставки оружия, выживаемость, размеры сил и т.д. Советский Союз на начальном этапе гонки вооружений показал свою способность компенсировать технологическое отставание с помощью, например, размещения более крупных ракет, которые позволяли использовать боеголовки большей мощности, что было призвано восполнить недостаточную точность. Более высокая военная технология влияет на стратегический баланс, но все же разрыв в балансе зависит от того, возможно ли его компенсировать за счет других средств.

До тех пор, пока одна из сторон способна ответить на первый удар противника или же обладает видимостью такой возможности, ее ядерные силы нельзя считать устаревшими. Причем силы для второго удара могут и не быть слишком большими — достаточно сохранить способность нанести удар возмездия несколькими десятками боеголовок. У США и России число боеголовок и систем их доставки далеко превосходит потребности сдерживания. Более того, стратегия сдерживания делает излишним содержание в большом количестве обычных сил.

С крушением биполярного мира равновесие сил существенно изменилось. В биполярном мире мощь одного блока оценивалась относительно мощи второго блока. В многоцентрическом мире тому или иному государству (если абстрагироваться от сохранившегося блока НАТО) приходится сравнивать свою мощь с мощью не одной из двух противостоящих сторон, как это было при двухполюсном миропорядке, а нескольких или множества сторон. Поэтому аргументы о контроле над вооружениями и сокращении вооружений не могут ограничиваться отдельно взятыми союзами или государствами.

Например, Россия, идя на переговоры, должна брать в расчет вооружение не только западных стран, но и Японии, Китая и других стран. Подобным же образом от Китая также нельзя ожидать согласия на сокращение его вооружения, если Индия и ряд соседних стран не пойдут на эквивалентные сокращения. Индия же в свою очередь потребует, чтобы на соответствующие сокращения пошел Пакистан, и т.д. Другими словами, требуется баланс сил не просто между отдельно взятыми государствами, а всемирного масштаба.

Если учесть, что у каждого государства не один, а несколько противников, то станет очевидна сложность обсуждения соответствующего баланса без предварительных политических выкладок относительно возможностей конфликта между конкретными государствами или группами государств в будущем. Выкладки же могут создать непреодолимые разногласия. Кроме того, постоянно меняется ситуация, поэтому любой достигнутый баланс может быть нарушен.

Очевидно, что безопасность возможна только на интернациональном уровне. Правда, ядерное оружие вносит в такой расклад сил свои коррективы. Дело в том, что государство, способное нанести второй ракетно-ядерный удар и причинить неприемлемый ущерб хотя бы одной великой державе, независимо от его географической удаленности как бы обладает паритетом со всеми остальными ядерными государствами вместе взятыми.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод о кардинальном изменении баланса сил, который сложился в период холодной войны, что в свою очередь предполагает коренную трансформацию всей геополитической структуры во всепланетарном масштабе. Поэтому естественно ожидать постепенного переосмысления традиционно понимаемых категорий гегемонии той или иной державы или групп стран.

Гегемонизм во внешней политике в современных условиях вступает в противоречие с основополагающими ценностями и идеалами равенства и свободы всех субъектов международного общения. Конец глобального противостояния означает конец гегемонистско-глобалистской политики в традиционном понимании. Если ее значение и сохранится, то оно будет весьма изменчивым, не поддающимся сколько-нибудь предсказуемому, устойчивому прогнозу.

Разумеется, при таком положении не может не иметь место перераспределение геополитической энергии, которое по сути дела существенно подрывает претензии какой-либо одной страны на статус державы №1, способной диктовать свою волю другим странам. В создавшихся на исходе второго тысячелетия реальностях всякие рассуждения о единополярном, равно как и треугольном, мировом порядке являются в лучшем случае упрощением и лишены оснований в реальной действительности.

Уникальность ситуации состоит в том, что по всем важнейшим параметрам и характеристикам она не поддается оценке и классификации традиционными критериями, понятиями и категориями. Это обусловливается целым комплексом факторов. Среди них в первую очередь следует отметить совокупность названных выше четырех блоков факторов, определяющих облик мирового сообщества в период перехода от евроцентристского мира к всепланетарной цивилизации.

В контексте этих факторов гегемония одной какой-либо страны или группы стран не имеет перспектив в силу набирающей темпы интернационализации важнейших сфер жизни народов и стран, а также усиления транснациональной взаимозависимости с характерной для нее диффузией мощи и власти и растущей неопределенности их реальных источников.

Может получиться и так, что относительное ослабление позиций США и уход с геополитической сцены России не обязательно приведут к появлению новых гегемонистских держав, будь то в политической или экономической сфере. Если логика восхождения одних и упадка других гегемонистских держав была верна в условиях государственноцентристского мира, она может оказаться не совсем приемлемой к современному многополярному миру с разными типами акторов.

Уже в 70–80-х годах постепенно стало обнаруживаться, что сами принципы державности и сверхдержавности с точки зрения реальных возможностей одних государств навязывать свою волю другим претерпевают существенные изменения. Говоря словами Розенау, становится очевиден тот факт, что сверхдержавы не столь сверхдержавны, а мелкие государства не столь мелки, какими они некогда были. Обладание энергоресурсами, степень их доступности и недоступности существенно изменили баланс между сильными и слабыми.

14.2. Общая характеристика места и роли России в современном мире

Для нас, российских граждан, естественно, особо стоит вопрос о месте и роли России в мировом сообществе в контексте тех судьбоносных для нее сдвигов в раскладе геополитических сил, которые произошли за последние годы. Само географическое месторасположение России на бескрайних просторах евразийского континента на стыке различных цивилизаций, культур, стран и народов, грандиозность ее пространств и исходящие от нее силы притяжения и отталкивания, потенциальные последствия для геополитических контуров современного мира ставят множество императивных вопросов. Что есть Россия: просто один из нормальных членов мирового сообщества? Особое жизненное пространство, расположенное на стыке Востока и Запада и принадлежащее им обоим? Мир миров? Особая цивилизация в ряду других равновеликих цивилизаций?

Перечень вопросов можно продолжить. Парадокс в том, что как положительные, так и отрицательные ответы на все эти вопросы можно считать верными и неверными одновременно. Очевидно, что вопросы эти сложные и поиск ответов на них — большая и многоплановая проблема, требующая самостоятельного исследования.

Россия оказалась в эпицентре глобальных перемен и стала крупнейшей зоной нестабильности. Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис, несомненно, нанесли мощный удар по самой российской государственности, подорвали привычный порядок, инфраструктуру менталитета, поставили под сомнение саму русскую идею. Очевидно, что переживаемые ею кардинальные изменения потребуют от России концентрации поистине титанических усилий, которые, хотя и временно, не могут не блокировать или во всяком случае ослабить ее активность на мировой арене, заставить де-факто, если не де-юре, сократить свои внешнеполитические обязательства.

Тем не менее при всех трудностях и пертурбациях, переживаемых Россией, нельзя сказать, что для нее уже наступил вечер. Глубоко заблуждаются те, кто отводит России место и роль чуть ли не на обочине мировой политики, считая, что она скатывается на уровень второразрядного или даже третьеразрядного государства (нередко о ней говорят и как о «третьем мире»).

Хочу выразить свое несогласие и с теми авторами (казалось бы, оптимистически смотрящими на перспективы ее развития), которые отводят России статус своего рода «естественного путепровода» торгово-экономических и транспортных потоков между Европой, Азией и Африкой, некоего «евроазиатского моста», служащего в качестве самого короткого торгового пути между Азией и Европой. По мнению одного из авторов, *«хотим мы того или нет, но Россия вновь становится форпостом христианского мира, выдвинутым в огромный мир Ислама, от отношений с которым во многом зависят спокойствие, стабильность, а в будущем, возможно, и благосостояние России»*.

Совершенно непонятно, почему, на каком основании Россия может и должна стать неким «форпостом христианского мира» только в исламский мир. А как же тогда с буддийским, конфуцианским, индуистским, синтоистским или восточноазиатским, южноазиатским мирами, не менее обширными, чем мусульманский мир? Ведь очевидно, что Россия по меньшей мере тремя фасадами выходит на внешний мир: западным, обращенным к евроамериканскому миру; южным, обращенным к весьма разнородному исламскому миру, и восточным — к Азии и АТР.

Почему именно мост, форпост или что-нибудь иное в таком же роде, а не самостоятельное геополитическое пространство со своими специфическими интересами, реализующимися по всем азимутам на всех направлениях сжавшейся до единого пространства планеты. В то же время Россия не может быть «мостом» между Западом и Востоком в традиционном понимании этого слова просто потому, что синтез евроамериканской, азиатской и ближневосточной цивилизаций происходил в ситуации фактической самоизоляции России на началах относительного политико-идеологического, информационно-технологического автаркизма.

В создавшихся ныне условиях перед Россией стоит задача заново сформулировать свои политические цели, адекватные новым реальностям, заново определить свои интересы в области национальной безопасности. Концепция национальной безопасности, как известно, базируется прежде всего на связке «государство — внешняя среда». Выше уже отмечалось, что в данной работе главное внимание концентрируется на геополитических аспектах безопасности, т.е. на внешних ее параметрах. Однако положение России в настоящее время таково, что именно внутреннее состояние во многом определяет важнейшие параметры ее геополитической безопасности. Один из главных источников опасности подрыва национальных интересов России находится внутри самой России.

М.С.Горбачев стал, по сути дела, первым руководителем страны, осознавшим, что внутренняя угроза безопасности России по своей значимости и возможным последствиям значительно превосходит внешнюю угрозу. Речь идет прежде всего о необходимости достижения экономической, социальной, политической и идеологической стабильности внутри страны. Защищенность и стабильность государства можно считать обеспеченными, если гарантирована его внешняя и внутренняя безопасность. К тому же именно успехи или неудачи на внутреннем фронте в конечном счете будут определять вес и влияние России как в постсоветском пространстве, так и в мире в целом. Поэтому в концепциях национального интереса и национальной безопасности высший приоритет должен быть отдан решению комплекса внутренних проблем.

14.3. Россия: региональная или мировая держава

Самым дискуссионным в рассматриваемом контексте является вопрос о том, остается ли Россия после распада СССР великой державой, способной конкурировать на мировой арене на равных с другими великими державами. Разумеется, всякие причитания и заклинания о величии нации и государства, характерные в последние годы для нашей публицистики, да и научной литературы, в принципе не прибавляют ни величия, ни престижа. Здесь уместно вспомнить слова Т.Манна, который как-то сказал: *«несчастлива страна, которая нуждается в героях»*. Перефразируя этот тезис, можно было бы сказать: несчастен народ, который на всех углах кричит о своем величии.

Но все же для ущемленного, задетого в своем чувстве национальной гордости народа озабоченность своим местом в сообществе стран и народов неизбежна и естественна. В этом плане, как мне представляется, не по правилам играют те западные аналитики, которые не прочь (причем нередко и не к месту) поиронизировать относительно такой озабоченности россиян. Однако нельзя забывать, что это удел любой имперской державы, пережившей поражение и унижение национального достоинства (неважно, реальное или воображаемое).

Вспомним в этой связи Америку середины 70-х—начала 80-х годов. Оказавшись в тисках так называемого вьетнамского синдрома и испытывая чувства оскорбленного национального достоинства в свете известных иранских событий, она жаждала хотя бы самой маленькой победы на международной арене. Тогда, как нельзя кстати, подвернулась крохотная Гренада — островок в Карибском море, образно говоря, размером с аэропорт «Дж.Ф.К.» (имени Кеннеди). Ведь ее захват американскими войсками выдавался официальными лицами и средствами массовой информации США как впечатляющая победа американского оружия над силами мирового зла, будто угрожавшими чуть ли не самому существованию Америки. Или вспомним, как после сокрушительного поражения полумиллионной американской армии в джунглях Юго-Восточной Азии разномастные Рэмбо в различных ипостасях одерживали одну победу за другой над вьетнамцами... на кино- и телеэкранах.

Вместе с тем нельзя забывать, что народ, который одержим гордыней за свое величие и воображаемое превосходство над другими народами, равно как и народ, который ожесточен и озлоблен из-за унижения национального достоинства, не способен верно оценить свое реальное положение в мире, свои истинные интересы, цели, миссию. В.Соловьев не случайно подчеркивал, что историческому народу, если он хочет жить полной национальной жизнью, необходимо перерасти самого себя, *«уйти в интересы сверхнациональные, в жизнь всемирно-историческую»*, ибо любованье самим собою, самоугождение и самопоклонение способствуют не укреплению народного духа, а наоборот, его ослаблению и разложению.

Подлинную национальную идею нельзя смешивать с ее национал-шовинистической, великодержавной профанацией. Национальная идея включает высший смысл существования и предназначение данного народа. Она утверждается и легитимизирует себя не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия этих народов.

Эти предостережения не потеряли свою актуальность и в наши дни, особенно в свете того, что некоторые современные авторы в поисках оригинальных путей социального и политического переустройства России не прочь чрезмерно преувеличивать фактор ее самобытности и особого пути развития. Более того, многие наши публицисты так называемого патриотического направления взяли в качестве руководства к действию мысль Ф.М.Достоевского, который усматривал миссию России в том, чтобы спасти и обновить Европу. Большинство из них склонны предлагать различные варианты проектов, выдвигавшихся в 20–30-х годах представителями евразийства.

Нет сомнений, что Россия может сохранить свое величие, лишь оставаясь Россией. Ни одно государство не способно добиться экономического подъема и роста благосостояния народа без использования национальных ресурсов, как материальных, так и духовных. Но вместе с тем нельзя не отметить ущербность трактовок России в терминах ее принадлежности либо к Востоку, либо к Западу, либо же как синтеза их обоих без раскрытия при этом сущности самого синтеза. В современном мире вообще не совсем конструктивна сама мысль о западной или восточной ориентации и соответствующих приоритетах во внешнеполитической стратегии России, поскольку нынешние реальности таковы, что, как выше говорилось, много Востока присутствует на Западе и еще больше Западе — на Востоке.

Ныне Россия занимает не просто полуокраинное по отношению к мировым центрам положение, как это было до первой мировой войны, или положение одного из двух полюсов в двухполюсном миропорядке послевоенного периода, а срединное пространство между Европой, Дальним Востоком и мусульманским миром. В то же время она является центром притяжения стран постсоветского пространства, тем самым составляя ось новой группировки стран и народов, которые, строго говоря, не образуют единый географический регион.

В силу этих факторов для России речь может идти не просто о военной безопасности, а о безопасности во всех ее аспектах и измерениях: глобальном, региональном, национальном, а также экономическом, социальном, экологическом, информационном, политическом. С данной точки зрения следует считать неправомерной альтернативу: или глобальная внешняя политика, или реформы внутри страны. Для наращивания последних отнюдь не обязательно свертывать внешнеполитическую активность. Они вполне могут совмещаться и дополнять друг друга. Главная задача внешнеполитических служб России состоит в том, чтобы обеспечить стабильное и безопасное окружение для решения проблем, связанных с формированием и утверждением новой социально-экономической и государственно-политической системы.

В современном мире для реализации прочных широкомасштабных торгово-экономических, политических, культурных и иных связей с различными странами или регионами ни Россия, ни какая другая великая держава не нуждается в каких-либо буферах или посредниках в традиционном их понимании. Например, Кавказ или Ближний Восток не следует рассматривать как некий форпост той или иной державы или пассивный объект притязаний третьих стран, поскольку они сами постепенно приобретают статус активных участников мировой политики, отстаивающих собственные законные интересы. В то же время при оценке реалий региона или страны необходимо отказаться от буквалистски понимаемого принципа игры с нулевой суммой, в соответствии с которой экономическое, культурное или иное проникновение другого государства в сферу традиционных интересов, скажем России, автоматически и обязательно ущемляет интересы последней. С этой точки зрения то, что Турция и Иран соперничают на Кавказе или в Средней Азии, явление совершенно естественное.

С учетом всего сказанного в рассматриваемом контексте, как мне представляется, речь должна идти о переоценке ценностей, а не о выборе либо восточного, либо западного пути развития. Проблема России состоит в том, что ей приходится решать еще не дореализованные аспекты модернизации (создания гражданского общества и правового государства, полноценного и самоосознанного гражданина, среднего класса и т.д.) в условиях приспособления к реальностям перехода развитой зоны современного мира на рельсы постмодернистского развития.

Иначе говоря, необходимо концентрировать внимание на поисках собственного пути с национальным обликом в условиях окончания современности и наступления постмодерна, когда западоцентристское понимание и соответственно развитие современного мира уже нельзя считать единственно возможными и единственно состоятельными.

Если в начале реформ для России курс на модернизацию означал ориентацию однозначно на «вхождение в Европу», то осознание революционных изменений в области информационной и телекоммуникационной технологии, полицентричности современного мира, наличия в нем не одного, а многих центров, располагающих необходимыми нам знаниями, технологиями и финансовыми ресурсами, открывает гораздо более широкие возможности приобщения к передовому опыту и интеграции в мировое хозяйство, причем с учетом национальных интересов.

Нельзя не затронуть еще один момент. Некоторые зарубежные и отечественные авторы как заклинание повторяют тезис, что Россия, потеряв статус великой мировой державы, может существовать лишь в качестве региональной державы. Возникает вопрос: в каком именно регионе России суждено действовать в качестве региональной державы? Анализ реального положения показывает, что для России актуальны Европейский, Ближневосточный, Средневосточный, Центрально-Азиатский, Азиатско-Тихоокеанский регионы, а также Ближнее зарубежье. Для мирового баланса сил важное значение имеют отношения по линиям: Россия — страны Европейского союза, Россия — НАТО, Россия — США, Россия — Китай, Россия — Япония, Россия — страны Ближнего Востока, Россия — СНГ и др.

На протяжении всей своей истории геополитические контуры России характеризовались исключительно высокой подвижностью. Россия испытывала постоянные территориальные приобретения и потери, но постепенно более или менее ясно вырисовывалась главная тенденция — неуклонное расширение ее геополитического пространства, будь то мирными или силовыми средствами. К концу XIX—началу XX в. границы России приобрели, возможно за некоторыми исключениями, свои естественные очертания.

Здесь можно провести аналогию с США, которые, преодолев громадные расстояния от атлантического побережья до Тихого океана, к концу XIX в. приняли нынешние свои контуры. Сложившийся геополитический расклад открывал перед Россией благоприятные перспективы как для социально-экономического и политического развития, так и для общения в мировом сообществе. Она стала одновременно европейской, азиатской и азиатско-тихоокеанской, континентальной и океанической державой. Поэтому ключевым направлением в политической стратегии России стала установка на стабилизацию геополитического статус-кво, сохранение и закрепление сложившегося баланса мировых сил. И сейчас при всех понесенных потерях Россия остается одновременно европейской, азиатской и азиатско-тихоокеанской, континентальной и океанической державой. В Европе Россия стала страной, по своему весу и влиянию равной Великобритании или Франции. В Восточной Азии она занимает, во всяком случае в военно-политическом отношении, место, эквивалентное тому, которое занимает, скажем, Китай. При всех очевидных модификациях ситуации и возможных оговорках нельзя забывать, что в современном мире еще никто не отменял роли силы и соответственно военной мощи. С этой точки зрения Россия, стоящая на втором месте в мире по ядерной мощи, способна при необходимости бросить вызов любому противнику как на Востоке, так и на Западе, как на Юге, так и на Севере. На нынешнем этапе в военно-политическом плане только Россия способна противостоять США, претендующим на роль единственной глобальной державы. Со значительной долей уверенности можно сказать, что в большинстве ведущих регионов Москва пока что остается военно-стратегическим тяжеловесом, а с выходом из экономического кризиса этот статус неизбежно укрепится.

Необходимо также отметить, что величие государства определяется не только наличием в каждый данный момент сугубо материальных стандартов жизни. Как отмечал И.Ильин, великодержавие того или иного государства *«определяется не размером территории и не числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес, свою волю, вносит творческую, устрояющую правовую идею во весь сонм народов, во весь «концерт» народов и держав»*.

С данной точки зрения немаловажное значение имеет целый комплекс других параметров, таких как интеллектуальный, духовный, научный, технологический и т.д. вклад страны в мировое развитие, а также ее собственный потенциал и творческие возможности в этих сферах. Перспективы России во всех этих аспектах не столь проблематичны, как этого хотелось бы противникам (как зарубежным, так и отечественным) ее великодержавности. При этом нельзя упускать из виду, что любые крупномасштабные события и преобразования в России неизменно оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на положение дел во всемирном масштабе.

Это определяется прежде всего тем, что Россия занимает особое, уникальное положение в геополитической структуре современного мира. Она раскинулась на огромных пространствах, образующих своеобразный становой хребет, соединяющий Европу и Азию в единый евразийский континент. Достаточно взглянуть на политическую карту, чтобы убедиться в том, что уже сам геополитический размах России прямо-таки обрекает ее на статус мировой державы. И на западном, и на восточном, и на южном направлениях внешняя политика России приобретает стратегическое измерение. Особую важность геополитическое положение России в нынешних реальностях приобретает в силу ее близости к некоторым из наиболее опасных очагов и эпицентров национально-территориальных конфликтов.

14.4. Основные направления взаимоотношений между Россией и Западом

Основополагающей несущей конструкцией современной системы коллективной безопасности является комплекс отношений по линии Россия — Запад. В условиях распада биполярного миропорядка как Россия, так и ведущие западные страны очутились перед необходимостью переоценки своего места и роли в современных геополитических реальностях. В рассматриваемом здесь контексте перед ведущими странами Запада встал императивный вопрос, который наиболее четко сформулировал З.Бжезинский: *«Если Россия больше не является противником, то кто же она — уже союзник или клиент, или просто враг, потерпевший поражение. Каковы должны быть цели и содержание большой стратегии США после холодной войны в отношении крупной страны, которой так или иначе предназначено быть силой в делах всего мира независимо от ее нынешнего болезненного состояния».*

Большинство руководителей стран Запада и специалистов по внешней политике убеждены в том, что развал Советского Союза и окончание холодной войны отвечают коренным жизненным интересам этих стран и что любая политика России или какого-либо иного государства, направленная на экономическую, политическую и военную консолидацию постсоветского пространства, этим интересам противоречит.

Считается, что распад СССР открыл перед Западом благоприятные с геополитической точки зрения возможности для проникновения в важные для нее, но ранее практически закрытые регионы постсоветской Центральной Азии и Закавказья. А это в свою очередь позволяет укрепить позиции его в отношениях с Китаем в регионе Персидского залива и на южных окраинах Евразии. Разумеется, Запад в целом и США в особенности приложат все усилия к тому, чтобы сделать изменения, происшедшие в России и СНГ, необратимыми. Одним из важных векторов их политики в этом направлении является явное или неявное противодействие интеграционным процессам в СНГ. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 29 марта 1994 г. сенат США принял поправку к проекту закона о бюджете на 1995 г., в которой было фиксировано положение о том, что США должны всеми силами препятствовать объединению Российской Федерации с бывшими союзными республиками в экономической, военной и других областях.

Было бы ошибкой считать, что США и Запад в целом заинтересованы в полном развале, дезинтеграции России, утрате Москвой контроля за нынешней российской территорией. Очевидно, что такие категории, как военная сила, баланс сил и интересов, игра с нулевой суммой и т.д. не могут насовсем исчезнуть с повестки дня. Но все же с определенными оговорками можно сказать, что в настоящее время отсутствуют фундаментальные, неразрешимые противоречия между национальными интересами России и западных стран.

Будучи не заинтересованы в появлении на мировых рынках нового сильного конкурента, они одновременно имеют с Россией ряд совпадающих интересов, среди которых можно назвать следующие: укрепление международной безопасности, усиление контроля над вооружениями, предотвращение распространения всех видов оружия массового уничтожения, обоюдная заинтересованность в предотвращении региональных конфликтов, создание надежной и стабильной системы глобальной и региональной безопасности, борьба с международным терроризмом и наркобизнесом, защита прав и свобод человека и т.д.

Запад не может не сознавать, что Россия своим существованием обеспечивает некий баланс сил и тем самым играет позитивную геополитическую роль на мировой арене и что подрыв этой роли привел бы к дальнейшему усилению дезинтеграционных тенденций и нестабильности. А это в свою очередь может отрицательно отразиться на глобальных интересах США и всего Запада. Руководители Запада не могут не понимать, что сами масштабы России, ее географическое местоположение, сохранение за ней места в ядерном клубе, а также места постоянного члена в Совете Безопасности ООН и т.д. обеспечивают ей значительные власть и влияние. По-видимому, без согласия Советского Союза операция «Буря в пустыне» могла бы и не состояться или во всяком случае быть не столь успешной.

Не случайно распад СССР, имеющий потенциальные долговременные непредсказуемые последствия для всего мирового сообщества, тогдашний государственный секретарь США Дж.Бейкер назвал «величайшим вызовом», перед которым оказалась Америка на исходе XX столетия. Озабоченность судьбами России и возможными последствиями тех или иных перспектив ее развития со всей определенностью высказывали и представители нынешней американской администрации. Мы не знаем, писал в одной из своих последних статей бывший государственный секретарь США У.Кристофер, какой именно страной станет Россия в XXI в., *«но мы знаем, что будущее России будет иметь глубокое влияние на нашу безопасность и безопасность наших европейских союзников».*

При всех трудностях, переживаемых в настоящее время Россией, здравомыслящие лидеры западных стран прекрасно отдают себе отчет в том, что она слишком большая величина, чтобы ею можно было пренебречь. Симптоматично, что авторы одного из документов Пентагона середины 90-х годов, ратуя за утверждение единоличной гегемонии США в мире, вместе с тем признавали, что Россия и сейчас *«остаётся единственной силой в мире, имеющей потенциал для уничтожения Соединенных Штатов».* По данным опроса общественного мнения, проведенного в конце 1994 г. чикагским Советом по международным проблемам, большинство опрошенных назвали Россию среди первых трех стран, в которых США имеют жизненно важные интересы.

Поэтому правящие круги великих держав безопасность своих стран теснейшим образом увязывают с развитием событий в России. Как утверждал, например, У.Кристофер, если русский эксперимент потерпит неудачу и Россия вновь погрузится в анархию или деспотизм, Америка также не сможет добиться своих целей. Как бы признавая обоснованность этих доводов, президент США Б.Клинтон декларировал необходимость «стратегического союза» или «нового демократического партнерства» с посткоммунистической Россией.

Такую же готовность к сотрудничеству со своей стороны демонстрирует и Россия. Обе стороны полны решимости неукоснительно соблюдать важнейшие договоренности, составляющие краеугольный камень постбиполярного миропорядка. Речь идет о договорах по противоракетной обороне, СНВ-1, СНВ-2 и др.

14.5. Причины сохранения и расширения НАТО

Камнем преткновения для отношений России с Западом стал вопрос о расширении НАТО. Североатлантический альянс был задуман как военно-политический союз, составляющий военно-силовую опору одного из двух полюсов биполярного мира. Его осью была не только сила, но и идеология. В этом смысле блок НАТО охватывал весь так называемый свободный мир. По-видимому, права А.Бродхерст, которая считала, что сближение Западной Европы и Северной Америки произошло не только из-за угрозы советского вторжения, но и в силу более широкого комплекса проблем. По окончании второй мировой войны правительства европейских стран очутились в ситуации, характеризующейся распадом империй и международной торговли, угрозой экономического и социального хаоса, крахом денежной системы, ростом влияния радикальных идеологий, нехваткой продуктов питания, неэффективными транспортными системами, разочарованием людей в своих руководителях и т.д. В ответ на это было создано множество взаимно переплетающихся, противоречащих друг другу, дублирующих друг друга институтов, которые в совокупности составили нечто вроде институциональной версии «гибкого реагирования» на сложные и разнообразные проблемы на уровнях индивидуального, государственного, субрегионального, регионального и международного взаимодействия.

С окончанием холодной войны Североатлантический альянс очутился в совершенно иной стратегической ситуации. Исчезли главные причины создания блока НАТО, и в силу этого он просто не мог избежать системного кризиса. Это по сути дела признали участники Римской встречи в верхах руководителей стран — членов альянса в ноябре 1991 г., на которой была обнародована «новая стратегическая концепция» НАТО.

Уместно напомнить в данной связи, что главная цель НАТО, сформулированная в пятой статье договора, состоит в оказании взаимной помощи странами-членами в случае гипотетического нападения и коллективной обороне их территорий. По окончании холодной войны и фактическом прекращении главной внешней угрозы с Востока перед руководителями альянса встала проблема его радикальной трансформации либо роспуска. В создавшейся ситуации любые другие угрозы — реальные или воображаемые — и доводы оказались бы недостаточными, чтобы в полной мере заменить первоначальную главную цель.

Однако имеется целый ряд причин, в силу которых в обозримой перспективе НАТО сохранится в качестве реального фактора мировой политики. Существуют мощные силы, которые кровно заинтересованы в Североатлантическом союзе и будут предпринимать все меры для недопущения его роспуска. Разные участники этого процесса преследуют разные интересы. Для США НАТО остается доказательством и инструментом реализации их якобы лидирующей роли в мире в наступающем веке. Ряд европейских стран видят в альянсе инструмент сдерживания национализации внешней политики Германии и возможных гегемонистских поползновений с ее стороны.

Для самого же блока НАТО расширение — это вопрос его выживания. Сказывается действие некоего закона самосохранения и самовоспроизводства, определяющего сущность и деятельность любой организации. Один из путей проявления этого закона — расширение. В данном смысле не является исключением и блок НАТО, который качественной перестройке на путях учета сложившихся реальностей предпочел паллиативный путь количественного расширения.

Благоприятствующим этому обстоятельством явилось то, что восточноевропейские страны, приобретшие фактическую национальную независимость с распадом Советского Союза и восточного блока, вступили на европейскую авансцену в качестве самостоятельных и активных субъектов международных отношений. Для них стремление присоединиться к НАТО во многом стимулируется психологическими соображениями, желанием освободить себя от чрезмерных военных расходов и создать благоприятный климат доверия, в котором они смогут реализовывать трудные экономические и политические реформы.

Одной из важнейших причин, подталкивающих восточноевропейские страны в объятия НАТО, является не только призрак Советского Союза, но и призраки империй прошлого (Османской, Германии, Австро-Венгрии, России), для которых эти страны служили в качестве арены соперничества или же разменной монеты в большой геополитической игре. Империй уже нет, в том числе и Советской, но призраки остались. Разумеется, в истории они нередко играли фатальную роль, но все же, как представляется, задача состоит в том, чтобы выявить реальные ориентиры мирового развития и найти свое место в реальном мире.

В глазах восточноевропейских стран вхождение в НАТО — это в сущности вопрос об утверждении прежде всего в собственных глазах своей европейской идентичности, а также вопрос об интеграции в экономические и политические структуры ЕС. Вхождение в НАТО рассматривается ими как кратчайший путь к решению своих социальных, экономических и оборонных проблем на началах скорейшей интеграции в европейские структуры. В их глазах вступление в альянс — это своего рода гарантия безопасности в условиях риска и нестабильности, якобы исходящих от России.

Вместе с тем многие европейцы видят в Североатлантическом альянсе средство предотвращения ренационализации политики безопасности в Европе. Эта проблема стала особенно актуальной в свете кровавых событий в бывшей Югославии. НАТО рассматривается в качестве гаранта европейской, да и не только европейской, безопасности, сохранения американского политического и военного присутствия в Европе. На сегодняшний день США остаются необходимым компонентом европейского баланса сил, а Североатлантический альянс представляет собой основу военно-стратегического партнерства США и Европы. США — это одна из двух главных опор НАТО, и очевидно, что в случае их ухода из Европы блок НАТО сам собой разрушится.

Существует целый ряд других доводов и аргументов в пользу сохранения и укрепления НАТО. В частности, нельзя не учитывать желание определенных кругов Запада воспользоваться ослаблением позиций России, не допустить ее возрождения и возвращения ею веса и влияния в мировых делах. Одна из причин — заинтересованность значительных политических, бюрократических кругов в сохранении этой организации как работодателя и источника выгодных заказов. В данном контексте следует рассматривать и развернувшиеся в последнее время споры и дискуссии относительно расширения Североатлантического союза путем включения в него новых членов из числа восточноевропейских стран, являвшихся ранее членами Варшавского блока. Аргументы и контраргументы спорящих сторон хорошо известны, и здесь нет надобности сколько-нибудь подробно их рассматривать.

Разумеется, с точки зрения сторонников сохранения и расширения НАТО, ряд приводимых ими аргументов не лишены оснований и имеют право на существование. Возможно, эти аргументы были бы приемлемы и для остальных членов мирового сообщества, если бы в какой-либо форме сохранялись реальности, на основе которых альянс был создан.

Прекратилось противостояние между Востоком и Западом, произошло объединение Германии, исчезла Берлинская стена, разделявшая Европу на две части, положен конец военному присутствию Советского Союза в Восточной Европе. Как говорят, организации создаются в сущности не самими государствами — участниками этих организаций, а их врагами. В этом утверждении присутствует определенная доля истины в том смысле, что союзы, блоки, организации образуются в силу наличия определенной угрозы или вызова их участникам. История представляет нам множество примеров, когда коалиции, одержавшие победу в войне, распадаются чуть ли не на следующий день после победы. Почему эта участь должна миновать НАТО?

Немаловажное значение в этом контексте имеет то, что европейская безопасность становится все меньше военной проблемой. Она превращается в проблему, решаемую в более широких масштабах внешней политики, выходящей за рамки компетенций НАТО. Еще до окончания холодной войны ряд руководителей стран — членов альянса осознавали необходимость определенной модификации его структуры, роли и функций. Тем более она нужна сейчас. Без нее расширение вообще теряет всякий смысл. Как показал целый ряд событий постбиполярной эпохи, например в Руанде, Сомали, Югославии, блок НАТО в нынешнем его виде еще не готов к пресечению войн, агрессий, кровавых конфликтов, возникающих как в Европе, так и за ее пределами.

14.6. НАТО как фактор испытания отношений между Россией и Западом

В первое время после окончания холодной войны у части высшего советского руководства и российских политиков сложилось впечатление, что конфронтационность в отношениях России с Западом стала достоянием истории и что отныне наступают времена демократии, мира и дружбы, которые могут омрачить лишь отдельные несознательные возмутители спокойствия вроде Саддама Хусейна или Муаммара Каддафи. Предполагалось, что с падением железного занавеса и Берлинской стены СССР (Россия) вступит в общую семью европейских народов, будет создано единое пространство европейской безопасности, составной частью которого станет и Россия со всеми ее азиатскими частями.

К тому же в начале 1990 г. наметились тенденции к выдвиганию на передний план политических и политико-военных аспектов НАТО. Прослеживалось стремление руководителей альянса смягчить и даже пересмотреть многие доктрины, направленные своим острием против СССР и стран бывшего Варшавского блока. В принципе такая установка получила свое отражение в Парижской хартии, принятой на встрече в верхах СБСЕ в ноябре 1990 г. руководителями 22 государств—членов НАТО и бывшими членами Варшавского договора. В ней, в частности, говорилось, что эти государства «больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы». Во исполнение этой установки руководство альянса предприняло также ряд мер, направленных на снижение военного противостояния в Европе. Так, наряду с сокращением численности своих вооруженных сил в Центральной Европе оно пошло на передислоцирование вооруженных сил в центральной зоне с передовых рубежей на более отдаленные. Декларировалась также готовность НАТО к дальнейшим изменениям в военной, особенно ядерной, стратегии.

Этим только можно объяснить тот непостижимый факт, что руководители СССР поверили на слово западным правительствам, которые заверяли их, что в случае согласия на объединение Германии, вывода советских войск из Восточной Германии и невмешательства в процесс освобождения восточноевропейских стран блок НАТО не будет расширяться на восток. Однако снова подтвердилось положение, согласно которому декларации всегда остаются декларациями, от которых при необходимости можно отказаться и, как правило, отказываются. Чего стоит, например, заверения западных руководителей, данные в период объединения Германии и разработки соглашений о выводе советских войск из Восточной Европы, в том числе и из ГДР. Тогда они уверяли М.Горбачева, что вопрос о приеме стран—участниц Варшавского блока в НАТО никогда не будет подниматься. Однако после завершения вывода Россией своих войск позиция западных стран по данному вопросу изменилась на прямо противоположную. Развернув усилия по поглощению стран Центральной и Восточной Европы, Запад по сути дела вероломно отказался от своих обязательств и тем самым обманул СССР и Россию.

Представляется не совсем выверенной сама установка Запада на расширение НАТО в нынешнем ее виде без должной переоценки и переформулирования стратегических целей и ориентиров. Не случайно, что те авторы, которые вочью видят возможные отрицательные последствия расширения альянса, настойчиво призывают к тому, чтобы процесс расширения не был механическим и автоматическим, а был обусловлен конкретными стратегическими обстоятельствами. По их мнению, лишь в том случае, если Россия будет представлять военную угрозу Центральной и Восточной Европе, НАТО следует предлагать членство и гарантии безопасности Вышеградской четверке и возможно другим странам региона.

Создается впечатление, что с окончанием холодной войны и биполярной блоковой и системной конфронтации Запад в целом и США в особенности не смогли в полной мере осознать переломный характер переживаемой нами эпохи, не проявили дальновидности и подлинной политической воли к тому, чтобы начать с чистой страницы новую главу во взаимоотношениях с Россией. Здесь, по-видимому, немаловажную роль играет синдром западного единства. С политической карты планеты исчез так называемый второй мир в лице стран социалистического содружества. Окончательно размылась идеологическая инфраструктура, а также экономическая основа вычленения третьего мира. В результате создается впечатление, будто расшатываются опоры единства развитого мира.

Как не без оснований отмечал сотрудник института Аспена в Берлине Д.Аллин, с крахом монолитного «Востока» сама концепция «Запада» меняется до неузнаваемости, и бессилие Запада перед лицом варварства в Юго-Восточной Европе и других регионах служит очевидным свидетельством того, что Запад нуждается в переформулировании своей концепции. В период холодной войны угроза с Востока, реальная или воображаемая, помогала Западу консолидировать свои цели и волю. Теперь же с исчезновением общей угрозы на поверхность выплеснулись и снова приобрели значимость старые раздоры и споры.

Руководители западных стран не перестают уверять мировое сообщество и прежде всего Россию в своих добрых намерениях, в своем миролюбии и озабоченности проблемами безопасности не только собственных членов, но и России. Возможно, в этих доводах есть значительная доля истины.

Разумеется, что Россия заинтересована в стабильности по всему периметру своих рубежей. Но политика Запада в данной сфере не может не вызвать у России подозрения относительно его стремления подорвать ее статус как великой державы и превратить в сырьевой придаток развитых стран. Поэтому оно будет восприниматься в России однозначно — как враждебная и дестабилизирующая акция.

Расширение НАТО за счет стран Центрально-Восточной Европы и Прибалтики неизбежно нарушит баланс вооруженных сил, что в свою очередь приведет к подрыву Договора по обычным вооруженным силам в Европе. Даже без учета сил новых членов НАТО превосходит Россию в 5 раз по численности населения, более чем в 10 раз по размерам военных расходов, в 3 раза по численности вооруженных сил и количеству обычных вооружений. В настоящее время, согласно существующим данным, при комплексном учете личного состава, авиации, бронетехники, артиллерии и боевых кораблей соотношение боевых потенциалов сил общего назначения России и НАТО оценивается как один к четырем.

Очевидно, что Америка и Европа даже каждая в отдельности обладает значительным превосходством над Россией как в материальных (в том числе военно-экономических) и людских ресурсах, так и в морально-политическом и идеологическом аспектах. Спрашивается, зачем в таком случае продвигаться вплотную к границам России путем бегемотизации НАТО. Ведь в сугубо геостратегическом плане загнанной в угол России (если, не дай бог, такое произойдет) будет все равно, поражать ли своим ядерным оружием североатлантический регион с лоскутом Восточной Европы от Балтики до Черного моря или без него.

Увеличение мощи обычных сил НАТО при одновременном ее приближении к границам России может иметь дестабилизирующее влияние на баланс стратегических ядерных сил, поскольку Североатлантический союз получает практически прямой доступ к центральным (ранее являвшимся тыловыми) районам, имеющим ключевое в военно-экономическом отношении значение.

Тактическая авиация НАТО сможет наносить удары по стратегически важным объектам в глубине территории России как на северном и южном флангах соответственно из Норвегии и Турции, так и в центральном направлении со стороны Центральной и Восточной Европы. Обычные вооружения стран НАТО также получают возможность решать стратегические задачи на территории России, поскольку возрастает опасность поражения объектов стратегических ядерных сил обычными средствами. В итоге Россия окажется в ситуации определенного обесценения ее ядерного арсенала.

Можно согласиться с теми авторами, по мнению которых проблема расширения НАТО, даже не задевая интересы России, так же неразрешима, как и проблема квадратуры круга. Нельзя не отметить, что натовские стратеги, повторяя тезис о неотвратимости расширения блока, как будто нарочно испытывают волю российского обывателя, по сути дела подталкивая его на антизападный настрой и пробуждая в нем зачастую латентные националистические импульсы.

Что бы ни говорилось о расширении НАТО как о predetermined логикой исторического развития Европы факте, которому бессмысленно и бесполезно сопротивляться, для России ни при каких обстоятельствах неприемлемо продвижение инфраструктуры этой военной организации к своим границам. Как на Западе, так и у нас будто не ставится под сомнение тезис о том, что Россия не вправе настаивать на праве вето в отношении каких-либо решений НАТО. Признание этого принципа означало бы признание за данным блоком исключительной ответственности за обеспечение и сохранение европейской безопасности и фактическое выталкивание России из европейского военно-политического пространства.

14.7. Дилеммы безопасности России в свете расширения НАТО

Как же в таком свете видится сторонникам этой концепции позиция России в случае размещения на территории новых членов альянса ядерного оружия? Ясно выраженную декларацию российского правительства разместить в своих западных районах ракеты средней дальности СС-20 можно рассматривать в качестве ответа на такое развитие событий, что тоже является своеобразным актом вето. Разумеется, могут последовать возражения: Россия сейчас слаба и ей не хватит ни воли, ни экономических ресурсов. Это отчасти верно сейчас, но завтра положение может быть иным. Ведь Россия не раз демонстрировала способность находить адекватные ответы на вызовы истории. Здесь нельзя забывать и опыт других европейских стран.

Мы теперь знаем о том «германском чуде», которое в значительной мере явилось результатом унижительной для немецкой нации Версальской системы и политики постоянного третирирования немецкого обывателя западными странами. Кто знает, как сложилась бы судьба крикливого ефрейтора и его движения, если бы в тот период на Западе нашлись политические и государственные деятели, способные реально оценить надвигающуюся угрозу и повернуть политику в отношении Германии в конструктивное русло.

Или же, допустим, в один прекрасный день Германия, опираясь на мощь НАТО, в ультимативной форме потребует от России вернуть ей Восточную Пруссию, т.е. Калининградскую область. Тем более, что распад СССР, Югославии и Чехословакии, а также объединение Германии продемонстрировали конец ялтинских и хельсинских принципов послевоенного европейского мироустройства и нерушимости границ.

Есть ряд и других судьбоносных для поддержания мира в Европе вопросов, где право вето России не только правомерно, но и крайне необходимо. Такое право могло быть предоставлено, если не после факта принятия соответствующих решений, то до их принятия, что дало бы России возможность выступить в процессе их обсуждения. В противном случае может создаться ситуация, при которой те или иные судьбоносные для России решения будут приняты без ее участия, вопреки ее воле и за счет ее интересов. Очевидно, что при таком развитии событий России придется в одиночку предпринять соответствующие меры для ликвидации подобных диспропорций. Нет сомнений, что она способна предпринять много такого, что вызовет у Запада озабоченность и головную боль. Более или менее приемлемым ответом в данном направлении, по мнению специалистов, может стать больший упор на тактическое ядерное оружие. Россия может поставить выполнение ею договорных обязательств в зависимость от конкретных политических шагов и мер, предпринимаемых ее западными партнерами, а также третьими странами, действия которых способны влиять на установленные договорами балансы интересов их участников.

Речь может идти также о критическом подходе к определению приемлемых для России сроков выполнения разоруженческих обязательств. При неблагоприятном развитии событий нельзя исключать также возможность поднятия вопроса о фактическом пересмотре уже реализованного Договора по ракетам средней и малой дальности и возвращении в строй ядерных ракет СС-20 и СС-23 или их аналогов. В итоге вполне может сложиться так, что НАТО получит меньше выгод от расширения, чем ущерба от ухудшения отношений с Россией и непредсказуемости этих отношений. Не исключено, что западные руководители, настаивая на расширении НАТО любой ценой, совершают ошибку всемирно-исторического масштаба. Впрочем, прогнозы всегда неблагоприятны. По какому пути пойдет развитие событий, покажет будущее.

В настоящее время на Западе многие влиятельные государственные деятели, военные чины и исследователи высказывают сомнения в правильности выбранного курса. Однако механизм запущен, и в сложившейся ситуации Запад уже просто не может отступить и отказаться от планов расширения НАТО на восток. Поэтому российское руководство не может остановить уже запущенный механизм. Но исходя из известного принципа «политика — искусство возможного», в создавшейся сложной ситуации оно должно добиваться принятия такого решения, которое было бы сопряжено с наименьшим ущербом для нашей страны.

Следует отметить, что вопрос о размещении и неразмещении ядерного оружия или крупных военных контингентов на территории будущих членов имеет не только и не столько чисто военное, сколько политическое, психологическое, моральное значение. Это не в меньшей степени также вопрос о том, насколько Россия может доверять Западу. Тем более, что он наглядно продемонстрировал определенное вероломство, начав процесс расширения альянса.

Необходимо учесть, что расширение НАТО — это длительный процесс, который отнюдь не завершился с принятием сакраментальных решений в Мадриде в июле 1997 г. Здесь особо надо подчеркнуть, что независимо от того, как западные стратеги оценивают нынешнее положение и исторические перспективы России, в конечном счете европейская безопасность будет определяться балансом сил между НАТО и Россией. Причем в стратегическом плане, т.е. с точки зрения возможностей взаимного гарантированного уничтожения друг друга (не важно один или множество раз), обе стороны обладают и в обозримой перспективе будут обладать ядерно-стратегическим паритетом. При таком положении в случае обострения по тем или иным причинам международного положения в Европе и в мире в целом страны Центральной и Восточной Европы могут стать ядерными заложниками НАТО и США.

Рассуждения о некоей изоляции России на европейском континенте лишены всяких реальных оснований. Как стабильная, так и ослабленная Россия (возможно даже в большей степени, хотя и негативно) не может самым непосредственным образом не влиять на положение дел в Европе хотя бы потому, что она ядерная сверхдержава.

Контрольные вопросы

1. Каковы признаки супердержавности в период после окончания холодной войны?
2. Какие изменения претерпели место и роль России в постконфронтационном мире?
3. Способна ли Россия на роль супердержавы?
4. Каков характер взаимоотношений между Россией и Западом?
5. Назовите основные причины сохранения и расширения НАТО.

6. Способна ли Россия нейтрализовать негативные последствия расширения НАТО?

15. РОССИЯ И АЗИЯ

15.1. Россия в постсоветском пространстве

В настоящее время центральным направлением во внешнеполитических приоритетах России являются страны СНГ, или ближнего зарубежья. Все постсоветское пространство составляет зону ее жизненно важных интересов в области экономики, обороны, национальной безопасности и т.д. Основные угрозы глобального порядка, исходящие из этого пространства, сводятся к следующим: неконтролируемая утечка материалов и технологий, пригодных для производства ядерного и химического оружия; территориальные претензии, чреватые перерастанием в конфликты и войны; национализм и религиозный фундаментализм, способные поощрять нетерпимость и этнические чистки; техногенные и экологические катастрофы; неуправляемые миграционные процессы; наркобизнес; усиление международного терроризма и т.д.

Произвольно установленные в советский период границы между бывшими республиками бывшего СССР в наши дни стали потенциальным источником разнообразных конфликтов. Например, единая в прошлом этнокультурная территория Ферганской долины была поделена между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. К этому прибавились территориальные изменения, произведенные во времена советской власти. В итоге в настоящее время в Центральной Азии насчитывается свыше 10 спорных территориальных проблем, которые подогревают межгосударственные и этнические конфликты. Питательную почву для возникновения конфликтов создают также проблемы, сохранившиеся в регионе как результат насильственных депортаций сюда репрессированных народов. Немаловажным конфликтогенным фактором в Центральной Азии становится миграция, вызванная аграрным перенаселением, отсутствием рабочих мест, перекосами в демографической политике.

«Желая себе спокойствия, молись за покой окружающих», — писал средневековый буддийский монах Нитирэн (его учение лежит в основе мировоззрения влиятельной общественно-политической организации современной Японии «Сокка Гаккай»). Эта максима особенно актуальна для России, которая заинтересована прежде всего в том, чтобы предотвратить превращение ближнего зарубежья в зону межнациональных и иных конфликтов. Вполне возможно, что чеченский и осетино-ингушский конфликты во многом были подготовлены карабахским, осетино-грузинским и грузино-абхазским конфликтами. В какой-то мере весьма возможно, что если бы не было абхазской трагедии, не было бы и чеченской войны.

По большому счету безопасность России будет зависеть от того, как у нее будут складываться отношения с Украиной, Беларуссией, Казахстаном и другими странами СНГ. Экономическое, политическое, духовное, культурное присутствие в этих странах отвечает долгосрочным национальным интересам России. Одним из важнейших факторов, диктующих активность России в ближнем зарубежье, является судьба проживающих там 25 млн русских. Русские, в более широком плане русскоязычные, стали одной из крупных проблем, стимулирующих напряженность в отношениях России с рядом новых независимых государств. Но при благоприятном развитии событий они способны перекинуть прочный мост между Россией и ее новыми соседями.

С учетом векторов развития и интересов этих стран система связей России с ними приобретает многорусный характер, сочетая разные уровни и масштабы взаимосвязей с разными странами. Россия представляет собой стратегическую ось для всего постсоветского пространства. Ее территориальные размеры, людская и ресурсная базы, экономический, научно-технический, интеллектуальный и военный потенциал объективно делают ее региональным лидером. Реальности таковы, что при всех симпатиях или антипатиях тех или иных политических деятелей, стремящихся ориентироваться на ту или иную страну или группу стран, российский фактор неискоренимо будет присутствовать во всех их внешнеполитических начинаниях.

На первом этапе, когда новые государства переживали период центробежных тенденций и процессов, поисков новой идентичности и новых ориентиров и моделей экономического, социального и политического развития, многих руководителей новых постсоветских государств преследовала мысль о том, как дистанцироваться от России и отождествляемого с ней имперского прошлого. Это своего рода романтический период, когда бывает весьма велик соблазн принимать желаемое за действительное и связывать с предполагаемыми новациями повышенные ожидания и надежды. Но историю, прошлое просто так не отметишь. А Россия — не только прошлое, но и настоящее этих стран, от которого также никуда не денешься. Во многих бывших союзных республиках начинают осознавать, что в одиночку ни одна из них не способна выйти на рельсы ускоренного экономического развития и демократического переустройства. Ни декларации независимости, ни новые государственные границы не в состоянии просто так отменить реальности экономической взаимозависимости стран и народов в постсоветском пространстве, прервать широкую сеть экономических, военных, политических, культурных, просто личных человеческих связей, которые объединяли людей в рамках бывшего Советского Союза.

Есть все основания надеяться, что по завершении периода преобладания центробежных тенденций новые государства будут вынуждены искать не то, что их разъединяет, а наоборот, то, что их соединяет. Соображения экономических интересов и выгод все повелительнее сказываются на степени приоритетности политического фактора.

Первоначально почти все республики были убеждены в том, что отделение от России, которая будто их эксплуатировала, уже само по себе откроет перед ними возможность для экономического процветания. Однако вскоре обнаружилась необоснованность подобных надежд. Становился очевидным тот факт, что от разрыва связей они страдают не в меньшей, если не большей степени, чем Россия. Этим во многом определяется и наблюдающаяся в последнее время тенденция к возрождению интереса у большинства новых государств ближнего зарубежья к СНГ.

Нельзя не отметить и то, что особенно на первых порах к руководителям отдельных республик довольно трудно приходило понимание того, что провозглашение суверенитета влечет за собой и всю полноту ответственности за социальное и экономическое благосостояние своих народов. В каждом из вновь образовавшихся государств распад СССР привел к разрушению двух важнейших опор политической стабильности и безопасности. Речь идет прежде всего о партии-государстве и единой системе военно-политической защиты как от внешних, так и внутренних угроз. К примеру, войска, доставшиеся целому ряду новых государств, не представляли собой какого-либо подобия группировок со сколько-нибудь четко оформленными органами управления, схемами мобилизационного развертывания, эшелонированными запасами материальных средств и т.д. К тому же у большинства из этих государств отсутствует опыт военного строительства, организации обороны. Они испытывают острую нехватку военных кадров руководящего звена.

Правящей элите этих стран политическая и военная поддержка со стороны России нужна для обеспечения стабильности в регионе, локализации возможных территориальных споров и этнорелигиозных конфликтов, создания собственных армий и укрепления обороноспособности, противодействия набирающему силу исламскому фундаментализму и т.д.

Необходимо отметить, что первоначальная эйфория в закавказских и центральноазиатских государствах относительно как Запада, так и мусульманского мира, которые после распада СССР стали рассматриваться ими в качестве приемлемых доноров и партнеров, в последнее время сменилась определенным отрезвлением и даже разочарованием. При сохраняющейся и ныне привлекательности турецкой модели для некоторых постсоветских мусульманских стран становится все очевиднее тот факт, что они имели несколько завышенные ожидания относительно возможностей и масштабов экономической помощи и инвестиций со стороны Турции.

Особо важное значение имеет тот факт, что России принадлежит ключевая роль в обеспечении и поддержании стабильности на большей части постсоветского пространства. Она способна как прямо, так и косвенно участвовать в политических процессах, происходящих в регионе. К тому же за прошедший со времени развала СССР период, при всех возможных здесь оговорках, Россия продемонстрировала свою способность быть стабилизирующим фактором как в собственных границах, так и в ближнем зарубежье. Всем без исключения странам СНГ нужна Россия созидающая, миротворящая, а не агрессивная и нестабильная.

Почти все страны ближнего зарубежья, особенно те, которые входят в состав СНГ, многими неразрывными нитями связаны с Россией. Экономика стран ближнего зарубежья ориентирована прежде всего на Россию. Рассмотрим это на примере отдельных регионов. Так, Россия и Центральная Азия являются частями единого народно-хозяйственного комплекса, сформировавшегося как система с взаимодополняющими элементами. Центральная Азия богата сырьевыми ресурсами, которые либо полностью отсутствуют в России, либо имеются в недостаточном количестве. Речь идет, к примеру, о меднопорфировых, колчеданных, стратиформных и других месторождениях этого региона. Нельзя не упомянуть хлопок, главным поставщиком которого в Россию является Центральная Азия.

В Центральной Азии особо важное значение для национальных интересов России имеет Казахстан с его весьма выгодным геополитическим положением, природными ресурсами, этническим составом и т.д. Отметим в данной связи, что один только Карагандинский металлургический комбинат поставляет в Россию около двух миллионов тонн проката в год. Казахстан — это одна из тех стран, экономическая интеграция и военно-политический союз с которой имеют для России большое значение. Речь в данном случае идет не в последнюю очередь о снятии остроты проблемы проживающих там русского и русскоязычного населения.

Следует отметить также то, что выведение пограничных войск на новые рубежи, которые проходят по Кавказскому хребту и северному Казахстану, сопряжено со многими труднейшими проблемами материально-технического и военно-стратегического порядка, которые самым непосредственным образом затрагивают интересы безопасности как России, так и самих независимых государств. Самоочевидно, что в настоящее время Россия не располагает необходимыми ресурсами для строительства сети фортификационных сооружений вдоль новой границы с новыми центральноазиатскими и закавказскими странами. В то же время немаловажное значение имеет и то, что эти страны пока не способны обеспечить порядок на границе без помощи России.

Поэтому совершенно естественно, что Россия уделяет большое внимание укреплению интеграционных связей в рамках СНГ. Вскоре после образования СНГ американский советолог П.Гобл назвал его «самым большим в мире фиговым листком», прикрывающим попытки компенсировать факт потери империи. И действительно, во многом СНГ выглядело как искусственное образование, поспешно придуманное для придания видимости законности быстро набравшему темпы распаду СССР и придания некой упорядоченности отношениям между новыми государствами, неожиданно превратившимся из межреспубликанских в международные. Лишенные реального правового и экономического базиса, а также сколько-нибудь продуманных механизмов реализации, принимаемые решения, подписываемые договоры и соглашения носили формальный, декларативный характер и демонстрировали свою бесплодность.

Однако развитие событий в последнее время свидетельствует о том, что СНГ становится реальным полем интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Определяющую роль и в этом контексте играет экономический фактор. Обосновывая поддержку Кыргызстаном известной инициативы казахстанского президента Н.Назарбаева относительно создания евразийского содружества, президент А.Акаев констатировал, что 98% кыргызского экспорта ориентирован на страны СНГ и лишь 2% — на дальнее зарубежье. Ключевая роль в этом процессе принадлежит России.

Следует отметить, что в первое время после распада СССР ситуация в политике России в отношении постсоветских стран напоминала положение цуцванг в шахматах, когда все ходы являются вынужденными. В тот период разработка внешнеполитической стратегии России в отношении ближнего зарубежья отчасти осложнялась тем, что политическая ситуация в большинстве бывших советских республик была подвержена быстрым изменениям. Жизнь не всегда должным образом была структурирована. Трудно шли формирование и утверждение соответствующих атрибутов государственности, не просматривалось сколько-нибудь четкое осознание национально-государственных интересов. Зачастую новые власти оказывались неспособны выполнять важнейшие функции, присущие государству, такие как обеспечение стабильности в стране, внутренней и внешней безопасности, социальное и экономическое развитие, эффективный контроль над государственными границами и т. д.

Приходится констатировать, что первоначально политикам и государственным деятелям новых независимых республик с большими трудностями удавалось преодолеть непрофессионализм и дилетантизм, учиться искусству правления, поиска компромиссов, учету интересов важнейших блоков социальных и политических сил.

Обнаружилось, что для большинства постсоветских государств императивным условием жизнеспособности и самого существования является постоянный поиск компромисса между различными этнонациональными группами. Нельзя сказать, что всегда такие компромиссы находились или их искали. Нередко формирование и институционализация новой государственности сопровождалась ущемлением демократических прав и свобод как отдельных граждан, так и национальных меньшинств. Приходится признать правоту А.И.Солженицына, который говорил, что на смену имперским амбициям России пришли имперские амбиции некоторых новых государств. Такое положение представляло собой не самую благоприятную почву для формулирования сколько-нибудь последовательной, долгосрочной и эффективной внешнеполитической стратегии России в отношении ближнего зарубежья.

Поворотным моментом в политике России по отношению к бывшим советским республикам можно считать начало 1993 г., когда она развернула усилия по расширению своего политического, военного, экономического влияния в ближнем зарубежье. Постепенно стала активизироваться заглохшая было на время деятельность СНГ, в состав которого вошли 12 бывших советских республик.

Особенно успешно интеграционные процессы разворачиваются между Россией, Казахстаном, Белоруссией и Кыргызстаном. Четырехсторонний договор между этими странами провозгласил своей целью создание «в перспективе сообщества интегрированных государств». Далеко идущие перспективы интеграции намечаются также в российско-белорусских отношениях.

Занимая уникальное геополитическое положение в Евразии, обладая достаточным экономическим, военным и духовным потенциалом и сохраняя статус ядерной державы, Россия является естественным центром притяжения для большинства стран ближнего зарубежья при создании системы их коллективной безопасности. Поэтому при всех преобразованиях, осуществляемых в России, необходимо в той или иной степени учитывать интересы стран содружества. Показательно, что наибольший прогресс с точки зрения интеграции постсоветского пространства наблюдается в военно-политической сфере. В Бишкеке 9 декабря 1992 г. было подписано Соглашение о концепции военной безопасности стран — участниц СНГ, в котором зафиксированы общие принципы и ориентиры оборонного строительства и стратегии поддержания мира и стабильности в регионе.

Для России необходимость интеграции постсоветского пространства связана прежде всего с геополитическими целями и долгосрочными перспективами развития ее экономики. Она заинтересована в сохранении доступа к сырьевым ресурсам Центральной Азии и рынков сбыта для своих товаров, а также в создании пояса дружественных и зависимых от нее государств по периметру своих границ. Сотрудничество России с странами СНГ может развиваться в форме платежного и таможенного союза, создания межгосударственных отраслевых объединений и международных финансово-промышленных корпораций и т.д. Экономическая, а затем, возможно, и политическая интеграция в рамках СНГ способствовали бы снятию остроты важных для многих постсоветских стран пограничных и территориальных проблем.

Интеграционные процессы в военной области в рамках СНГ развиваются по пути формирования так называемого «единого военно-политического пространства». В этом направлении предприняты шаги по воссозданию единого информационного пространства системы ПРО. На основе двусторонних соглашений определен статус пребывания российских войск на территории некоторых стран СНГ, решены юридические проблемы создания российских военных баз в закавказских странах.

При разработке внешнеполитической стратегии в отношении стран содружества необходимо учитывать, что во всем постсоветском пространстве и прилегающих к нему территориях геополитическая ситуация сильно изменилась с точки зрения перспектив развития различных регионов в результате окончания холодной войны и противостояния двух блоков. Так, дезинтеграция СССР и образование новых независимых государств на южных окраинах России в целом отвечают интересам Турции, Ирана и других стран региона, поскольку предоставляется возможность вовлечь в их орбиту эти новые государства.

Активизируются их усилия по различным каналам на Кавказе и в Средней Азии. Разного рода исламские организации из мусульманских стран пытаются освоить информационно-идеологическое пространство мусульманских республик и анклавов СНГ. Предпринимаются попытки сформировать новый геополитический узел на основе тюркоязычных стран и народов. При министерстве иностранных дел Турции создано специальное управление, в задачу которого входит развитие отношений с бывшими тюркоязычными республиками СССР. В настоящее время принимаются усилия по созданию единой для тюркских стран финансово-банковской системы. Со своей стороны новые постсоветские государства стремятся установить и расширить всесторонние связи с соседними странами дальнего зарубежья.

Естественно, для Турции, Ирана, Китая и других государств открываются благоприятные возможности и шансы для продвижения своих интересов на южной периферии бывшего Советского Союза. Но нельзя недооценивать и то, что почти каждая из этих стран имеет собственные проблемы, связанные с национальными меньшинствами, многие десятилетия время от времени существенно осложняющие внутривнутриполитическую ситуацию в них. Это — проблема значительных анклавов курдского населения в Турции, Ираке и Иране, азербайджанцев в Иране, Тибета и других национальных районов в Китае и т.д.

Так, турецкие власти систематически силой подавляют движение курдского народа, составляющего 20% всего населения страны, за национальное самоопределение. Курдам, армянам, грекам, черкесам и другим национальным меньшинствам запрещено издавать газеты на родных языках. Понимая, что положение в Средней Азии, Казахстане и на Кавказе при определенном стечении обстоятельств может оказать дестабилизирующее влияние на ситуацию в стране, турецкое руководство неизменно выступает за территориальную целостность и нерушимость границ закавказских государств. Очевидно, что Турция, равно как и другие страны региона, заинтересованы в сохранении стабильности в соседних странах, основанной на принципах международного права, национального суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела. С большой долей уверенности можно говорить о совпадении интересов России, Ирана, Турции и других многонациональных стран в вопросе о недопущении неконтролируемых этнических конфликтов и сепаратистских импульсов.

В тесном сотрудничестве и добрососедских отношениях со всеми странами региона заинтересованы и закавказские государства. В настоящее время Армения, Грузия и Азербайджан активно налаживают отношения как между собой, так и с соседями. Но все же образование какого-либо жизнеспособного долговременного их союза с другими государствами, противостоящего России, в обозримой перспективе представляется маловероятным.

Зоной потенциального кризиса на постсоветском пространстве является Каспийское море. Важнейшая проблема здесь состоит в том, что до сих пор еще не определен его международно-правовой статус. Вплоть до 20-х годов XX в. единственным сувереном над Каспийским морем была Россия, и только она была вправе иметь там военный флот. В соответствии с советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг. по нему разрешалось плавать только советским и иранским судам. Но эти документы не предусматривали какие бы то ни было правила доступа к его минеральным ресурсам.

После распада Советского Союза число претендентов на Каспийское море увеличилось до пяти — Россия, Азербайджан, Иран, Туркменистан и Казахстан. При отсутствии же признанных всеми заинтересованными сторонами государственных границ на его акватории нефть на дне Каспия с юридической точки зрения оказывается как бы ничейной. Эта неопределенность и огромные запасы нефти ставят прикаспийские государства перед серьезными проблемами. При этом обращает на себя внимание отсутствие единства между заинтересованными сторонами по вопросу о разделе Каспия. Так, если Россия, Иран и Туркмения выступают за совместное использование его недр, то Азербайджан предлагает разделить водоем на национальные сектора. Казахстан же высказывается за раздел только морского дна. Очевидно, что проблему каспийской нефти следует решать в комплексе со всеми остальными проблемами.

Нельзя не затронуть вопрос, касающийся разрабатываемых в настоящее время проектов прокладки по территории Азербайджана и Грузии так называемого евразийского транспортного коридора, призванного соединить Центральную Азию и Кавказ с Европой. Предполагается, что эта «евразийская магистраль» пройдет через Баку, Гянджу, Тбилиси и далее по турецкой территории через Ардаган и Эрзурум до Анкары. Последняя в свою очередь соединена с Стамбулом — крупнейшим узлом коммуникаций, через который проходят скоростная автомагистраль и железная дорога, соединяющие Переднюю Азию с Европой, и который одновременно является портом на Средиземном море.

Речь идет, по сути дела, о создании транспортных коммуникаций, альтернативных российским. В случае реализации этих и подобных им проектов роль соединительного звена между Азией и Европой, которую до сих пор играла Россия, со временем может перейти к Турции, Грузии и Азербайджану. К этому следует добавить, что в настоящее время обе железнодорожные магистрали, соединяющие Россию с Закавказьем, практически бездействуют. Одна из этих магистралей огибает Большой Кавказский хребет с запада, а другая — с востока. В неприглядном состоянии находятся Военно-Грузинская и Военно-Осетинская автодороги, соединяющие Россию с Закавказьем. В результате основные транспортные артерии между Россией и Закавказьем практически обрываются на территории Северного Кавказа.

Одной из центральных проблем развития ситуации и политических отношений в Закавказье становится вопрос о маршруте экспортного нефтепровода. Здесь Азербайджан, богатый нефтяными ресурсами, стал тем регионом, где национальные интересы России столкнулись с устремлениями США и Турции, которые стремятся взять под свой контроль нефтеносные районы Центральной Азии и Закавказья. Достигнутую 9 октября 1995 г. договоренность о транспортировке каспийской нефти по северокавказскому и грузинскому маршрутам можно считать победой России.

15.2. Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион

Россия была и остается азиатской державой. Характер ее отношений с постсоветскими странами Центральной Азии уже был рассмотрен ранее. Здесь остановимся на геополитических перспективах России в АТР, который сейчас стал одним из ведущих центров мирового развития. Осознание этого факта было продемонстрировано уже во владивостокских инициативах М.С.Горбачева 1986 г. Потеря Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии как бы отдалила Россию от Запада и физически приблизила ее к Азии.

Значимость АТР для России возрастает в силу того, что при сужении «окна в Атлантику» через Черное море и Балтику этот регион становится дополнительными воротами в мировой океан и индустриально развитой мир. Перед Россией открываются прежде всего новые рынки оружия, сырьевых и промышленных товаров. Благоприятствующим в данном случае фактором является то, что, не считая территориального спора с Японией, у России нет в регионе сколько-нибудь серьезных проблем, способных блокировать ее проникновение сюда.

Распад СССР и конец холодной войны привели к существенному изменению геополитической ситуации и в данном регионе. Так, в глазах США и Запада в целом в определенной степени снизилась роль Китая в качестве противовеса российской мощи. Несколько спала напряженность в отношениях между Индией и Китаем, а также Индией и Пакистаном. Вьетнам и Северная Корея потеряли свою былую значимость как союзники России, а Южная Корея — как союзник США. Начали существенно изменяться отношения России с Южной Кореей. Наместились тенденции к установлению более тесных экономических связей России со странами АСЕАН, Австралией, Новой Зеландией, стали быстрыми темпами развиваться торговые связи с Тайванем.

При всех существующих в японо-российских отношениях проблемах нельзя не отметить ряд признаков смягчения Японией традиционно жесткой позиции по вопросу о Курильских островах. Так, она расширила культурный обмен с Москвой, ослабила свое противодействие участию России в региональных и международных организациях. В Белой книге Министерства обороны Японии, обнародованной в сентябре 1990 г., российские войска в Сибири и на Дальнем Востоке перестали рассматриваться как угроза безопасности Японии. Одновременно Страна восходящего солнца изъявила готовность реализовать совместно с Россией целый ряд двусторонних проектов по разработке мер доверия в Восточно-Азиатском регионе. В целом можно сказать, что Япония не расположена оставаться в стороне от процесса достижения смягчения напряженности с Москвой.

В рассматриваемом контексте особо важное значение имеет нормализация российско-китайских отношений. В настоящее время одна из главных задач, стоящих перед российской дипломатией, состоит в принятии всех возможных усилий, направленных на то, чтобы сделать Китай своим союзником, а не новым противником.

Для укрепления и расширения российско-китайских отношений существует множество предпосылок. Определяющее значение в данном контексте имеет то, что в общем балансе взаимные интересы двух стран превалируют над конфликтными интересами. Прежде всего обе стороны заинтересованы в стабилизации обстановки в АТР и разрядке напряженности на Корейском полуострове. Споры об идеологическом приоритете той или иной стороны заменило прагматическое сотрудничество. Китайская и российская экономики во многих аспектах дополняют друг друга. Китай способен предоставить России потребительские товары и сельскохозяйственные продукты в обмен на промышленное оборудование и военную технику.

Географическая близость, протяженная общая граница и трудности, испытываемые российским Дальним Востоком в получении товаров с европейской России, также способствуют ускоренному расширению китайско-российской торговли. Показателем резкого улучшения отношений между двумя странами является, например, готовность России продать Китаю передовую военную технику, включая боевые самолеты СУ-27. Расширение и углубление российско-китайского сотрудничества может явиться определенным противовесом сверхдержавным претензиям США и возможным притязаниям Японии на статус политической и военной супердержавы.

Значимость России в качестве немаловажного регионального актора в Восточной Азии, по-видимому, в будущем не только не снизится, а наоборот, существенно возрастет при неизбежном усилении здесь экономического и военно-политического соперничества между Китаем и Японией. Россия нужна каждой из сторон в качестве противовеса. «Российская карта» как со стороны Китая в его отношениях с США, Японией, Европой, так и со стороны этих последних между собой и Китаем может стать со временем еще более актуальной и притягательной для каждого из названных акторов.

Возрождение ислама в новых государствах Центральной Азии — головная боль как для России, так и для Китая. Последний озабочен тем, какое именно влияние такое развитие событий способно оказать на его мусульманское население. Например, неблагоприятная ситуация в той или иной центральноазиатской стране при определенных условиях может стать дестабилизирующим фактором для Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая, где проживают около 1 млн казахов, 375 тыс. киргизов и многие представители других центральноазиатских народов.

Россия в свою очередь озабочена тем, что растущие межэтнические конфликты отрицательно скажутся на миллионах русских, которые остались в этих странах, и создадут сложные проблемы на протяженной границе с мусульманским миром. Москва и Пекин не могут также равнодушно смотреть на проникновение в этот регион других мусульманских стран, особенно Турции, Ирана, Саудовской Аравии и др.

Вместе с тем необходимо отметить, что Китай отрицательно относится к идее создания системы коллективной безопасности в Азии. Эта идея была выдвинута советским руководством в период советско-китайского конфликта и преследовала антикитайские цели.

Особо заинтересована Россия в сохранении отношений с Индией — приоритетным геополитическим партнером, обеспечивающим определенный баланс сил в Азии. Во всяком случае Индия остается одним из основных покупателей российского вооружения. Ее, как и Россию, не устраивает такое развитие событий, при котором бывшие мусульманские республики СССР — Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан — оказались бы интегрированными в исламский мир.

Сотрудничество со странами АТР становится одной из важнейших предпосылок решения стратегической задачи ускоренного экономического развития российского Дальнего Востока. Курс на дальнейшую нормализацию отношений с ведущими странами в этой части планеты будет способствовать ее реальному участию в процессе региональной экономической интеграции.

Свидетельством восприятия России как конструктивного партнера является то, что с июля 1996 г. она является членом в АСЕАН в том же качестве, что и США, Китай, Япония, Канада, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Объем двусторонней торговли России составляет сейчас: с Японией — 6 млрд долл., Китаем — 5,5 млрд, Южной Кореей — 3 млрд, Тайванем — более 2 млрд, Таиландом — 1,2 млрд долл. и т.д. Общий товарооборот России со странами АСЕАН достиг 4,5 млрд долл., что превышает оборот с таким традиционным торговым партнером нашей страны, как Индия. В случае успешного выполнения уже намеченных программ и заключенных договоров российское приморье может стать крупнейшим торгово-промышленным и транспортно-транзитным центром перевалки товаров из Восточной Азии в западное полушарие, Западную Европу и Центральную Азию. Такой курс представляется залогом сохранения территориальной целостности страны на Дальнем Востоке. Одна из основных задач в данной сфере состоит в формировании всеобъемлющей региональной системы коллективной безопасности с участием максимального числа государств, включая США, Японию, Китай, Россию, Республику Корея и КНДР. Важной предпосылкой реализации данной задачи является сохранение в регионе достаточного российского военного потенциала, в частности военно-морского.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные направления политики России в постсоветском пространстве?
2. Способна ли Россия стать центром притяжения для новых постсоветских государств?
3. Каковы перспективы СНГ?
4. Способны ли Россия и страны СНГ стать самостоятельным центром силы?
5. Каковы перспективы взаимоотношений России и стран АТР?

16. ОТ БИПОЛЯРНОГО К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОПОРЯДКУ

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что с окончанием евроцентристского мира Средиземное море и Атлантический океан, равно как европейский и североамериканский экономико-политические центры, отнюдь не канули в историю, не оттеснены в прошлое. Просто рядом с ними появились новые центры, с которыми они призваны разделить власть и влияние, нести бремя совместного сосуществования со всеми вытекающими отсюда последствиями для всех членов мирового сообщества. В первую очередь следует отметить Японию и новые индустриальные страны, а также Китай (в сочетании с перспективой экономической великодержавности) и Индию, сохраняющих за собой статус демографических гигантов, что не может не повысить их роль в решении мировых проблем. В области стратегических ресурсов сохраняют свои позиции Ближний Восток и Южная Африка.

Как уже отмечалось, нельзя сбрасывать со счетов Россию и страны СНГ, которые составят самостоятельный центр силы, способной на равных конкурировать и сотрудничать с остальными центрами. Наличие значительных запасов энергетических ресурсов и амбициозные планы их освоения создают предпосылки для превращения Центральной Азии в один из важнейших с геополитической точки зрения регионов. Поэтому очевидным представляется возрастание интереса к этому региону со стороны различных стран мирового сообщества. Усиливающееся в постсоветский период внимание мусульманских стран к Центральной Азии связано не столько с исламским фактором, сколько с конкретными прозаическими экономическими интересами.

Стабильность и процветание Восточной Азии и Европы, имеющие ключевое значение для международной безопасности, во многом зависят от доступа к ближневосточной нефти. Такие нефтедобывающие страны исламского мира, как Иран, Саудовская Аравия озабочены прежде всего появлением новых потенциальных конкурентов на нефтегазовом рынке в лице центральноазиатских производителей этого сырья. Пакистан и Турцию, по-видимому, привлекает географическая близость потенциальных источников импортных энергоносителей. Для Ирана и Турции немаловажное значение имеют перспективы использования их территорий для транспортировки центральноазиатских нефти и газа на мировые рынки, что сопряжено с немалыми экономическими выгодами.

На основании сказанного можно сделать вывод, что восхождение многополярного миропорядка с его государственными и негосударственными акторами значительно сузило, если не исключило, возможности сохранения или выдвигания какого-либо одного государства в качестве супердержавы, способной единолично контролировать положение в мире.

Мир становится одновременно более единообразным и более разнообразным, одни возможности умножаются, другие сокращаются. Информационная и телекоммуникационная революции, раздвигающие рамки взаимодействия людей, стран, народов и культур как во времени, так и в пространстве, способствуют формированию планетарного сознания, расширяя в то же время возможности индивидуального, группового и национального выбора.

Биполярный мир окончательно распался, а новый многополярный мир находится в процессе формирования. В нем может выбрать собственный путь развития каждый народ, каждая страна, каждый отдельно взятый человек. Этот мир предполагает национально-государственный, расово-этнический, социально-экономический, социокультурный, религиозный, политический и иные формы плюрализма.

Хотя ни одна из перечисленных выше составляющих мирового сообщества в одиночку не в состоянии контролировать формирующийся новый мировой порядок, многие из них в отдельности либо совместно (комбинации могут варьироваться в зависимости от обстоятельств) в состоянии отвергать или блокировать диктат со стороны той или иной супердержавы (будь то военной или экономической) в отношении других акторов мировой политики.

Все большее число стран и регионов перестают быть простыми статистами в грандиозной геополитической игре традиционного «концерта» великих держав или служить пассивной ареной их соперничества за сферы влияния. Они способны самостоятельно маневрировать и проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии своих бывших патронов.

Теряет смысл ставшее привычным разделение мира на так называемые три мира, само понятие «третий мир». Что касается новых индустриальных стран, то ряды их с каждым годом растут, делая первых из них фактическими членами клуба старых индустриальных стран. Наблюдается тенденция к неуклонному возрастанию веса и влияния малых стран, обладающих серьезным научно-техническим и финансовым потенциалом.

Становятся все менее подвластными возможному диктату целый ряд государств Юга с воинственными руководителями, домогающимися новейших систем оружия, которые они могут, не колеблясь, использовать в любом удобном случае. Все более реальной выглядит перспектива получения целым рядом стран третьего мира ядерного оружия. С этой точки зрения ирако-кувейтская война и вызванная ею «Буря в пустыне», возможно, в какой-то степени ознаменовали собой в некотором роде новую точку отсчета в истории современного мира. Здесь немаловажным оказался тот факт, что Запад в целом и США в частности продемонстрировали ограниченность своих возможностей, не сумев окончательно свалить Хусейна. То, что последний остался у власти, в глазах многих на Ближнем Востоке выглядело триумфом Хусейна. В данной связи не лишены оснований рассуждения бывшего главного редактора журнала «Форин полиси» Ч.У.Мейнеса, который, в частности, писал: *«Как каждый раз убеждались развитые страны, в борьбе между технически совершенными и несовершенными часто имеет место такая же большая недооценка политической решимости, как и технической способности. Запад в общем обладает большой способностью убивать, но низкой готовностью умирать (за свои интересы.— К.Г.). Уравнение, часто обратное у объектов американского гнева. Америка обнаружила расхождения между способностью и решимостью во Вьетнаме, французы — в Алжире, русские — в Афганистане».* Очевидно, что американцы и западные политические деятели в целом недооценивают плату, которую руководители развивающегося мира готовы отдать, отстаивая свою независимость.

При биполярном миропорядке границы между двумя блоками или полюсами были четкими, жесткими, непроницаемыми. Их противостояние, как писал А.Прозектор, *«было ясно и просто: вот враг, вот мы, а вот “граница двух миров”, по обе стороны которой стоят войсковые армады, которые не двинутся друг на друга. И вдруг все изменилось. Безопасность распалась на мозаику постоянно меняющихся размытых конфликтов и войн, возникающих неожиданно чуть ли не повсюду. Внутри государств и вовне».*

Границы, отделяющие блоки, союзы, регионы, стали более открытыми, гибкими и поэтому более проницаемыми. В первом случае существовал ясно очерченный стратегический императив, основанный на балансе сил и взаимного страха. Во второй ситуации такой императив, во всяком случае в ясно сформулированной форме, отсутствует. Имеет место переход от ситуации, оставляющей жесткий, недвусмысленный выбор одной из двух возможностей по принципу «либо-либо», к ситуации, дающей множество вариантов выбора, поскольку для большинства стран явно увеличился диапазон выбора. Каждая из них может принимать внешнеполитические решения, руководствуясь не соображениями своей принадлежности к тому или иному блоку, а исходя из своих реальных национально-государственных интересов.

Однако в силу того, что жесткость международных структур послевоенных десятилетий сменилась подвижностью, определенность уступила место неопределенности, источник власти и влияния как бы размывается, становится анонимным. В результате оказывается проблематичной четкая и недвусмысленная идентификация источника угрозы, ее ассоциация с конкретной страной или группой стран.

В современных условиях многополярность охватывает все многообразие глобальных изменений. В ее рамках важнейшие, если не все, составляющие мирового сообщества взаимодействуют и конфликтуют друг с другом, стремясь к реализации своих интересов. Глубинные процессы трансформации, подавляющие общепринятые структуры, отношения, правила игры, усиливающаяся взаимосвязь между странами и народами, государствами и негосударственными акторами ведут к такой степени децентрализации, что практически сводится к нулю способность какого-либо одного актора в отдельности контролировать происходящие в мире события.

Как отмечал Дж.Розенау, японские фирмы могут главенствовать в электронных отраслях промышленности, исламские фундаменталисты контролировать политику тех или иных регионов, Нью-Йорк — финансовый мир, сверхдержавы могут пользоваться непропорционально большим, чем другие страны, влиянием в силу обладания арсеналами ядерного оружия, англоязычные страны — в силу распространения английского языка во всем мире. Однако влияние каждого из них ограничено определенной сферой, и поэтому его невозможно конвертировать в гегемонию в мировом масштабе. К лучшему или худшему, но похоже, что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений, которым пришел конец с началом глобальной неопределенности и неустойчивости на исходе XX в.

В полицентрическом миропорядке отношения между многочисленными акторами в большей степени, чем раньше, устанавливаются по конкретным случаям и поэтому в большей мере подвержены изменениям. Они менее симметричны и слабее сдерживаются властными прерогативами, официальными инстанциями и институтами. Часть акторов при определенных условиях даже могут обойти требования национальных государств.

В целом сложилась ситуация, характеризующаяся неустойчивостью и неравновесностью. Такую ситуацию Дж.Розенау назвал турбуленцией, или турбулентным состоянием. При этом сами понятия неустойчивости и неравновесности необходимо освободить от негативного оттенка, поскольку они такие же составляющие мира, как стабильность, устойчивость и равновесие. Они обеспечивают высокий динамизм мировых процессов, который стимулирует динамизм самих субъектов этих процессов.

Иначе говоря, отражая происходящие в мире изменения, турбуленция и сама способствует изменениям. Например, введение новых знаний и технологий в постиндустриальную эпоху предполагает большую специализацию, что требует от действующих в той или иной сфере лиц использования экспертизы специалистов, работающих в других сферах. Тем самым увеличивается взаимозависимость различных сфер общества. Более высокие уровни специализации способствуют повышению эффективности новых технологий. А это в свою очередь ставит вопрос о дальнейшей специализации и экспертизе, что порождает потребность в новых службах и агентствах, призванных решать проблемы неуклонно растущих потребностей людей в информации. Фирмы, специализирующиеся в области публич рилейшнз, исследовательские институты, мелкие профессиональные фирмы и т.д. — это новые типы организаций, которые порождены взрывом новых технологий, не ограничивающихся национальными границами.

В процессе дальнейшего совершенствования коммуникационных и транспортных технологий географические и социальные расстояния сокращаются, а временные параметры их укорачиваются. По мере укорочения событий число событий, происходящих в единицу времени, увеличивается, тем самым еще более усиливается сложность, взаимозависимость и динамизм господствующих обстоятельств. В результате получается так, что турбуленция постоянно сама себя воспроизводит. Можно сказать, что турбуленция в мировой политике — это большая сложность и высокий динамизм.

Происходит размывание единой оси мирового сообщества, равновеликое значение для мировых процессов приобретают разные центры силы, в чем-то самостоятельные и взаимно соперничающие, а в чем-то взаимозависимые. Появление наднациональных субъектов в лице влиятельных международных объединений и организаций, например транснациональных корпораций, как бы разъединяет социально-политические и экономические процессы по сугубо географическим или территориально-пространственным параметрам, переводя их в некое «внегеографическое» измерение.

Особенность ситуации состоит в том, что субъекты международных отношений (скажем, участники переговоров) должны играть одновременно в несколько игр, в которые вовлечены различные акторы. В многополярном миропорядке, разумеется, сохраняются отдельные «центры притяжения» в лице, например, США, Японии, Китая, ЕС, России, но внутри самих полюсов нет сколько-нибудь четких разграничительных полос.

В рамках крупных интеграционных объединений или рядом с ними появляются более малочисленные группировки, такие как Группа трех, МЕРКОСУР и другие в Латинской Америке, разнообразные «треугольники роста» — Южнокитайская экономическая зона (КНР, Гонконг, Тайвань), Золотой треугольник роста (Индонезия, Малайзия, Сингапур), Экономическая зона стран бассейна Японского моря, Индокитайская экономическая зона в Азии и т.д. В Восточноазиатском регионе самостоятельное значение приобрели или приобретают парные связи великих держав: США — Япония, США — Китай, США — Россия, Япония — Китай, Япония — Россия, Россия — Китай. Это, как отмечал К.Э.Сорокин, *«не военно-политические коалиции недавнего прошлого, когда состав участников был жестко определен и какие-либо отношения с противной стороной квалифицировались как измена. Сегодня возможно, например, одновременное участие западноевропейских стран как в ЗЕС, являющимся военным отделом ЕС, так и в НАТО, в которой привилегированное место занимают США — лидер соперничающей геополитической зоны — НАФТА. Еще парадоксальная ситуация в ЮВА, где целые сектора национальных экономик (Малайзии, Индонезии) являются одновременно составной частью Большой китайской экономики».*

Речь, в сущности, идет о так называемой модели открытого регионализма, которая особенно последовательно осуществляется в АТР. Ее суть состоит в сочетании развития кооперационных связей и снятия ограничений на движение товаров, капиталов и рабочей силы в пределах региона, постепенного объединения существующих субрегиональных группировок с соблюдением принципов ГАТТ/ВТО, принятием обязательств по отказу от протекционизма, стимулированием внерегиональных экономических связей.

При таком подходе страна — участница этих организаций не будет иметь каких-либо обязывающих ограничений в своих внешнеэкономических связях с Европой, Ближним Востоком, Северной Америкой и другими регионами. Во исполнение этих принципов на IX Генеральной конференции ТЭС в Сан-Франциско была принята декларация «Открытый регионализм: тихоокеанская модель для глобального экономического развития», которую подписала и Россия. Встреча членов ТЭС в мае 1993 г. в Сеуле также проходила под девизом «Открытый регионализм: новая основа для глобализма?» Как подчеркивал президент ТЭС Ку, участники этой встречи получили возможность *«посмотреть, могут ли текущие тенденции в регионализме быть использованы в качестве стартовой площадки для создания мировой экономики без государственных границ»*.

Плохо это или хорошо? Ответ на данный вопрос не прост и не однозначен. При близком рассмотрении обнаруживается, что даже в период биполярного миропорядка с двумя господствующими блоками решению множества проблем способствовало существование различных взаимопереплетающихся международных и региональных организаций. В этом контексте интерес представляют суждения специалиста по проблемам европейской безопасности А.Броджерст. Она, в частности, пришла к выводу, что именно создание множества организаций, а не одной всеохватывающей позволило достичь консенсуса, стабильности и мира в послевоенной Европе.

К таким организациям относятся четыре отдельные ассамблеи — ЕЭС, НАТО, ЗЕС и Совет Европы; две военные организации — НАТО и ЗЕС; три панъевропейские организации — Совет Европы, ОБСЕ, Совет сотрудничества НАТО; две экономические организации — ОЭСР и ЕЭС. По мнению Броджерст, такая сложная сеть обеспечит участие различных акторов на разных началах, разделение и дублирование труда в многообразных политических ситуациях. Это позволит решить проблему потенциальной и временной изоляции новых и старых государств с целью предотвращения конфликтов и постоянных трений, а также быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства.

Несмотря на наличие постоянных споров, конфликтов и, казалось бы, несовместимых интересов сотрудничество европейских и североамериканских стран имело позитивный результат с точки зрения не только предотвращения межгосударственных войн, но и смягчения внутривнутриполитической борьбы в каждой отдельно взятой стране.

Плюрализм и функциональный институционализм как метод разрешения конфликтов не подходит для тех, кто ищет простые решения, предпочитает дихотомический выбор или в своей политике на международной арене руководствуется принципами конфликтности и бескомпромиссной борьбы. Но он, несомненно, имеет успех у тех, кому хватает терпения, реализма и идеализма, чтобы создать институты сотрудничества.

В период холодной войны на первом плане оказались системные, блоковые интересы, во многом пронизанные идеологическим содержанием. Теперь же на первый план выходят интересы отдельно взятых стран, групп стран, наций, народов и т.д. Но это вовсе не возврат к добиполярному или доядерному состоянию. Как можно убедиться из всего изложенного выше, в создавшейся ныне ситуации этот расклад имеет качественно иной характер по сравнению как с биполярностью периода холодной войны, так и с предшествующим ей периодом, когда положение в мировом сообществе определял более или менее постоянный «концерт» довольно узкого круга европейских держав и США.

Качественное отличие нынешней ситуации состоит в том, что число ведущих акторов мировой политики пополнилось за счет новых держав, региональных группировок, международных организаций и новейших образований — транснациональных корпораций, оказывающих существенное влияние на мировые события. Новизна ситуации состоит также в том, что внешняя политика почти всех ведущих акторов приобретает многовекторную ориентацию во всепланетарном масштабе.

Все это вместе при увеличении проницаемости границ вплоть до превращения их в прозрачные, усилении роли негосударственных акторов, способствующих изменению параметров национально-государственного суверенитета, приведет к тому, что будет весьма трудно обеспечить необходимую дисциплину и упорядоченность, а также сколько-нибудь стабильное распределение сил между взаимодействующими друг с другом странами, блоками стран, регионами. На смену характерной для биполярного мирового порядка вертикальной взаимозависимости стран в рамках двух блоков постепенно придут преимущественно горизонтальная взаимозависимость стран, диверсификация их политики и соответствующие ей открытость и гибкость.

Возникающие на основе экономических приоритетов региональные объединения не будут некими замкнутыми блоками. Этому будут препятствовать рост экономической взаимозависимости различных регионов и уровень производственной специализации, интересы обеспечения безопасности источников сырья, соображения привлечения иностранных капиталов и т.д. Очевидно, что в этой сфере возникнут новые неопределенности, в результате чего конкуренция между различными экономическими акторами приобретет более сложный, многоаспектный характер.

Возможны и желательны так называемые перекрестные союзы, когда одно или несколько влиятельных государств будут входить в два или несколько союзов и тем самым выполнять роль связующих звеньев между ними. Очевидно, что с переходом к многополярному мировому порядку увеличится свобода действия если не всех, то большинства акторов, при этом их взаимосвязи и взаимодействия станут более неустойчивыми и менее стабильными.

При такой ситуации весьма проблематично говорить о возможности сколько-нибудь долговременной конфигурации геополитических сил, которая бы подобно привычной нам биполярной структуре определяла политическую ситуацию на международной арене. Можно ожидать, что взаимоотношения между странами, регионами, политико-экономическими или иными блоками стран будут подвержены постоянным изменениям. Другими словами, если при биполярной международной системе блоки, объединения, группировки акторов были как бы заданы раз и навсегда, то при новой многополюсной конфигурации их формирование будет продолжаться без конца.

Результатом этого может стать перерождение двухполюсного сдерживания в неупорядоченное и не поддающееся контролю взаимное сдерживание, где угроза применения силы будет хроническим элементом в системе взаимных отношений стран и народов. И на самом деле, иракско-кувейтская война и вызванная ею «Буря в пустыне», конвульсии распада советской империи, кровавые межнациональные конфликты на южной периферии бывшего СССР, крах Югославии с трагическими последствиями и множество других событий, за последние годы взбудоражившие мировое сообщество, убедительно свидетельствуют о том, что современный взаимозависимый, но противоречивый мир весьма далек от того, чтобы сделать своим основополагающим нравственным императивом принципы «не убий», «возлюби Ближнего своего».

Контрольные вопросы

1. Что вы думаете относительно перспектив установления единополярного миропорядка?
2. Назовите основные параметры многополярного миропорядка.
3. Что такое турбулентность?
4. Что такое открытый регионализм?
5. Что понимается под многовекторной ориентацией внешней политики?

17. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

17.1. Концепция национального интереса

Внешняя политика того или иного государства определяется множеством детерминант, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение страны, ее национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т.д. Все они в переложении на внешнюю политику фокусируются в концепции национального интереса.

Показательно, что представители политического реализма — одной из ведущих школ в современной международно-политической мысли — рассматривают национальный интерес в качестве краеугольного камня внешней политики любого государства. По их мнению, главный пункт, помогающий отыскать верный путь в дебрях международной политики — это концепция интереса, сформулированного в понятиях силы. Внешняя политика, основанная на национальном интересе, утверждают они, морально превосходит внешнюю политику, воодушевляемую некими универсальными моральными принципами.

Внешняя политика большинства государств в различные эпохи в значительной степени определялась тем, что теперь называют национальным интересом. Но все же само понятие «национальный интерес» вошло в научный оборот сравнительно недавно. Лишь в 1935 г. оно было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук и тем самым получило права гражданства. Приоритет в ее разработке, принадлежит известным американским протестантским ученым — теологу Р.Нибуру и историку Ч.Бирду.

Особенно возросло внимание к данной проблематике после второй мировой войны. Споры, развернувшиеся вокруг нее, Г.Моргентау назвал «новыми великими дебатами». В наиболее развернутой форме эта концепция была сформулирована в книге того же Моргентау «В защиту национального интереса», опубликованной в 1948 г. С американской стороны весомый вклад в дальнейшую разработку концепции национального интереса внесли Дж.Кеннан, У.Липпман, К.Уолтц, Э.Фернисс, Дж.Розенау и др. Специфическую оценку проблема национального интереса получила у французских исследователей Р.Арона, П.Ренувена, Ж.-Б.Дюрозеля, Ф.Брайара, Р.Дебре и др.

Что же такое национальный интерес? Каковы его сущность и системообразующие параметры? Как он соотносится с понятием «государственный интерес»? Какова взаимосвязь национального интереса с национальной безопасностью? По этим и некоторым связанным с ними другим вопросам в последние годы развернулись довольно оживленные дискуссии.

Национальный интерес — категория абстрактная и субъективная, поскольку ее параметры определяются картиной мира и ценностной системой, господствующей в данном обществе и государстве. Как отмечал Дж.Розенау, *«определение национального интереса никогда не может быть ничем иным как системой умозаключений, исходящих из аналитической и ценностной базы политики»*. Реальность национального интереса выявляется в процессе и по мере его осуществления. А это, в свою очередь, предполагает наличие волевого и деятельностного начал, а также средств для реализации поставленных государством целей. С данной точки зрения политику можно рассматривать как важнейшее средство реализации национальных интересов.

Зачастую государственные интересы противопоставляют национальным и общественным (интересам гражданского общества). Нередко, признавая их взаимосвязь, все же считают целесообразным определять их в рамках дихотомии «национальный интерес — государственный интерес»; «государственный интерес — общественный интерес». Однако, на мой взгляд, если отвлечься от некоторых частных случаев, сама такая постановка вопроса представляется не совсем корректной и даже лишенной реального смысла.

Мы говорим (отмечу — совершенно обоснованно) о национальном государстве или нации-государстве как действительном акторе международных отношений. В этом случае мы вправе говорить о национальных интересах и интересах государственных если не как о синонимах, то во всяком случае как о близко связанных и взаимодополняемых понятиях.

Как отмечал М.В.Ильин, *«национальный интерес есть интерес нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества»*. Что касается государственного интереса и интересов гражданского общества, то они *«не только содержательно связаны с понятием национального интереса, но в значительной мере определяют его смысловую структуру»*. Поэтому не могу не согласиться с теми авторами, которые предпочитают понятие «национально-государственные интересы». На международной арене нацию в конечном счете представляет государство. Поэтому в лексиконе международной политики, говоря о национальном интересе, как правило, имеют в виду государственный интерес и, наоборот, под государственным интересом подразумевают национальный интерес.

Национально-государственные интересы формируются в соответствии с геополитическими параметрами и ресурсными возможностями государства в точках пересечения множества взаимопереплетающихся, взаимосвязанных, взаимодополняющих, конфликтующих, разнонаправленных структур, интересов, предпочтений, симпатий, антипатий и т.д. На их формирование значительное влияние оказывают уровень экономического развития страны, ее вес и место в мировом сообществе, национально-культурные традиции и т.д.

Реальные, объективные национальные или государственные интересы, затрагивающие суверенитет, территориальную целостность, принцип невмешательства во внутренние дела и т.д., являются главным движущим фактором внешнеполитической деятельности государств и реализации международных отношений. Формирование национальных интересов представляет собой постепенный и длительный исторический процесс, осуществляющийся в сложном переплетении экономических, социальных, национально-психологических и иных факторов, в совокупности определяющих содержание и характер национально-исторического опыта данного народа или страны. В таком качестве национальные интересы являются общественно-историческим феноменом и не могут существовать независимо от сознания их носителей. Они имеют самую тесную взаимосвязь с идентичностью конкретной нации.

Главная составляющая национального интереса — это императив самосохранения государства. Контур, внешняя упаковка национального интереса во многом определяются идеалом, отражающим ценности данного общества, но все же сам этот идеал немаловажен без основополагающего императива самосохранения. Существует некий комплекс критических параметров, нарушение которых дает основание говорить о том, что государство не способно отстаивать свой суверенитет и самостоятельность. При разработке национальных интересов и принятии на их основе тех или иных внешнеполитических решений руководители государств учитывают объективные экономические, политические, географические и иные факторы, внутривнутриполитические интересы, политические маневры различных социально-политических сил, заинтересованных групп, организаций и т.д. Учитываются также и возможные реакции на эти решения на международной арене со стороны тех государств, которые они так или иначе затрагивают.

Столкновение реальных интересов порождает реальные конфликты, но на международной арене они могут быть вызваны также ложно понятыми и превратно сформулированными национальными интересами или соображениями национальной безопасности. Так обстояло дело при развязывании Соединенными Штатами вьетнамской войны и при принятии руководством СССР решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

Таким образом, главной детерминирующей силой внешнеполитической деятельности является национальный или государственный интерес. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием. Это особенно верно в отношении ложно понятых и превратно сформулированных национальных интересов. В формулировании обеих категорий интересов и в формировании внешнеполитической стратегии, призванной их реализовать, немаловажное значение имеет система ценностных ориентаций, установок, принципов и убеждений государственных деятелей — восприятие ими окружающего мира и оценка места своей страны в ряду остальных государств, составляющих мировое сообщество.

В условиях глобализации политики, фактического закрытия мирового пространства, о которых говорилось выше, возникает множество вопросов. Сохраняет ли значимость национальный интерес на фоне набирающей обороты интернационализации и возрастания роли международных организаций? Что происходит с национальным интересом в контексте выдвигания на передний план региональных и групповых интересов? Каковы перспективы национального интереса при наличии тенденции к размыванию национально-государственного суверенитета? Эти и другие вопросы тем более обоснованы, если принять во внимание, что некоторые специалисты, в том числе и крупные, ставят под сомнение актуальность самой проблемы национального интереса в современном мире.

Внешнюю политику любого государства можно считать реалистичной в той мере, в какой она построена с учетом интересов других сторон, вовлеченных в систему международных отношений. Этот момент приобретает особую значимость в современном мире, где определение национальных интересов любого отдельно взятого государства предполагает обязательный учет интересов других государств, а в чем-то и интересов всего мирового сообщества.

Естественно, национальные интересы, экстраполированные на внешний мир, различаются по своей значимости и влиянию на международной арене. По данному признаку они подразделяются на жизненно важные, или главные, и второстепенные, постоянные и переменные, долгосрочные и конъюнктурные.

Главные и постоянные национальные интересы определяются важнейшими геополитическими параметрами: местом и ролью данного государства в системе межгосударственных отношений, его престижем и относительной военной мощью, способностью отстаивать свой суверенитет и гарантировать безопасность своих союзников и т.д.

Каждое государство по-своему оценивает относительную важность каждой из преследуемых им целей. Способность государства реализовывать их зависит от многих факторов: его геополитического положения, истории, культуры, политической системы, руководства, характера взаимоотношений с другими государствами и т.д.

Государство обеспечивает свои интересы всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими, военными. Последним средством является угроза применения или реальное применение силы вплоть до объявления войны.

Второстепенные и переменные интересы носят производный от первых характер. Изменяясь в зависимости от внешнеполитических факторов, они могут служить предметом торга при реализации главных и постоянных интересов государства.

Следует, однако, отметить, что государство не может обеспечить реализацию всех целей в полном объеме. В большинстве случаев это связано с трудными переговорами или торгами с другими государствами. Зачастую основополагающие национальные интересы, связанные с безопасностью и самосохранением государства, невозможно реализовать в одиночку, без союзов и коалиций с другими государствами. Например, разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии стал возможен именно потому, что Советскому Союзу, США и Великобритании, несмотря на огромные идеологические различия, удалось создать коалицию для противодействия общему врагу. Эта цель была достигнута благодаря не только разработке дееспособной стратегии совместного ведения военных действий, но и созданию для ее осуществления мощной производственно-технической базы.

17.2. Концепция национальной безопасности

Успех внешней политики государства зависит как от того, насколько четко и недвусмысленно сформулированы национальные интересы, так и от ясного понимания путей и средств реализации этих интересов. Среди приоритетных целей государства на международной арене, как уже отмечалось, на первом месте стоит обеспечение безопасности страны или национальной безопасности во всех ее формах и проявлениях.

Проблема национальной безопасности в международно-политической литературе вызывает не меньше споров и дискуссий, чем вопросы, связанные с национальным интересом. В нашей литературе, особенно публицистической, различают безопасность личности, общественную и государственную. В этих рамках различают также безопасность экономическую, социальную, политическую, экологическую, военную и т.д.

В широком смысле безопасность — это обеспечение всем гражданам государства нормальных условий для самореализации, защита их жизни, свободы и собственности от посягательств со стороны отдельного человека, организации или самого государства. Разумеется, экономическое, социальное, нравственное состояние общества, внутривнутриполитическая ситуация в стране не могут не сказываться на способности государства отстаивать свои интересы и соответственно на состоянии его безопасности.

Абстрагируясь от конкретных спорных вопросов и классификаций, я ограничусь анализом лишь тех аспектов, которые составляют содержание традиционно понимаемой концепции национальной или государственной безопасности. Речь идет, естественно, о ее геополитическом измерении, где под безопасностью подразумевается прежде всего физическое выживание данного государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные внешние угрозы.

Отдельные элементы этой концепции можно обнаружить у одного из отцов-основателей США Дж. Медисона, но все же первым, кто более или менее четко сформулировал концепцию национальной безопасности, был У. Липпман. *«Нация, — писал он, — находится в состоянии безопасности, когда ей не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии защитить при необходимости эти интересы путем войны».*

Концепция национальной безопасности, равно как внешнеполитические и геополитические концепции, представляет собой производную от концепции национальных интересов, а в более широком смысле от общего видения граждан того или иного государства его места и роли в мировом сообществе. Концепция национальной безопасности строится с учетом как внешних угроз, исходящих извне и связанных с попытками поработить или подчинить государство, так и внутренних угроз, связанных с состоянием самого общества и коренящихся в самом обществе.

Различают угрозы реальные и потенциальные; глобальные, региональные и локальные. Понятие безопасности включает следующие аспекты: способность обеспечения физического существования, территориальной неприкосновенности и целостности государства от внешних и внутренних угроз; гарантии от внешнего вмешательства во внутренние дела; предотвращение потенциальных и непредвиденных угроз самому образу жизни.

В крайнем своем выражении безопасность является синонимом обеспечения выживания государства. В контексте межгосударственных отношений выживание означает сохранение национального государства как носителя и реализатора общих ценностей, характеризующих образ жизни данного народа. Цель выживания невозможно осуществлять с помощью средств, которые жертвуют ценностями, которые в глазах принимающих внешнеполитические решения придают значимость самому *raison d'être* (смыслу существования) государства.

Очевидно, что область исследования национальной безопасности охватывает средства, формы и пути, которыми национальные государства планируют, принимают и оценивают решения и политические курсы, направленные на ее усиление. Национальная безопасность тесно связана с безопасностью самой общественно-политической системы данной страны. В процессе реализации государством собственных целей оно имеет дело с другими государствами, которые могут либо способствовать, либо препятствовать их достижению. Поэтому естественно, что концепция национальной безопасности строится с учетом всех геополитических факторов, влияющих на пути, формы и средства реализации национальных целей.

Первостепенная задача концепции национальной безопасности — это определение и разработка приоритетных направлений, комплекса мер и средств предотвращения прежде всего крайних форм внешней и внутренней угроз — войны с другими государствами и гражданской войны.

Государство располагает разными средствами и путями реализации этой цели. Один из самых очевидных из них — применение или угроза применения насилия. Задолго до того, как Клаузевиц сформулировал свой знаменитый афоризм, государственные деятели действовали в духе этого афоризма, полагая что война есть продолжение политики иными средствами. В основе международной политики лежат конфликты и способы их разрешения между народами и странами, не подчиняющимися какой-либо единой для всех них верховной власти. В течение последних примерно трех столетий западная система государств продемонстрировала свою эффективность в обеспечении независимого существования национальных государств. Она была достаточно гибкой и позволяла реализовывать устремления к национальной независимости. Но достигалось это ценой множества войн, включая и всеобщие, как, например, первая и вторая мировые войны, в которые были вовлечены почти все страны земного шара. Ответственность за реализацию этих целей возлагалась главным образом на вооруженные силы. Концепция национальной безопасности имела прежде всего внешнюю направленность, и в этом смысле главными ее несущими конструкциями были внешнеполитическая стратегия, дипломатическая практика, военно-политическая платформа и ее военно-силовое обеспечение. Что касается ее внутривнутриполитической ипостаси — борьба с подрывными элементами, разведка и т.д., — то она занимала подчиненное к внешним задачам положение.

В современных условиях одна из главных целей мирового сообщества — обеспечение и сохранение международной безопасности, создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира или возникновение угрозы безопасности народов в какой бы то ни было форме. Во многих отношениях национальная безопасность стала производной от международной безопасности, безопасности всего мирового сообщества.

Впечатляющие достижения научно-технической революции, особенно создание и распространение ракетно-ядерного оружия массового уничтожения, заставили по-новому смотреть на коренные проблемы войны и мира, безопасности и международного сотрудничества. Разработка высокоточных средств слежения и контроля буквально революционизировала сбор разведывательной информации и верификацию международных соглашений. Благодаря появившейся возможности вести наблюдения за уровнем вооружения противника в конкретный период времени, изменением в его размещении, внутренними коммуникациями, передвижениями войск практически предотвращается внезапное нападение или неожиданное изменение в раскладе сил противника.

В период биполярного миропорядка безопасность отождествлялась с балансом сил между двумя противоборствующими блоками. Главная цель контроля над вооружениями при этом виделась в устранении асимметрии в военных потенциалах блоков путем переговоров и создания атмосферы взаимного доверия и предсказуемости. Такой подход лежал в основе достигнутых между двумя сверхдержавами соглашений по обузданию гонки вооружений. Предполагалось, что возникающие конфликты локального характера можно разрешить в рамках соответствующих блоков.

В условиях подрыва своеобразного кондоминиума двух сверхдержав или двух блоков над большей частью мирового сообщества, пролиферации и обострения множества локальных и внутристрановых конфликтов проблемы контроля над вооружениями, сокращения вооружения, предотвращения дальнейшего распространения оружия массового уничтожения, политики безопасности и т.д. приобрели качественно новое измерение.

В условиях, когда национальные интересы формулировались исходя из императивов защиты государственной территории, населения и природных ресурсов, военная сила выступала в качестве важнейшего атрибута власти и мощи государства, а также главного средства, с помощью которого государства реализовывали свои интересы. Военной силе всегда придавалось доминирующее значение, и многие исследователи рассматривали другие параметры, такие как численность населения, политическая организация, географическое положение, наличие природных ресурсов, экономический потенциал и др., почти исключительно в терминах того, в какой мере они позволяют государству успешно вести войну. Конфликты возникали вокруг проблемы территориального раздела или передела мира, контроля над отдельными регионами. В современных условиях национальная безопасность зависит не только от мощи и боеспособности вооруженных сил, но и от целого ряда других факторов — экономического могущества, конкурентоспособной индустрии, качества системы образования, благосостояния граждан, состояния их умонастроений и т.д.

Среди источников реальной угрозы для безопасности большинства, если не всех государств можно назвать: терроризм, распространение оружия массового уничтожения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, деградацию окружающей среды, замедление или остановку экономического роста. Четыре десятилетия назад разного рода эпидемии и контрабанда наркотиков рассматривались, независимо от наносимого ими вреда, как неполитические и поэтому не подлежащие силовым методам решения. В наши дни они приобрели политическое и внешнеполитическое измерения.

В дополнение к обеспечению физической безопасности страны и ее территориальной целостности в настоящее время национальную мощь во всех ее аспектах необходимо реализовывать, принимая во внимание проблемы мирового океана, загрязнения окружающей среды, сельскохозяйственного производства, численности населения, энергоресурсов и др. Таким образом, ресурсы, которыми располагает та или иная страна, — это лишь один аспект мощи. Действия и реакции акторов по отношению друг к другу составляют другой не менее значимый ее аспект. Иначе говоря, национальную мощь отдельно взятого государства можно определить только в контексте его отношений с другими государствами.

Важной составной частью национально-государственной безопасности является экономическая безопасность. От нее зависят соблюдение и реализация внутренних и внешних государственных интересов, жизнеспособность и эффективность внутри- и внешнеполитической стратегии. Многие авторы придерживаются мнения, что в качестве главной цели великих держав на смену сдерживанию риска военного конфликта периода холодной войны выдвигается сдерживание риска экономического конфликта. Нарастание региональных и глобальных экологических вызовов вносит существенные коррективы в политику международной безопасности, ее содержание, методы и средства обеспечения.

Поэтому не случайно, что во многих странах в компетенцию органов, занимающихся проблемами государственной безопасности, например Совета национальной безопасности США и Совета безопасности Российской Федерации, отнесены не только вопросы сугубо военной политики, разведки и т.п., но и вопросы, касающиеся экономики, экологии, технологии, здравоохранения, образования и др.

Восхождение многоцентричного мира и озабоченность его субъектов относительно реализации своей автономии с помощью экономических и социальных средств обуславливают поиски новых форм защиты суверенитета. Этот момент приобретает особую значимость в связи с тем, что угрозы стали носить глобальный характер. Защита границ более не является исключительно делом военных. Зачастую деятельность отдельных стран, корпораций или даже отдельно взятого человека может иметь последствия всепланетарного масштаба. Например, уничтожение тропических лесов может пагубно сказаться на озоновом слое, а это в свою очередь окажет существенное негативное влияние на степень концентрации кислорода в воздухе во многих странах. Или же изобретение и внедрение компьютерного вируса, который способен нарушить функционирование всей мировой компьютерной сети невзирая на национальные границы. Иначе говоря, неуклонно возрастает значимость той компоненты «национальных интересов», которая совпадает с всеобщим интересом мирового сообщества.

В свете этих обстоятельств все большее признание получает стратегия коллективной безопасности. Эта стратегия подразумевает создание системы, в которой каждое входящее в нее государство согласно с тем, что его безопасность является делом всех, и присоединяется к коллективным действиям по отражению агрессии.

Возникает проблема интегрирования военно-политической безопасности и социально-экономической политики в глобальном масштабе. Безопасность и благосостояние — два аспекта, которые находятся в неразрывной взаимозависимости, постоянно влияют друг на друга и на эффективность самого социально-экономического порядка. Очевидна необходимость интегрирования этих двух аспектов в единую концептуальную систему, цель которой — обеспечение оптимального благосостояния и безопасности как можно большего числа людей и народов.

17.3. Приоритеты национальной безопасности России

Реальности постконфронтационного мира поставили и Россию перед необходимостью по-новому сформулировать свои национальные интересы и приоритеты национальной безопасности. При этом следует учесть, что в переходный период процесс дифференциации и кристаллизации национальных интересов новых независимых государств, в том числе и России, еще далек от завершения. Отсюда те трудности, с которыми мы сталкиваемся при разработке концепций национального интереса и национальной безопасности, отсюда аморфность и неопределенность большей части предлагаемых в нашей периодической печати концепций, в том числе и официальных. Так, в законе Российской Федерации «О безопасности» под безопасностью понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», а под жизненно важными интересами — «некоторая совокупность потребностей и желаний, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства».

Но тем не менее определенное значение имеет то, что первые наброски и ориентиры в данном направлении все же обозначены как в официальных документах, так и в разработках различных институтов, общественных организаций и отдельных исследователей. Это упомянутый выше закон Российской Федерации «О безопасности», «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденные президентом Б.Н.Ельциным в апреле 1993 г., военная доктрина и др.

Первейшее условие при разработке концепции национальной безопасности — это учет универсальных, общепризнанных во всем мире компонентов и стандартов национального интереса и национальной безопасности. К ним относятся: всемерное укрепление места и роли страны в современном мире; защита национальных интересов, целей и приоритетов государства; сохранение и обеспечение экономического, политического и военно-политического суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ страны; защита прав, свобод, достоинства и материального благополучия всех ее граждан; обозначение регионов и стран, на которые распространяются жизненно важные интересы страны; реальные и потенциальные угрозы национальным интересам и национальной безопасности и т.д.

Основные параметры концепции национальной безопасности зависят от базовой установки внешнеполитической стратегии государства на конфронтацию или, наоборот, на сотрудничество. В каждом из этих случаев она имеет соответствующую конфигурацию. Большинство экспертов оценивают вероятность какой-либо крупномасштабной военной агрессии против России при наличии у нее потенциала ядерного сдерживания в ближайшие десять лет как весьма низкую. Но это отнюдь не означает отсутствие какой-либо иной угрозы ее национальной безопасности.

Одна из главных целей, стоящих в настоящее время перед Россией, — подтвердить свой статус великой державы (или супердержавы) в иерархии стран и народов в современном мировом сообществе по важнейшим экономическим, социальным, политическим, культурным, технологическим и иным параметрам.

В нынешний переходный период основными угрозами безопасности России можно считать следующие: попытки военно-силового давления в условиях тех или иных международных кризисов; любые действия, как извне, так и внутри страны, направленные на подрыв государственности и территориальной целостности Федерации, а также на ослабление и подрыв ее международных позиций; глобальное экономическое и информационно-технологическое отставание от индустриально развитых стран, спад производства, сокращение продовольственной базы и связанные с ними ослабление экономической самостоятельности страны, опасность закрепления за ней топливно-энергетической специализации и блокирования доступа к мировым рынкам и передовым технологиям; региональный сепаратизм, межнациональные трения и конфликты как внутри страны, так и на периферии ближнего зарубежья; возможность неконтролируемых дезинтеграционных процессов на всем постсоветском пространстве, неурегулированность статуса русскоязычного населения, проживающего на территории ряда новых независимых государств; организованная преступность, коррупция, терроризм, в том числе и международный, и наркомафия; вооруженные конфликты разных калибров и интенсивности в непосредственной близости от российских границ; распространение оружия массового поражения и средств его доставки; геополитическая и военно-политическая неопределенность как в масштабах мирового сообщества, так и по периферии ближнего зарубежья; нарушение целостности обороны и охраны государственной границы Российской Федерации; дальнейшее ухудшение экологической ситуации, ведущее к эрозии генофонда нации.

В настоящее время кроме пяти официально признанных ядерных держав в мире насчитывается еще примерно 10 стран, которые находятся на пороге его создания и способны превратиться из потенциальных в реальных обладателей ядерного оружия. Причем это в основном страны с нестабильным военно-политическим климатом. Для нас особая актуальность данной проблемы состоит в том, что большинство этих стран в геостратегическом плане расположены в непосредственной близости от России. Очевидно, что политика ядерного сдерживания не может не учитывать этот фактор.

Иными словами, потенциальными источниками угроз безопасности Российской Федерации могут стать социальные, экономические, территориальные, религиозные, этнонациональные и иные противоречия как в регионах самой России, так и в странах, расположенных по периметру ее границ. Исходя из этого необходимо:

- создать условия, обеспечивающие стабильность и необратимость экономических и политических реформ;
- активно и полноправно участвовать в строительстве новой системы международных отношений;
- всемерно противодействовать усилению влияния других великих держав на постсоветском пространстве, обеспечивая безопасность и стабильность на всем этом пространстве;
- сохранить для России доступ к природным ресурсам этого региона;
- поддерживать равновесие сил в Восточной и Центральной Европе, Восточной Азии и других прилегающих к России регионах;
- добиваться расширения доступа России к глобальным рынкам;
- защищать интересы российских граждан и собственность за рубежом и т.д.

Одна из важнейших задач, стоящих перед государством, — любой ценой сохранить способность противодействовать военным угрозам. В современном мире в арсенале средств обеспечения национальной безопасности государства центральная роль сохраняется за вооруженными силами. Главная их функция — сдерживание любой военной агрессии против России. Гарантией эффективного выполнения данной функции является демонстрация государством как способности силового противодействия агрессии, так и готовности к применению силы. Это приобретает особую значимость в условиях сокращения экономического, научно-технологического и промышленного потенциалов страны.

Составной частью концепции национальной безопасности является военная доктрина — система официально принятых в государстве воззрений на войны и вооруженные конфликты, их место и роль во внешнеполитической стратегии, пути, формы и средства их предотвращения, а также на военное строительство, подготовку страны к отражению реальных и потенциальных угроз ее безопасности. Указом президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. была утверждена российская военная доктрина. В качестве приоритетных задач в ней утверждаются предотвращение войны и военных конфликтов, сохранение мира. Выдвигая как на международной арене, так и внутри страны на передний план политические средства предотвращения и разрешения конфликтов, Россия рассматривает все страны, чья политика не наносит ущерба ее интересам и не противоречит Уставу ООН, как партнеров.

Этот вопрос достаточно широко и оживленно обсуждается в наших средствах массовой информации и научной литературе. Поэтому здесь отмечу лишь то, что в современных условиях, когда Россия ставит своей целью формирование правового государства и деполитизацию армии, ключевое значение для обеспечения военной безопасности страны приобретает гражданский контроль над вооруженными силами и за военной деятельностью вообще. Только гражданский контроль позволит решать проблемы, связанные с соблюдением прав и свобод военнослужащих, их социальной защитой.

В создавшихся ныне условиях у России нет возможностей развертывания достаточно мощных сил общего назначения. В ближайшие несколько лет средства, выделяемые для поддержания наших вооруженных сил на должном уровне, несомненно будут заметно меньше, чем расходы на эти же цели в других великих державах. Так, в настоящее время, по существующим данным, военные бюджеты Германии, Франции, Великобритании и Китая (не говоря о США) на национальную оборону превосходят аналогичные расходы Российской Федерации соответственно в 1,5; 2,1; 1,7; 7,6 раз (это при том, что по своей численности вооруженные силы России уступают только численности вооруженных сил Китая). Очевидно, что при таком положении ядерный щит играет более важную, чем раньше, роль в обеспечении обороноспособности страны. Именно ядерные силы являются ключевыми при определении статуса России как великой военно-политической державы. В данном контексте вполне оправданным представляется то, что в своей военной доктрине Россия не подтвердила декларированное ранее Советским Союзом обязательство не применять первым ядерное оружие, поскольку такое обязательство противоречило бы главной установке, согласно которой это оружие рассматривается не как средство ведения войны, а как средство сдерживания возможного агрессора.

В области военного строительства в ближайшие годы России предстоит разработка и реализация широкого комплекса мер, призванных повернуть вспять процесс сокращения своего военно-промышленного потенциала. Реальная оборонная мощь государства в современных условиях определяется не столько численностью вооруженных сил, сколько их высокой боеспособностью и технической оснащенностью, мобильностью, гибкостью реагирования на угрозы и т.д. Времена, когда исход войны решали массовые армии, ушли в прошлое. Современные высокие технологии, обладающие громадным коэффициентом поражающей силы, требуют для своего обслуживания высоких специалистов-профессионалов. Поэтому важнейшим императивом для России в рассматриваемом плане стала профессионализация армии.

В данной связи необходимо определить приоритетные роды войск и типы вооружений, на развитие которых государство должно обратить первостепенное внимание. Геополитическому положению России как сухопутной континентальной державы в наибольшей степени соответствуют стратегические ядерные силы, а в их рамках — ракетные силы наземного базирования. Они обладают наибольшей способностью к воплощению и реализации сложных и наукоемких научно-технических разработок отечественного военно-промышленного комплекса.

В этой сфере одной из важнейших задач, стоящих перед оборонными отраслями, остается дальнейшее совершенствование по линии повышения точности попадания, боеготовности ракетных комплексов, устойчивости систем управления, обеспечения надежного и своевременного парирования зарубежных прорывов в стратегических вооружениях. Преимуществом ракет наземного базирования является их дешевизна по сравнению с другими системами вооружений. По данным генерала армии Ю.Яшина, ракетные комплексы наземного базирования требуют по всему жизненному циклу — от разработки до утилизации — меньше затрат, чем остальные виды вооружений.

Оценка геополитического и геоэкономического положения России, омываемой 13 морями, показывает, что без сильного военно-морского флота (ВМФ) она как самодостаточная великая держава существовать не может. ВМФ остается (и сохранит эту роль в XXI в.) одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения экономических, политических и иных интересов нашей страны. Заключение и реализация российско-американского соглашения 1993 г. СНВ-2 предполагает дальнейшее повышение роли ВМФ в стратегических ядерных силах страны.

Регулярный военный флот России, созданный Петром I, в значительной мере был призван выполнить историческую задачу — пробиться в сообщество европейских государств. С помощью флота России удалось реализовать свои интересы в Средиземноморье, освоить Дальний Восток, Аляску, Русскую Америку. В настоящее время безопасность западных рубежей в значительной степени зависит от боеспособности Балтийского флота. На южных рубежах России Черноморский флот всегда был гарантом свободы мореплавания и торговли на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки, т.е. в бассейне Средиземного моря. На данном этапе эту задачу весьма трудно, если не невозможно, выполнять без опоры на систему базирования в Крыму.

Первоначально во внешней политике России дальневосточные и тихоокеанские проблемы занимали второстепенное место в сравнении с проблемами европейско-атлантического региона. Но со временем перед Россией встал вопрос и о создании Тихоокеанского флота. Решение этого вопроса привело к двум войнам на Дальнем Востоке. В настоящее время задача Тихоокеанского флота состоит в поддержании разумного баланса сил между США, Японией, Китаем и Россией.

Национально-государственная безопасность России должна обеспечиваться на трех разных, но взаимосвязанных уровнях: глобальном, евразийском и региональном. Причем если в первых двух аспектах вопрос более или менее ясен, то третий аспект требует некоторых разъяснений. Дело в том, что Россия, выходящая на многие регионы, должна строить свою внешнеполитическую стратегию по многовекторному принципу. Здесь выбор по формуле «или — или» в пользу какого-либо одного направления в ущерб другим неминуемо сопряжен с крупными стратегическими просчетами.

Участвуя в формировании различных региональных балансов сил, отвечающих интересам своей национальной безопасности, Россия способна внести существенный вклад в структурирование и поддержание мирового баланса сил и в этом качестве она не может не выступать в качестве мировой державы. В целом в ситуации переходности оптимальной для России представляется стратегия равноудаленности или равноприближенности к основным центрам силы, исключая конфронтацию с каким-либо из этих центров, а также зависимость от них.

Контрольные вопросы

1. Что такое национальный интерес?
2. Какие существуют концепции национального интереса?
3. Что такое национальная безопасность?
4. Какие существуют концепции национальной безопасности?
5. Назовите основные приоритеты национальной безопасности России.

18. МЕСТО КОНФЛИКТОВ И ВОЙН В ЖИЗНИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

18.1. Ведет ли расширение демократии к всеобщему миру?

Конец холодной войны и двухполюсного миропорядка породил множество дискуссионных вопросов относительно характера взаимоотношений между народами и странами в формирующемся новом многополярном миропорядке. Среди них центральное место занимают проблемы межгосударственных конфликтов и войн. В их трактовке нет и не может быть единства мнений. Здесь существует широкий разброс позиций от своеобразной эйфории относительно перспектив исчезновения войн из жизни мирового сообщества до безоговорочной приверженности знаменитой формуле «война всех против всех» в качестве основополагающего принципа формирующегося нового миропорядка.

Мир, свободный от войн и кровавых конфликтов, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Вспомним в данной связи хотя бы обнародованный И. Кантом в 1795 г. проект «Вечного мира», где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Кант, в частности, утверждал, что распространение республиканской формы правления ознаменуется наступлением эры международного мира. Вслед за Кантом теоретики либеральной традиции утверждали, что распространение рыночной экономики и глобальная демократизация будут способствовать установлению мирных международных отношений, а следовательно, расширению зоны мира.

Вспомним в данной связи, что, вступая в первую мировую войну на завершающей ее стадии, Америка в лице президента В. Вильсона провозгласила своей целью ни много ни мало как «спасение мира для демократии». Предполагалось, что это будет последняя война, призванная положить конец всем войнам.

Однако всего лишь через 20 лет после Версаля и известных «14 пунктов» В. Вильсона вся планета стала ареной невиданной в истории человечества как по своим масштабам, так и по своей жестокости всемирной бойни. Речь идет о второй мировой войне. Тем не менее нынешние противники войны все же уповают на ее исчезновение при утверждении во всемирном масштабе демократии.

С падением 9 ноября 1989 г. Берлинской стены многие уповали на то, что в Европе, да и в мире в целом, наступит, наконец, период гармонии и порядка. Появилось множество работ, лейтмотивом которых является тезис о том, что в современную эпоху по мере утверждения во всем мире западной демократической модели жизнеустройства войны становятся достоянием истории.

Действительно, с исчезновением фронтального системного, идеологического и военно-политического противостояния ведущих акторов мировой политики как будто исчезли предпосылки для использования войны в качестве инструмента разрешения межгосударственных и международных споров. Так ли это на самом деле?

18.2. Война как продолжение политики в ядерную эпоху

Войны — это результат политических решений для достижения политических целей с помощью вооруженной силы. Раньше на войну смотрели как на вполне рациональное средство достижения политических целей. Известный прусский военный теоретик XIX в. К. фон Клаузевиц считал, что стратегия не может иметь рациональной основы до тех пор пока она не построена на осознании цели, которую она преследует. Именно это он имел в виду, когда характеризовал войну как продолжение политики другими средствами. Ракетно-ядерное оружие в определенной степени разорвало связь между политикой и войной, сделало устаревшей парадигму военно-политической конфронтации между великими державами, поскольку разумная политика, призванная реализовывать на международной арене национальные интересы, не может допустить применения ядерного оружия, обладающего чудовищной силой разрушения.

Необходимо отметить, что некоторые из наиболее проницательных создателей ядерного оружия во всяком случае подспудно сознавали его значение для судеб войны и мира. Другое дело, что в течение довольно длительного времени в послевоенный период обе противоборствующие стороны продолжали подходить к проблемам ядерного века с позиций доядерного.

В период холодной войны ядерное оружие, выполняя роль эффективного инструмента взаимного сдерживания двух сверхдержав, продемонстрировало ограниченность своих возможностей при реализации множества других целей, традиционно решавшихся с помощью военной мощи. Так, сразу после второй мировой войны, обладая монополией на атомное оружие, США не сумели вынудить Советский Союз изменить его политическую стратегию, в том числе и в сфере внешней политики. Более того, Америка со своей атомной бомбой не смогла помешать беспрецедентному расширению влияния СССР в 1945–1949 гг. Обладание ядерным оружием не внесло какие бы то ни было серьезные коррективы в ход и результаты корейской и вьетнамской войн. В афганской войне Советский Союз вел себя так, будто не имел ядерного оружия. Оно также не остановило распад Варшавского пакта и самого Советского Союза. Еще до этого Франция вынуждена была уйти из Алжира, несмотря на то, что к тому времени уже обладала ядерным оружием, а в 1982 г. Аргентина начала войну против Великобритании, игнорируя тот факт, что эта страна обладает ядерным оружием.

Постепенно утверждалось своеобразное ядерное табу в отношениях между двумя сверхдержавами или военно-политическими блоками. Зрело осознание возможности и необходимости избежать ядерной войны, поскольку она представляет угрозу самому существованию человечества. Стало очевидно, что с созданием ядерного оружия речь уже идет не просто о совершенствовании средств ведения войны, не просто о наращивании военной мощи. Появление ядерного оружия коренным образом изменило саму природу, принципы и нормы ведения войны.

Предельно сузилось число целей, для достижения которых возможно использование стратегической мощи. Основной задачей ядерного оружия стало сдерживание атаки противника, угрожающего жизненным интересам страны. Отчасти в силу того, что стратегическое оружие служит именно этой цели, в центре международной политики в течение пяти послевоенных десятилетий воцарился мир, в то время как на периферии часто бушевали войны.

Но это не означает, что ядерное оружие вообще не пригодно для решения политических проблем. Сохраняется его значимость как очевидного показателя мощи государства. Взятое само по себе, оно не отменяет сам принцип использования или угрозы использования силы для достижения политических целей. Но учитывая возможности ракетно-ядерного оружия, ни один здравомыслящий политический деятель не может вынашивать цели, ради которых можно было бы рисковать самим существованием человечества. Ракетно-ядерное оружие нельзя более рассматривать в качестве средства продолжения политики, как это понимал Клаузевиц и многочисленные его последователи. В этом контексте соперничающие державы являются одновременно партнерами по выживанию, по спасению жизни на земле, а мирное сосуществование, не означая всеобщей и полной гармонии, диктуется императивами выживания человечества.

18.3. Демократия сама по себе не способна застраховать мир от войны

Мы вправе задаваться вопросом: действительно ли наступает мир, свободный от конфликтов и войн? Думаю, что нет. Было бы неразумно делать слишком обобщенные оптимистические выводы из западного опыта послевоенных десятилетий, хотя многое можно сказать о корреляции между демократией и миром. Нельзя забывать, что в доконфронтационный период западноевропейцы были сплочены прежде всего перед лицом противника, угрожавшего, как им казалось, самому их существованию. Стабильность обеспечивалась в рамках двухполюсного миропорядка, где две сверхдержавы жестко контролировали своих союзников и удерживали их от каких-либо самостоятельных действий. К тому же одним из парадоксов послевоенного периода следует считать тот факт, что контроль над вооружениями был достигнут в относительно спокойной зоне конфронтации между Востоком и Западом, практически не затронув остальные регионы.

Очевидно, что взаимоотношения государств в современном мире нельзя представлять как гоббсовскую войну всех против всех. Нельзя также изображать дело таким образом, будто насилие или угроза применения насилия и сейчас постоянно витает над странами и народами. Но все же необходимо признать суровую реальность конфликтов и войн и их неискоренимость из жизни международного сообщества. Как справедливо отмечают реалисты, конфликт может быть урегулирован, но не ликвидирован. В современных условиях можно не соглашаться с их тезисом, согласно которому мира как такового не может быть никогда, только перемирие, поскольку у побежденного всегда есть неистребимое стремление взять реванш.

Однако следует отметить, что изменения, происшедшие в последние годы, в том числе переход целой группы стран на рельсы демократического развития, не уменьшили риска войн и вооруженных конфликтов. Исторический опыт со всей очевидностью показывает, что нередко демократия не смогла послужить препятствием для развязывания войны. Зачастую демократические принципы решительно отодвигались на задний план или вовсе игнорировались, когда на карту ставились реальные или превратно понятые национальные интересы. Известно, что Британская и Французская империи расширялись вовне, в то время как во внутривластной сфере утверждались демократические ценности и институты. Известна эпопея становления и институционализации демократии на североамериканском континенте, сопровождавшаяся эпопеей сгона со своих земель и физического уничтожения многочисленных автохтонных народов и племен.

Нелишне напомнить и то, что во время первой мировой войны демократические Великобритания и Франция находились в союзе с авторитарной Российской империей, а во время второй мировой войны демократические Англия, Франция и США в теснейшем союзе с тоталитарным Советским Союзом сражались с тоталитарной гитлеровской Германией.

Нельзя забывать, что демократия развязывает у масс страсти, которые столь часто служили причиной кровавых конфликтов. Парадоксальным образом одновременно с увеличением числа стран, вставших на путь демократического развития, возросло также число стран, где вспыхнули гражданские войны. События в бывшей Югославии, бывшем Советском Союзе и отдельных частях африканского континента воочию демонстрируют, насколько болезнен переход от одной системы к другой. Ликвидация авторитарных и тоталитарных режимов и переход на рельсы демократизации могут способствовать развязыванию ужасных дремлющих сил межобщинного и этнического конфликта.

В первой половине 90-х годов мы стали свидетелями того, что в то время как в одной части просвященной и благополучной Европы война в собственном смысле слова будто перестала быть инструментом политики, в другой ее части она бушевала по всем правилам (возможно, правильнее было бы сказать: без соблюдения всяких правил) военного искусства. Бушующие и бушевавшие до недавнего времени гражданские войны могут оказаться лишь верхушкой айсберга потенциального брожения, от которого, возможно, не застрахованы даже исторически наиболее консолидированные государства. Этнические конфликты и возрождение национализма в таких цитаделях демократии, как Германия, Италия, Испания, а также в Польше и других странах, не оставляют места для большого оптимизма относительно возможностей национальных государств обеспечить своим гражданам мир и защиту жизни и собственности.

Иначе говоря, формирующийся новый мировой порядок, с одной стороны, способствует расширению демократии, а с другой — сдетонировал в целом ряде стран и регионов внутривластическую нестабильность. В то же время со всей очевидностью обнаружилось, что увеличение числа стран с демократическими режимами не всегда и не обязательно ведет к утверждению демократических принципов в отношениях между государствами.

18.4. Война вытекает из самой природы человека

Во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом. Одни стремились подчинить своему господству чужие страны и народы, другие жаждали воинской славы, третьи считали, что лучше умирать стоя, чем жить, оставаясь на коленях. Во всяком случае, оправдания войнам всегда находили самые убедительные, поскольку человек, если судить по его деяниям, как бы подсознательно руководствовался мефистофельской максимой — нет в мире вещи, стоящей пощады. Не случайно и то, что с древнейших времен скептики не переставали утверждать, что *homo homini lupus est*. Более того, человеку во все эпохи была свойственна склонность героизировать, романтизировать и воспевать войну. Эта склонность отнюдь не уменьшилась и в наши дни, несмотря на страшные опустошения двух мировых войн XX века.

Большинство древних исходило из того, что война и мир сами по себе не есть ни благо, ни зло. Оценка зависит от конкретных обстоятельств. Ибо если преуспевающее государство может и должно стремиться к миру, то при неудачном стечении обстоятельств ему следует воевать. Давая собственное обоснование многочисленным войнам, периодически разворачивавшимся на земле древней Эллады, уже Демосфен разделял их на справедливые и несправедливые. Первые, по его мнению, ведутся ради защиты отечества от разорения и уничтожения врагом, во имя справедливости. Несправедливые войны — это те, которые ведутся из-за корысти, выгоды в нарушение принципов справедливости.

Однако, что считать справедливым, а что несправедливым, как правило, всегда входило в прерогативы самих инициаторов войны. Так, древние всегда находили оправдание войне, если она велась во имя, как они считали, благой цели. А римские императоры, как известно, обеспечивали мир тем, что всегда готовились к войне. Последующие же поколения по части совершенствования и изощренности методов ведения войны и ее оправдания не идут ни в какое сравнение с своими предшественниками.

Приверженность силе, силовая политика отнюдь не утратили и не могут утратить своего значения в определении облика современного мирового сообщества. Вся история человечества свидетельствует о том, что война — это неотъемлемая врожденная составляющая человеческой природы, точно так же, как тяга к игре, пению, снятию стресса, потребность в сатурналиях, вальпургиевых ночах, маскарадах и т.д. Конечно, войны порождаются вполне освящаемыми материальными, экономическими, социальными, династическими, религиозными и иными факторами. Однако история предоставляет множество примеров, демонстрирующих, что устранение этих и подобных факторов не всегда приводило к исчезновению войн из жизни стран и народов.

И. Кант не без оснований говорил, что история в целом никоим образом не свидетельствует о человеческой мудрости, скорее она летопись человеческого несовершенства, безумия, тщеславия и порока. По-видимому, не лишены основания аргументы и доводы авторов, считающих присущие человеку от рождения злое начало, иррациональные и разрушительные побуждения, гордость, тщеславие и корыстолюбие не последними по значимости мотивирующими факторами общественно-исторического развития, важным компонентом которого являются войны.

Общество в конечном счете живет и развивается по законам, корни которых заложены в природе человека. Это в первую очередь относится к разного рода конфликтам и войнам. И действительно, любая война развязывается и ведется не богами или демонами, а обыкновенными людьми. Поэтому чтобы понять природу войны, необходимо выяснить, какие именно человеческие качества ее вызывают.

В матрице человеческой природы всегда присутствует нечто такое, что служит непреодолимым препятствием для ее целенаправленной перестройки согласно некоторому плану какого-нибудь законодателя или реформатора. Человек не может быть чем-то таким, что может или должно быть преодолено. Здесь считаю целесообразным подчеркнуть, что я исхожу из известного опыта исторического человечества, а не из несуществующего еще опыта идеального, абстрактного человечества, которое теоретически может отказаться от привычных параметров и разработать некие неведомые нам сущностные характеристики. Тем более что некоторые авторы склонны рассуждать о продолжающемся процессе антропогенеза или во всяком случае новой фазе бифуркации в этом процессе.

Я бы предостерег от столь прямолинейных аналогий и суждений, ибо, как показывают антропологические и исторические исследования, человек со времени своего выделения из стадного состояния и приобретения видовых характеристик в течение многих тысячелетий претерпел лишь незначительные изменения. Что касается влияния технологий на эти качества, то в истории человечества по своей революционизирующей роли так называемая неолитическая революция, связанная с производством пищи, изобретением лука и колеса, пороха и парового котла, книгопечатания и радио в контексте каждого соответствующего периода сыграла, возможно, не меньшую роль, чем современные технологии.

Но тем не менее человек по своим социобиологическим и психофизиологическим параметрам не претерпел качественных изменений. Фундаментальные свойства, присущие ему как особому виду, сложившемуся еще в доисторические времена, остаются неотвратимо присущи его природе в наши дни, и, возможно, будут присущи всегда. Парадокс человека состоит в том, что он постоянно стремится к преобразованию и даже преодолению собственной природы, пытается стать больше, чем он есть на самом деле. Но, как представляется, человек может исчерпать себя или прекратить свое существование как биолого-социальный вид, но не может перейти в какое-либо иное состояние, иначе он перестанет быть человеком.

Осознавший свою самость человек — уже не только часть природы, он стоит не только внутри природы, в рамках обозримого им мира, но и стремится выйти за его пределы, интуитивно чувствуя, что мир невозможно охватить в его целостности изнутри, что его можно постичь, став над ним. В отличие от своих ближайших сородичей, которые стремились приспособиться к природе, адаптироваться к ее перипетиям и капризам, для человека в дополнение к этому характерно стремление приспособить природу к своим потребностям, переделать, преобразовать ее.

Этот момент, сыгравший основополагающую роль в процессе вычленения и обособления человека от своих животных предков, утверждения в нем сугубо человеческого духовного начала, вместе с тем проявился и в ином аспекте. Следует учесть, что для гуманистической традиции и связанного с ней рационализма была характерна беспредельная вера в человека, которая сформировалась и развивалась в противовес вере в бога. Шел целенаправленный процесс секуляризации сознания и жизни, приведший в конечном счете к развенчанию бога, божественных, мистических начал жизни и возвеличению человека.

Свое логическое завершение эта вера в человека нашла в мировоззрении Просвещения. У Вольтера, например, мы имеем реабилитацию и возведение на пьедестал чувственного человека, человека гедонистического со всеми своими плотскими потребностями и устремлениями. Л.Фейербах, развенчав бога, стал рассматривать человека в качестве центрального элемента мироздания. Своего апофеоза эта традиция достигла у М.Штирнера, который в своей знаменитой работе под характерным названием «Единственный» противопоставил атомистически понимаемого индивидуального человека всему остальному миру.

«Есть мгновения, — писал А.Камю в «Мифе о Сизифе», — когда любой человек чувствует себя равным богу. По крайней мере, так говорят. Но богоравность приходит, когда, словно при вспышке молнии, становится осязательным поразительное величие человеческого ума». Да, это действительно так. Но, как показал опыт истории, чрезмерная вера в человека, максима «человек — мера всех вещей» рано или поздно вырождаются в полный сатанинский гордыни постулат: *«Если Бог есть, как вынести мысль о невозможности быть им?»* У Лукреция человек, низвергая недостойных в его глазах богов, сам занимает их место. Человек Нового времени в своем стремлении оправдать низложение Бога выступает с претензией на занятие его места путем самопреодоления и превращения себя в сверхчеловека, в богочеловека.

Если человек — мера всех вещей и нет над ним никакого другого начала, которое выше его самого, то естественно, что его неотступно преследует соблазн сделать категорическим императивом руководства в жизни максиму: *«Что хочу, то и делаю».* Но обнаружилось, что возомнивший себя на троне Творца человек не способен выдержать испытание столь высоким вознесением и в своем стремлении к разоблачению и развенчанию всего и вся готов к разворачиванию усилий по развенчанию и своеобразной «отмене» и самого человека. Обнаружилось также, что доведенный до крайности и ничему не подчиняющийся индивидуализм имеет своим конечным следствием подрыв индивидуальности и личностного начала человека.

Следует учитывать не только разумное и доброе начало человека, но и реальность его несовершенства, его страсти, зависть, алчность и т.д. Необходимо преодолеть избыточную, слишком восторженную, не выдержавшую испытания историей веру в человека. История изобилует примерами, свидетельствующими о том, что человек, слишком многое возомнивший о себе и слишком многое себе позволяющий, человек, представленный самому себе, при определенных условиях может быть просто опасен для целых стран и народов, а то и для всего мирового сообщества. Ибо приходится констатировать правоту Достоевского, открывшего преступление в самих глубинах души человека, в сердце которого, по его словам, *«Бог борется с дьяволом».*

В глубинном онтологическом измерении в человеке, как отмечал Шеллинг, *«содержится вся мощь темного начала, и в нем же содержится и вся сила света. В нем — оба средоточения: и крайняя глубина бездны, и высший предел неба».* С этой точки зрения тайна и таинство жизни включают в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличного, божественного также мистерию греха, греховного начала. В сущности, понятие свободы по своему содержанию нейтрально; свобода, взятая сама по себе, ни плоха, ни хороша. Положительный или отрицательный оттенок она принимает лишь тогда, когда речь идет о том, в каких целях она используется. Человек одинаково способен и на добрые, и на злые деяния. При этом следует отметить, что преступление, грех, зло, равно как и добро, — категории общественно-исторические, они немислимы вне общественных отношений между людьми. Они лишены смысла в мире животных, поскольку это категории, пронизанные нравственными, оценочными, нормативно-правовыми началами.

Сама свобода человека предполагает возможность выбора одной из множества альтернатив, в том числе выбор между добром и злом. Только свободный человек может быть носителем как самой нравственности, так и других ценностей и качеств, что в совокупности и делает его человеком в истинном смысле этого слова. Свобода воли потеряет смысл, если из множества возможностей ей оставить одну единственную. Одна единственная истина и один единственный путь ее постижения исключают свободу выбора. Свобода на то и свобода, что она предоставляет возможность свободного выбора одной из множества альтернатив, в том числе и выбора между добром и злом.

Нельзя упускать из виду то, что миром управляет не только любовь, не только добро, но и противоположные им начала — ненависть и зло. Исторический опыт воочию продемонстрировал, что не существует каких-либо гарантий торжества начал добра и разума в мировом бытии, более того, зло слишком часто торжествует свою победу.

Человек будет постоянно нацелен на прогресс, это в самой его природе. Но эта устремленность должна быть основана не на самой вере в разум и доброту человека, а на осознании его несовершенства. XX век до основания развенчал гуманистическую веру в доброе начало человека, в его естественную доброту и соответственно в идею совершенного человеческого жизнеустройства. Сказанное в еще большей мере верно применительно к современному миру, в котором, с одной стороны, возрастает закрытость, а с другой — открытость и транспарентность, что ведет к дестабилизации, фрагментарности и неустойчивости, восхождению толп одиночек, новых пиратов, тоталитарных сект и банд террористов, мафии и разного рода джентльменов удачи.

18.5. Война как социальный институт

Войны между народами и государствами, как правило, возникают в силу социально-политических причин и в этом смысле являются политическим актом. Более того, как писал Клаузевиц, *«война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»*. Но нередко война — не столько техническая и политическая, сколько социокультурная и социально-психологическая проблема.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод, что при поисках причин войны нельзя упускать из виду несовершенство самого человека, его страсти, зависть, алчность и т.д. В первом ряду среди этих качеств стоит агрессивность, которая представляет собой, по-видимому, одну из врожденных сущностных характеристик человеческой природы.

Агрессивные побуждения связаны с такими человеческими качествами, как честолюбие, устремленность к активному действию, ориентация на успех и другие, которые могут мотивировать и разрушительные, и созидательные деяния людей. Разумеется, эти побуждения в той или иной форме должны иметь выход, ибо их постоянное подавление тяготит человека и чревато непредсказуемыми негативными последствиями.

Данный фактор приобрел особую значимость с изобретением оружия, которое, по мнению К.Лоренца, досконально исследовавшего феномен агрессивности, стимулировало внутривидовой отбор людей, что в свою очередь послужило фактором, интенсифицировавшим человеческую агрессивность. Увеличение расстояния, на котором действует оружие убийства, в значительной мере снимает проблемы моральной ответственности, угрызений совести, жалости и других неприятных для убивающего моментов, если, конечно, они возникают. Именно эта удаленность от последствий во многом делает возможным то, что даже самый безобидный, казалось бы, человек оказывается способным нажать спусковой крючок винтовки или пусковую кнопку ракетносителя. Личное знакомство, встреча лицом к лицу в определенных ситуациях сами по себе ведут к притуплению агрессивного импульса, а анонимность усиливает его.

Как отмечал Лоренц, бывает так, что *«наивный человек испытывает чрезвычайно пылкие чувства злобы, ярости по отношению к «этим иванам», «этим фрицам», «этим жидам», «этим макаронникам»..., т.е. к соседним народам, клички которых по возможности комбинируются с приставкой «гады». Такой человек может бушевать против них у себя за столом, но ему и в голову не придет даже простая невежливость, если он оказывается лицом к лицу с представителем ненавистной национальности»*.

По данным многих исследований, коллективная ответственность в определенных условиях способствует снижению моральных критериев. Война же представляет собой коллективный акт, осуществляемый коллективной волей специально подготовленных и предназначенных для этого людей. Данный фактор приобретает все большую роль по мере технизации и обезличения процесса ведения военных действий. Информационная и телекоммуникационная революции превратили войну из соревнования в грубой силе в соревнование умов в сфере информации.

Как подчеркивал Т.Гоббс, выгода, безопасность и репутация составляют три главные мотивирующие цели человека. Человек стремится к высокой репутации, потому что является существом, наделенным гордостью и эгоистическим интересом. Гордость заставляет его быть завистливым в силу боязни, что его сотоварищи сочтут его менее достойным, чем они сами, толкая этим предпринять соответствующие шаги. Такой образ мыслей присущ народам и нациям не в меньшей степени, чем отдельным индивидам. Отсюда — то большое значение, которое в международной политике придается категории «национальная честь». В соответствии с ней международные переговоры ведутся таким образом, чтобы ни одна нация не «потеряла лицо».

«Национальная честь», которая воплощается в понятии «престиж», определяется прежде всего экономическими и политическими возможностями государства. Но зачастую престиж достигается с помощью силы, особенно успешной, победоносной войны, в результате которой одно государство навязывает свою волю другому государству. С этой точки зрения одна из главных функций войны состоит в том, чтобы определить международную иерархию по шкале престижа и тем самым выявить, какие именно государства являются главными акторами международной системы.

Как правило, каждый раз именно доминирующие акторы утверждали свои права на господствующее положение и навязывали нормы и правила игры более слабым членам этой системы. Так, Персидская империя навязала другим более слабым государствам своего времени правила и нормы, регулирующие международные отношения и дающие возможность разрешать споры между ее более мелкими соседями. Рим дал средиземноморскому миру свой кодекс и первый закон народов. В современном мире то, что мы называем международным правом, разработано и утверждено западной цивилизацией и в целом отражает ее интересы и ценности.

Однако было бы просто абсурдом сводить все причины войн к одной лишь человеческой агрессивности. Конечно, война представляет собой неизбежный результат самого жизнеустройства людей. Поэтому, чтобы правильно понять сущность войны и найти соответствующие пути и средства ее предотвращения, необходимо брать во внимание как все атрибуты природы человека, так и весь комплекс социальных, социокультурных, экономических, территориально-географических, политических и иных факторов существования человеческих сообществ.

Разумеется, в условиях цивилизации открытая агрессия как на индивидуальном, так и на коллективном уровне в значительной мере сублимируется. Природная агрессивность как бы отходит на задний план, определяющую значимость приобретают целенаправленный расчет и рациональный выбор. В целом с определенными оговорками можно согласиться с Клаузевицем, который считал, что война *«представляет собой странную троичку, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку»*.

В принципе все войны носят идеологический характер в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон так или иначе посягает на образ жизни и систему ценностей своего противника. В то же время, поскольку война — это соперничество за власть и влияние во всех их формах и проявлениях, она является политическим актом. Или, как писал Клаузевиц, *«война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»*.

Но как бы то ни было, агрессивность государства питается прежде всего агрессивностью составляющих его людей. С мотивом агрессии теснейшим образом связано чувство враждебности к чужим. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что люди просто не могут обходиться без врагов. По-видимому, в самой человеческой природе коренится потребность иметь врага — злобного и беспощадного, и в силу этого подлежащего уничтожению. Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность представляют собой такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм и т.д. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной и той же медали.

Поэтому с значительной долей уверенности можно сказать, что одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного или воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия. Привычка направлять свою враждебность вовне, на чужаков привилась человеку вместе с способностями рассуждать, смеяться, удивляться, радоваться и т.д. Б.Паскаль приводил такую притчу: *«За что ты меня убиваешь? — Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь совершил бы неправоное дело, злодейство, если бы тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правое, и я совершил подвиг!»*

Как установлено антропологическими и этнографическими исследованиями, практика использования посторонних, чужих в качестве козлов отпущения стара как мир. Она уходит своими корнями в родоплеменное прошлое человечества. Общий враг, реальный или воображаемый, нередко служил началом, обеспечивающим единство и сплоченность племени или народа. Поэтому если не было реального врага, который бы угрожал этому единству и сплоченности, то его, естественно, придумывали, конструировали. Его внезапное исчезновение по какой-либо причине, как правило, создает у племени, народа, страны ощущение некоей пустоты. При отсутствии реального врага его роль часто выполняет враг воображаемый.

На этой основе уже в первобытную эпоху появились антитезы: «мы — они», «свои — чужие», «племя — враг племени». Показательно, что в ту эпоху человек легко убивал и съедал иноплеменника. В его глазах представитель другого племени — *«это нелюдь. И никакой мысли, что возможен компромисс с другим племенем, что можно как-то его эксплуатировать, использовать, привлечь к сотрудничеству, спасти собственную шкуру за счет предательства, судя по всему, просто не возникало. Можно сказать, что на протяжении двух миллионов лет геноцид был нормой отношений между конкурирующими стадами — племенами»*.

Такое положение несколько изменилось лишь в период неолита и в последующие эпохи, когда взаимоотношения сначала различных племен, а потом народов были заключены в рамки определенных норм и правил. Этот принцип поисков и конструирования врага сохранился на все времена у всех народов. Когда в семье, коллективе, стране дела идут плохо, слишком часто появляется искушение найти виновников всех бед вовне. В качестве козлов отпущения, как правило, выступают разного рода религиозные, национальные и иные меньшинства, а на международном уровне какое-либо иностранное государство, которое будто вынашивает планы завоевания или порабощения страны. Внешний враг в данном случае часто служит фактором, объединяющим расколотую нацию.

В античной Греции внешний враг в лице Персии служил в качестве важного пропагандистского аргумента одних полисов против других. По свидетельству Фукидида, в Пелопонесской войне афиняне ссылались на свою роль защитников свободы Эллады в греко-персидских войнах, чтобы показать свое моральное превосходство над лакедемонянами. На что Гермократ Сиракузский возражал им, заявляя, что они боролись за свою независимость, а не за свободу всей Греции. Для Демосфена, Исократа и Ксенофонта также была характерна склонность объяснять распри между различными полисами вмешательством и кознями врагов всей Эллады. Если первый обвинял в этом македонского царя Филиппа, Исократ и Ксенофонт — Персию.

С тех пор образ врага и комплекс вражеского заговора служили в качестве излюбленного аргумента всех тех, кто вступал на тропу войны. Свое наиболее законченное, я бы сказал, абсурдистское выражение они, как выше указывалось, получили в период холодной войны.

В целом можно сказать, что не вооружение или гонка вооружений является причиной войны, а наоборот, настроенность на войну ведет к гонке вооружений. Чтобы правильно понять сущность войны и найти соответствующие пути и средства ее предотвращения, необходимо принимать во внимание как все атрибуты природы человека, так и весь комплекс социальных, социокультурных, экономических, территориально-географических, политических и иных факторов существования человеческих сообществ. Более того, в современной войне природная агрессивность человека как бы отходит на задний план, определяющую значимость приобретают целенаправленный расчет и рациональный выбор.

Характер и направленность взаимоотношений между государствами во многом зависит от того, как они видят и воспринимают друг друга. От этого зависят обострение или ослабление международной напряженности, успех или неуспех переговоров об ограничении гонки вооружений и предотвращении войны.

Еще в 30-е годы председатель комиссии по разоружению Лиги наций С. де Мадаряга пришел к выводу, что нельзя рассматривать разоружение как средство достижения взаимопонимания между народами. Понимаемое так разоружение, считал Мадаряга, является миражом, поскольку оно переворачивает проблему войны с ног на голову. Обосновывая свою мысль, он писал: *«Народы не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, они вооружены потому, что не доверяют друг другу. Поэтому желать разоружения до достижения минимума общего согласия по фундаментальным проблемам так же абсурдно, как и желать, чтобы люди ходили зимой голышом».*

В значительной степени гонка вооружений обусловлена политическими и идеологическими конфликтами и противоречиями, питающими недоверие и неприязнь. И, действительно, прав психолог и публицист С.Кин, который, развивая зафиксированное в уставе ЮНЕСКО положение о том, что войны начинаются в умах людей, писал: *«Сначала мы создаем образ врага. Образ предвывает оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем изобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию».*

При этом архетип врага имеет много ипостасей: чужака, агрессора, иноверца, варвара, захватчика, преступника, насильника и т.д. Показав несостоятельность рационалистических доводов в пользу уменьшения риска войны, Кин утверждал, что суть дела не в рационализме и технологии, а в «ожесточении наших сердец». В период холодной войны, писал он, американцы и советские люди, поколение за поколением культивировали ненависть и дегуманизировали друг друга, в результате чего *«мы, люди, стали homo hostilis, враждующим видом, животными, изобретающими врагов».*

С окончанием холодной войны и биполярного миропорядка этот комплекс отнюдь не исчез, а принял лишь новые формы. Если в период глобального противостояния двух главных враждебных лагерей вопрос о взаимных врагах и друзьях считался само собой разумеющимся, то теперь каждому участнику мирового сообщества данный вопрос придется решать в каждом конкретном случае самостоятельно и конкретно, определять собственные клише и стереотипы врагов и друзей.

Динамика международных отношений определяется тем, что по самой своей природе мощь государства представляет собой относительную величину: выигрыш одного государства если не всегда, то часто оборачивается потерей для другого государства. Иначе говоря, вплоть до наших дней действовал принцип игры с нулевой суммой. Каждое государство или группа государств стремится усилить собственную безопасность путем наращивания своей военной мощи. Хотя никогда невозможно добиться полной безопасности в мире конкурирующих и соперничающих друг с другом государств, стремление каждого из них укрепить свою мощь и безопасность с необходимостью ведет к уменьшению безопасности других и стимулирует соперничество за большую мощь и безопасность. Поэтому борьбу за выживание можно рассматривать как врожденную особенность международных отношений.

Главные цели, ради которых развязывается война, достигаются с помощью физического насилия, и с этой точки зрения она представляет собой прежде всего искусство убивать, уничтожать живую силу противника. Не обладающая этим искусством сторона сама рискует быть уничтоженной. В сущности, сражение или война в целом диктуют свои условия сражающимся или воюющим сторонам. Не умеющий убивать воспринимается чуть ли не как предатель, а тот, который в совершенстве владеет искусством убивать, возносится на пьедестал славы, причисляется к лику героев, а то и святых. Пресловутый принцип, согласно которому победителей не судят, именно в войне получил свое законченное выражение. Здесь человек вольно или невольно принужден преступить всякие нормы человеколюбия, стать судьей собственных деяний, а при экстремальных ситуациях перейти последний предел и оказаться в сфере вседозволенности.

Раньше войны, как правило, велись силами профессиональных армий и зачастую не затрагивали большинство мирного населения. Промышленная и научно-техническая революции соответственно в XIX и XX вв. сыграли огромную роль в развитии военного дела. Создание громоздких самоходных орудий, развитие железнодорожного, а затем автомобильного и гусеничного транспорта, обеспечивающего передвижение многочисленных армий и военной техники на большие расстояния, увеличившаяся скорость их переброски с одного театра военных действий на другие радикально изменили масштабы, приемы и правила ведения войны.

Прежде всего произошла широкомасштабная индустриализация подготовки и ведения войны. Сами императивы современной войны потребовали огромных пространств, расширения зоны потенциальных военных действий. Гигантские армии привели к необходимости создания гигантских инфраструктур военно-промышленного комплекса, а также систем снабжения военной техникой, боеприпасами, запасными частями, обмундированием, продовольствием, людскими ресурсами, системами коммуникации и т.д. Все это говорит о том, что для одержания победы в современной войне важное значение приобретают тыл, уничтожение мирных городов и сел, промышленных центров, сугубо гражданских объектов.

Появление авиации, а затем ядерного оружия с средствами его доставки фактически стерло линию разграничения между театром военных действий и мирными, гражданскими структурами, превратив всю территорию воюющих стран в сплошное поле сражения. В итоге война в XX в. приобрела тотальный характер и стала мероприятием, призванным ликвидировать не только живую военную силу и военную машину противника, но также его людские резервы и производственно-хозяйственную инфраструктуру. Отсюда такие ставшие привычными при характеристике второй мировой войны понятия, как тотальная война, тотальная мобилизация, безоговорочная и полная капитуляция и т.д.

Соответствующие коррективы были внесены в концепцию национальной безопасности. В ней, в частности, ключевое место заняли сугубо военные аспекты. Безопасность стали отождествлять с отсутствием военной угрозы государству извне или с способностью данного государства предотвратить реализацию этой угрозы. Более того, сама концепция национальной безопасности превратилась в своеобразный фактор единения и мобилизации населения соответствующих стран, взяв на себя, по меньшей мере отчасти, функции государственной идеи или идеологии.

Войны XX в., особенно вторая мировая война, которые в некоторых своих аспектах имели точки соприкосновения с религиозными войнами прошлого, перестали признавать сформулированный в Новое время принцип не делать врагу больше зла, чем сколько того требуют цели войны.

Очевидно, что в самом намерении начать и вести войну имплицитно заложен принцип, согласно которому цель оправдывает средства. Этот принцип воплотился, в частности, в максиме — нам нужна только победа и мы за цену не постоим, которой явно или неявно придерживались все воюющие стороны. Она предполагает готовность каждой из сторон во имя победы над врагом не считаться с потерями среди мирного населения, какими бы колоссальными они ни были.

В данной связи нельзя не упомянуть тот факт, что одна из важнейших причин технологического прогресса от каменного топора до лука и ракеты-носителя лежала в необходимости удовлетворения потребностей ведения войны, хотя со временем военную технологию и приспособляли для гражданских целей. Например, если баллисты и тараны представляли собой исключительно орудия войны, то порох можно было использовать как в войне, так и в мирных целях. В еще большей степени это относится к транспортным средствам. Что касается новейших достижений научно-технического прогресса, то в подавляющем своем большинстве они имеют двойное назначение.

Важно учесть то, что на службу богу войны часто привлекались великие открытия, которые первоначально казались весьма далекими от военных целей и интересов. Более того, создание большинства современных орудий войны стало возможным благодаря физике Галилея и Эйнштейна, термодинамике, оптике, ядерной физике, т.е. сугубо гражданским отраслям науки. Производство оружия, став самостоятельной отраслью производства, приобретает собственную логику развития и уже само по себе превращается в фактор гонки вооружений и соответственно развязывания войны. Как выше указывалось, сила или мощь государства в течение всей истории оценивалась в терминах его возможностей вести и выигрывать войну. Военно-политическая стратегия того или иного государства строилась на постулате, согласно которому уровень безопасности государства, его авторитет и влияние прямо пропорциональны количеству и качеству вооружений, которыми оно располагает.

В прошлом почти все попытки создания сколько-нибудь крупных геополитических образований было связано с экспансией, завоеванием, вмешательством, оккупацией чужих территорий. История человечества в значительной степени представляет собой историю непрерывных войн племен, народов, наций, империй, кланов, партий друг с другом. Неудивительно, что традиционная геополитика изучала прежде всего конфликты и войны между различными народами и государствами. Не случайно представители политического реализма придают столь большое значение силе в качестве определяющего фактора мировой политики, а дух господства и стремление к господству считают ключевым стимулом поведения государств на международной арене.

Мы все хорошо знаем знаменитую формулу Т.Гоббса — *bellum omnium contra omnes*, т.е. война всех против всех, с помощью которой он оценивал естественное состояние людей в догосударственный период. При этом не всегда учитывается тот факт, что во всех построениях Гоббса отчетливо просвечивается максима: *paх quaerenda est* — должно искать мира, которую он считал первым основным законом природы. Эта максима предполагает заключение договора между людьми, находящимися в состоянии войны. И действительно, состояние абсолютной, нескончаемой войны всех против всех было бы чревато перспективой взаимного истребления стран и народов. Поэтому люди вынуждены искать некий *modus vivendi*, т.е. приемлемое для всех сторон состояние мира, а также нормы и правила его обеспечивающие. Показательно, что И.Кант, в целом соглашаясь с мнением Гоббса, вместе с тем считал целесообразным заменить фразу *est bellum* — есть война — фразой *est status belli* — есть состояние войны. Вторая фраза, констатируя состояние войны, предполагает готовность к войне, а не саму войну. Но нельзя забывать и то, что готовность к войне рано или поздно может обернуться и часто оборачивается настоящей войной, будь то холодной или горячей.

Эта максима, по-видимому, сохранит значимость во всяком случае в обозримой перспективе, поскольку демократия или какая-либо иная форма самоорганизации человеческих сообществ сама по себе не способна изгнать конфликты и войны из жизни людей. Однако важно то, какие именно они примут формы в современном мире.

Контрольные вопросы

1. Каково место конфликтов и войн в сфере международных отношений?
2. Вытекает ли война из самой человеческой природы?
3. Что имеется в виду, когда войну называют социальным институтом?
4. Какое содержание вкладывается в выражение «война есть продолжение политики иными средствами»?
5. Способно ли расширение демократии исключить войны из жизни человечества?

19. КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

19.1. Концепция столкновения цивилизаций

В последние годы в западной и отечественной литературе развернулись дискуссии относительно характера конфликтов и войн в многополярном мире. Наибольшую популярность получила концепция, выдвинутая известным американским политологом С.Хантингтоном. Он выступил с нашумевшей статьей «Столкновение цивилизаций» (1993), лейтмотивом которой стал тезис о том, что если XX столетие являлось веком столкновения идеологий, то XXI столетие станет веком столкновения цивилизаций или религий. При этом конец холодной войны рассматривается как исторический рубеж, разделяющий старый мир, где преобладали национальные противоречия, и новый мир, характеризуемый столкновением цивилизаций.

С сожалением приходится констатировать, что эта статья, которая в научном плане не выдерживает критики, нашла живейший отклик в политических, публицистических и околонучных кругах, а ее основные положения стали предметом ожесточенных дискуссий. С одной стороны, возможно, подобный ажиотаж был вызван тем концептуальным вакуумом, который образовался в западной, особенно американской, международно-политической мысли по мере обесценивания идей, концепций и постулатов, трактующих мировые реальности в терминах конфронтации двух блоков или двух сверхдержав в рамках биполярного миропорядка. С другой стороны, для многих привлекательность аргументов, по-видимому, состоит в их очевидной простоте, политико-идеологической ангажированности и публицистичности. В 1996 г. С.Хантингтон опубликовал довольно объемную книгу «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка», которая явилась попыткой привести дополнительные факты и аргументы, подтверждающие основные положения и идеи статьи и придать им академический лоск.

Основной тезис Хантингтона состоит в следующем: *«В мире после холодной войны самые важные различия между народами — не идеологические, политические или экономические, а культурные»*. Люди начинают идентифицировать себя не с государством или нацией, а с более широким культурным образованием — цивилизацией, ибо цивилизационные различия, сложившиеся столетиями, *«более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами... Религия разделяет людей сильнее, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом и даже гражданином обеих этих стран (Франции и, скажем, Алжира — К.Г.). Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином»*.

Хантингтон выделяет шесть современных цивилизаций — индуисткую, исламскую, японскую, православную, китайскую (sinic) и западную. В дополнение к ним он считает возможным говорить еще о двух цивилизациях — африканской и латиноамериканской. Облик нарождающегося мира, утверждает Хантингтон, будет определяться взаимодействием и столкновением этих цивилизаций. В наступающем веке именно они станут доминирующим фактором мировой политики. Это создает радикально иной по сравнению с прежним мировой порядок, в котором конфликты между различными цивилизациями преобладают над конфликтами внутри отдельно взятых цивилизаций. Эти рассуждения приводят к сакраментальному выводу: *«Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями»*, причем *«самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями»*.

В отечественной литературе неоднократно подвергались критике несуразности и изъязыки концепции столкновения цивилизаций. Однако нельзя пройти мимо того факта, что часть наших исследователей и публицистов восприняли ее как вполне серьезную методологическую установку, поэтому целесообразно рассмотреть эту проблему несколько подробнее. Очевидно, что данная концепция столкновения цивилизаций в целом выдержана в духе традиционного конфронтационного видения положения вещей в мире. На первый взгляд, речь идет о конфликтах и противоборстве всех названных Хантингтоном цивилизаций, но автор озабочен прежде всего судьбами Запада, и главный смысл его рассуждений состоит в противопоставлении Запада всему остальному миру по формуле «the west against the rest», т.е. Запад против остального мира.

По схеме Хантингтона, господству Запада приходит конец. На мировую арену выступают несколько незападных государств, которые отвергают западные ценности и отстаивают собственные ценности и нормы. Продолжающееся сокращение материального могущества Запада еще больше уменьшает притягательность западных ценностей. По мере объединения мира посредством рынков и средств коммуникации и с обесцениванием универсальных идеологических систем вроде марксизма-ленинизма и либерализма культурные ценности и нормы, воплощенные в каждой цивилизации, приобретают растущую значимость в качестве источников личностной и политической идентификации.

Нагнетая страсти относительно грядущих межцивилизационных конфликтов и войн, Хантингтон, по-видимому, пытается предупредить Запад о надвигающейся опасности, о том, что Запад будет оттеснен на задний план из-за появления новых центров влияния. Потеряв могущественного врага в лице Советского Союза, который служил мощным мобилизующим фактором консолидации, Запад настойчиво ищет новых врагов, и Хантингтон, по сути дела, озвучил эти подспудные или явные настроения.

По его мнению, особую опасность для Запада представляет ислам в силу демографического взрыва, культурного возрождения и отсутствия центрального государства, вокруг которого могли бы консолидироваться все исламские страны. Фактически ислам и Запад уже находятся в состоянии войны. Вторая серьезная опасность исходит из Азии, особенно из Китая. Если исламская опасность связана с неуправляемой энергией миллионов активных молодых мусульман, то азиатская опасность вытекает из господствующих там порядка и дисциплины, способствующих подъему азиатской экономики. Успехи в экономике укрепляют самоуверенность азиатских государств и их стремление влиять на судьбы мира.

Неудивительно, что Хантингтон выступает за дальнейшее сплочение, политическую, экономическую и военную интеграцию западных стран, расширение НАТО, вовлечение Латинской Америки в орбиту Запада и предотвращение дрейфа Японии в сторону Китая. Поскольку же главную опасность представляют исламская и китайская цивилизации, Западу следует поощрять гегемонию России в православном мире.

19.2. Не столкновение цивилизаций и культур, а конфликты интересов

В качестве судьбоносных для человечества конфликтов, завязавшихся «вдоль линий разлома цивилизаций», Хантингтон приводит конфликты в Боснии и на Кавказе. Не отрицая возможность их перерастания в конфликты регионального или даже глобального уровня, нельзя вместе с тем не отметить, что приведенные примеры весьма трудно втиснуть в прокрустово ложе предлагаемой Хантингтоном схемы. В данном контексте следует указать на тот очевидный факт, что конфликты и на Кавказе, и в Югославии возникли не сегодня и даже не вчера, их корни восходят к далекой истории.

Сам термин «балканизация», вошедший в политический лексикон, напоминает о том, что Балканы постоянно служили ареной столкновений, связанных прежде всего с территориальными и этнонациональными притязаниями. На Балканах, равно как и в Центральной и Восточной Европе, которые однозначно входят в ареал еврохристианской цивилизации, веками наблюдались взаимодействие и смешение различных этносов и народов, живущих на единой территории. Здесь конфликты сглаживались или загонялись вглубь только тогда, когда эти народы входили в состав тех или иных соперничавших между собой держав или империй.

Что касается нынешнего сербско-мусульманско-хорватского конфликта, то нетрудно убедиться в том, что в его основе лежит не только и не столько цивилизационный или религиозный, сколько геополитический по своему характеру национально-территориальный фактор. Показательно, что участники конфликта часто меняют союзников и свои позиции в зависимости от изменяющейся ситуации: хорваты-католики вступали в союз с мусульманами против православных сербов, а последние — с мусульманами против хорватов. При этом показательно, что в югославском конфликте Германия поддерживала хорватов, Великобритания и Франция симпатизировали сербам, а США — боснийцам-мусульманам.

На Кавказе же отнести абхазцев и грузин, вступивших в смертельную схватку друг с другом, к разным цивилизациям может лишь человек, либо абсолютно не разбирающийся в реальностях Кавказа, либо наделенный даром бурной фантазии. Совершенно непонятно, каким образом грузины и осетины, несмотря на их принадлежность к разным этнонациональным и языковым группам, могут быть причислены к разным цивилизациям. Думаю, что с соответствующими оговорками такая же постановка вопроса правомерна и применительно к азербайджанцам и армянам.

Подобных примеров можно привести множество почти по всем континентам и регионам. Суть проблемы по большому счету состоит в том, что сами понятия «еврохристианская», «арабоисламская» (или просто христианская и исламская) и т.д. цивилизации с содержательной точки зрения потеряли ту значимость, которая была им присуща, скажем, в XIX или первой половине XX века. В сущности, то, что на общественно-политической арене мирового сообщества с большей или меньшей интенсивностью проявляется в форме возрождения религиозной конфессии или фундаментализма, зачастую представляет собой не что иное, как вероисповедный всплеск традиционализма, партикуляризма, этноцентризма и других подобных им феноменов, являющихся реакцией на универсализацию, космополитизацию и глобализацию во всемирном масштабе.

Удивляет и тезис Хантингтона о некоем «конфуцианско-мусульманском блоке» Китая и Северной Кореи, с одной стороны, и Ирана, Ирака и других исламских государств, с другой, способном выступить единым фронтом против общего врага в лице Запада. С большим на то основанием можно было бы говорить об уже имевшем место «христианско-исламском блоке» западных стран (во главе с США) с Кувейтом, Саудовской Аравией и другими исламскими государствами против исламского Ирака во время войны в Персидском заливе.

Ныне Ближний Восток — огромная кладовая нефти. Вместе с тем это клубок не поддающихся развязке межэтнических, культурных, межконфессиональных противоречий и конфликтов. Это не только проблема курдов в Ираке, Турции, Сирии и Иране, но также и миллионов христиан, живущих в этом регионе. Эта проблема господства алавитского меньшинства над суннитским большинством в Сирии, суннитского меньшинства над шиитским большинством в Ираке, коптского меньшинства в Египте и др.

При таком положении весьма сомнительно, чтобы, например, такие мусульманские страны, как Иран, Кувейт, Ирак и Сирия в обозримом будущем объединились в решимости воевать против какой-либо западной страны или Запада в целом или же против Японии и Китая. Скорее, как показала та же война в Персидском заливе, каждая из этих стран не прочь войти в союз с какой-либо внешней для региона силой, чтобы нанести поражение своему соседу — брату по вере. В той войне исламский Ирак напал на исламский Кувейт, на помощь которому пришла коалиция западных стран, Японии и ряда исламских стран.

Не менее наглядный пример представляет собой Юго-Восточная Азия. В течение всего XX в. Соединенные Штаты Америки как страна, экономика которой ориентирована на экспорт, придерживались политики сохранения стабильности в Юго-Восточной Азии, предотвращения гегемонии любой региональной державы, чтобы обеспечить себе беспрепятственный доступ к региональным рынкам. После окончания войны в Юго-Восточной Азии американцы реализовывали свои цели в регионе с помощью политики баланса сил, поддерживая союз Китая со странами АСЕАН, выступавшими против вмешательства СССР и Вьетнама во внутренние дела Камбоджи, поддерживая Южную Корею против КНДР, стимулируя увеличение военных расходов Японии и возлагая на нее ответственность в вопросах обороны региона, поощряя экономическое развитие стран АСЕАН и сдерживая военно-морскую активность СССР, наращивая свои силы передового базирования вдоль западного побережья Тихого океана.

Сложилась и функционирует широкая сеть союзов безопасности на двух- и трехсторонней основе, в которых главенствующую роль играют США: японо-американский, американско-корейский, американско-тайваньский, американско-филиппинский, американско-австралийско-новозеландский. Существуют также чисто военные союзы: американско-тайландский, американско-сингапурский и американско-индонезийский. При существенном изменении геополитической ситуации в регионе после окончания холодной войны и распада двухполюсного миропорядка сама американская стратегия поддержания баланса сил отнюдь не перестала действовать, она лишь соответствующим образом модифицировалась.

Ирония судьбы состоит в том, что большинство стран Юго-Восточной Азии и в новых условиях продолжают приветствовать военное присутствие США, рассматривая его как фактор обеспечения стабильности в регионе, уменьшения гонки вооружений. В течение 80-х — начале 90-х годов в Токио предприняты шаги, направленные на поддержание усилий США по сохранению глобальной и азиатской стабильности. Япония взяла на себя ответственность за защиту морских коммуникаций в радиусе одной тысячи миль. В последние годы она существенно увеличила расходы на содержание американских войск, размещенных на ее территории. Во время операции «Буря в пустыне» японцы выделили почти 13 млрд долл. для финансирования военных операций союзников в Персидском заливе и послали транспортные самолеты для эвакуации беженцев из района боевых действий. После завершения боевых операций японские минные тральщики приняли участие в разминировании акватории залива. Свою лепту в финансирование американских войск в своей стране обязались внести и южнокорейские руководители.

Немаловажным объектом озабоченности восточноазиатских стран является перспектива того, что возможный вывод американских войск с японских островов подтолкнет Страну восходящего солнца наращивать собственные военно-воздушные и военно-морские силы, чтобы компенсировать отсутствие американских защитников ее торговых коммуникаций. Дополнение доминирующих экономических позиций Японии ее военным присутствием могло бы оживить планы возрождения так называемой Большой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания.

Китайские стратеги также сознают, что конец советско-американской конфронтации и предполагаемое сокращение численности американских войск в Восточной Азии чреваты опасностью возникновения вакуума власти в регионе. Особенно большую опасность китайцы усматривают в возможности превращения Японии в доминирующую в регионе военно-политическую державу.

Очевидно, что японо-американский договор о безопасности и присутствие американских войск на японских островах рассматриваются большинством стран Юго-Восточной Азии как фактор стабилизации военно-политической ситуации в регионе. В целом с точки зрения большинства восточноазиатских стран сохранение американского присутствия служит гарантией того, что экономическое лидерство Японии не приведет к ее политической и военной гегемонии в регионе. Эту довольно сложную проблему США могут решить с помощью испытанного метода, суть которого состоит в том, чтобы «уйти оставаясь». Так, тихоокеанские силы США добиваются соглашений о предоставлении им временных баз с такими странами, как Сингапур, Малайзия, Таиланд, Бруней, Филиппины при одновременном сокращении военного присутствия в Японии и Южной Корее.

Все это вполне объяснимо, если учесть, что в регионе несмотря на цивилизационное родство основных стран сохраняются факторы, способствующие при определенных условиях нарастанию нестабильности. В дополнение к военно-политической напряженности на Корейском полуострове и отчасти в Камбодже, территориальному спору между Россией и Японией существуют другие потенциальные конфликты. Это прежде всего территориальные споры в Южно-Китайском море, в которые вовлечены многие страны. Например, на острова Спратли целиком или частично претендуют Бруней, Китай, Вьетнам, Тайвань, Малайзия и Филиппины. В этом споре Китай выступает против всех, считая своим весь архипелаг и отказываясь обсуждать этот вопрос на международном уровне. Нельзя не упомянуть постоянную напряженность между Китаем и Тайванем, общеизвестны взаимные подозрения Японии и Китая.

В течение десятилетий безопасность Японии напрямую связана с состоянием мира и безопасности на Корейском полуострове. Тем не менее Япония и Республика Корея не продемонстрировали сколько-нибудь серьезную готовность вступить в отношения сотрудничества без посредничества США и совместно участвовать в мероприятиях, призванных должным образом реагировать на потенциальные угрозы. Иначе говоря, в вопросах собственной обороны Токио и Сеул всецело опирались и продолжают опираться на США, но не друг на друга.

Хотя Япония и Корея в одинаковой степени были озабочены угрозой со стороны своих коммунистических соседей, они в равной мере питали и продолжают питать антипатию друг к другу, порожденную историческим наследием двух народов (в частности, японской оккупацией Кореи с 1905 по 1945 г.). Если США выведут войска из региона и откажутся от своих военных обязательств в Юго-Восточной Азии, можно ожидать ухудшения японо-корейских отношений, хотя бы в силу подозрений Кореи относительно гегемонистских устремлений Японии. Возможно также китайско-южнокорейское сближение в качестве противовеса возможному усилению японской мощи.

Если принять во внимание эти и подобные им реалии, то становится очевиден тот факт, что страны, условно говоря, конфуцианской цивилизации отнюдь не проявляют склонности к какому-либо единству ради гипотетического противостояния какому бы то ни было монолиту в лице западной или какой-либо иной цивилизации. Столкновения стран и народов в современном мире, как правило, происходят не только и не столько из-за приверженности идеям Иисуса Христа, пророка Мухаммеда, Конфуция или Будды, а в силу вполне прагматических факторов, связанных с обеспечением национальной безопасности, национально-государственного суверенитета, реализации национальных интересов и т.д.

В течение примерно последних 200 лет в качестве главных акторов международных отношений выступали государства, в особенности великие державы. Хотя некоторые из этих государств принадлежали к разным цивилизациям, это не имело особого значения для понимания международной политики. Культурные различия имели значение, но в сфере политики они воплощались главным образом в национализме. Более того, национализм, обосновывающий необходимость предоставления всем нациям права создавать собственное государство, стал важнейшим компонентом политической идеологии.

За этот период конфликт между великими державами стал обычным явлением. По так называемым «культурным», вернее националистическим мотивам войны тоже возникали, например в ходе объединения Италии или Германии. Но в большинстве случаев причинами войн являлись страх, жажда завоеваний, господства и т.д. Вспомним хотя бы мировые войны и холодную войну, в которой участвовали страны, представляющие почти все упоминаемые Хантингтоном «цивилизации». Когда на карту ставились государственные интересы, представители одного культурного круга часто вступали в союз с представителями иного культурного круга, объединяясь для борьбы с другими странами и народами. История полна подобных примеров.

По сути дела, мы наблюдаем отнюдь не тенденцию к консолидации вокруг неких «цивилизаций» или центров культуры. Большей частью происходит нечто прямо противоположное. Как уже указывалось, имеет место двуединый процесс интернационализации, универсализации и глобализации, с одной стороны, и фрагментации, локализации, ренационализации, с другой. В процессе реализации первой тенденции как раз происходит размывание культурных и цивилизационных особенностей при одновременном формировании общих для большинства стран и народов земного шара экономических и политических институтов. Суть второй тенденции состоит в возрождении национальных, этнических, местнических приверженностей внутри стран, регионов, цивилизаций.

Если не цивилизации, то что? — вопрошает Хантингтон в статье, написанной в ответ на многочисленные критические замечания относительно тезисов, изложенных в «Столкновении цивилизаций». Жизнь уже дала на это недвусмысленные ответы: «Буря в пустыне», геноцид в Руанде, братоубийственная война в бывшей Югославии и т.д. Нередко войны и конфликты оказывались наиболее опустошительными не столько на разломах цивилизаций, сколько в пределах одной и той же цивилизации, одной и той же страны, одного и того же народа, между соседними, зачастую близкими по крови, культуре, языку народами.

Постоянные греко-персидские войны отнюдь не мешали столь частым внутригреческим войнам. Как свидетельствуют источники, эти войны велись с неменьшими ожесточением и свирепостью. Так было и в последующие периоды. Опустошения, причиненные Риму варварами во главе с язычником Аларихом или Атилией, по свидетельству историков, были менее губительны, чем действия войск католика Карла V, который сам себя называл королем римлян. Не случайно знаменитый епископ готтов Ульфила, выполняя перевод Библии на язык своих соплеменников, благоразумно опустил четыре Книги царств, чтобы не усиливать их свирепость. Вся история Запада воочию показала, что христианские добродетели европейских народов органически уживались с кровожадностью в их взаимоотношениях друг с другом независимо от того, были они христианами или иноверцами. Например, разграбление Константинополя крестоносцами по своей свирепости и вандализму не шло ни в какое сравнение с его взятием турками-османами в 1453 г. Напомню в этой связи, что религиозные войны — это во многом изобретение Запада.

Как показывает исторический опыт, особой ожесточенностью характеризуются гражданские войны. В своем исследовании войн К. Райт пришел к выводу, что из 278 войн, имевших место в период с 1480 по 1941 г., 78 (или 28%) являлись гражданскими. А в период 1800—1941 гг. одна гражданская война приходилась на три межгосударственные. По данным германских исследователей, за период с 1945 по 1985 г. в мире произошло 160 вооруженных конфликтов, из которых 151 — в странах третьего мира. За этот период только 26 дней мир был свободен от какого-либо конфликта. Общее число погибших составило от 25 до 35 млн человек.

Нередко факты, приводимые самим Хантингтоном, по сути дела, подрывают его основной тезис. Так, конфликты внутри цивилизаций происходят примерно в 1,5 раза чаще, чем конфликты между разными цивилизациями. В целом существующие данные свидетельствуют, что число классических межгосударственных войн фактически уменьшается, в то время как число внутригосударственных конфликтов и войн возрастает. Поэтому, говоря о перспективах судьбоносных фундаментальных конфликтов, было бы слишком смело утверждать, что причиной решающих столкновений станут различия в уровне социально-экономического развития.

Задача предотвращения глобальной экологической катастрофы и преодоления нищеты, как полагают некоторые наши авторы, в определенном смысле таит в себе антизападный контекст, подразумевающий *«развенчание экологически безответственного техноцентризма и неумеренного потребительского гедонизма»*. При всей обоснованности этой точки зрения нельзя, однако, забывать, что антизападный настрой не следует рассматривать как абсолютное неприятие западных стандартов, норм и ценностей. Более того, различные страны и народы буквально конкурируют друг с другом, добиваясь благосклонности Запада в области новых технологий, массовой культуры, материальных стандартов жизни и т.д.

Наиболее опасными представляются конфликты, возникающие внутри той или иной развивающейся страны или между отдельными развивающимися странами, так как маловероятно, что в обозримом будущем возникнет какое-либо военно-политическое противостояние между развитым и развивающимся мирами. У последнего слишком малы ресурсы и велика разобщенность, чтобы он смог выступить единым блоком против несоизмеримо более могущественного высокоразвитого мира.

19.3. Основные источники и формы конфликтов в современном мире

Как писали А. Кинг и Б. Шнайдер, *«завершение холодной войны и ослабление напряженности между Востоком и Западом приоткрыли клапаны мирового парового котла и позволили скрытым конфликтам вылиться в открытые, а долго подавлявшимся стремлениям — выразиться в полной мере»*. И действительно, на фоне некоторого ослабления конфликтов между великими державами, которые в период холодной войны подстрекались противостоянием блоков и идеологическим антагонизмом между ними, наблюдается всплеск внутривосточных конфликтов.

По подсчетам наблюдателей, из 34 конфликтов, имевших место в 1993 г., большинство представляли собой борьбу за власть и территории. Очевидно, что в обозримой перспективе локальные и региональные конфликты различного масштаба и интенсивности станут наиболее вероятной формой силового решения территориальных, этнонациональных, религиозных, экономических и иных споров.

В определенных условиях могут оказаться правы Я. Накасонэ и его соавторы, которые не исключают возможности возникновения новой формы противостояния Востока и Запада, а именно: между Юго-Восточной Азией, с одной стороны, и Европой вместе с США — с другой. В азиатской экономике более заметную роль играют правительства стран региона. Структура рынка этих стран ориентирована на экспорт. Здесь практикуется стратегия так называемого неомеркантилизма, суть которого состоит в ограничении импорта с помощью протекционистских мер в пользу отечественных конкурентоспособных производств и поощрении экспорта их продукции.

Опасность, которую представляет ядерное оружие для всего человечества, требует от международного сообщества принятия всех необходимых мер для предотвращения его распространения. Однако нельзя забывать, что изменяются роль и функции обычного вооружения, его параметры, такие как разрушительная сила, быстрота реагирования, мобильность, дальность, точность при снижении стоимости. При этом растет число стран, которым оно становится доступным, что увеличивает вероятность возникновения ограниченных или малых войн. Опасность эскалации конфликта и его распространения на новые территории возрастает по мере увеличения дальности поражения и искушения использовать оружие против соседей. Быстрые технологические изменения в области производства вооружений с большой долей вероятности могут привести к гонке вооружений локального или регионального масштаба. Уменьшение размеров и стоимости, сокращение трудностей, связанных с транспортировкой новейших моделей оружия, значительно облегчают процессы его приобретения и использования.

Особенно тревожным представляется тот факт, что постоянно растет число стран, особенно развивающихся, которые производят современные боевые самолеты, баллистические ракеты, вооружения новейших типов для сухопутных войск. По существующим оценкам, в 1991 г. восемь развивающихся стран могли строить боевые самолеты, шесть — танки и боевые вертолеты. К 2000 г. 15 таких стран уже обладают потенциалом для производства ракет. Согласно данным бюро технологических оценок США, шесть развивающихся стран производят 43 вида новейшего оружия по международным лицензиям. Некоторые из них занимаются экспортом оружия, тем самым содействуя созданию рынка покупателей, на котором оружие будет доступно любой стране, способной за него заплатить.

Весьмастораживают факты производства многими странами химического и бактериологического оружия на заводах, маскирующихся под выпуск мирной продукции. Немалую опасность представляет собой фактическое открытие доступа к обычным вооружениям негосударственным акторам. Новейшие достижения современной техники, технологические ноу-хау, позволяющие взрывать на расстоянии небольшие устройства, начиненные высокоэффективными ингредиентами, значительно снизили барьеры на пути приобретения и применения такого оружия отдельными небогатыми странами, мятежниками, террористическими группами и даже отдельными лицами.

Успешное использование противовоздушных ракет типа «стингер» афганскими моджахедами — наглядный пример, указывающий на неизбежность усиления этой тенденции.

В книге Б.Ремберга «Разрушение энергетических установок во время войны», выпущенной одним из центров стратегических исследований США в начале 80-х годов, обосновывается мысль о том, что уничтожение электростанций противника обеспечивает быструю и эффективную победу. На основании выкладок немецких и американских аналитиков утверждается, что война окончилась бы на два года раньше, если бы союзники с самого начала сосредоточили свои усилия на бомбардировке электростанций Германии: это имело бы катастрофические последствия для всей экономики и особенно для военного производства. К тому же отпала бы необходимость в массовых бомбардировках городов и материальных ресурсов.

При всей гипотетичности этой концепции нельзя забывать о возможности угрозы захвата и взрыва атомных электростанций с целью шантажа того или иного государства и даже мирового сообщества. Атомная станция может стать жертвой как террористов, так и противника (в случае войны), использующего АЭС в качестве мишеней для обычного оружия. Но наличие их во всех развитых странах как бы уравнивает страх и создает своеобразный вариант взаимного гарантированного уничтожения.

Акты насилия, интенсивность и масштабы которых постоянно растут, становятся чуть ли не повседневным атрибутом жизни современного мира. Как отмечал бывший министр иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе, в условиях окончания холодной войны и распада биполярного мира мы все чаще сталкиваемся с нетрадиционными формами конфликтов, в которых агрессивное начало не обязательно олицетворяет «сильный» и «большой»: разрушительные процессы зачастую инспирируются агрессивной активностью меньшинств. Феноменальная «сила слабых» проявляется в их способности шантажировать крупные государства и международные организации, навязывать им собственные «правила игры». Растет число стран и регионов, охваченных разветвленными межнациональными преступными картелями торговцев оружием и наркотиками. В итоге наблюдается тенденция к криминализации политики и политизация преступного мира.

Возможно, большая война как средство разрешения споров между великими державами и устарела, но малые войны в различных формах остаются составной характеристикой современного мира. Есть значительная доля истины и в доводах тех наблюдателей, которые, оценивая конфликты последних лет во всемирном масштабе, предполагают, что так дает о себе знать предотвращенная, пропущенная третья мировая война. Не лишены основания аргументы авторов, которые считают, что распространяющийся по всему миру терроризм может принять характер заменителя новой мировой войны. Как писал Прозектор, *«немыслимая четвертая мировая война распадается на камнепад всевозможных столкновений. Без громадных армий, без ядерного оружия. Но не исключено, с первобытной жестокостью, как в Тридцатилетней войне. Либо на короткие «локальные» войны со сверхсовременным, сверхточным оружием, суперавиацией, с новейшей информатикой»*.

И действительно, Руанда, Сомали, Оклахома, Сараево, газовая атака в токийском метро потрясают своей масштабностью и жестокостью. Создается впечатление, что наступила эпоха мелкомасштабных по геополитическим меркам войн и конфликтов.

Технологический прогресс порой порождает более сложные проблемы по сравнению с теми, которые он может решить. М.Вебер полагал, что технология или техносистема ведет к «расколдовыванию мира». Оспаривая этот тезис, Ж.Эллюль не без оснований говорил о том, что чары исходят от самой техники, вызывающей у человека ощущения силы, скорости, господства и одновременно религиозный трепет перед таинственным и непостижимым источником этих возможностей. В массовом сознании обывательское восхищение чудесами науки и новейших технологий сочетается с возрастающим чувством страха перед их всемогуществом. Именно с новейшими технологиями связан кажущийся парадокс современности: растущая рационализация общества ведет к господству иррациональности. *«Перед нами, — пишет Ж.Эллюль, — своего рода чудовище, каждая часть которого рациональна, но которое в целом представляет собой и функционирует как шедевр неразумия»*.

Новые технологии, вызывая непредвиденные, непредсказуемые и в то же время необратимые последствия, постоянно ставят под сомнение будущее человечества. Например, такие достижения генной инженерии, как зачатие человеческого эмбриона в пробирке, выращивание отдельных органов человеческого тела ставят философов, юристов и правоведов перед серьезными дилеммами. Новые технологии, с одной стороны, расширяют возможности общества, с другой стороны, увеличивают их уязвимость. Чем сильнее зависимость людей от высоких технологий, тем больше вероятность допустить какую-нибудь трагическую ошибку, глобальный сбой, способные привести к катастрофе мирового масштаба.

Общеизвестен эффект проникновения компьютерного вируса, который может поражать мощные компьютерные системы. Такие нервные центры современного общества, как атомные электростанции, нефтеперерабатывающие предприятия, узлы связи, банки данных легко могут стать объектами диверсий и политического терроризма.

Дипломатия не успевает за развитием технологии. Пока разрабатывается механизм регулирования одной системы вооружений, возникает уже другая система, которая требует дальнейшего и более глубокого изучения всех деталей для создания адекватного механизма ее контролирования. Другой фактор — ядерная «асимметрия» разных стран, значительно затрудняющая достижение соглашения о контроле над стратегическими вооружениями.

Современные технологии не только способствуют усилению процессов глобальной взаимозависимости, но и лежат в основе революций, направленных против динамических перемен, которые в наиболее очевидной форме реализовались в Иране и некоторых других странах исламского мира. Взаимозависимость бывает позитивной и негативной. В первом случае интересы вовлеченных сторон совпадают и от достижения согласия в конкретном вопросе выигрывают все. О негативной взаимозависимости можно говорить тогда, когда какая-либо сторона не может принять те или иные меры в отношении своего противника без ущерба для самой себя или же принятие такой меры может побудить противника предпринять ответные шаги, ущерб от которых для нее перевешивает все выгоды. Наглядный пример подобной взаимозависимости в период холодной войны — все великие ядерные державы стали заложниками друг друга. Иными словами, всепланетарная взаимозависимость стран и народов носит амбивалентный характер. Люди объединены и связаны между собой, но в то же время зависят от доброй или злой воли друг друга.

Контроль за потоками информации и базами данных означает власть и экономические преимущества. Технология, взятая сама по себе, нейтральна, она не ставит перед собой целей, но может служить орудием их достижения во благо или во вред человеку и обществу. Здесь все определяет выбор, который в свою очередь зависит от нравственного здоровья, политических и иных позиций тех, кто делает этот выбор. Технология может быть использована как врагами, так и террористами, как сторонниками демократии, так и приверженцами диктатуры. Более того, совершенная технология в руках несовершенно человека может стать угрозой не только свободе людей, но и самому существованию человечества.

В основе усиления противоречий, конфликтов между странами и народами может оказаться фактор убывающих возможностей земли. В течение всей истории человечества, от Троянской войны до операции «Буря в пустыне», природные ресурсы составляли одну из ключевых проблем международных отношений. В наши дни переход к постиндустриальному или информационному обществу, как уже говорилось, сопряжен с введением наукоемких и энергосберегающих технологий, что естественно способствует экономии энергии. Однако нельзя забывать, что они применяются преимущественно в информационной сфере, которая нуждается в продукции металлургической, горнодобывающей, химической и других традиционных отраслей промышленности. К тому же важнейшей отраслью экономики любой страны остается сельское хозяйство. Значимость этого факта станет особенно очевидной, если учесть положение дел, например, в Китае — этом демографическом гиганте, где с каждым годом увеличивается численность населения. По существующим данным, при общей площади 9,6 млн кв. км на одного жителя Китая приходится всего 0,9 га, что составляет 26% среднемирового уровня. Что касается пахотной площади, то в 1989 г. она не превышала 0,09 га или 28% среднегодового мирового уровня. При этом показательно, что за период 1952–1990 гг. она сократилась вдвое. Хотя КНР располагает значительными запасами природных ископаемых, однако в расчете на душу населения они невелики: например, запасы угля составляют 47% среднемирового уровня, железной руды — 49%, меди и алюминия — 30%, фосфора — 52% и т.д.

Поэтому при определении основных векторов общественно-исторического развития все большее значение приобретают пути и формы взаимоотношений человека с окружающей средой. Общество всегда так или иначе реагировало на изменения природных условий, модифицируя общественные отношения, политическую самоорганизацию, технологии, образ жизни и т.д. Это особенно важно, учитывая «закрытость» современного мира. Вероятность, а возможно и неизбежность превращения этой сферы в арену будущих мировых конфликтов определяется тем, что разные народы будут по-разному воспринимать вызовы и ограничения природы, разрабатывать и искать собственные пути решения экологических проблем.

Очевидно, что перед лицом агрессивной цивилизации повышается актуальность проблем, связанных с хрупкостью земной атмосферы и биосферами. Проанализировавший эти проблемы канадский исследователь Т.Гомер-Диксон пришел к выводу, что в предстоящие десятилетия из всех крупномасштабных изменений, с которыми столкнет человечество, деградация и истощение пригодных для сельского хозяйства земель, лесов, воды и рыбных ресурсов окажут большее негативное влияние на социальные сдвиги, чем климатические изменения и появление озоновых дыр. Оскудение природных ресурсов влечет за собой появление множества проблем, которые не могут быть решены развитием науки и технологии. В будущем, по-видимому, люди будут получать нефть не только путем ее непосредственной добычи, но и из угля, битумных сланцев и нефтеносных песков. Жидкое топливо можно также получать из растений. Не исключено, что человечество откроет другие, пока неизвестные носители энергии. Но в обозримой перспективе вряд ли появится равноценная замена нефти и некоторым другим энергоносителям.

В наибольшей степени эти факторы отрицательно отразятся на бедных странах. Фактически они уже страдают от трудностей, вызванных нехваткой воды, лесов и особенно плодородной земли. Быстротекущие, непредсказуемые и сложные проблемы, связанные с окружающей средой, могут превалировать над усилиями по осуществлению конструктивных социальных реформ. Непрерывающийся рост населения, массовые потоки беженцев могут стать важными источниками разнообразных этнических, религиозных, региональных и иных конфликтов. Как уже отмечалось, деятельность международных и национальных преступных синдикатов и организаций, терроризм любой масти представляют реальную угрозу национальной безопасности любого государства.

Терроризм, становясь поистине глобальной проблемой, вынуждает национальные или национально-государственные властные структуры прибегать к жестким мерам, что в свою очередь выдвигает на повестку дня вопрос о расширении их прерогатив и полномочий. Все это может служить основой для постоянных конфликтов национального и субнационального характера. Субнациональное насилие не будет столь заметным или драматическим, как межгосударственные войны за ресурсы, но оно будет иметь серьезные последствия для интересов безопасности как развитого, так и развивающегося мира. Это может привести к ослаблению соответствующих государств и их контроля над своими периферийными территориями. Дробление любого более или менее крупного государства способно стимулировать возникновение потоков беженцев и мигрантов.

Возможен вариант, когда государство сочтет необходимым предотвратить подобный ход событий путем установления жесткого авторитарного, милитаризованного режима. Такие режимы более склонны к агрессии против соседних стран с целью отвлечь внимание от внутренних проблем. Если большое число развивающихся государств сделают крен в этом направлении, они могут поставить под угрозу военные и экономические интересы богатых стран. Как следствие может возникнуть парадоксальная ситуация: выдвижение на передний план факторов, ведущих к укреплению безопасности на макроуровне (глобальном), при одновременном «отпускании» факторов, ведущих к уменьшению стабильности и безопасности на микроуровне (локальном). В результате — углубление разрыва между глобализмом проблем и партикуляризмом механизмов их решения, которым располагает государство.

При всех пространственных, транспортных и коммуникационных трансформациях было бы некорректно говорить о том, что в нынешнем мире географический и территориальный факторы вообще потеряли значимость. Как представляется, именно географическая удаленность Вьетнама явилась одним из важных факторов поражения США. Показательно, что для накопления и дислокации сил, достаточных для осуществления операции «Буря в пустыне» в 1990 г., американцам понадобилось четыре месяца и то при активной помощи союзников. Национальная безопасность может существенно зависеть от уровня стабильности в близлежащих странах. Это говорит о том, что и в наши дни контроль над территорией и ресурсами остается одной из важнейших целей государства и его внешнеполитической стратегии. И в современных условиях меры по обеспечению безопасности невозможно представить без сохранения территориальной целостности и неприкосновенности. Это особенно верно применительно к развивающемуся миру.

В условиях дальнейшего нарастающего закрытия мира с его обострением ресурсного кризиса, т.е. истощением сырьевых запасов, усилением экологического императива, ростом численности населения, территориальная проблема не может не быть в центре мировой политики. Территория, которая всегда была главным достоянием и опорой любого государства, отнюдь не перестала играть эту роль, поскольку является основой природно-сырьевых, производственно-экономических, сельскохозяйственных, людских ресурсов и богатства страны. Именно условия завершенности или закрытости (хотя и не полной) мира, его полной поделенности, по-видимому, способствовали масштабности, жесточечности и беспрецедентной жестокости мировых войн.

Во всех прежних цивилизациях угроза, в том числе уничтожения, исходила извне. Это можно утверждать, не ставя под сомнение тезис о внутренних факторах упадка и исчезновения цивилизаций. *«Если бы все варварские завоеватели могли быть стерты с лица земли в одно мгновение, — писал Э.Гиббон, — то и совершенное их истребление не восстановило бы Западной (Римской) Империи, а если бы Рим пережил это событие, он пережил бы вместе с тем утрату свободы, мужества и чести».* Внешние силы наносили лишь завершающий удар по устоям умирающей империи. Истории известны случаи, когда высокоразвитые цивилизации и империи погибали под натиском варварских народов, значительно уступавших им по уровню своего культурного развития. Иное положение теперь, когда освоен весь земной шар, мир стал завершенным, закрытым: угроза самому существованию мирового сообщества исходит всецело изнутри самого сообщества.

Приходится констатировать, что мир, к которому мы идем, не обязательно будет более безопасным, чем в период холодной войны. Как бы то ни было, холодная война, создав своеобразную тупиковую или патовую ситуацию в отношениях между двумя сверхдержавами и блоками, вместе с тем обеспечивала стабильность — хотя и конфронтационную — и предсказуемость возможных действий обеих сторон. В отличие от системы «концерта держав» XIX — начала XX в., при которой каждая из сторон пыталась отвести потенциальную угрозу от себя и направить ее на кого-либо из остальных участников этого «концерта», двухполюсная система обеспечивала как очевидность того, откуда исходит угроза, так и неизбежность ответной реакции со стороны потенциальной жертвы агрессии.

Это обстоятельство обеспечивало достаточно высокую эффективность биполярного сдерживания. Для этого периода была верна формула *«ни мира, ни войны»*, или, как ее сформулировал Р.Арон еще в 1947 г., *«мир невозможен, война невероятна».* Реальный мир был невозможен в силу биполярного идеологического противостояния, а настоящая война была невероятна из-за риска эскалации и взаимного ядерного разрушения. Теперь по окончании двухполюсного противостояния с сожалением приходится констатировать правоту французского обозревателя П.Аснера, который счел возможным сказать, что *«мир в меньшей степени невозможен (благодаря исчезновению коммунистического тоталитаризма и крушению идеологии), а война в меньшей степени невероятна из-за почти повсеместно растущей анархии и обесценения ядерного оружия у одних и его бесконтрольного распространения среди других».* □

Контрольные вопросы

1. Какие существуют концепции конфликтов и войн в современном мире?
2. Перечислите основные положения концепции столкновения цивилизаций.
3. Каковы ее достоинства и недостатки?
4. Какие, на ваш взгляд, факторы будут определять характер конфликтов и войн в многополярном миропорядке?
5. Назовите основные источники и формы конфликтов в современном мире.

Список рекомендуемой литературы

- Аснер П. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. М., 1999.
- Богатурия А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
- Гаджиев К.С. □Геополитика. М., 1997.
- Дайсон Ф. □Оружие и надежда. М., 1989.
- Кинг А., Шнайдер Б. □Первая глобальная революция. М., 1991.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1994.
- Лоренц К. □Агрессия. М., 1994.
- Люке Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1992.
- За пределами роста/Х.Д.Медоуз и □др. М., 1994.
- Метаморфозы Европы. М., 1992.
- Мэхен А. □Влияние морской силы на историю (1660–1783). М.–Л., 1941.
- После «холодной войны»/Накасонэ Я. и □др. М., 1993.
- Нэбитт Дж., Эбурдин П. □Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год □2000. М., 1992.
- Паркер Дж. Преемственность и изменения в геополитической мысли Запада//Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
- Плешаков К. □Геоидеологическая парадигма//Международная жизнь. 1995. № 4–5. С. 111.
- Плешаков К. □Компоненты геополитического мышления//Международная жизнь. 1994. № 10.
- Сенарклен П. □де. «Реалистическая» парадигма и международные конфликты//Международный журнал социальных наук. 1991. № 3.
- Сорокин К.Э. □Геополитика современного мира и Россия//Политические исследования. 1995. № 1.
- Тинберген Я. □Пересмотр международного порядка. М., 1980.
- Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
- Хантингтон С. □Столкновение цивилизаций//Политические исследования. 1994. № 1.
- Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999.
- Энценсбергер Х.М. □Великое переселение (33 фрагмента об охоте на людей)//Иностранная литература. 1994. № 9.
- Aron R. Paix et guerre entre nations. Paris, 1962.
- Brodie B. □War and Politics. N.Y., 1973.
- Gallois P.M. Geopolitique. Les voies de la puissance. Paris, 1990.
- Gilpin R. War and Change in the World Politics. Cambridge, 1983.
- Globalism versus Realism. Boulder, 1982.
- Grey C. Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.Y., 1977.
- Harkavi R. Great Power Competition for Overseas Bases. The Geopolitics of Access Diplomacy. N.Y., 1992.
- Herz J. Political Realism and Political Idealism. Chicago, 1951.
- Keen S. Faces of Enemy. Reflections of the Hostile Imagination. San Fr., 1986.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1986.
- Luard T. The Globalisation of Politics. L., 1990.
- Morgenthau H. Politics among Nations: Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
- Rosenau J. Turbulence in World Politics. L., 1990.

WALTZ R. THEORY OF WORLD POLITICS//READING (MASS.). 1979.